

Ольга Марлыкова

*А за строкой
мне видится
судьба...*

Ольга ТАРЛЫКОВА

944.008.432
031

Редактор А.Б.Филиппов

А ЗА СТРОКОЙ МНЕ ВИДИТСЯ СУДЬБА...

Усть-Каменогорск
Издательство «Медиа-Альянс»
2006

Редактор **А.Б.Фирсов**

Тарлыкова О.М.

Т 23

А за строкэй мне видится судьба. – Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2006. – 300 с.

ISBN 9965-786-03-8

В сборник вошли очерки о писателях Восточного Казахстана. Они создавались на протяжении многих лет и являют собой результат многолетней и скрупулезной поисковой работы в архивах и музеях Казахстана и России, и восполняют пробелы не только в истории литературы, но и в осознании всего многоцветного спектра исторической судьбы Рудного Алтая. В итоге получается не просто собрание очерков, не просто галерея творческих портретов писателей, а создается коллективный портрет края, перерастающий в широкую эпическую картину духовного развития Восточного Казахстана. Рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся историей и литературой родного края.

Т 4702010000
00(05)-06

ББК 84(5Каз)Р

ISBN 9965-786-03-8

© Тарлыкова О.М., 2006
© Издательство
«Медиа-Альянс», 2006

*Светлой памяти моего отца
Михаила Илларионовича Зернова*

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

С момента моей первой публикации о писателях Восточного Казахстана прошло 14 лет. За 20 лет работы в музее накоплен богатейший материал, сформировано и дополнено более 30 именных фондов писателей, написано более 50 статей и очерков, на основе которых и сложилась эта книга.

Когда, перелистывая последнюю страницу художественного произведения, у Вас возникает неодолимое желание познакомиться с его автором, побывать в местах, где он родился, чтобы прикоснуться к истокам, — думается, за гранью повествования — личность неординарная, творческий путь которой ждет своего исследователя. Подобные мысли закономерны тем более, если автор книги — Ваш соотечественник.

Так порой случалось и со мной по прочтении произведений писателей, о которых пойдет речь в этом сборнике очерков. Я благодарна судьбе за то, что она одарила меня радостью общения с замечательными, талантливыми художниками слова, моими современниками, а также с родственниками и земляками тех, кого уже нет, но о ком хранят память архивы, музеи, библиотеки и близкие им люди. Я испытываю трепетную любовь и благодарность к подвижническому труду писателей за их преданность и любовь к отчему краю и людям, живущим на этой земле. Они заслуживают самого глубокого уважения, и твердо верится, что читатель должен знать о писателях-земляках, ибо их биографии, их судьбы — одна интереснее и значительнее другой, а потому этих имен не должно коснуться забвение. Работая над очерками, мне казалось необходимым оглянуться на прошлое писателей еще до того, как они взяли в

руки перо с мыслью поведать миру о родном крае, воспеть природу и людей своей земли.

Прочтите или перелистайте книги наших соотечественников, и во всем многообразии перед Вами предстанет история Восточного Казахстана со взлетами и падениями, с величайшими достижениями и трагическими моментами. Ярко и зримо вы увидите гармоничный, пленительный мир природы Алтая, на фоне которого живут масштабные, осязаемые разноплеменные образы наших земляков; вы услышите их самобытную, образную, мастерски подмеченную и переданную автором речь.

Пройдитесь, например, вместе с героем романа Ефима Пермитина Алешей Рокотовым по старинным улочкам нашего города, и Вы встретитесь с удивительным, незнакомым миром провинциального Усть-Каменогорска начала прошлого века, с документальной точностью выписанным мастером художественного слова.

Или раскройте любую книгу писателя и ученого Бориса Щербакова, и «голубыми глазами озер» заглянут в ваше сердце пленительные картины природы Западного Алтая, и зазвучит удивительная симфония пустыни, степи или горной тайги, в которой вы услышите песню кукушки, шорохи ветра и дождя, грохот водопада или призрачный звон колоколов Зайсана.

Вчитайтесь в строки Оралхана Бокеева, и вы окунетесь в мир мистики и философских размышлений о сути бытия. Они удивят и обрадуют Вас глубиной и мудростью мысли.

Как «прожить жизнь бережно и красиво»? Как в этом сложном мире «научиться оптимизму», поверить в то, «что первое несметное богатство и лекарство от всех болезней, от духовных и физических – есть Радость Бытия»? Прочтите книгу «Гонец. Письма с Помперага» Георгия Гребенщикова, и вы найдете множество ответов на вечные вопросы.

А за каждой строкой художника слова – целая жизнь, его собственная судьба, неотделимая от судьбы Отечества:

Как секунда без века,
Как мгновенье без вечности, –
Так судьба человека
Без судьбы человечества (В. Туркин).

Каждый из наших писателей-земляков оставил свой неповторимый, значительный след в истории отечественной литературы. Неотенима роль Ефима Пермитина, который первым из восточно-казахстанских писателей-прозаиков своими эпическими полотнами («Горные орлы», «Жизнь Алексея Рокотова») вошел в большую советскую литературу. Благодаря

его книгам о нашем городе, крае, людях заговорили далеко за пределами Казахстана.

Или Георгий Гребенщиков, вынесший тему Алтая далеко за пределы Казахстана и России: в Европу и за океан, и открывший, по сути, всему миру богом забытое селенье Николаевский рудник, который теперь уже не найти на карте Восточного Казахстана. Он поведал о людях, живших в Усть-Каменогорске и Шемонаихе, Выдрихе и Катон-Карагае, в верховьях Бухтармы и Убы, о которых западный читатель не имел бы, возможно, представления по сей день. И хотя большинство книг написаны на чужбине, в каждой строке – светлый образ Родины, сыновняя верность своему народу, отчету краю.

Я пишу о тех, кем искренне восхищаюсь, о ком мы должны знать, помнить и кем нужно гордиться. В настоящей книге представлены биографии немногих талантливых писателей. О творческом пути М. Немцева, К. Исакова, Е. Курдакова, А. Романова, А. Егорова, С. Габдуллина, М. Кумарбекова, А. Волкова, А. Казанцева, О. Слободчикова, В. Ивановой, Л. Медведевой, Н. Матвеевой и многих других, надеюсь, еще предстоит рассказать.

Сборник заканчивается очерком о посещении родины В.М. Шукшина. Это не случайно. Корни его, как и большинства из нас, – на Алтае, певцом которого он оставался до конца своих дней, и в этом видится мне родство наших душ и сердец.

Быть может, этот сборник – лишь небольшая страница огромной книги о нашем Отечестве. Ведь, как хорошо сказал ученый и педагог А.Н. Седельников: «Чтобы быть полезным членом своей Родины и государства, необходимо с ранних лет изучать свою родину: изучая ее, мы научимся более любить и ценить свое отечество».

Выходом этой книги я обязана многим людям: коллегам, учителям и родным, – без доброго участия которых она не могла бы состояться.

Бесконечную благодарность хочу выразить Александру Борисовичу Фирсову, председателю Барнаульского самодеятельного «Общества возрождения истории литературы Сибири». Именно он заставил меня поверить в то, что сборник рано или поздно должен появиться. Предоставив для работы свой личный архив, добровольно взяв на свои плечи редакторские обязанности, помогая добрыми советами и рекомендациями, Александр Борисович, порой, настоятельно побуждал меня к действию.

Наконец, эта книга увидела свет, так как главные хлопоты по ее выпуску взяли на себя мои дорогие муж и сын, Аркадий Владимирович и

Аркадий. Благодаря их финансированию, созданию особого микроклимата в семье, необходимых условий для работы, – книга состоялась.

Хочется верить, что сборник найдет своего читателя, прежде всего, в лице учителей-словесников и поможет им в преподавании литературного краеведения в школе. В то же время, живу надеждой, что она не закроет учащимся двери в краеведческий музей, потому что в данных очерках опубликована лишь малая часть материалов, что хранят музейные фонды. И если, прочитав книгу, у Вас появится желание прийти в музей, чтобы прикоснуться к подлинникам, а через них – к творческим судьбам писателей или поделиться своими знаниями о ком-либо из них – это будет лучшей наградой автору. Доброго Вам прочтения!

1945 г.

Семен Михайлович
АНИСИМОВ

(1911 – 1978)

*Старое фото.
Желтое фото.
Чем оно пахнет?
Дымом или потом?
Жженым копытом ли
Пахнет то фото?
Резкое что-то,
Знакомое что-то...
Нет же, не потом,
Не жженым копытом –
Пахнет то фото
Детства забытым.*

С.М. Анисимов

*...В осенний день ведет меня дорога,
Пряма, как стихотворная строка.*

С.М. Анисимов

Семен Анисимов принадлежит к поэтам, которые не устают восторгаться и изумляться красотой человека, его душевной щедростью и простотой. Неумолимый ветер времени не сумел погасить в сердце поэта отзвуки Великой Отечественной войны...

С.Е. Черных

ЧТО ЗАБЫТЬ МНЕ И ЧТО СБЕРЕЧЬ...

Все пространство мое вчера,
Мое завтра — скучней и короче.
Как нам дорог огонь костра
На исходе короткой ночи!
Но подкинем побольше дров,
Но раздуем огонь сильнее!
Я иду среди людей — Косилов,
Ректоратке и пламенею.

Сем. Анисимову

Семипалатинск,
19 апреля 1973 года.

Сначала я познакомилась с его письмами. В череде посланий к восточно-казахстанскому поэту Михаилу Ивановичу Чистякову от писателей: Д. Снегина, Н. Анова, П. Кузнецова, Л. Кривошекова, — письма Семена Михайловича Анисимова из Семипалатинска показались мне особенно сердечными, глубоко искренними, полными душевного тепла и житейского юмора. Да и почерк его отличался от других: удивительно красивый, размашистый, слегка витиеватый.

19 мая 1961 года в письме к Чистякову Анисимов пишет:

«Здравствуй, друг Михаилуше! Рад, рад за тебя, чалдон иртышский! Здорово шагаешь, шибко, по-русски. С удовольствием прочел вчера в «Ленинской смене» твой репортаж в стихах «С именем Ленина». По-алтайски духовито, вязко, свежо.

Шлю вырезку из «Прииртышской правды» с рецензией на твою поэму. Смотри, только не зазнавайся. Не дай бог! Впрочем, я спокоен за тебя, ты мужик с умом трезвым, самовзыскательным...»

Частная переписка писателя – ценнейший биографический первоисточник и ключ к пониманию его сущности. Порой она позволяет рассмотреть самые сокровенные стороны характера человека и заглянуть в глубины его души.

Читая письма С.М. Анисимова, размышляя над ними, мне рисовался образ удивительной личности, человека доброй, широкой души, щедрого, беспокойного сердца, тонко чувствующего прекрасное, и в то же время человека пронзительно одинокого, не создавшего себе громкого имени, а потому, наверное, особенно ранимого:

И я не раз ломал себя жестоко,
И строил быт свой заново,

сначала...

И совесть, пристыженная, молчала,
И было горько.

Зябко.

Одиноко.

Одновременно в его письмах, как и в воспоминаниях современников, мне видится Анисимов человеком энергичным, доброжелательным, способным пошутить над своими неудачами и бедами. Одно из писем Чистякову начинается экспромтами:

*«Привет тебе, привет, мой друг Михай!
Твори, дерзай, стихами полыхай!*

*Привет тебе, мой друг Абдикарим!
Тоскует о друзьях поэт-солдат.
Мы творческой отвагою горим,
Но тушит жар сердец Казлитиздат.*

*Какой кошмар, друзья, какой кошмар! –
Казлитиздат не платит гонорар».*

И далее в письме следуют восторженные, поэтические строки о живописных окрестностях Алма-Аты, где в сентябре 1962 года он отдыхал в отпуске:

«Други мои! Эвон куда занесли меня ветры Прииртышья – на зеленые круги Ала-Тау, в благословенные пади Медео, где рвутся в небо ракетоподобные тянь-шанские ели и просятся в песню восклицательные знаки пирамидальных тополей.

Я не был в раю и смутно представляю себе, как он выглядит в библейских сказках, но в том, что вижу сейчас вокруг себя, безусловно, есть что-то легендарно-райское».

Семен Михайлович Анисимов – поэт и прозаик, автор поэтических сборников: «Прииртышье», «Родничок», «Смородинка», «Сентябрь», «Окно в юность», «Избранное», а также прозаических: «Тайна Парамона Крутихина» и «Медная верстатка».

Родился писатель 19 сентября 1911 года в селе Красноярском (ныне Предгорное) Усть-Каменогорского уезда в семье крестьянина-ямщика.

Уже в детстве, оставшись рано без родителей, ему пришлось хлебнуть немало трудностей. Отец, Михаил Федосеевич, погиб в годы Первой мировой войны, мать, Пелагея Ивановна, умерла в 1923 году от холеры. Мальчика воспитывал дед – Федосей Иванович Исаев. Был он справным хозяином, трудолюбивым и зажиточным и Семена приучал к труду с малых лет.

Семен Михайлович вспоминал, как дед, растя себе помощника, впервые посадил его на старую смирную кобылу. «Помню, – рассказывал он писателю-краеведу С.Е. Черных, – что со двора я выехал благополучно. А когда лошадь вывезла меня за конюшню и стала щипать траву, я юзом скатился по ее гриве и ткнулся носом в землю. Но я не заревел, а показал себя настоящим мужиком: подвел лошадь к изгороди, влез на верхнюю жердь, а с жерди на лошадь. Узнав об этом, дед пришел в восторг: «Ай-да, Семка! Ямщиком будет!»

Но ямщик из Семена не вышел, хоть с ранних лет ему пришлось потрудиться погонышем на пахоте, сенокосе, жатве... Работал от зари до зари. Вспоминая безрадостное детство, в стихотворении «Глядень-гора» Анисимов писал:

Я рос дичком среди людей...
С отроческой поры
Водил в ночное лошадей –
В лога Глядень-горы.

Пахал, погонычем, поля,
Вставал к делам чуть свет,

О том, что круглая земля,
Узнал в пятнадцать лет.

О детстве и юности С.М. Анисимова хорошо рассказал С.Е. Черных в документальной повести «Истоки», повествующей о литературной жизни на востоке Казахстана в 1921-1981 годах. Она лишь фрагментарно печаталась в периодических изданиях и в книге «Под небом Алтая» («Жазушы», 1988 г.). Однако в рукописи много интересных фактов о творческой биографии Анисимова, нигде более не опубликованных. С разрешения вдовы писателя-краеоведа Ольги Николаевны Черных позволю себе процитировать небольшие фрагменты повести.

«Иногда взрослым доставалось меньше, чем нам, детям, – вспоминал С. Анисимов. – Взрослые, вернувшись с поля, могли отдыхать, а мы, дети, должны были заботиться о лошадях: уезжали в ночное, а утром ни свет, ни заря пригоняли в деревню». Случалось, в страду, когда особенно было много работы и трудились порой и лунными ночами, Семен, сидя верхом на коне, крепко держался за дугу, чтобы, случайно уснув, не свалиться с лошади. А если случалось сползать к лошадиным ногам, умный Савраска останавливался и поворачивал голову назад, чтобы на помощь пришли взрослые:

Мир лошадиный! Масти. Клички...
Савраски, Сивки... Шаг, галоп...
Я на коня взбирался с брички:
Иначе как залезешь? – Клоп!
Скрипел плужок однолемешный...
На склоне пашенного дня,
Сморенный сном, одревеневший,
Я падал в борозду с коня.

Девяти лет Семен пошел в школу. Дед долго не соглашался отдавать мальчика в ученье. И только когда Федосея Ивановича стали упрекать в невежестве, с трудом сдался. В Красноярском семилетка была образована на базе имеющейся начальной. И так как село на протяжении многих десятилетий являлось волостным центром, в местной школе учились дети со всех близлежащих деревень: Верх-Убы, Секисовки, Быструхи, Выдрихи, Уварово, Глубокого, Зевакино, Барашек, Таврии и других.

Активно и с интересом Семен включился в школьную жизнь. Был пионером, выпускал стенную газету, заведовал пионерской библиотекой. Участвовал в драмкружке, занимался спортом, увлекался книгами Фенимора Купера, Майна Рида, Жюль Верна. Мечтал отправиться в дальние путешествия, в неведомые страны. И однажды вместе с такими же

романтиками Костей Колошиным и Васькой Ершовым, запасшись буханкой хлеба и огурцами, вооружившись самодельным пистолетом, сорванцы, оскорбленные наказанием за какую-то провинность, решили бежать из деревни.

На пароходе «Тюмень» «зайцами» дети добрались до Семипалатинска, а потом отправились на вокзал, чтобы продолжить путешествие дальше. И тут Васька их предал и с остатками общей «казны» сбежал. Эту историю Анисимов рассказал С.Е. Черных. «Дальше, — пишет Черных, — голодовка, знакомство с ватагой юных правонарушителей, скитания по городским трущобам и бесславное возвращение домой. Возвращались на пароходе «Алтай», избрав в качестве «кают» пустовавшие курятники на корме, которые были задрапированы каким-то тряпьем, скрывавшим их от посторонних глаз».

Беглецы явились домой в полночь. Семен боялся взбучки от деда, но, вопреки ожиданиям, дед, слегка пожурив внука и «назвав по обыкновению козлом дикошарым», вдруг заплакал.

«В первый раз я увидел его плачущим. Потом, через год, увидел еще раз. Это было в 1926 году, в день, когда я вступил в комсомол», — вспоминал Анисимов:

Над всеми — дед, во всем, везде.
Чуть что не так — не жди поблажки.
Весь домострой держал в узде,
Все двадцать душ в одной упряжке.

И только я один дерзнул
Свою ковать судьбу и волю.
Я, — словно, молнией блеснул,
Заговорил о комсомоле.

Что было с дедом! Озверел!
Схватил костыль... Но, что за диво:
Не мог ударить — заревел
По-бабьи тонко и слезливо.

Иногда Семену приходилось помогать деду развозить почту, особенно тогда, когда почта была велика, и дед запрягал дополнительную пару. «Поезжай, Семка, — бывало, говорил дед, — а учителю скажешь завтра, что хворал!»

Зимой, в непогоду подростку приходилось особенно туго:

А в зиму — почта! Ветер воет,
Метель кружится сатаной...

Ни зги не видно – снег стеною
Да кони-вихри за стеной.

Пошел! Гони!.. Мороз жестокий.
Ветрище жжет больней огня,
И обмороженные щеки
До мая мучили меня...

Однажды по пути в Глубокое ночью его застала буря. Сбившись с пути, Семен закутался в тулуп и дал волю лошадям. Скоро мальчик задремал, а очнувшись от забытья, понял, что лошади стоят. «Семен осмотрелся, – пишет С. Черных, – и прямо перед собой увидел клубы дыма, который... валил из-под брюха коренника.

– Батюшки! Да я же на чью-то крышу заехал! – изумленно произнес он, сошел с крыши, отыскал дверь и начал стучать.

– Кто там? – раздался сердитый голос хозяина.

– Дяденька, отвори, – взмолился Семен.

Полузанесенная снегом дверь с трудом подалась. Семен рассказал о своей беде. Вместе с хозяином они распрягли лошадь, вызволив ее и кошевку с кладью из ловушки. Потом Семена отогрели, напоили чаем...»

20-е годы!.. Комсомольская юность Семена! Сколько было энтузиазма, стремлений и надежд! Центром культуры поселка был клуб, где проходили собрания и концерты, выступления «Синей блузы» и «Живой газеты», ставились самодеятельные спектакли. Именно тогда Семен «заболел» сценой:

Жила мечта:
«На сцену мне бы!..»
И вот одним прекрасным днем
Я стал артистом-немтырем:
Вся роль – без слов,
Смешно, нелепо!
Но если есть седьмое небо,
То я, конечно, был на нем.
О, эти сельские спектакли,
О, вы, двадцатые года!
Была разруха и нужда,
И все углы мышами пахли,
И были бороды из пакли:
Полфунта пакли – борода.

С благодарностью вспоминал Семен Михайлович учителей, что приобщили ребят к сцене. Илья Иванович Игнатов... Он обладал незаурядными артистическими способностями, великолепно декламировал стихи и талантливо исполнял роли в школьном самодеятельном театре, и, возможно, повлиял тем самым на дальнейшую судьбу Семена. «Режиссерами драмкружка были служащие: Александр Марсов и Андрей Крючков, впоследствии снимавшийся в кинофильмах — но не так часто, как Николай Крючков, ставший народным артистом СССР», — пишет С.Е. Черных. Анисимов вспоминал: «Никогда не забуду поставленные ими спектакли по пьесам А.Н. Островского: «Бедность не порок», «Без вины виноватые», «Лес», «На бойком месте». Взрослым я видел эти пьесы в профессиональных театрах. Но почему-то от них не осталось такого сильного впечатления, как от тех спектаклей, которые видел в детстве. Может быть, это объясняется тем, что они были для меня первые, а может быть, тем, что в них играли люди, которых я очень любил...»:

Еще Погодина не знали,
Еще Киршон не прозвучал,
Но Гоголь сцену выручал.
И был великий Пушкин с нами.
А кое-где писали сами —
Начало
Дерзостных начал.
Поистолкли годов копыта
Тропинки детства в порошок.
Но драмкружок...
О, драмкружок!

На сцене деревенского клуба Семен Анисимов сыграл десятки ролей в классических и современных пьесах. Он настолько был увлечен театром, что вместе с другом в 1929 году поехал в Москву в Государственный техникум кинематографии в надежде выучиться на артиста театра и кино. Но скоро выяснилось, что до вступительных экзаменов далеко, а жить не на что. Пришлось возвращаться. К этому времени Семен уже окончил два курса усть-каменогорского педагогического техникума. Однако на третьем курсе учебу пришлось оставить, так как во время поездки в Москву он простудился и тяжело заболел. Выздоровев, в 1930 году работал избачом в родном селе, а потом учебу продолжил в семипалатинском педтехникуме.

Однако педтехникум Семен Михайлович скоро вновь оставил, так как в 1931 году его пригласили в газету «Прииртышская правда» заведо-

вать сектором животноводства сельскохозяйственного отдела. Потом по путевке комсомола Анисимова направили в Павлодар, где он был секретарем редакции новой областной газеты «Большевицкий путь», работал в Урджарской районной газете.

В суровые тридцатые годы труд газетчика был тяжелым. «Двадцать из тридцати дней мы, рядовые газетчики, проводили в командировках, – вспоминал С. Анисимов. – Мы отправлялись в командировки, как солдат отправляется на передний край: деревня была фронтом, там шли классовые бои, там стреляли не только словом, но и свинцом». В редакции преобладала молодежь. Юный репортерский пролетариат, полураздетый, разутый, подчас голодный, был всегда на передовой. Все имущество газетчика-пролетария подчас умещалось в брезентовом портфеле. «Был у нас одно время редактором Анисим Аникеевич Варламов, – вспоминал Семен Михайлович. – Человек изумительно красивой души. Вот одна из утренних сцен в редакции, происходившая поздней осенью 1932 года. Мы с Дмитрием Черепановым собираемся в командировку. На улице порхают «белые мухи». Дует ветрище. На плечах у нас с Дмитрием старые пальтишки, подбитые «рыбым мехом». На ногах – полуботинки, которые «просят каши».

Мы входим в кабинет редактора. Он пишет передовицу. Оторвавшись от работы, смотрит на нас, спрашивает глазами: как дела? Мы молчим. И молча оба, как по команде, поднимаем правые ноги и ставим их на стул. Подметки отпали, в зияющие дыры проглядывают края носков. Пантомима удалась – редактор хохочет. Он берет телефонную трубку, набирает номер. Разговаривает с председателем церабкоопа (центральный рабочий кооператив), просит продать «моим ребятам две пары валенок за наличный расчет» (ни в одном магазине не было в продаже ни валенок, ни иной обуви). Через час – мы в валенках. Еще через час – мы в пути».

Но и в годы учебы в педтехникуме, и даже работая в газете, он не расставался со своей страстью – театром. В Семипалатинске Семен Михайлович организовал ТРАМ – театр рабочей молодежи, в котором чаще всего исполнял главные роли. Играл он и на сценах Павлодара и Баку, во время службы в армии в 1933-1935 годах. А все-таки литература победила – она стала его призванием. Тогда же, во время службы в армии, он поступил заочно в Ленинградский институт журналистики, а после службы продолжил работу в «Прииртышской правде».

Бессменный стенгазетчик в школе и комсомольской ячейке, Анисимов еще в детстве начал писать стихи. Первое свое сочинение – басню «Рябчик и лиса» он поместил в 1925 году в один из номеров рукописного

литературного журнала «Первый шаг». Потом Анисимов организовал литературный кружок при клубе. Скоро его стихотворение «Зимняя дорога» было опубликовано в газете «Прииртышская правда». Во время учебы в педтехникуме он продолжал печататься в профессиональных и самодельных газетах. «Было даже так, – рассказывал он Станиславу Черных, – один из номеров техникумовской газеты я, следуя пословице «Своя рука владыка», целиком, «от корки до корки», заполнил своей поэмой «Атаман». Не помню теперь, какой я выбрал сюжет и почему командир красных партизан был назван мною «атаманом». Опус сей, надо полагать, был, с современной точки зрения, довольно нелепым и путаным. Но на тогдашних студентов он произвел, как я и ожидал, «неотразимое впечатление». Некоторые студентки заучивали поэму наизусть». Потом два-три его стихотворения вышли в журнале «Литературный Азербайджан». Пробовал Семен Михайлович себя и в прозе. Свой первый рассказ «Сестра» он опубликовал в 1936 году в «Прииртышской правде». До начала Великой Отечественной войны он написал около двадцати рассказов: «Поэма о безусом почтальоне», «Василиса», «Выше голову, мама!», «Рождение песни» и другие.

Не прекращалось литературное творчество и в годы Великой Отечественной войны. Начал военный путь Анисимов рядовым пехотинцем, а закончил военным корреспондентом, затем военным секретарем газет «В бой за Родину» и «Советский танкист». Воевал на Курской дуге, в Украине, Белоруссии. Участвовал в освобождении Риги, Латвии, Варшавы, Лодзи, в штурме Берлина. А между боями в записную книжку, сшитую из бумаги, выдававшейся для писем, записывал стихи. Первое стихотворение военной поры родилось осенью 1943 года и называлось «Старый солдат». Он записал его огрызком карандаша на привале, в березовой роще, на старом пне. А потом, сложив треугольником, отправил в дивизионную газету «В бой за Родину», и его тут же напечатали. На фронте в местечке Добрынь, на подступах к Мозырю 31 декабря 1943 года родилось стихотворение «Новогодняя песня», под Калиновичами – «Солдатская дума» (1944), в боях за Ригу – «Облака» (1944), в Гарволине – «Наташа» (1944), в Бранденбурге – «Сединка» (1945).

В беседе со С.Е. Черных Анисимов вспоминал, как рождалось стихотворение «Сединка». В 1945 году, будучи уже назначенным секретарем редакции газеты «В бой за Родину», когда части дивизии находились в шестидесяти километрах от Берлина, редактор, майор Ф. Перерва, обсуждая будущий номер, обратился к Анисимову:

- Вот сюда, под клише, нужны стихи.
- О чем? – спросил он.

— Это твоё дело. О чём? О войне, о солдатах...

«Анисимов посмотрел на редактора, — пишет Черных. — Впервые посмотрел как-то по-новому... Седина на висках! Потом перевёл взгляд на старшего наборщика М. Ковалькова... И у него серебринки... Вспомнил, сколько он видел поседевших на войне солдат... И в тот же вечер минут за сорок написал стихотворение «Сединка»:

Нет, не с грусти, друзья, не с тоски
Пролилась седина на виски:
Это выцвел я в битве, в огне,
Это смерть прикасалась ко мне.

Ах, сединка моя, седина!
Что нам скажет голубка-жена?
Может, ей не по сердцу твоя
На висках голубая струя?..

Может, скажет при встрече со мной,
Что не люб ей солдат с сединой?
Э-э! Да что нам тужить-ворожить,
Мы с сединкой сумеем прожить.

Я отвечу голубке-жене,
Что бывали дела на войне,
Что такие бывали дела —
Голова ковылем зацвела.

Ну, а сердце? А сердце, поверь,
Даже стало моложе теперь.

«Сединку» сверстали в номер. Вспоминая об этом, Анисимов заметил: — Стихотворение не ахти какое, но запомнилось тем, что родилось в страшной сутолоке, какая обычно бывала, когда редакция снималась с одного места, чтобы двигаться к другому. И дело тут не в том, что «Сединка» писалась «по заказу». А в том, что «заказ» пришёлся на период, когда стихотворение уже складывалось в моей душе.

Демобилизовался С.М. Анисимов в 1946 году. Как в поэзии военного периода, и в последующие годы каждая его поэтическая строка выстрадана. Часто у поэта опускались руки от неверия в собственные силы, от сомнений в том, что его стихи нужны людям. В письме Чистякову 14 декабря 1967 года он пишет:

«Работаю над новым сборником. Давно уже страдаю над ним. Трудно, Миша. Напишешь, прочтешь: как будто что-то есть. Печатаешь в газете, там, сям... А самый безжалостный редактор и судья – Время берет тебя за шиворот и говорит нелюбезно: «Что ты делаешь? Разве так пишут? Разве это надо сегодня, сию минуту?» И бываю мгновенья, когда хочется все сжечь и заплакать. Вот и сейчас у меня такое состояние. Но все проходит. И надо жить. А как жить без поэзии? Все-таки я одолею четвертый сборник, черт возьми! А потом буду писать в год по одному стихотворению, и всю энергию отдам прозе...»

Первый сборник стихов Анисимова «Прииртышье» вышел в Алма-Ате в издательстве «Художественная литература» в 1954 году. За ним последовали сборники: «Родничок» (1956), «Смородинка» (1962), четвертый, о котором идет речь в письме, – «Окно в юность» – вышел в 1976 году.

В эти годы Анисимов пробует работать и в прозе. В 1969 году издательство «Жазушы» выпускает первый сборник его прозаических сочинений «Тайна Паромона Крутихина». Чтобы быть уверенным, что рукопись «Тайны» будет принята издательством, Анисимов пошел на жертву: *«Я буквально зарезал рукопись, отказавшись от очень интересных глав и ужав ее до предела, – пишет он 14 декабря 1967 года М. Чистякову. – Сейчас в ней всего пять печатных листов. Послать уступающе толстую рукопись я, новичок в прозе, не решился».*

Следующий сборник рассказов «Медная верстатка» увидел свет в 1972 году. Но стихи продолжали быть для поэта на первом месте. В 1978 году выходит «Избранное», книга, подводящая итог его творческого пути. Она вышла в год смерти Семена Михайловича.

Однако и первые книги стихов, и последующие не принесли ему широкой известности. Но очевидно одно: поэт работал в индивидуальной манере, никому не подражая. «Мне думается, – пишет литературный критик Н.С. Ровенский, – что у него есть своя собственная интонация – мягкая, раздумчивая, есть яркая живописность, есть верность Прииртышью, которое сообщает ему отличный от других материал для стихов».

Анисимова часто называют певцом Прииртышья. Главной его темой, его вдохновением и любовью стали «Старик Иртыш – заветная река» и земляки-иртышане. «Его Прииртышье, – отмечает Н. Ровенский, – это край речных протоков и горных лугов, рыб, пчел и птиц, смородины и меда, край людей несуетных и благородных, для которых «жизнь, отшумев, иссякает, как теплый и радостный дождь».

Иртыш Анисимова – «жилка голубая в могучих мускулах родной страны», «Иртыш с весенним яростным половодьем и летней величавостью в лучах солнца и шуме дождя». Это живое существо, способное мыслить, чувствовать, сопереживать. К реке он обращается за ответами, размышляя над историческим прошлым родного края:

...Течет величаво...

Да правда ль, что в ней
Орда Чингисхана

поила коней?

Налево – стремнина,

направо – скала,

Темна, как джунгарского

хана скула.

Века над рекою...

Скажи мне, река,

А где ты хоронишь

шелом Ермака?

Молчит мой Иртыш,

как молчун-человек...

Или:

Иртыш, Иртыш!

Из мхов твоих седых

Восходит жизнь плотин и комбинатов.

Скажи, Иртыш,

действительно когда-то

Был «дикий берег»

вот здесь, где мы сидим?

Крепчает ветер.

Ночь сменилась днем.

Гудит буксир,

к плотине подплывая...

Шумит Иртыш,

как будто понимая,

Что в этот час мы думаем о нем.

Прииртышье – это и родина поэта, где он «учился владеть и конем, и пером», где живут дорогие сердцу поэта простые труженики, без званий и наград: и паромный «работяга-перевозчик», и девушки, купающиеся ночью в реке, и рыбаки, и старик-капитан речного парохода, что грустит, вспоминая о былом:

Все там, в минувшем: рейсы, бури, жизнь...
Как якорь-старость, в ил затонский, вросший.
Хоть в сто гудков гуди, хоть закричись –
Ушел «Ермак» на слом – не дозовешься.
Что жизнь прожить – не поле перейти –
Ему ль не знать? Он дня не жил без шутки.
А грусть проходит, как пейзаж в пути,
Ей срок – минута, мужеству – все сутки.
Пусть шутка с грустью. Он глядит на плес,
На реку – поставщицу океана:
– Вода, вода... Вот столько б было слез,
Когда б умели плакать капитаны.

Отсюда, с берегов Иртыша, земляки поэта уезжали на войну, «с иртышскими простившись берегами»:

У бортов вода, кипя, урчала,
Вздыбленная птицами колес.
Сколько там, у стареньких причалов,
Наши мамы выплакали слез!

Братья не вернулись из похода...
На могилах бугорки земли...
Нас везли до дому пароходы,
Те, что похоронки привезли...

И пусть судьба порой надолго разлучала Семена Анисимова с родными берегами, он всегда помнил о родине и иртышанах.

В своих стихах поэт не поднимает глобальных, космических тем. Он пишет об обыденном, простом, житейском – и в этом видится мне величие его правды. В стихах он никого не обличает, в них нет проповеди, они лишены патетики. Но в них много добра и света, и той особой, сердечной простоты без условностей и прикрас, что и делает его творческий почерк своеобразным.

Часто в поэзии Анисимова звучат мотивы совести и человеколюбия. Поэт-гуманист, в стихотворении «Подкова», размышляет о счастье:

Да бывает ли счастье
Полным,
Чтоб от пола
До потолка?
Если полное, значит,
Вдоволь,

До предела и напоказ?
Как глядел бы в глаза я
Вдовам?
Не поднять бы
При встречах глаз.
Радость с горем живут
В сопричастье.
Дым не вечный ли спутник
Огня?
Счастье в том,
Чтобы было счастье
У соседа
И у меня.

В своей лирике поэт предлагает заглянуть в «низенькие окна» родного дома, «как в материнские глаза», полюбоваться туеском берестяным, что «пахнет полем, мятой и укропом», послушать «сказки бабушки Зере», призывает каждого «служить добру-добром», ведь, по его убеждению, «биографии мы пишем сперва трудом, потом пером».

Вместе с тем, вновь и вновь перечитывая стихотворения Анисимова, мне видится за каждой строкой раненое сердце человека. В жизни поэта было много горького, часто он встречал непонимание, равнодушие, возможно, поэтому в его стихах так часты диалоги с природой. Какое-то особое, доброе, благодарное отношение к ней сквозит почти в каждом стихотворении. Порой ему кажется, что его конь – Сивка вот-вот

Сейчас по имени – Семеном
Меня возьмет да назовет.

...Удел сиротский, скудный, тяжкий –
Все детство дыбом, кувирком...
И шла судьба моя пристяжкой
С чужой судьбой – коренником.

И мало тех, кто б знал и понял
Всю соль, всю боль моей тоски.
И только кони, только кони
Меня любили по-людски!

И я любил их, умных, гордых.
Знал по-ямщицки толк в коне.
...Поныне бархатные морды
Мне часто видятся во сне.

Не жалуемый особенно критиками, не сделавший себе громкого имени, Анисимов умел радоваться успехам собратьев по перу. Высоко ценил мастерство казахстанских поэтов Н. Титова, Л. Кривошекова. 7 февраля 1964 года в письме Чистякову он пишет:

«Прочел сборник Лени Кривошекова «Разлуки и встречи», написал на него рецензию. Люблю Ленькину поэзию, простую, сердечную, в меру умную. Очень понравилось начало повествования «Море в день его рождения»: «Как-то летом с давним другом, с милым Мишей Чистяковым...».

Анисимов, пожалуй, одним из первых отметил поэтический дар восточно-казахстанского журналиста Владлена Шустера, искренне радовался появлению молодых дарований, всячески их поддерживал. В одном из писем к Чистякову есть такие строки:

«Получил Вашу газету за 10 сентября. Из опубликованных в ней стихов понравился «Вечерний монолог» В. Шустера. Молодец. Поэт. Кстати, где он живет, работает? Знаю, что одно время жил в Предгорном. Не удивлюсь, если однажды увижу его стихи на страницах «Юности» или «Знамени».

В письме от 12 февраля 1961 года он дружески советует Михаилу Ивановичу:

«Здравствуй, Миша!

Только что написал тебе полуофициальное письмо за подписью секретаря отделения А. Ахметова о предстоящем пленуме СПК. Теперь пишу от себя дружеское... Как узнаешь из письма Ахметова, тебе предстоит вскоре посетить столицу республики. Не упusti эту возможность. Тебе надо обязательно потолкаться в литературных кругах Алма-Аты, в издательствах и подготовить почву для издания своего сборника. Пора, Мишуха, пора! Плод, по-моему, созрел. Готовься к путешествию, начищай до блеска литые строки стихов».

В том же году 20 августа он пишет:

«Шахтерское племя» (поэма М. Чистякова, опубликованная в «Прииртышской правде» в 1961 году. Прим. – О. Т.) произвело неплохое впечатление в Семипалатинске. Можешь писать, злодей! Так держать, Миша! Запев хороший, тянись к финишу, нет, не тянись – рвись ракетой!»

А вот доброжелательное шуточное послание:

*«Миша и Соня!
С Новым годом!
Желаю иртышанам
лирической*

Большой, обильной
жатвы.
Скирды поэзии
верша
на берегах
Ульбы и Иртыша!
Тебе желаю лично,
Миша, друг,
Таких стихов,
чтоб рвали их
из рук,
Чтоб твой «Устькамень»
вышел хорошо,
А вслед за ним
десяток книг
ИШО! (сиречь – еще)

Жму руку. Сем. Анисимов.
Семипалатинск, 26.12.67».

У самого же поэта все складывалось очень непросто. Часто поэт пристально всматривался в прожитые годы, стремясь подытожить сделанное, которое, увы, не всегда радовало. Быть может, потому в его стихах символизировали время, к примеру, не помпезные часы с боем, а ветхие ходики, что висят на ржавом гвозде:

И вот отказали. Вроде как
Замолкли чьи-то шаги...
Милые, честные ходики,
Как вы мне дороги!

Бойкие были, бедовые,
А нынче – сними да брось.
... Вешаю ходики новые
На тот же старенький гвоздь.

В жизни все с продолжением...
И думки меня зовут
Жить на ходу, в движении,
Как ходики живут.

Частые разлады с самим собой, проблемы со здоровьем, случалось, приводили Семёна Анисимова в отчаяние, заставляли бежать из родных мест, терять друзей, растрачивать талант понапрасну, а потом начинать

все заново и жить надеждами на лучшее. В одном из писем 1961 года читаем:

«Этот «милый» Казлитиздат испортил мне настроение на весь сезон. Пришел я к ним. Подали мне гранки моей книжки, уже вычитанные корректорами. Предупредили: вымарывать ничего нельзя, добавлять тоже... Стал я читать. О, боже! Что они сделали с моими стихами! Порезали, искалечили, обескровили. Даже «Огоньки» заново «отредактировали», «Огоньки» – вещь, которую читатели знают по «Прииртышью» и «Родничку», а семипалатинцы читают наизусть. Теперь эти «огоньки» без огоньков. Много хороших стихов осталось за бортом, а все «средненькие», как будто назло автору, попали в книжку. В предисловии говорится, что «Смородинка» – юбилейный сборник автора, но все «Предисловие» состоит из 10 строк, а книжка – из двух с половиной листов, и выходит она даже без портрета. Это юбилейная-то!

Одним словом, посмотрел я на эту издательскую стряпню и еще раз убедился в полном отсутствии у работников этого самого пресловутого Казлитиздата уважения к автору. Но что может сделать автор? Отказаться от издания книжки? Во-первых, очень не богат автор, чтобы решиться на это, а, во-вторых, надо думать о будущем...

Пожалуй, хватит об этом. Будем жить надеждами на лучшее».

«Что сказать о себе? – обращается он к Чистякову в другом письме. – Скажу так, как сказал недавно в письме к Ф.Ф. Боярскому (редактору «Казахстанской правды». Прим. – О.Т.): пью чаек и какао, жую детские пряники с начинкой и работаю, как поденщик, много и небезуспешно...

Запомни: 19 сентября сего года старому иртышскому пииту исполнится 50 лет. Так как чествовать меня никто не собирается, то очень прошу тебя в день моих именин, когда я буду сидеть у очага со своей старушкой, стукни мне телеграммку. Да такую, чтобы старый конь прослезился...

Ну, все. Крепко жму руку. Пиши, пиши!

Семипалатинск, 8 января 1961 г. Сем. Анисимов».

...А я опять минувшее итожу –

Мой день рожденья у моих дверей.

Я поднимаю солнечную ношу –

Охапку отзвеневших сентябрей.

Шагаю. Трудно. Приустал немного –

Годов немало — ноша не легка.
Бодрюсь, чтоб не сочли за старика.
В осенний день ведет моя дорога,
Пряма, как стихотворная строка.

Ушел из жизни С. Анисимов 26 августа 1978 года. В письме М.И. Чистякову, написанном накануне смерти, Семен Михайлович сообщает:

«Миша, здравствуй, дорогой мой!

Спасибо за новую книгу твою, за автограф, за рецензию в «Р. А.» («Рудном Алтае». Прим. — О. Т.) на мое «Избранное». Высок Алтай каменный, но вровень с ним и «Алтай» поэтический. Д. Ч. (Дмитрий Черепанов. Прим. — О. Т.) сказал о нем в «Иртыше» хорошее, мудрое слово, но зря он спрятался за псевдонимом.

Позавчера, при встрече, он с досадой посетовал на то, что ряд твоих хороших стихотворений, известных ему по другим книгам, остался за бортом этого сборника.

Так получилось и у меня. В самом конце работы над рукописями главный редактор... потребовал... убрать из сборника все новые стихи, написанные после выхода в свет «Окна в юность» и никогда не включавшиеся ранее в сборники. Пришлось убрать десятка полтора вещей («Коростель», «Баллада о радистке» и др.) и срочно затыкать эту образовавшуюся брешь чем-то другим из моих первых книжек...

Эх, только вздохнешь да рукой махнешь.

Но ничего, Миша. Дорого и приятно то, что мы вышли с тобой с избранным почти одновременно, и, будучи оба иртышанами и фронтовиками, ни в чем, ни на йоту, не повторили друг друга, как два совершенно разных порка реки поэтической.

С тем и обнимаю тебя, собрат мой и добрый спутник.

Сем. Анисимов.

Семипалатинск, 3.6.78».

Я не знал, где моя звезда,
Да и есть ли она в пространстве.
Пароходы и поезда
Увозили меня в годы странствий.
Что забыть мне и что сберечь?
Знал я радости, беды, муки...
Были встречи горшей разлуки,
И разлуки желанней встреч...

ЛИТЕРАТУРА

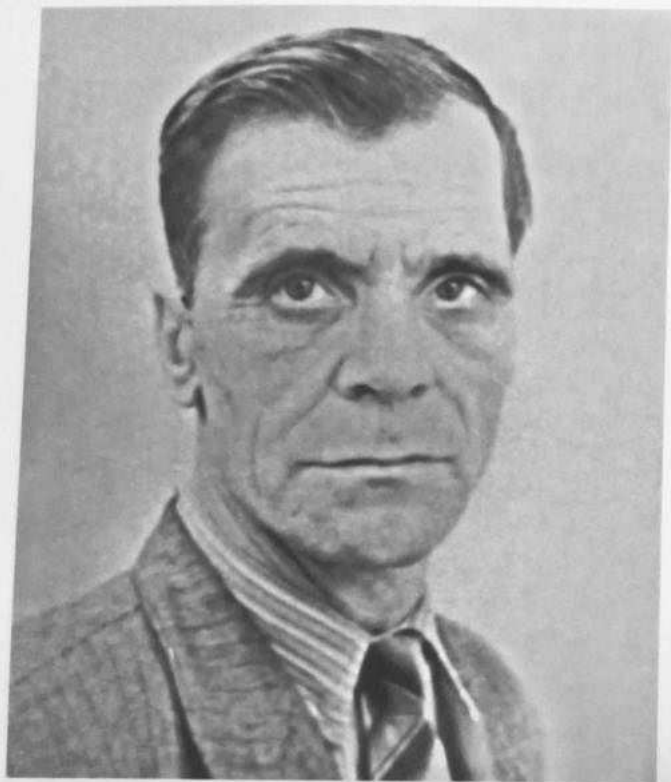
- Анисимов С.М. Тайна Парамона Крутихина. – Алма-Ата: Жазушы, 1969.
- Анисимов С.М. Писатели Казахстана. – Алма-Ата: Жазушы, 1969.
- Анисимов С.М. Медная верстатка: Повести и рассказы. – Алма-Ата: Жазушы, 1972.
- Анисимов С.М. Избранное: Стихи разных лет. – Алма-Ата: Жазушы, 1978.
- Анисимов С.М. Сентябрь: Стихи разных лет. – Алма-Ата: Жазушы, 1980.
- Поминов П.Д. Я поднимаю солнечную чашу // Литература Восточного Казахстана. История и современность: Учебное пособие. – Усть-Каменогорск: Издательство ВКГУ им. С. Аманжолова, 2005. – Вып. 2.
- Ровенский Н.С. Охалка отзвеневших сентябрей. – Алма-Ата: Жазушы, 1986.
- Усов В. Певец Прииртышья // Рудный Алтай. – 1978. – 20 мая.
- Черных С.Е. Под небом Алтая. – Алма-Ата: Жазушы, 1978.
- Черных С.Е. Истоки. Документальная повесть. Рукопись. – Восточно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей.

С.М. Анисимов, 1945 г.

С.М. Анисимов, 1960-е гг.

С.М. Анисимов, 1951 г.

Светлана, 1969, № 10,
Миша и Сося.
Приветствие и поздрав-
ление с Мама.
в Усть-Каменск "пролет"
от корки до корки.
Многие sanno мне зна-
кая, мне - нет. Самое
лучшее - это то, что идет
после поэмы, начинал с
двух. К. родил: "Околен-
но, хороши в Актриса",
"Профунднее", "Я был
быстро, как фокус",
Средствование
и Сонет - это

Хрустальная каня,
в которой я видел светлыми
это дом павнов.
Сердце так этак! Насел
с такой деловой, палку-
цей парком мелком в ще-
ми, стирки, и втул
Биселом таким мою-
вом, мурман, болела
вредом, боли и мурман
отбываем.
Эт перо мурман. Ели
до вся сри билие! Но
и вделам книга - большой
шаг вперед. Но загорелся
каф, уже не в мурман
испытыва похлеба. Ред
за ред и в Актриса. Есть
перо в мурмане. С. Мискина

Поздравительная открытка
С.М. Анисимова Чистяковым, 1969 г.

1970-е гг.

Оралхан БОКЕЕВ

(1943 — 1993)

О. Бокеев — художник. Своими зоркими глазами поэта он подмечает неразличимые для других тайны природы и души человека. В его зарисовках есть присущая только ему загадочная недосказанность. У

Оралхана Бокеева нет рисунков без души и душ без крови и плоти. Настолько искусно переплетены у него природа и душа человека, словно узор казахской алаши (ковра), что в описании природы наблюдаешь состояние души, настроение героя.

*М. Алтайцы
Перевод М. и А. Шарипжановых*

... Почему такой жестокой оказалась судьба к Оралхану? Почему не отпустила ему десять — двадцать лет к тем, что он пожил? Может и грешно так говорить, но они, эти годы, нужны больше не ему, а нам. Сколько бы успел он написать при искрающей одаренности и поразительной работоспособности, сколько бы людей излечил от слепоты, невежества и чванства?

М. Новиков

КОНСПЕКТ ПО КНИГЕ ПОД НАЗВАНЬЕМ «ЖИЗНЬ»

«Великая вещь – память. Это и тем нужно, которые живут сейчас, и тем понадобится, кто придет после нас. Иначе что останется после того, как человек проходит отпущенный ему путь?.. Какую память оставим мы завтра о себе?»

Автор этих строк Оралхан Бокеев оставил о себе достойную память – книги, запечатлевшие судьбы дорогих ему земляков, их национальные черты и характеры, обычаи и язык, а также чарующие красоты родного края.

Бокеев видится мне в череде тех людей, с уходом которых остается ощущение их реального присутствия. Порой кажется, стоит лишь поднять трубку и набрать номер, чтобы поговорить по душам. Увы... В канун его 60-летия я звоню двоюродной сестре Бокеева – Кларе Нуржакуповне Магзумовой, что живет в Усть-Каменогорске. Приятный голос просто и доброжелательно откликается на просьбу встретиться. О многом мне хотелось поговорить с ней. О том, например, каким ей запомнился брат, как часто они виделись и о чем говорили, каким он был сыном, братом, отцом...

Мы беседуем с Кларой-апай в Областном историко-краеведческом музее.

– У отца Оралхана – Бокея – был брат Катей и единственная сестра – Кулянда – моя мама. Мы с Оралханом почти ровесники. Я старше его всего лишь на 6 месяцев, поэтому мы были очень дружны. Когда мне сообщали о его приезде, я тут же мчалась в Чингистай. Мы шумно радовались встрече и не могли наговориться...

Слушая Клару-апай, я понимаю, что связывали этих людей не только родственные узы. Клара-апай имела прямое отношение к Слову. Она

окончила филологический факультет Алма-Атинского женского пединститута, 29 лет проработала в поселках Жулдыз и Медведка Катон-Карагайского района учителем казахского языка и литературы, за трудовые заслуги награждена медалью «Ветеран труда». С грустью и нежностью Клара-апай вспоминает своего брата. Я листаю книги с автографами, сожалею, что не знакома с оригиналами его книг и интересуюсь, что она думает о переводах Бокеева на русский язык? В какой мере они соответствуют подлиннику?

К. Марзумова

– Переводы хорошие. Особенно мне понравился в русском варианте роман «Поезда идут мимо» в переводе В. Мировлоа. Но и А. Ким, и

Ю. Домбровский великолепно передали главные мысли его произведений, их стиль и самобытность. Доволен был переводами и Оралхан.

Из дневника О. Бокеева: *«Еще со школьных времен придавал большое значение мечте. Хотел быть журналистом – стал им... Нет лучшего аргамака, чем мечта...»**

– Клара-апай, но ведь Оралхан Бокеев мечтал стать и актером, и, несмотря на большой конкурс, сразу же после школы поступил на актерское отделение Государственной консерватории Алма-Аты.

– Да, но мечте стать актером не суждено было сбыться. После зачисления он отправил телеграмму домой, однако мать не была довольна его поступком и решительно не одобрила выбора такой профессии. В тот же день она послала телеграмму, что тяжело больна и чтобы сын срочно возвращался. Ораш (так называли его близкие. Прим. – О. Т.) сделал именно так, как просила мать. Вернувшись в аул, он стал работать помощником тракториста.

– Успешной ли, на ваш взгляд, была бы его актерская карьера?

– У Оралхана была артистическая натура. Он вспоминается мне жизнерадостным, веселым, общительным. Еще учась в школе, Оралхан смешно и точно пародировал походку и манеры сверстников. Особенно он весе-

Дневниковые записи на русский язык перевела Г. Мырзаханова, научный сотрудник музея.

лил нас, изображая свою бабушку, которая однажды уснула, разливая чай, и обожгла пальцы. Те, кто знал бабушку, буквально умирали от смеха.

Из дневника О. Бокеева: *«Живя в городе, начинаешь забывать о своем доме, происхождении. Да что там предки, забываешь, что существуют на небе луна, солнце, о звездах забываешь. Люди отчуждаются друг от друга. Иногда мне становится страшно, будто нас посадили в машину под названием «город» и везут прямо к бойне, во тьму».*

– Оралхан проработал в ауле около двух лет, сначала пионервожатым, затем трактористом, а потом вновь поехал в Алма-Ату и поступил на заочное отделение журналистики Казахского государственного университета, – продолжает рассказывать Клара-апай.

– Но почему на заочное? – изумляюсь я. – Вероятно, его тянуло в город, ему необходим был иной круг общения?

– Конечно, с одной стороны, он тянулся к знаниям, ему было тесно в рамках аула, но учиться очно брат не имел возможности. В семье Ораш был единственным сыном – наследником и опорой родителей. У него было четыре сестры, которым нужно было помочь выучиться. Оралхан не боялся никакой работы, умел делать по дому все. Родители воспитывали детей в строгости, с детства приучая к труду. Да и матери не хотелось отпускать от себя единственного сына. С другой стороны, его тянуло в родные края, он тосковал по своей земле, природе. Приезжая на экзамены в Алма-Ату, – я в то время тоже училась там и опекала его как могла, – он после сессии сразу же, ни дня не задерживаясь в столице, ехал домой.

Из дневника О. Бокеева: *«Казахи в городе подобны деревьям, вырванным с корнями, пересаженным пусть даже в благоприятную почву. Сколько за ними ни ухаживай, ни лелей, они начинают чахнуть, тоскуя по родной земле».*

– Земля Алтая подпитывала его творчество, – продолжает Клара-апай. – Он не любил городского шума и суеты, не любил бывать на курортах, предпочитая отдых в родном ауле, на природе. Отдыхал душой на сенокосе, ночуя в палатке, сидя у костра, любил дастархан* на траве. Когда через Чингистай шли машины, груженные лесом, это задевало его за сердце. Алтай порой напоминал ему кобылицу, у которой остригли гриву и хвост. «А если распахать сплошняком все степи и все предгорья, вывернуть их наизнанку, что тогда получится...» – горестно размышлял герой его повести «Отзовись, мой жеребенок».

* Дастархан (каз.) – скатерть, в переносн. знач. – накрытый для гостей стол.

– Любил Оралхан бывать с природой наедине, – говорит Клара-апай. Однажды, это было уже летом 1985, я услышала о его приезде и помчалась навестить. Оралхана увидела во дворе. Он стоял грустный, накинув синий чапан* и задумчиво глядя далеко, в сторону гор, тихо напевал песню. «Что ты пригорюнился?» – спрашиваю брата. «С белым снегом Алтая разговариваю...» – грустно улыбнулся Оралхан.

О. Бокеев и сестра А. Бокеева

– А почему его называли Оралхан? Что означает это имя?

– Детям военной поры часто давали имя Оралхан, что означает «вернись». Ведь его отец был в трудармии, а это, говорят, не легче передовой. Но никто в деревне ветеранов трудармии не считал за участников войны. Это было несправедливо.

А мне вспомнился рассказ О. Бокеева «Благословенный месяц май», где писатель с болью защищает тех, кто «воевал» на трудовом фронте: «Не стоит скрывать, что наш труд почему-то до сих пор не оценен достойно, – с горечью рассуждает старик Акан, которого даже не пригласили в клуб на тридцатилетие Победы. – О нас не говорят на больших собраниях и не пишут в книгах. Хотя почему? Не знаю. Ведь кто служил в трудармии, тоже немало сил отдали войне и победе. Но эта наша доля как-то затерялась в общей тяжелой судьбе, постигшей народ в те годы. И я знаю, что многие почему-то думают, что в трудармии люди были чуть ли не по приговору суда. А это неправда. Пусть в тылу, но мы ведь тоже были солдатами...».

*Чапан – шапан (каз.) – халат.

– А кто была его мать? – спрашиваю Клору-апай. На кого больше похож Оралхан?

– Ораш весь в мать, и по облику, и по характеру, и по манере говорить – уверенно, жестко. Мама Оралхана – Кулия, несмотря на прямолинейный характер, была доброй, общительной, интересной рассказчицей. Речь ее была образной, остроумной, полной пословиц и поговорок. Также она была очень проницательным человеком и умела быстро распознать и оценить человеческие качества. Она хорошо пела, была гостеприимной, ее дастархан собирал много гостей, и до утра мы пели народные песни. Однажды в гостях у Бокеевых я спела песню «Каракесеп», где были такие слова:

«Если из двух умрет один, то останется другой,
Если умрет единственный – кто же останется?».

Мама Оралхана расчувствовалась и долго не могла успокоиться. С тех пор я больше не пела этой песни при ней.

Клара-апай артистична: обладает великолепным сопрано, играет на кобызе, читает стихи, танцует. В студенческие годы активно участвовала в художественной самодеятельности, пела по радио, выступала на телевидении. В 1973 году в Алма-Ате участвовала в конкурсе исполнителей, ее заметили, пригласили попробовать себя в качестве диктора республиканского телевидения. На одно место претендовало 25 человек. Прошла конкурс удачно, была приглашена ведущей детской программы, но в столице не осталась, вернулась в село, потому что была старшей в семье, где было 10 детей, и их надо было ставить на ноги. Но, несмотря на трудности, она выучилась и горда тем, что является первой женщиной аула Жулдыз, получившей высшее образование.

Временами Клара-апай замолкает, как бы заглядывая в свою память. То вдруг оживляется и размышляет вслух:

– Что Ораша отличало от других? Он был красивым и высоким, имел роскошные волнистые волосы и гордую статью. Взгляните на снимки, он всегда выделяется среди других. Раз, гуляя с друзьями, споткнулся о камень. Ребята пошутили: «Можно же хоть иногда взглянуть под ноги!» – «Что я там потерял, внизу, – это камни приветствуют меня, обрадовались возвращению», – отшутился Оралхан.

Слушая Клору-апай, я невольно улыбалась, вспомнив строки письма из Барнаула от Александра Борисовича Фирсова – председателя «Общества Возрождения истории литературы Сибири». Проявляя особый интерес к литературе Восточного Казахстана, он попросил меня подробнее рассказать об Оралхане Бокееве. «Мой интерес к Бокееву воз-

рос, когда я увидел его портрет. И это простой пастух-казах? – пишет Александр Борисович. – Нет, это Байрон какой-то! Такому парню не только литературный успех обеспечен!»

А Клара-апай продолжает:

– Прямо он был не только осанкой, но и в словах. Честным был и в своих произведениях. Часто друзья одергивали его: «Оралхан, будь осторожен, этого нельзя говорить вслух!»

Не зря, думается мне, книги Бокеева своеобразны. И не только манерой повествования, они отличаются особым видением мира, неповторимой бокеевской философией, нравственной чистотой героев.

– О высокопоставленных людях он не писал, – вторит моим мыслям Клара-апай. – Его герои – простые люди, которых он ценил и хорошо знал!

«Я чувствую себя в неоплатном долгу перед всеми, с кем работал, переживал, думал, кто эти все? Люди моей земли Алтая... Чабаны, трактористы, учителя, охотники... Они – труженики... Я их знаю, потому что вышел из их среды. Работал и чабаном и трактористом. Знаю цену их пота и понимаю, как дорого достается тепло очага... Их много, и каждый из них достоин самого большого внимания... Мне хочется своими книгами заставить современников призадуматься над их судьбами, помнить о них и уметь уважать по-настоящему, всем сердцем», – говорил в одном из выступлений О. Бокеев.

Действительно, читая его повести и рассказы, дивлюсь реальности его сюжетов. Не скрою, принимаясь за новую книгу, порой изумляюсь: ну кого может заинтересовать зачин? «Не спится одинокому старику Дархану, живущему на разъезде Жыланды. Его мысли поглощены тем, как построить мазар*, предназначенный для себя!» И что же? Размеренное повествование мгновенно захватывает в плен неторопливой глубиной философских размышлений, неожиданными поворотами сюжета, необыкновенной символическостью, нравственной чистотой героев. Повесть «Огненная арба», как, пожалуй, и все его произведения, буквально пропитана национальным колоритом. «Таких героев, как железнодорожный обходчик Дархан, много, – подчеркивает автор, – сколько – сумеи сосчитать, и не променяют они свою «глухомань» ни на какой другой, пусть даже райский, уголок на земле... Почему? Кто ответит на это?... Может, они привыкли в этой внешне однообразной, неустроенной еще, трудноватой жизни видеть большой смысл, тот смысл, который другим неведом?»

* Мазар (каз.) – мавзолей.

Читая повесть Бокеева, мне вспомнилось, как в 80-е годы, работая в школе рабочей молодежи станции Защита Алма-Атинской железной дороги, мне доводилось выезжать в командировки на разъезды, чтобы давать уроки рабочим-путейцам, согласно Программе о всеобщем среднем образовании. Порой нам, учителям, приходилось работать не по программе старших классов, а учить взрослых людей читать и писать. Тогда я не задумывалась, что от таких рядовых, в большинстве своем не очень грамотных тружеников, зависит жизнь многих людей. Казалось, не так уж это и много: обеспечить безопасное движение поездов. Но представьте себе крохотную трещинку в рельсе, которую бы не заметил обходчик и ушел, махнув на нее рукой. Кто знает, что стало бы с поездом, на всех парах мчащимся к роковой черте... «А, что говорить, чего мы не пережили за всю свою жизнь, какие беды не одолели!?» – размышляет герой Бокеева в повести «Огненная арба».

Писателю было чуждо высокомерие по отношению к простым людям и в литературе, и в жизни. Да и что значит в «жизни»? Жизнь – по Бокееву – это огромная книга, а художественное произведение – всего лишь конспект, сделанный по этой книге.

Из дневника О. Бокеева: *«Я теперь только узнал, что у меня нет настоящего друга... У меня нет никого, кроме себя, даже своим творчеством я недоволен. Это отнюдь не потеря надежды, это мое желание заново всмотреться в жизнь уже по-иному».*

Быть может, потому так одиноки герои Оралхана Бокеева. Часто бокеевский литературный образ отражает суть писательской индивидуальности. Вспомним героев его повестей: «Человек-Олень», «Крик», «Огненная арба», «Отзовись, мой жеребенок!», «Кербугу» и «Бура». И порой лишь природа становится спутницей героев, она, как живой организм, способна сострадать герою и умереть вместе с ним. Наверное, потому мастер слова Бокеев часто наделяет ее человеческими качествами. Хижину Дархана в «Огненной арбе» окружала степь. То высохшая, пожухлая, покрытая сухой коркой, то под «стыдливо застывшим на горизонте солнцем» «горит-пылает шальная красавица... И стоит дунуть ветру, как голые стебельки высохшей травы вплетают свою мелодию в обширную песню осенней степи».

Степь то «немая, полумертвая, измученная после кровопролитной битвы», умиротворенно «бормочет во сне, или как младенец причмокивает, тянется к материнской груди» («Сказание о матери Айпаре»). Порой кажется, что она предвещает беду, порой – вселяет надежду.

Оралхан Бокеев буквально ворвался в советскую литературу, заявив о себе сразу как зрелый писатель. Лестно отзывались о нем мастера

Түндүк:

Күзгү, каларда шашымы
дотан жогот бар каларда турган
мөңгүсү булган жерге, аялган өз
жанын аялган жерге, жеринин
кайыш жерге, аялган жерге, аялган
жерге, аялган жерге, аялган жерге
аялган жерге, аялган жерге, аялган жерге

xxx

Түндүк жерге, аялган жерге, аялган жерге
аялган жерге, аялган жерге, аялган жерге
аялган жерге, аялган жерге, аялган жерге
аялган жерге, аялган жерге, аялган жерге

xxx

Түндүк жерге, аялган жерге, аялган жерге
аялган жерге, аялган жерге, аялган жерге
аялган жерге, аялган жерге, аялган жерге
аялган жерге, аялган жерге, аялган жерге
аялган жерге, аялган жерге, аялган жерге
аялган жерге, аялган жерге, аялган жерге

xxx

Түндүк жерге, аялган жерге, аялган жерге
аялган жерге, аялган жерге, аялган жерге
аялган жерге, аялган жерге, аялган жерге
аялган жерге, аялган жерге, аялган жерге

xxx

Түндүк жерге, аялган жерге, аялган жерге
аялган жерге, аялган жерге, аялган жерге
аялган жерге, аялган жерге, аялган жерге
аялган жерге, аялган жерге, аялган жерге

xxx

Түндүк жерге, аялган жерге, аялган жерге
аялган жерге, аялган жерге, аялган жерге
аялган жерге, аялган жерге, аялган жерге
аялган жерге, аялган жерге, аялган жерге

художественного слова: Чингиз Айтматов, Ильяс Есенберлин, Олжас Сулейменов, Юрий Домбровский, Роллан Сейсенбаев. За короткую искрометную жизнь он написал десятки произведений. Повесть «Человек-Олень» экранизирована «Казтелефильмом», а пьесы ставились ведущими театрами драмы Казахстана и за рубежом. Он был лауреатом Государственной премии Республики Казахстан, премии Ленинского комсомола Казахстана, премии им. Н. Островского, премии издательств «Молодая гвардия» и «Жалын».

— А слава не вскружила ему голову? — интересуюсь я. — Не оторвала от родных корней?

— Нет, он оставался прежним, — говорит Клара-апай, — как и раньше, в отпуске торопился в аул, чтобы помочь родителям с сенокосом. Также тихо, не объявляя о приезде, чтобы никого не побеспокоить, добирался на попутках: то на грузовике, то на тракторе. А перед гостями больше читал не свои произведения, а Б. Майлина. В последние же годы, особенно после смерти жены, бывал чаще задумчивым и грустным, любил уединение. Зато как радовали его дети, появившиеся у него уже в зрелом возрасте: Айжан и Айхан. Айхана назвали в честь безвременно погибшей жены. Первый слог «Ай» — от имени Айман, а «хан» — от Оралхана. Он был редким отцом. Заботливым и любящим, посвятившим всего себя детям.

Из дневника О. Бокеева: *«Я в течение последних 4-5 лет ничего не писал. Нет настроения. Видимо, я все отдал, что должен был отдать. Теперь живу только для своих детей».*

— Ораш очень переживал болезнь дочери, не находил себе места, когда ей было плохо. Он боялся потерять близких, ведь за последние 6 лет пережил несколько смертей: жена, отец, 2 сестры. «Если бы мои почки могли подойти Айжан — не раздумывая, отдал бы ей», — говорил Оралхан. Так и не успел увидеть он то время, когда дети пошли в школу, повзрослели. Как жаль, как обидно, что все так случилось! Однажды, в один из его приездов мы долго разговаривали по душам. Вдруг он задает вопрос: «Скажи, Клара, интересно, каким я буду в старости, не представляю даже себя старым». Я, конечно, стала ругать его за такие слова и беспечно пошутила: «Ты будешь точно таким же старикашкой, как твоя тате (так называл он мать)». У Ораша были большие цели, которым не суждено было сбыться, — горестно помолчав, добавляет она.

Из дневника О. Бокеева: *«Когда я отрываю лист календаря, у меня дрожат пальцы, будто хороню еще один замечательный свой день...».*

...Уже 10 лет нет Оралхана Бокеева. Брожу по улочкам Чингистая, стараясь запомнить и сфотографировать дорогие его сердцу места. Пы-

О. Бокеев с сыном Айханом

таюсь понять, что изменилось с тех пор, когда писатель в последний раз был здесь, навещая родительский дом, где отдыхал душой и торопился жить.

По-прежнему над бескрайней степью бегут облака и ветер колышет седой ковыль. Грохочет Бухтарма и чаруют глаз необъятные катон-карагайские леса. Все также пленит и манит к себе вершина Акшоки*, восходит и заходит солнце, и звезды совершают свой торжественный путь. Да, стоит поразмыслить над тем, как, оказывается, прекрасна жизнь. И вспоминаются строки Бокеева: «Как полна счастья и радости жизнь! О господи, что может быть лучше того, чтобы жить! Пусть трудно, пусть даже пробавляясь безгорестно водой, а не сливками! Пусть даже пешком настигать, а не на коне, эту самую сложную, хитрую, как лиса, жизнь! Какое это благо – быть...».

*Акшоки (каз.) – белый пик.

ЛИТЕРАТУРА

Бокеев. О. След молнии: Повести и рассказы. – М.: Молодая гвардия, 1976.

Бокеев О. Поющие барханы: Повести. – М.: Сов. писатель, 1981.

Бокеев О. Повести: Пер. с каз. – М.: Сов. писатель, 1984.

Бокеев О. Поезда идут мимо: Роман, повесть. – Алма-Ата: Жазушы, 1985.

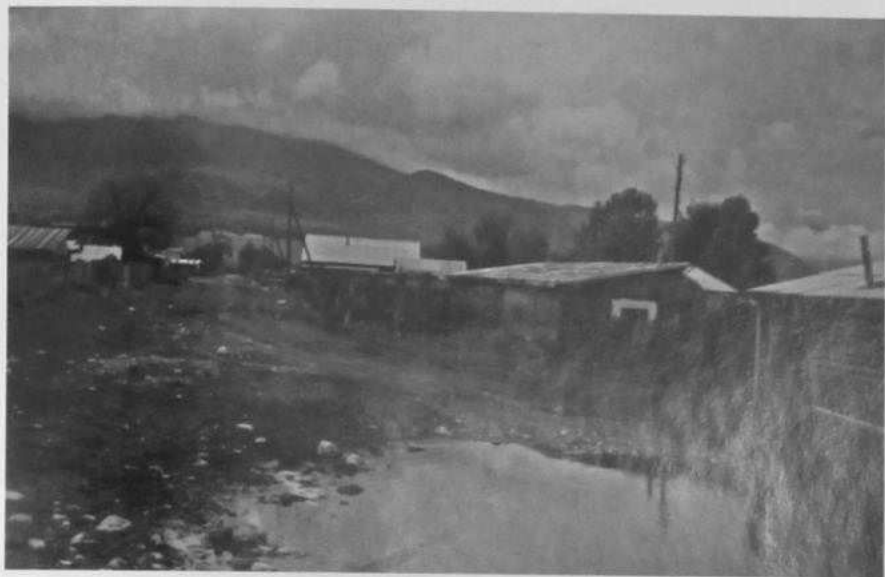
Бокеева Г. Воспоминания о брате. – Восточно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей (ВКОМ).

Долгопятова Р. Оралхан Бокеев – певец родной земли // Рудный Алтай. – 1998. – 23 сентября.

Магзумова К.Н. Воспоминания об Оралхане. Рукопись. – ВКОМ.

Теракопан Л. Разделение души // Простор. – 1990. – № 5.

Черных С.Е. Космодром писателя. Рукопись. – ВКОМ.

Поселок Чингистай, 2003 г.

О. Бокеев и Г. Мустафин, 1984 г.

В СКИТАНЬЯХ ДАЛЬНИХ СЕРДЦЕМ НЕ ОСТЫНЬ...

*Я уже позабыл
То, чего нет на свете красивей:
Снег на лапах ветвей,
Купола и малиновый звон.
Для меня только ты
Называешься нынче Россией –
В белой шубке из снега
Минувших прекрасных времен...*

Ф. Петрухин

«Когда я вспоминаю о родине, то мои мысли о ней складываются как псалом...» – писал в начале XX века Г.Д. Гребенщиков. Судьба забросила его далеко от родных берегов: сначала в Турцию, потом во Францию, Германию, затем в США, где он прожил до конца своих дней, безмерно тоскуя по милым сердцу родным краям и живя надеждой вернуться. Но родина останется для него лишь в воспоминаниях «как сладкий сон, как обрывок сказки, как ласка матери...»

Потому однажды, когда племянница прислала писателю в эмиграцию засушенный «жаркий цветок» с родных алтайских лугов, «...волною грусти и былого» плеснуло в его сердце воспоминание о далекой родине. Какие же картины прошлого высветил в памяти «огонек, совсем огненный в лепестках и с черным угольком в середине»? Быть может, «забытое богом и людьми селеньице» Николаевский рудник в 200-250 дворов и с ветхой церковкой без колокольни, где он в 1882 (1884) году родился, и которое не найти теперь на карте Восточного Казахстана. Или ему вспомнился отец, Дмитрий Лукич, – «крестьянин по духу, по положению – горнорабочий из инородцев». По семейной легенде, отец был

потомком калмыка. «С самого детства его травили, били, называли нехристью, — пишет Гребенщиков в книге «Гонец. Письма с Помперага». — Когда-то прадед его будто бы был одним из Алтайских ханов, а дед его был похищен русскими вместе с табуном лошадей и маленьким был взят в рабство. Вот почему и отец мой никогда не мог выбиться из нужды и рабского ярма шахтера. Он работал в шахте, работал на своей пашне; работал на поденщине у мужиков. Полубосой, в мороз и в дождь, пеший безлошадник, он всю свою молодость провел в дырявой одежонке. И все-таки никогда и никому не жаловался на судьбу».

А может быть, припомнилось ему «самое прекрасное и святое видение» — мать, Елена Петровна, — «мечтательница и богомолица», дочь бедной вдовы из поселка Убинского? Нежная, хрупкая, «мало пригодная к тяжелому труду», она была неподходящей парой «удалому, выносливому и загрубевшему в рабочих и в шахте отцу... А в нищете, в вечном труде, в чужих людях, всегда полуголодные, скоро обремененные детьми, родители... быстро отравляют свою жизнь вечными ссорами, покорами, слезами...» — писал Гребенщиков в «Гонце».

Родители Г.Д. Гребенщикова: Дмитрий Лукич,
Елена Петровна и сын Анатолий, 1913 г.

Возможно, глядя на этот вестник с Родины — цветок, в его памяти, словно живые, проносились образы далекого детства, «вой व्यюги за замерзшими окошками, плач в одинокой избе малых ребят. Плач не от

голода, а от глубокой, недетской тоски. Вернется ли живым из шахты отец?.. Ведь девять верст пешком – в субботу домой, а в понедельник из дома. И где, почему до темноты не вернулась мать, ушедшая с утра к чужим людям на работу? Не занесло ли, не похоронило ли ее снегом?..»

«В нужде многотрудной...»

Голодным и нелегким вспоминалось писателю детство. И не только потому, что до 12-ти лет он не имел собственных сапог и в школу пришлось пойти в старых валенках матери, и не потому, что «дети жили по неделям на воде и старой ржавой корке хлеба», а именно тем, что почти никогда не видел он радостного лица матери. Но сквозь беспросветную нищету проблескивали в его воспоминаниях и лучики радости: «не все же были беды и тревоги...». В автобиографической повести «Егоркина Жизнь», вышедшей после смерти писателя в США, вспоминалось ему особенное тихое весеннее утро, когда мать в «Егорьев день» несла его двухлетним в церковь для причастия. «Кажется, Егорка и сам помнит и никогда не забудет все, что впервые увидели его глаза в то утро. Прошло это как сон, а не бесследно, и этот сон уж не могли затмить никакие затемнения позднейших дней и лет, ни голод, ни обиды, ни слезы детские». Запомнилась Егорке большая, светлая, в ярких цветах шаль матери, что пахла воском «и еще чем-то пряным». И «первая, неведомая, неосмысленная радость» от как будто впервые увиденного вокруг: неба, «но не наверху, а внизу, под ногами матери», отражающегося в весенней луже, «через которую она переходила по доскам и камешкам». Она шла, будто скользя, «между синими небесами, ни к одному не прикасаясь». «Запомнили глаза Егорки, что мать тогда пошатнулась на шаткой доске... и вскрикнула: «Ой, ой!...».

И хотя в голосе матери, вместо испуга, была шуточная, молодая бодрость, все-таки ребенок еще крепче обхватил ручонками шею матери и близко-близко заглянул в ее повеселевшие глаза... Как хорошо, что это так случилось!.. Он увидел и навсегда запомнил, что в глазах матери была твердыня безопасности и одна ласка, одна незыблемая любовь».

Никогда потом Георгий Дмитриевич не забудет и слов матери, «когда она... мечтала вслух:

– Вот выучу тебя – хоть ты будешь у меня человеком... Учись, учись мой сын... – и голос ее делался твердым и уверенным, когда она внушала мне тогда, девятилетнему парнишке: – Ты должен быть как Ломоносов, либо как Кулибин!»

Но закончить даже начальную школу Егору не удалось. Прямо с экзамена за 4 класс отец отправил его на лесозаготовки с артелью в верховья Убы. Вся жизнь потом Гребенщиков будет усиленно заниматься самообразованием, и пророческие слова матери помогут ему достичь больших высот. Трудно себе представить, что тот же самый Егорка через много лет станет профессором Южно-Флоридского колледжа. А «через 50 лет своего пути в торжественной обстановке при массе избранной профессуры и студенчества получает из рук президента Оксфордского университета диплом, а декан возлагает на его плечи «худ» (капюшон доктора философии), в то время как профессор истории провозглашает в особой «сайшэйшон» все заслуги и причисляет Егорку к гражданам мира». Все это, действительно, звучит как сказка, но это было...

Пока же Егорку мать благословляет «в люди». «Это был тайный заговор против отца»: Егор отправляется с отцом в Семипалатинск с тем, чтобы, убежав от него, устроиться в городе – «сперва каким-либо сподручным, хотя бы пол подметать, в лавочке купцу прислуживать». Мать твердо верила, «что там, за гранью деревенской тошноты, свершится какое-нибудь чудо», и ее сын увидит другой мир.

«В людях» Егору довелось пройти великую школу жизни. Начал он трудиться учеником у мастера штемпельных дел, потом мыл посуду на заводе фруктовых и шипучих вод, работал помощником в аптеке, санитаром в больнице. «И вот он в больнице проработал год, – читаем в автобиографической повести «Егоркина Жизнь», – нет, не один год, а сто лет... опыта, микстур, промывки резиновой трубкой желудков больных, кровавых и гнойных бинтов после операций, впрыскиваний морфия умирающим, и меряния температур больным, их стон, предсмертный хрип...» «Здоров я был на удивление, – вспоминал Гребенщиков. – Меня запрут с рожистыми, или с «сибирской язвой», или с пятнистым тифом, я хоть бы подумал об опасности. Теперь я с ужасом думаю, что триста раз мог заразиться и умереть. Однако Бог хранил. Приходилось мне резать трупы – помогать при вскрытиях. Ужасное впечатление производили на меня изрезанные мертвые тела. Тогда я очень верил в Бога, в бессмертие души, и вид изрезанного человеческого тела оскорблял меня. Не выдержал я больничной обстановки. Год пробыл в больнице и уехал домой».

А дома юношу впрягли в крестьянскую работу. Но не по сердцу была она Георгию, и скоро отец отвозит сына в Шемонаиху, где за 3 рубля он работает в канцелярии лесничего Соколова: выписывает билеты на порубку леса, составляет месячные отчеты и забавляет Соколовских ребятшек. У лесничего Георгий «впервые увидел хорошие книги и на досуге

стал в них рыться. Напал на «Записки охотника», — вспоминает Гребенщиков, — и точно с глаз моих повязка спала. Вся эта цветущая природа — вот она за окном, за рекой Убой. Как же я ее не видел! Раньше для меня это была лишь «пашня» с тяжелой работой. Теперь это — красивый божий сад. Отсюда и пошло расти то любопытство к жизни, к природе, к литературе, которое в следующие десять лет сделало из меня начинающего писателя».

Служба у лесничего продолжалась до поры, пока Егора не выиграл в карты исправник из Змеева (*Змеиногорска*. Прим. — О. Т.). В Змеево Егор служит писарем в полиции, а месяца через три возвращается в Шемонаиху и становится писарем у мирового судьи Петра Евстафьевича Цвилинского, которого впоследствии назовет своим первым учителем и воспитателем. «Я был старателен, работоспособен. Судья это увидел, полюбил меня и занялся моим образованием. Он хотел сделать из меня хорошего письмоводителя, но так как был человек одинокий и добрый, то любил меня как сына». Год, проведенный у мирового судьи, был равным курсу хорошей школы, «тренировки и испытания юной души». Но главным было то, что писарство у Цвилинского было, по существу, первой литературной практикой, руководимой жизнью. «Проработал я у него четыре года и, когда он стал уже присяжным поверенным, я призадумался о дальнейшем», — читаем в дневниковых записях Гребенщикова.

И тут неожиданно юноша получил приглашение от нотариуса из Семипалатинска — Н.П. Щербакова. В 1902 году он переехал в Семипалатинск, устроился на работу старшим письмоводителем с приличным окладом, женился на учительнице Людмиле Николаевне Степановой, купил землю в 45 верстах от Семипалатинска, обзавелся хозяйством.

Служба у нотариуса была для будущего писателя поистине «университетом»: «...здесь я увидел много людей, работал над собой. Если у мирового судьи я сталкивался с тысячами мужиков и пестрых людей, то у нотариуса я стал лицом к лицу с городским населением, выслушивал их секреты, отношения, интересы. Здесь я уже много писал по ночам».

Его первые публикации: короткие рассказы, стихи, очерки на бытовые темы — вышли в 1905 году в газете «Семипалатинский листок». В следующем, 1906 была издана его первая книжка «Отголоски Сибирских окраин». Двадцать пятого июля «Семипалатинский листок» извещает:

«Въ магаз. Косарева

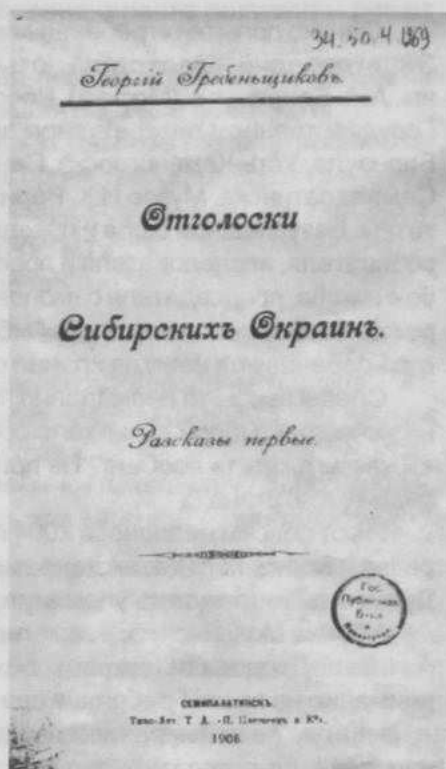
поступила в продажу новая книжка «Отголоски Сибирских окраин» — первые рассказы Георгия Гребенщикова. Цена 40 копеек».

Сборник включил в себя рассказы: «Не суждено», «О деревенской бабе», «Нахал», «В дороге», «Наяву бредят».

Вероятно, в то же время он работает над первой известной нам пьесой «Джаксы джигит» («Добрый молодец»), которая предназначалась для постановки на самодеятельных сценах с целью просвещения казахского народа. В настоящее время эта пьеса не обозначена ни в одном библиографическом справочнике писателя, поэтому здесь, уважаемый читатель, мне бы хотелось немного отступить от повествования о жизни писателя и рассказать об обстоятельствах написания этой пьесы.

До сей поры была известна всего лишь одна из пьес Г.Д. Гребенщикова – «Сын народа». Пьеса же Гребенщикова «Киргиз» является переводом с польского поэмы Густава Зелинского. Кстати, последняя переиздавалась в Польше 20 раз и переведена на английский, французский, итальянский языки. Остальные, к сожалению, знакомы только по названиям: «Тьма», «Некошной» (*нелегкий, нечистый, дьявольский*. Прим. – О.Т.), «Из песни слово», «Микула Селянинович», «Прерванный псалом» («Любушка»), «Шестиугольная юрта».

Все началось с нескольких скупых строчек Краткой энциклопедии Казахской ССР (Алматы, 1991, том 4, статья «Театр»): «Революция 1905-07 годов в России вызвала подъем духовной жизни Казахстана. Г. Гребенщиков написал пьесу «Славный джигит» (1907), положив в основу сюжета быт казахского народа...». Эти строки «обнаружил» в 2002 году бывший директор нашего музея А.В. Михалевский. Помню, как обычно сдержанный человек, он не мог скрыть в тот момент радость от своей «находки».

Титульный лист книги «Отголоски Сибирских окраин»

Однако попытки «гребенщиковцев» узнать что-либо у составителей Энциклопедии Казахстана, отыскать пьесу в театральном музее им. А.А. Бахрушина (Москва), Российской государственной библиотеке, Государственном литературном архиве России, библиотеках и архивах Барнаула, Усть-Каменогорска, Санкт-Петербурга, Омска, Новосибирска, Семипалатинска, Музее Н.К. Рериха в Нью-Йорке оказались безрезультатны. Безуспешной была и поездка Александра Борисовича Фирсова – собирателя, исследователя и пропагандиста творческого наследия Гребенщикова, председателя самодеятельного российского «Общества возрождения истории литературы Сибири» – в село Колыванское (на Алтае), где Гребенщиков некогда хранил свой архив.

Следы пьесы то неожиданно появлялись, то загадочно и таинственно исчезали. Порой возникало сомнение: «Да существовала ли пьеса «Джаксы джигит» вообще? Не придумка ли это составителей Энциклопедии Казахстана?»

И вот совсем недавно, в 2004 году, разговаривая со знатоком Семиречья и Восточного Казахстана писателем Александром Григорьевичем Лухтановым, коснулась упомянутой пьесы Георгия Гребенщикова.

– Ольга Михайловна, – заметил писатель, – как-то, работая с фондом А.Н. Белослюдова в Центральной научной библиотеке Алматы, обратил внимание на пьесу Гребенщикова с необычным названием.

– Какую? – с замиранием сердца, спрашиваю я. – Может быть, «Сын народа»?

– Нет! Название пьесы другое, непривычное...

– «Джаксы джигит»?

– Да, да! Именно так она и называлась: «Джаксы джигит»! – утвердительно сказал Александр Григорьевич.

– Неужели, неужели, наконец-то «Джигит» нашелся?

Благодарю Александра Григорьевича за подсказку. Подтверждение из библиотеки Алматы: «Есть такая пьеса Г.Д. Гребенщикова». Чьи-то заботливые руки уберегли ее и сохранили потомкам. Итак, найдено еще одно произведение Гребенщикова!

Решаю некоторые технические и дипломатические вопросы, и пьеса, на поиски которой было потрачено два года, – на родине автора.

По Интернету в одночасье рассылаю весть о находке членам «Общества возрождения истории литературы Сибири», живущим в Москве, Санкт-Петербурге, Барнауле, Боровом, Усть-Каменогорске, Красноярске, Томске, Новосибирске и пытающимся объединенными усилиями восстановить биографию Гребенщикова и собрать воедино его литературное наследие. Все в нетерпении.

«От вашей новости, Ольга Михайловна, просто ошалел! – пишет Фирсов. – Это сенсация!»

Что же представляет собой заветная «находка» в 25 страниц, перетянутых шпагатом и, кажется, еще хранящая дыхание времени?

Отпечатана пьеса, видимо, крохотным тиражом на гектографе. Старорусский шрифт. В тексте рукописные правки автора.

На титульном листе:

«ДЖАКСЫ ДЖИГИТ»

(Добрый молодец)

Пьеса в 4-х картинах Сибиряка Георгия Гребенщикова.

*Посвящаю Прииртышскому населению киргиз
для представления на русском и киргизском языках.*

Здесь же – автограф Г.Д. Гребенщикова:

«Лучшему из моих друзей Алексею Николаевичу Белослюдову.

Автор. 20 августа 1908 г. Г. Семипалатинск».

Пьеса, по тексту энциклопедии, датирована 1907 годом, вероятно, она первая, из написанных Гребенщиковым. Содержание ее, конечно же, отвечает духу времени. Писатель-гуманист и самоучка заботится в свои 23 года о просвещении казахского народа, находя образование жизненно необходимым.

В пьесе повествуется о судьбе Султанбека Бурумбаева, который, по настоянию интеллигентного, грамотного русского господина Николая Петровича, получает юридическое образование и становится помощником Присяжного поверенного. Султанбек пользуется большим уважением и доверием киргизов, так как вышел из их среды. Именно поэтому ему удастся успешно завершить одно давнее дело: «засудить» Кашкарбая Айгырова за издевательства над девушкой-сироткой, пастушкой Фатимой, которую Кашкарбай насильно взял в жены и мучил 8 лет.

Какова же история написания пьесы? Была ли она поставлена, где, кем и когда? Как пьеса оказалась в библиотеке Алматы? Над этими вопросами еще придется поработать исследователям литературного творчества Георгия Дмитриевича Гребенщикова.

В Усть-Каменогорске

В это время в 1907 году Георгий Дмитриевич переезжает в Усть-Каменогорск и работает служащим, а затем управляющим золотого прииска «Удалый», что был открыт горнопромышленником Часовниковым на левом берегу Иртыша близ Семитавских гор.

Несколько строк об этом периоде жизни мы можем прочесть в рукописи его книги «Моя Сибирь», написанной в эмиграции и не увидевшей свет при жизни писателя. В ней говорится, как «бывший нищий мальчик стал богатым и цветущим юношей. И в горах Алтая он появляется как управляющий золотыми приисками одной из крупных компаний... «В это время, – вспоминает Гребенщиков, – в городе Усть-Каменогорске один из самых лучших домов был моей квартирой. Кроме двух троек для разъездов по приискам, у меня был чистокровный вороной рысак и иноходец – для разъездов в городе. В рабочем кабинете у меня был несограемый шкаф, и откуда-то появилось привычное небрежное умение считать рубли на тысячи. В то время, и в особенности в 1907 году, с прогремевшей славой рудника «Удалого» на Южном Алтае, по левую сторону течения Иртыша, была особенная золотая лихорадка...»

В Усть-Каменогорске Гребенщиков общался с образованными людьми. Был хорошо знаком с политическим ссыльным, краеведом, ученым Евгением Петровичем Михаэлисом, его дочерью Людмилой Евгеньевной Хотимской, известным Усть-Каменогорским садоводом Дмитрием Гордеевичем Панкратьевым, братьями Зобниными, семейством Белослюдовых, политическим ссыльным, одним из изобретателей рамочного пчеловодства Александром Николаевичем Федоровым. Каким же был Георгий Дмитриевич по рассказам тех, кто хорошо его знал? Об этом прочтем в дневнике дочери Дмитрия Гордеевича Пакратьева – Елены Дмитриевны. Ее дневник 1964 года хранится в Государственном архиве Восточно-Казахстанской области. По свидетельству Панкратьевой, Гребенщиков в нашем городе был дружен с почтово-телеграфным служащим Михаилом Андреевичем Дегтяревым. По воспоминаниям Дегтярева – их записала Елена Дмитриевна в своем дневнике – Гребенщиков был невысокого роста, сухощавым, подвижным, смуглолицым, темноволосым человеком. Часто заходил в почтовое отделение, «что-то отправлял, получал, посылал... Он, после первых же посещений почты, стал держаться с Дегтяревым как знакомый, – пишет Елена Дмитриевна. – Заходя, приветливо здоровался и часто за руку, заводя сразу разговор на общие темы, шутил, смеялся. В общем, держался он очень просто, был общительным, веселым, даже, можно сказать, жизнерадостным».

Елена Дмитриевна также вспоминала, что Георгий Дмитриевич «относился с большой симпатией» к Валентине Андреевне и Константину Андреевичу Горшковым. «Одно лето (видимо 1913 г.), – продолжает она в дневнике, – во время своего приезда в Усть-Каменогорск с семьей (или только с одним мальчиком), он останавливался у Горшковых. Фотография, на которой он сфотографирован сидящим на тележке, за кучера,

а седоками – Вал. Андр. (*Валентина Андреевна*. Прим. – О. Т.) и мальчик. В это лето Вал. Андр., ее родной брат Константин... совершили подъем на горы возле Риддера. Как они добирались до Риддера – не знаю, вероятно, на лошадях, т.к. жел./дор. тогда еще не было. А из Риддера они всей компанией совершали подъем на ближние горы, кажется, на Ивановский хребет до зоны белков и альпийских лугов. Это путешествие в ее памяти осталось как какое-то сказочное, чудесное воспоминание». Вероятно, со слов В.А. Горшковой, Елена Дмитриевна описывает пейзажи, покорившие своим великолепием путешественников. «Все участники похода были потрясены величиим и красотой альпийской природы, – продолжает она в дневнике. – Гребенщиков также не меньше других восхищался и проявлял свои чувства. В течение всего похода Г.Д. (*Георгий Дмитриевич*. Прим. – О. Т.) держался, как и все члены компании, на равных правах со всеми. Вообще он был, по ее словам, скромным молодым человеком».

Работая на золотых приисках Усть-Каменогорского уезда, Гребенщиков «пережил много внутренней борьбы. Я вынужден был, волей-неволей, стоять над рабочими и угнетать их. К тому же у меня умерли девочка трех лет и мальчик около года. Это меня надломило. Когда рассорились мои хозяева, я ушел с приисков совсем и поехал в Москву, а оттуда за границу. В Монте-Карло мой приятель проиграл мои деньги, и осенью 1907 года я голым пролетарием приехал в Питер пытаться счастья в литературе», – пишет он в дневниковых записях.

«Усть-Каменогорский Лев Толстой»

В результате поездки в Санкт-Петербург Гребенщиков становится известен столичному читателю, публикуя в «Биржевых ведомостях» очерки о Сибири, проводит написанную еще в Семипалатинске пьесу «Сын народа» через цензуру и в конце 1907 года возвращается в Усть-Каменогорск. Уже тогда, по воспоминаниям Панкратьевой, начинающий писатель снискал славу «усть-каменогорского Льва Толстого». «Успехом она (*пьеса*. Прим. – О. Т.) пользовалась среди местной интеллигенции большим, – вспоминает Елена Дмитриевна. – И ее (*Горшковой В.А.* Прим. – О. Т.) друзья, ...ходили на спектакли и давали восхищенные отзывы о творчестве Гребенщикова, называя его «вторым Толстым». Конечно, такая похвала была очень высокой и очень лестной для Гребенщикова. Вал. Андр., хотя и с симпатией относилась как к самому Гребенщикову, так и к его творчеству, однако такое сравнение с Толстым ей показалось оскорбительным для Толстого (которого она считала непревзойденным и ни с кем не сравнимым), в душе обиделась и не пошла на

Цѣна 5 коп.

ПРОГРАММА

Въ Среда 20-го Августа 1908 года

ВЪ ОВЩЕСТВЕННОМЪ СОВРАЩЕНІИ

Представлено будетъ

„СЫНЪ НАРОДА“

Пьеса въ 4-хъ картинахъ съ мѣстами и мелочиславной сц. Себастия.
Георге Гребенщикова

КАРТИНЫ

1. Сынъ Народъ въ юности тѣмъ.	4. Сынъ Народъ крутитъ дуть.
2. Сынъ Народъ стрѣляетъ въ вѣту	5. Сынъ Народъ замѣчаетъ мѣсто.
3. Сынъ Народъ между сѣткою и тѣмъ.	6. Сынъ Народъ на тѣмъ со сѣткою.

Дѣйствующія лица:

Самосовичъ, бывшій террористъ	—	—	и. Шадрица.
Малышъ, его жена	—	—	и. Мясникова.
Савелій, ихъ старшій сынъ крестьянинъ	и. Володарова.	и.	и.
Федоръ, ихъ младшій сынъ (Сынъ Народъ)	и. Степанова.		
Акулина, жена Савелія	—	и. и. Дьякова.	
Любовь, дочь Полковникова	—	и. и. Ревкина.	
Нина, вдова учительница	—	и. и. Орлова.	
Ольга, ее сестра	—	и. и. Толмачева.	
Михаилъ Подорожниковъ, бывшій студентъ	и. Косачевъ.		
Неустровъ, народный учитель	и. Полужирникова.		
Бушуевъ, молодой студентъ	—	и. Думанова.	
Перепеловъ, городской обыватель	и. Фокискина.	и. и. и. и.	
Климентій, крестьянинъ издвѣцъ	и. Климентина.	и. и. и. и.	
Арина, старуха изъ города	и. и. Ларина.	и. и. и. и.	
Нина, Любовь Ушаковой	и. и. Семенова.		
Федосья дѣвка, служанка сенатчицы	и. и. Гребенщикова.		
1-й шоферъ	—	и. Фокискина.	
2-й шоферъ	—	и. Фомина.	
1 студентъ	—	и. и. и. и.	

Гости

Между 2, 3 и 4 картинами проходить по 4 года. Между 4 и 5 — несколько мѣсяцевъ, между 5 и 6 — одинъ годъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Омскѣ, но извѣстнѣе 4 картины, дѣйствіе на югъ Россіи вблизи Австрійской границы

Начало въ 8½ часовъ вечера

Убѣдительно просить занимать мѣста по 2 вѣспку

Распорядитель А. Н. Бласковъ.

Печатать логотипы.

Печать логотипы.

Программа постановки пьесы Г.Д. Гребенщикова «Сын народа».
Государственный архив Восточно-Казахстанской области

спектакль. Но произведения Гребенщикова, особенно его стихи, читала с удовольствием и находила их чудесными. Он, Гребенщиков, много писал стихов и часто присылал им письма в стихах».

В воспоминаниях Панкратьевой речь идет о состоявшейся 10 апреля 1908 года на сцене усть-каменогорского Народного дома премьере пьесы «Сын народа», поставленной под руководством провинциальных актеров, супругов Бобош-Королевых. Пьеса «имела неожиданный мною успех, — пишет Гребенщиков в письме к драматургу и режиссеру Е.П. Карпову в Петербург. — Здесь, несмотря на захолустье, нашлись довольно сведущие люди, которые лестно для меня разобрали пьесу в печати...». Во время представления в зале присутствует «эстет высокого сорта», как называет этого человека Гребенщиков, «интеллигент в настоящем смысле слова» — Александр Касперович Голимонт, который содействует переезду молодого писателя в Омск, где пьеса с успехом проходит в большом городском театре и автор становится редактором газеты «Омское слово».

В культурной столице Сибири

Осенью 1909 года Гребенщиков приглашен в Томск на должность секретаря журнала «Молодая Сибирь». Но уже скоро возглавил журнал «Сибирская новь». Оказавшись в окружении маститых литераторов Сибири, Гребенщиков, зная, что ему предстоит еще много учиться, по совету патриарха сибирской интеллигенции, исследователя Центральной Азии и Сибири Григория Николаевича Потанина, поступает вольнослушателем в Томский университет на юридический факультет. Сохранилась переписка Гребенщикова и Потанина, свидетельствующая о дружбе «Большого сибирского дедушки» и «Малого сибиряка», как называли их современники. Потанин отечески опекал и наставлял Гребенщикова, вероятно, потому, что заметил в нем удивительную целеустремленность, работоспособность, недюжинное дарование выходца из народной среды и возможного последователя его областнических идей. «Лишь значительно позже я стал догадываться, — вспоминал Гребенщиков в эмиграции, — почему Григорий Николаевич относился ко мне с таким вниманием... Быть может, он уловил во мне ту первобытную нетронутость народной почвы, на которой лучше прорастают его семена. Я был моложе всех, я был настоящий выходец из простой среды и, по его мнению, мог вспыхнуть настоящим пламенем его идей».

В том же 1909 году Георгий Дмитриевич предпринимает повторную поездку в Петербург по делам издания своих сочинений. Поездка оказалась для начинающего писателя весьма плодотворной. По билету приятеля

ля-академика он присутствует на заседании Российской академии наук, где знакомится с известным в ту пору поэтом – великим князем Константином Романовым, собирается ехать в Москву на открытие памятника Н.В. Гоголя. Но «подавленный величием культуры столицы», «чувствуя стыд и страх за свои выступления», решает уехать обратно в Сибирь. А по дороге домой Гребенщиков отважился завернуть ко Льву Николаевичу Толстому в Ясную Поляну, чтобы покаяться в своих «литературных прегрешениях».

Получить благословение или «вернуться к сохе»?

Итак, 19 марта в жизни Гребенщикова произошло замечательное событие – памятная встреча со Л.Н. Толстым. Эта поездка была необходима начинающему писателю. Испытывая сомнения в собственных силах от недостаточной образованности, отсутствия необходимого литературного опыта, устав от нападков «баловней судьбы» – образованных литераторов, и, одновременно, ощущая в себе жажду к действию, он должен был получить благословение великого Толстого или навсегда «вернуться к сохе». Несмотря на то, что Лев Николаевич был болен, он принял и выслушал писателя из провинции. «Поспешно, кратко, но смело и твердо начал свою исповедь и, между прочим, рассказал содержание пьесы «Сын народа»... И когда я заключил вместе с героем моей пьесы, что всем сынам народа надлежит вернуться в лоно сельского труда и не поддаваться соблазнам городской культуры, Лев Николаевич даже откинул голову и произнес: «Так это хорошо!.. Если вы сам крестьянин и такой энергический (он именно так и сказал это слово), то крестьяне лучше вас послушают, нежели городских писателей», – вспоминал Гребенщиков в очерке «У Льва Толстого». А Лев Толстой в своем дневнике 20 марта 1909 года сделал короткую запись о встрече с Гребенщиковым, назвав его «интеллигентом-калмыком, литератором, возвращающимся к земле». Именно к земле, так как Гребенщиков считал необходимым писать о крестьянстве, потому что знал, как писать о людях из родной ему среды, и верил, что способен написать о крестьянстве так, «что и интеллигенты будут читать». Однако важно то, что он не был только бытописателем. Не случайно в русской критике его называли «сердцеведом крестьянских душ». «...Он был стихийным философом крестьянства, искателем нравственных основ крестьянского уклада. Начала «крестьянософии» Гребенщикова закладывались именно в сибирский период его творчества», – утверждает Т.Г. Черняева, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Алтайского государственного университета. Мно-

го лет спустя, живя в эмиграции, Георгий Дмитриевич в письме к П.Н. Краснову (*российский военачальник, генерал от кавалерии (1918), писатель, один из руководителей антибольшевистского движения в годы гражданской войны*. Прим. – О.Т.) отмечает, что его сибирские рассказы – это «эпос, но сибирский, где мужик обрисован как настоящий законченный человек. Писатель Муйжель, псковитянин, как-то мне писал, – продолжает Гребенщиков, – что в русской литературе никто до меня не описывал мужика с таким достоинством, а все как-то свысока, и язык его непременно уснащался дразнящей манерой. Мужик у всех был либо пьян, либо забавен, либо жалок. У меня он – Чураевы».

«Я не могу не идти в народ...»

Для изучения крестьян, их религии, нравов, обычаев, с целью «этнографических и бытовых наблюдений», весной следующего года Георгий Гребенщиков отправляется на Алтай по маршруту: «Томск – Усть-Каменогорск – Риддер – Усть-Каменогорск – станица Убинская и вверх по Убе».

В это время с помощью А.К. Голимонтова он переводит с польского поэму Густава Зелинского «Киргиз», вышедшую с иллюстрациями художников Григория Гуркина, Виктора Белослюдова и Михаила Шмелева в «Товариществе «Бытовая Сибирь» в Томске. Результатами исследований явились: замечательный литературно-этнографический очерк «Река Уба и убинские люди», вышедший в 1912 году в «Алтайском сборнике» в Барнауле, а также очерки из серии «Крестьянские этюды»: «На Убе», «Среди крестьянских девушек», опубликованные в газетах «Сибирское Слово» (1910) и «Сибирская жизнь» (1911).

Кроме того, в начале 1911 года Гребенщиков разъезжает по городам Сибири с лекциями о старообрядцах Алтая, сделав о них предварительный доклад в ученом обществе. В иркутской газете «Сибирь» 17 и 20 февраля сообщается о лекциях Гребенщикова: «Убинские староверы на Алтае» и «Народная песня в Сибири».

В этом же году он отправляет Горькому некоторые из последних сочинений, в том числе повесть «В полях». Горький отвечает: «Рукопись послал редактору «Современника» В.С. Миролубову, а рассказы готов издать отдельной книжкой, хотя советовал бы обождать с год. Миролубов рассказы принял».

Это было накануне следующего путешествия на Алтай, куда в 1911 году по поручению Томского общества изучения Сибири Георгий Дмитриевич отправляется для изучения старообрядческого населения Бухтарминского края. «Весною 1911 года мы вместе с ним (Г.Н. Потаниным. Прим. – О.Т.)

выехали на Алтай... Он ехал на северный Алтай, в Анос, где живут остатки племени алтайцев – шаманистов, а меня «командировал» в юго-восточную часть Алтая, в Бухтарминский край, куда я и отправился на целый год, – пишет Гребенщиков в историко-этнографическом очерке «Алтайская Русь», опубликованном в «Алтайском альманахе» в 1914 году. Но нельзя думать, что это путешествие, впрочем, как и предыдущее, было предпринято лишь для «этнографических и бытовых наблюдений».

*К. В. Гребенщиков едет на ярмарку
в Катон-Карагай.*

Г.Д. Гребенщиков едет на ярмарку

В путешествии бухтарминцы его «больше интересуют как люди и менее как староверы». «Мне вовсе неинтересно сектантство как таковое, но мне интересны люди в нем, но люди – народ, русский народ, и я счастлив тем, что я среди него проживу год... Изучать людей... и вынашивать свои искания и темы... в этом у меня есть психическая потребность. Я не могу не идти в народ, раз эта среда – моя почва, в которой находятся корни моих тела и души», – пишет Гребенщиков в декабре 1911 года исследователю Степного края, другу А.Н. Белослюдову.

Гребенщиков подмечает любопытные детали жизненного уклада «беловодцев», встречается со старожилами, занимается в местных архивах. Впечатления от поездки он обобщил в очерке «Алтайская Русь». В нем Гребенщиков отме-

чает: «К половине 18 века в горах южного Алтая была уже целая сеть русских деревень. Деревни эти были, разумеется, до смешного малы, но, разбросанные по ущельям, они плотно садились на новую почву и глубоко запускали свои корни... Не удивительно потому, что самая первая деревня, ныне именуемая Фыкалкой, искренно и без насмешки называлась «Большой деревней», потому что в ней было семь домов».

Своими впечатлениями от путешествия Гребенщиков делится с А.М. Горьким. 20 июня в письме из Катон-Карагай он пишет: «Поселился я на краю света, как раз в трех десятках верст от китайской границы, в глу-

хом горном уголке, у подножия альпийских гор, в д. Согорной. Здесь самые «ясашные», искавшие когда-то «Беловодье», и живут... Ох, какой это любопытный народ... Во-первых, мы с женой вот уже целую неделю подвержены всяческому любопытству, как невиданные звери. Ни посуды, ни пищи, ничего нам не дают, потому, что мы «еретики», и смотрят на нас, как на громадных чудаков, все подвергают строгой критике и осмеянию... Вот верхом подъехал мужчина... Боже мой, да это сказочный витязь... Что за осанка, взгляд, борода черная по пояс... Костюм... Непременно сфотографирую и Вам пришлю несколько портретов... Вот баба толстая с хитро смеющимся лицом косится на меня через окно: «Пишешь?» – «Пишу...». Хлопает руками по толстым ляжкам... Мальчуган с грязной, сияющей рожей лезет в окно. «Тебе чего надо?» – «А!» – «Чего лезешь?» – «Ничего... Хы-ы», – продолжает лезть в окно, прямо к столу... Молодец!.. Это, конечно, дикари, но дикари, не знавшие рабства, ах, как это интересно и оригинально для России. 20 июня 1911 года, Катон-Карагай на Алтае.

Путешествия на Алтай обогатили Гребенщикова темами, «которые, – как он пишет Белослюдову из деревни Хайрюзовки 27 декабря 1911 года, – дадут мне много творческой жизни». Очерки этого периода приоткрывают интереснейшие страницы истории нашего края. Они и доныне являются ценным источником для изучения жизни первых поселенцев Бухтарминского края и для авторитетных историков. Материалы исследований Гребенщикова послужили также основой для его лекций, читаемых в России, а потом и в эмиграции. «Его «Алтайская Русь» (одноименное название лекции) имела небывалый успех. Рассказывают, накануне Первой мировой войны лекцию приходили слушать даже архиереи и генералы», – писал П. Дымов в статье «Янки поневоле».

«В добрый путь!»

А.М. Горький заметил талант начинающего писателя и всячески поощрял его на творчество, советуя, однако, «учиться до смерти»: «Я очень рекомендую вам: изучайте русскую литературу, это вам поможет. Тургенев научит вас писать природу, пейзаж, Чехов покажет вам, что такое диалог, как, в действительности, говорят живые люди, научит строить фразу, предложение – кратко и точно. Последние рассказы Бунина, талант которого все развивается, восходит на высоту талантов Тургенева и Чехова, эти рассказы дадут вам понять, как можно строить повесть, располагать материал, – научат, как нужно сливать слова с образом. Возьмите, на пробу, в «Суходоле» рассказ «Захар Воробьев», – посмотрите, как это сделано... как автор сразу заставит вас почувствовать всю страшную тоску русской жизни», – читаем в письме от 14 (27) марта 1913 года.

Почему великий пролетарский писатель обратил внимание на первые литературные опыты молодого писателя-сибиряка и поощрял его на писательство? Не потому ли, что считал необходимым «заняться духовным собиранием Руси, делом, которого еще никто не делал, упрямо и серьезно»? Впрочем, Горькому Сибирь отнюдь не казалась «складочным местом российской драмы», — как писал о ней В.Г. Короленко. Горькому виделось в ней будущее, и, прежде всего, его интересовал человек, не знавший крепостного рабства и способный коренным образом преобразовать жизнь. Быть может, олицетворением такого человека явился для Горького Гребенщиков — молодой, энергичный, талантливый выходец из народа. Вспомним монолог главного персонажа из «Жизни Клима Самгина»: «Присмотришься к этой пустынной земле, как будто почувствуешь ее жажду человека, — право! И вроде как бы ветер шепчет тебе: «Ага, явился? Ну-ко, начинай...».

Как созвучны эти строки с идеей пьесы Гребенщикова «Сын народа», — тот же призыв сынов народа обратно на землю, жажда труда и созидания. Вероятно, причиной трогательного внимания и отеческой заботы Горького к нашему земляку были и общности в их биографиях. Детство обоих было омрачено семейными драмами; не имевшие начального образования, оба рано оказались «в людях»; оба талантливые самородки, всю жизнь занимавшиеся самообразованием. И Горький, и Гребенщиков в юношестве работали письмоводителями, тогда же и начали писать свои первые литературные опыты: стихи, очерки, рассказы. Интересы обоих были обращены к простому человеку. Оба, наконец, смогли преодолеть безграмотность и стать мастерами художественного слова. Рекомендуя рассказы Гребенщикова для журнала «Современник», Горький советовал В.С. Миролюбову: «Обратите внимание на рассказы Гребенщикова. Автор — сын алтайского калмыка и донской казачки, молодой парень, самоучка, ныне постоянный и видный сотрудник «Сибирской жизни». Рассказы, помещенные в этой газете, очень хороши».

В ноябре 1912 года Горький пишет редактору «Современника» Е.А. Ляцкому: «А Гребенщиков начинает писать все лучше и лучше! Добрый путь!».

Гребенщиков с трепетом относился к Горькому, считая его одним из своих учителей и наставников. В очерковом цикле «Письма к друзьям» он писал: «Слово Максима Горького, протянувшего нам, Сибирякам, свою могучую руку с далекого итальянского острова Капри, оказало мне большой, скажу даже, незаслуженный кредит. Начиная с любезного и тепло-го приема у его соредатора по «Современнику» — Евгения Александро-

вича Ляцкого, — судьба, в продолжение всего за тем пребывания моего в Петербурге, весьма мне покровительствовала».

В 1916 году в «Ежемесячном журнале» литературный критик В. Львов-Рогачевский писал о новой струе в российской литературе, которую принесли писатели из крестьян: С. Клычков, С. Есенин, А. Чапыгин, Г. Гребенщиков, — которого ревнивые патриоты Сибири зовут «Сибирским Горьким».

«Газета Гребенщикова — литературный пантеон»

Находясь в экспедиции по Бухтарминскому краю, Гребенщиков получил предложение возглавить барнаульскую газету «Жизнь Алтая». Из старообрядческой деревни Согорной он пишет прошение:

Его превосходительству Господину Томскому Губернатору

Крестьянина Томской губернии, Змеиногорского уезда, Александровской волости, села Николаевского, состоящего действительным членом: Московского Общества Русских Драматических Писателей и оперных композиторов, Томского Общества Изучения Сибири Алтайского Подотдела Императорского Русского Географического общества и др., литератора **Георгия Гребенщикова**, временно живущего на южном Алтае, в д. Согорной, Черновинской волости, Змеиногорского уезда.

Почтовый адрес: «Катон-Карагай, Семипалатинской области»

ПРОШЕНИЕ

Проживая последние три года в г. Томске, в III части, по Большой Кирпичной улице, в д. № 12 — Степанова, я в начале 1910 года с разрешения Вашего Превосходительства редактировал издававшийся в Томске Г.Я. Крекниным журнал «Сибирская Новь».

Ныне, по приглашению издателя, издающейся в Барнауле газеты «Жизнь Алтая», я хотел бы принять на себя ответственность по обязанности редактора этой газеты с 1 января 1912 года.

Так как сведения о моей политической благонадежности собраны и имеются в Томском Губернском Правлении по делу об утверждении меня редактором журнала «Сибирская Новь», и никаких иных, указанных в

Законе, препятствий к допущению меня в редакторы не имеется – я покорнейше прошу Ваше Превосходительство допустить меня к исполнению обязанностей редактора издающейся в г. Барнауле газеты, о чем и уведомляю издателя этой газеты В.М. Вершинина, живущего в Барнауле, в собственном доме.

Декабря 31 дня 1911 г.

Крестьянин Георгий Дмитриевич Гребенщиков.

Справка: В данное время я нахожусь в Бухтарминском крае по поручению Томского Общества изучения Сибири и Алтайского Подотдела Географического общества для этнографических исследований.

Георгий Гребенщиков.

Итак, вскоре по совету Потанина в 1912 году он перебирается в Барнаул для работы в газете «Жизнь Алтая», сначала в качестве литсотрудника, потом редактора, а после – заведующего литературным отделом. «Жизнь Алтая» была очень популярна в Сибири. «Крутовский даже хвалит и называет ее моим именем: «Газета Гребенщикова – литературный пантеон», – читаем в письме Гребенщикова публицисту, поэту и журналисту П.А. Казанскому от 10 октября 1912 года. Здесь Гребенщиков сплавивает вокруг газеты талантливых литераторов Сибири: И. Тачалова, А. Писотровского, П. Драверта, П. Казанского, Л. Шумиловского и других. А уже через год Георгий Дмитриевич налаживает выпуск «Алтайского альманаха», являющегося приложением к газете «Жизнь Алтая», печатавшегося в Петербурге. По поводу подготовки к выпуску «Алтайского альманаха», 22 апреля 1913 года он пишет Горькому из Барнаула: «Готовится у нас к изданию Алтайская книжка... Материал собран и книжка должна быть чистенькая, кое-какое представление можно будет составить о нашем Алтае».

Приходится удивляться, с каким упорством и энергией наш земляк пробивал себе дорогу в большую литературу, как много творческих планов сумел осуществить в 1910-1914 годы. Георгий Дмитриевич путешествует по Алтаю, дважды посещает Москву и Петербург, публикуется в лучших журналах России – «Современнике» и «Летописи», налаживает связи со столичными издательствами, печатается в сибирских газетах. В Петрограде выходит первый том его рассказов и повестей «В просторах Сибири» и привлекает внимание литераторов и критиков Петербурга. Е.А. Ляцкий в письме к Горькому отмечает, что из Гребенщикова «выйдет крупная литературная величина. Как человек, он умен, застенчив и положителен...».

Эти годы отмечены знакомством Георгия Дмитриевича с интересными, талантливыми людьми: Г. Потаниным, И. Репиным, М. Горьким, Л. Толстым, В. Шишковым и другими. Он полон творческих проектов, читает доклад «Алтайская Русь» в Сибирском собрании Петербурга, иллюстрируя его фотографиями пейзажей и типов алтайских старожилов-раскольников: «...публики было много, и публика все изысканная».

Критики Сибири также хорошо отзывались о сочинениях Гребенщикова этого периода. «Сочными красками реалиста-бытовика пишет он свои этюды и картины родных просторов... подкупает искренностью своих рассказов, любовно наложенными штрихами, яркостью описаний и умением интересно рассказывать даже о незначительных фактах. Всякий интересующийся жизнью Сибири не сможет не прочесть рассказов Г. Гребенщикова, а прочитавший их не пожалеет об этом», – писал в «Сибирской жизни» в 1913 году В.И. Анучин.

Вячеслав Шишков, назвавший Гребенщикова «лучшим сибирским писателем», по поводу выхода I тома книги «В просторах Сибири» в 1913 году в письме к Анучину писал: «Автор любит свою родину... Он любит Сибирь тихой влюбленностью, с оттенком грусти, с затаенными, едва уловимыми слезами, которые иной раз явственно сказываются. Он любит и по-особому чувствует дикую красоту и мощь Алтая, любит киргизские степи с вольной жизнью их обитателя – киргиза. Он внушает эту любовь и читателю, заряжает своим настроением... он умеет создать... правдивую картину жизни».

В 1915 году в петроградском издательстве «Товарищества писателей» выходит II том рассказов Гребенщикова «В просторах Сибири». «Праздником сибирской литературы» назвал выход этой книги В.И. Анучин, автора – «бытописателем этого смутного времени».

Г.Д. Гребенщиков, 1912 г.

«Вы пишете большую вещь...»

В сибирский же период Гребенщиков начинает писать самое значительное свое творение – «роман-хронику одной старообрядческой семьи» – «Чураевы». Замысел восходит, вероятно, еще ко времени путешествий Гребенщикова по Алтаю. В письме к Белослюдову от 27 декабря 1911 года из деревни Хайрюзовки он сообщает, что его «скитания и нужда – даром не пропадут... Я хочу... доказать, что напишу роман...». В письме к Потанину из Петербурга 31 октября 1913 года читаем: «Мне радостно, что у меня множество веселой и захватывающей работы, и я хочу делать, делать, делать неустанно».

И даже война 1916 года не помешала Гребенщикову реализовать задуманное. Несмотря на слабое здоровье, признанный негодным к строевой, наш земляк отправился добровольцем на фронт в качестве санинструктора и военного корреспондента «Русских ведомостей». Сначала он служил в окопных банях, где мыл солдат, а потом боролся с тифом среди престарелых беженцев-евреев из Тернополя.

В письме Г.Н. Потанину 25 июля 1916 года из действующей армии Гребенщиков сообщает: «Работа меня захватила, я пишу с увлечением... Надеюсь, что если удастся окончить работу – она будет первой серьезной и зрелой моей работою. Но вот беда: над головою часто носятся аэропланы, а поблизости еще более опасные враги – невидимые глазом миазмы болезней... Ужасно будет обидно умереть, не написавши серьезной вещи...».

Перед отъездом на фронт Гребенщиков отправил первую часть романа на суд Горькому, надеясь опубликовать ее в «Летописи», на что Горький 19 февраля 1916 года ответил: «Первая часть повести Вашей, Георгий Дмитриевич, вызвала у меня очень хорошее впечатление. Все написано крепко, надолго и – с большим знанием. ...Вы пишете большую вещь... Обязательно продолжайте писать, мне кажется, эта повесть – Ваше лучшее, т.е. лучшее из всего, что Вами уже сделано. Боюсь, что война разрушит Ваши сложившиеся впечатления, помешает Вам кончить повесть. Очень боюсь... Будьте здоровы, дорогой, берегите себя!...».

30 ноября 1916 года Гребенщиков с солдатом-курьером отправил Горькому рукопись второй части романа. В сопроводительном письме читаем: «Как ни тяжело мне было – все-таки сдержал слово, кончил вторую часть, которую в третий раз переписывал ночами... Плохо ли, сносно ли написал ее – судите сами. Только Вам я посылаю ее, и жду Вашего суда с этим же курьером. Точно даю слово – к 1 февраля окончить третью часть, которую, если не попаду в плен, пришлю таким же образом. ...Если помните – мы с

Вами уговорились так: я посылаю вторую часть, самую сомнительную, и Вы решаете: стоит ли печатать вещь, не дожидаясь третьей части? ...Значит, три вопроса, на которые я жду ответа: 1) Будете ли печатать «Чураевых» в «Летописи»? 2) Когда начнете? 3) Как оплатите?».

5 февраля 1916 года Георгий Дмитриевич едет в Москву и, под эгидой Главного Комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам, организует и возглавляет 28-й Сибирский санитарно-транспортный отряд имени служащих Томской железной дороги. Вместе с отрядом Гребенщиков едет на Двинский фронт, а затем с 59-й пехотной дивизией, в состав которой поступил санитарный поезд, отправился в Карпаты, где воевал до апреля 1917 года.

«Не потерял ли я рассудок?..»

В очерках военной поры: «Наши будни», «Охвостье», «Братская могила», «Весенний мотив» – Гребенщиков размышляет о войне как чудовищном, противоестественном событии: «...С прискорбием ищу ответа на вопрос: «Есть ли в войне хоть маленькая доля поэзии?» – «Нет, в ней все грубо, оскорбительно, цинично, – рассуждаю я в ответ, – и если есть поэзия, то не в войне, а в самой жизни, которой даже и война не в состоянии раздавить своей кровавой, страшной колесницей». В рассказе «Деталь», где подробно описываются нечеловечески тяжелые будни «перевязочного отряда», в лирическом отступлении Гребенщиков восклицает: «И все эти живые, серые, движущиеся картины на фоне грязной, холодной и разрушительной природы притупляют чувства, нервы, слух... О, как больно, как остро вонзилась в душу тоска!.. Я хочу осмыслить, охватить бессмысленное и непостижимое, но мои мысли разбиваются... все приближающейся канонадой... А в глубине души робко и болезненно встает вопрос: «Не потерял ли я рассудок?».

Контрастом «ужасу, крови, грязи» войны звучат жизнеутверждающие строки очерка «Весенний мотив», опубликованного в «Русских ведомостях» в 1916 году: «Приедете на станцию усталый и голодный, закроете глаза, а перед вами снова – ковыли, Марьины коренья, кукушкины слезки, огоньки... И так долго, долго после длинного пути степная ширь с цветами гонится за вами и чарует вас своей чистотой и неоглядными просторами...

В лесу – картины новые... В горах – того новей... И на лугах, и в степях, и в лесу – все разные цветы и каждую неделю – новые... В мае цветет жимолость, жасмин, акация желтая, багульник, крыжовник, калина... И день, и ночь звенит там музыка непуганой природы...

Иволги качаются на ветках, по бережкам ручьев синицы бегают, атласно-крылые ласточки стелются по придорожным травам... Жаворонки

захлебываются от счастья над своими гнездами... Соловьи чаруют, окрашенную пурпуром зари, вечернюю прохладу... И все это из соседнего леса подчеркивает, закрепляет в сердце и в душе вечной грустью вдумчивая жалоба кукушки.

И это кукование, – Господи мой Боже! – всегда, бывало, манит взгляд к небу, синему, глубокому, в котором почти всегда, как белые льдины в океане, плывут и громоздятся друг над другом облака с опаловыми краями, с острыми, как Алтайские горы, вершинами...».

«Протрубили... радость о Свободах...»

5 февраля 1917 года на фронте Георгий Дмитриевич завершил работу над «Чураевыми». В предисловии он пишет: «Помню яркий белоснежный полдень пятого февраля 1917 года... Именно в этот полдень я окончил свой роман... А ровно через месяц протрубили нам из тыла радость о Свободах...».

В очерке «Сновидение. Из писем с фронта» писатель вспоминает о восторге, с каким он встретил Февральскую революцию. Эту весть ему сообщил в письме земляк, старый друг – главный врач соседнего дивизионного перевязочного отряда Александр Олофинский: «Дорогой Г.Д.! Так волнуясь, трясется рука. Не могу удержаться от радости и волнения, – ведь долгожданная перемена произошла, и Россия вступила на новый путь ответственного министерства. По этому поводу целую и обнимаю Вас и прошу с нами вместе пообедать. Непременно сейчас жду Вас».

«Я иду в дивизионный перевязочный отряд, – вспоминает Гребенщиков, – и, встретившему меня главному врачу, издали еще кричу:

– Спокойнее, спокойнее!..

Он обнимает меня, и мы без слов долго, громко хохочем. В комнате его – еще врачи и офицеры, и единственная женщина – зубной врач. Все они тоже смеются и что-то кричат. Я чувствую, что неожиданная радость ключом бьется вокруг нас и как русалка всех щекочет, рвется к нам в сердца и кружит в вихре...

– Керенский-то... Керенский – министр юстиции! – социалист! Подумайте!..

– Вот как!? – настаораживаюсь я.

– А князь-то Львов – председатель совета министров!..

«История спасения рукописи»

Увы, «Свободы» для Гребенщикова оказались началом новых тяжелых испытаний. «Первого апреля, в страстную субботу, – читаем в предисло-

вии к «Чураевым», — один из моих подчиненных — фельдшер Филаретов, в присутствии солдат нанес мне оскорбление действием. Отсюда и начинается тяжелая история спасения моей рукописи от истребления людьми, взявшими на подозрение всякого, имеющего какие-либо писанные мысли». Это произошло на участке 59-й пехотной дивизии в Карпатах. «Рукопись, — продолжает Гребенщиков, — хранилась в котомках верных мне солдат, пряталась от самостийников, петлюровцев, от немцев и русских, 12 дней бомбардировавших Киев, гнила в земле под покрасневшими над нею помидорами в Крыму и, наконец, отчаявшись увидеть свет на родине, в начале сентября 1920 года уючевала в Турцию».

Горький, которому он отправил рукопись в 1917 году, обещал выпустить ее в своем издательстве «Парус», но так и не напечатал.

«Вы приобрели у меня «Чураевых», до сих пор вот уже год держите их в портфеле, — пишет обеспокоенный судьбой рукописи Гребенщиков. — Это обстоятельство меня не только беспокоит, но и злит. ...Я даже не знаю, цела ли у Вас рукопись. Если Вы потеряете ее или она погибнет в пожаре, — Вы убьете меня насмерть. Теперь «Чураевых» мне не написать ни за что. ...Я Вас убедительно прошу немедленно решить судьбу «Чураевых»: или Вы ее сейчас же выпускаете, или я передаю ее другому издательству. ...По правде, если Вы не выпустите «Чураевых», меня жестоко изобидите, т.к. я много на Вас рассчитывал».

Впрочем, на родине писателя первая книга «Чураевых» будет опубликована только через 65 лет, в 1982 году в Иркутском книжном издательстве. Впервые же роман увидит свет вне родины, почти через 5 лет после написания, в 1921 году в Париже, сначала в журнале «Русские записки», затем отдельным изданием в 1922 году.

Накануне и во время революции на родине увидели свет другие книги Гребенщикова: «Змей Горыныч» (Петроград, 1916), «Степь да небо» (Петроград, 1917), «Любава» (Одесса, 1919). Полные глубокого философского смысла, они отличаются масштабностью повествования, самобытным, ярким стилем, что позволяет говорить об авторе, как об одном из лучших беллетристов Сибири и России.

«Что произошло в России...»

Февральские события вселили в писателя надежду в скором окончании войны и утверждении подлинной демократии. Но скоро восторг и опьянение «Свободами» развеяли события Октябрьского переворота. Скупыми фразами в письме к Горькому он так характеризует свое душевное состояние: «...как будто я все время провалился в грязной луже,

кровавой и вонючей». 29 декабря 1917 года в послании Г.Н. Потанину Георгий Дмитриевич сообщает: «Минуло десять месяцев, как Россия вступила на новый путь. И теперь, когда из свободы сделали разбой, а из любви и братства – ненависть и злобу...». Но самые страшные события в истории России еще впереди. Скоро братоубийственные войны обогатят кровью «российские поля», и водворится страшное опустошение на «мирных трудовых равнинах», и разбросает эта беда русских людей по свету... Много лет спустя, в 1950 году в статье «You have to hear my message!» («Вы должны услышать мое послание!» – Перевод О.С. Сирота.) Георгий Дмитриевич писал: «Знаете, мне порой становится удивительно, отчего судьба так щадила меня? Было столько случаев, когда я наверняка должен был погибнуть, и всякий раз Бог милостиво сохранял мне жизнь и вел к новым испытаниям», – и вспоминал случай, произошедший с ним в Киеве, где он в потоке беженцев оказался после распада армии. Тогда Киев уже был оккупирован красными, и Георгий Дмитриевич с женой Татьяной Денисовной, медицинской сестрой, которая выходила его, больного тифом, когда он был на грани между жизнью и смертью, отправились «на поиски чего-нибудь съестного. Рынок пуст, все магазины и лавки закрыты или разграблены... Жена, несмотря на все возражения, пошла со мной. Мы как раз переходили по виадуку, под которым бесформенной горой лежали тела расстрелянных белых офицеров... По эполетам и шевронам я различил среди них нескольких генералов и полковников... Вдруг на мое плечо опустилась тяжелая волосатая рука. Рядом стоял высокий плечистый моряк. Под тонкой тканью моего пальто он без труда почувствовал капитанские эполеты и потянул меня к месту расстрела. Вот тут то и произошло нечто невероятное, чего я никогда не смогу забыть. Моя Таня схватила руку этого моряка, улыбнулась ему в лицо и пролепетала с детской наивностью: «Нет, нет! Нам не туда... Нам в ту сторону!» – и указала на противоположную улицу. И что же вы думаете? Зверина морда детины расплылась в глупой, но человеческой улыбке, он разжал руку и отпустил меня.

Чем больше я вспоминаю прошлое, тем яснее понимаю, что произошло в России и во всем мире».

Тогда же, весной 1918 года, Гребенщиков впервые встретил с И.А. Буниным. «Вот там-то и прослушал всю целиком мою рукопись первого тома «Чураевых» терпеливый и внимательный Иван Алексеевич, – писал Гребенщиков в очерке «Перед Рождеством в Ялте» в 1955 году Гребенщиков. – Отсюда начался какой ни на есть мой успех в Париже».

Но до Парижа еще далеко... Через Харьков и Одессу писатель с женой отправляются в Крым. В западной части Ялты – Ливадии – Георгий Дмитриевич начинает строительство дома, но закончить его не удалось. Позже, перед отъездом в Феодосию, здесь некоторое время жил писатель Александр Грин. Сведения получены от А.Б. Фирсова, которому рассказали об этом старожилы Крыма. Они показали ему и дом, который начал когда-то строить Гребенщиков.

В Крыму, куда стекалась интеллигенция со всех уголков России, наш земляк ведет активную литературную жизнь: публикует многочисленные корреспонденции в газетах Крыма, печатает циклы очерков, сотрудничает с местным Союзом журналистов, Библиотечным обществом, Народным университетом, выступает на литературных вечерах, благотворительных чтениях и т.д. Вот фрагменты отзывов на выступления Гребенщикова, публикуемые в крымских газетах: «Великолепный, характерный, окраинный язык писателя выразителен, крепок и богат». «Серьезность заданий автора и художественность исполнения доставила немногочисленным слушателям большое художественное наслаждение». В одном из творческих отчетов также упоминается, что на вечере «писатель с большим мастерством пел сибирские песни».

С января 1919 года Гребенщиков является активным членом Комитета помощи нуждающимся литераторам и ученым, образованного при Ялтинском Литературном обществе им. А.П. Чехова. Руководят обществом С.Я. Елпатьевский и ...В.Д. Набоков. В составе общества – авторитетнейшие имена: М.А. Чехов, В.И. Ладыжеский, В.Г. Короленко, И.А. Бунин, Л.П. Гроссман, К.А. Тренев, С.Н. Сергеев-Ценский, И.С. Шмелев и др. На заседаниях Литературного общества Гребенщиков читает свой новый рассказ «Родник в пустыне» и отрывки из романа «Чураевы», выступает на вечерах, посвященных В.Г. Короленко, А.П. Чехову, С.Я. Елпатьевскому.

В Одессе в том же году выходит сборник его рассказов «Любава». В августе 1919 года в Ялте состоялся первый «Сибирский вечер» Гребенщикова, на котором он читает лекцию о Сибири. В ней он рассказывает о природе, этнографическом составе населения Сибири, о быте старообрядцев, о сибирском патриотизме – областничестве, о великом гражданине Сибири – Потанине, о молодой сибирской литературе. Второй сибирский вечер Гребенщикова был посвящен неизданному роману «Чураевы».

Между тем, жизнь в Ялте все дорожает. Писатель вынужден добывать себе на хлеб не только литературой, но и «черною работою». В

письме к П.Б. Струве от 27 августа 1920 года он пишет, что «в течение четырех месяцев» зарабатывает средства на жизнь, «занимаясь извозом и поденщиной». Он просит о помощи «перебраться в Париж – это все, что мы теперь желаем. Там мы найдем своих ценителей и меценатов и там мы сами изыщем средства и пути на родину».

«Снимите распятых...»

В августе 1920 года Георгий Дмитриевич отбыл в Константинополь в надежде получить визу во Францию, где хотел изыскать возможность издать свои произведения. Думал ли он тогда, что больше не вернется на родину? Была ли то эмиграция? Трудно сказать. Сведения противоречивы, и, возможно, исследователи в будущем разберутся в этом вопросе. Гребенщиков и в последующие годы подчеркивал, что уехал из России по делам издательским вне первой волны эмиграции. Много лет спустя Татьяна Денисовна писала о том же новосибирскому исследователю Н.Н. Яновскому: «Георгий Дмитриевич уехал во Францию по доброй воле, так как в Париже намечалось печатание его романа «Чураевы» в толстом журнале «Современные записки», где он был напечатан в 1921 году в ряде номеров журнала...». В письмах на родину в первые годы эмиграции он выражает надежду в скором времени, когда «пора кровавых бурь на родине пройдет», вернуться домой. К примеру, в письме к Горькому от 23 апреля 1922 года он просит его помочь «вызволить на время» в Висбаден жену и сына. На время, так как полагает, «что сыну скоро не понравится Европа, и, закончив здесь восьмой класс, он непременно пожелает вернуться в Россию, в русский университет. Потому ни ему, ни матери не хотел бы давать эмигрантского титула. Да, думаю, через год и сам смогу и захочу вернуться домой...».

Но тогда как же понимать фразу из того же письма Горькому: «Вы не можете себе представить, как лжекоммунизм заставил меня уклониться от всего того, к чему прикасалась его растлевающая лапа. От Вас, как на духу, скрывать этого не хочу!». Это он скажет в 22 году. А в 45-м в письме к Савченко вновь напишет: «Одиночество все больше ощущается и распутье – вернее остановка на путях – не то припечатывать себя к Америке, не то ползком стремиться на Родину – становится трагедией».

Живя несколько месяцев в Турции, Гребенщиков, конечно же, видел, в каком положении «обретается теперь Россия, как белая и красная, так и вся пестрая, тщетно дезертирующая от политической борьбы». Вместе с тем, исход беженцев из России в Турцию все увеличивался, «Константинополь, переполненный русскими беженцами, измученными и оз-

лобленными, накалился докрасна», и все меньше оставалось надежды на возвращение. Тревога за судьбу Родины, утомительные хлопоты о визе в Париж, все прибывающие в Турцию люди из России, – от этого «все нервы... вся боль душевная и все физические муки в виде добывания куска хлеба работой на погрузках или в виде долгих бесплатных унижений в очередях по консульствам и паспортным бюро...» – пишет Гребенщиков в очерке «Из Константинополя». В состоянии безысходности и отчаяния, однажды из-под его пера выплескивается пронзительное обращение к писателям Европы «Снимите распятых», опубликованное в Париже в газете «Русское дело»:

«Вчера, 19 ноября 1920 года, я был среди 60-ти кораблей, стоявших в Мраморном море в устье Босфора. Я разыскивал на них остатки замученных русских писателей, но, конечно, не нашел их, а нашел 130 тысяч распятых людей! Запомните число: 130 тысяч! Это, слава Богу, не вся еще Россия, но это одна тысячная часть распятой России... Я вернулся домой ночью, и окоченевшими от холода пальцами, не заботясь о стиле, пишу эти строки и требую от всех вас, пишущие, поступить так же, не теряя ни минуты, сказать ясно, кратко, всему, представленному здесь в Константинополе; пусть он скорее снимет с креста терпящий муки русский народ!»

В ожидании французской визы Гребенщиков в течение четырех месяцев трудился плотником и грузчиком. «Здесь моя рабочая закалка очень мне помогла», – писал он. Однако скоро ему представился счастливый случай: видный сановник, направляясь в Бельгию, предложил Георгию Дмитриевичу быть сопровождающим в качестве личного секретаря. Это был, по словам Георгия Дмитриевича, генерал-лейтенант А.С. Лукомский, один из генералов «штаба в ставке Государя во время Первой Мировой войны и последнего главы Русского Посольства в Константинополе, представлявшего правительство генерала П.Н. Врангеля в конце 1920 года». А когда Константинополь остался позади, Гребенщикову, стоявшему на борту катера, отплывающего во Францию, случилось заглянуть в глаза супруге своего патрона, и он «не узнал ее глаз...». «В этом взгляде, – пишет Гребенщиков в очерке «Константинополь», – мне почувствовалась вся глубина еще никем не постигнутой русской трагедии – трагедии изгнания, трагедии прощания с невозвратным и непоправимым, с былым величием и с опозоренным достоинством...». Не та ли «вечная и такая русская скорбь» читалась и во взгляде автора этих строк?

«По трущобам земных широт рассовали нас, как сирот...»

«Так как, несмотря на свое пролетарское происхождение, я всей душой презираю ложь и хамство, я оказался в числе «врагов народа» и в изгнании», — писал Георгий Дмитриевич Гребенщиков в Парижском журнале «Возрождение» в 1957 году.

Итак, с января 1921 года Гребенщиконы живут во Франции. А уже в начале мая состоялся вечер, посвященный творчеству Георгия Дмитриевича. На вечере присутствует цвет русской эмиграции. В программе — чтение отрывков из его произведений: «Мистерия диких», «Чураевы», пьесы «Из песни слово», повести «Будущее». Кроме автора, свои произведения читают Е.Н. Рощина-Инсарова, А.С. Бек-Назарьян, А.Н. Толстой, С.Г. Сватиков, С.В. Яблонский и другие.

Во Франции Гребенщиконы работают по найму у сибирских промышленников Швецовых. Все лето и осень 1921 года они строят для них дачный дом и за работу в качестве оплаты получают участок земли для строительства собственного дачного домика. По воспоминаниям эмигрантов, в этом месте постепенно начинает складываться русская колония, названная Гребенщиковым «Фавьерской коммуной». Представителями этой довольно обширной колонии были семейства Врангелей, Швецовых, Оболенских и Саши Черного (А. Гликберга. Прим. — О.Т.). Потомки эмигрантов живут там по сей день, но домик Гребенщиковых не сохранился. Рассказывают, что он был разрушен в годы Второй мировой войны.

Неустанно работая, наш земляк находит возможности помогать бедствующим собратьям по перу. Когда в январе 1921 года без суда и следствия расстреляли сына Ивана Сергеевича Шмелева — 24-летнего Сергея, — убитых горем родителей «спасали только нечастые вспомоществования Горького да еще — неожиданные посылки с продуктами и вещами из Парижа, от писателя Георгия Гребенщикова», — писал Т. Прокопов в предисловии к книге И. Шмелева «Въезд в Париж» (Изд-во «Олма-Пресс», Москва, 2003 г.).

В этот период Гребенщиков живет то во Франции, то в Германии. В Висбадене в 1923 году Георгий Дмитриевич покупает и чинит большой дом, стоящий уединенно на горе с видом на долину Рейна. В его замыслах в перспективе открыть отделение книготоргового предприятия «Родник», переплетную мастерскую и устроить литературный салон.

Несмотря на трудности «мотаний из места в место...»: Париж — Висбаден — Прованс... — в первые же годы жизни во Франции и Германии одна за другой выходят в свет его книги. Уже в 1921 году в Париже появилась первая зарубежная книжка «В некотором царстве». Нет, это не волшебные сказки для детей. Это повествование о чудовищной сказке-были, «подлин-

ной, не сочиненной, а совершившейся наяву... — предупреждает читателя автор. — Я буду вам рассказывать о той многообразной правде, которая когда-то будет сказкой, потому что эту правду выносят на своих плечах дети, будущие бабушки и дедушки, будущие вы».

В 1922 году в Берлине издана книга «Путь человеческий», в 1922 году в Париже отдельным изданием выходят «Чураевы», сначала на русском, потом на французском языках. Спустя два года также в Париже выходит «Любава» на французском языке в журнале «La Nouvelle Revue Française». В этом же журнале в 1924 году публикуется повесть «Ханство Батырбека». В 1922-1923 годах в Париже выходит собрание сочинений в 6-ти томах. В 1924 году — «Былина о Микуле Буяновиче» — роман-эпопея в 3-х частях — одно из самых

значительных произведений Гребенщикова. «Эта книга — событие. Это слиток силы, светлая лесная криница», — отозвался о ней Константин Бальмонт. В очерке «Чудесное воспоминание» Гребенщиков рассказывает необычную историю ее появления. Тогда они с Татьяной Денисовной только что прибыли во Францию, и их приютили в Париже «обрусевшие французы, две сестры и брат Дюготье». «...Как с корабля на великосветский бал, мы попали в исключительно интеллигентное общество французов в Париже», — вспоминал Георгий Дмитриевич. Живя в мансарде у Дюготье, писатель за рекордно короткий срок создал произведение удивительной художественной силы — поэму в прозе «Былина о Микуле Буяновиче». Она была написана на одном дыхании. Татьяна Денисовна «буквально не успевала переписывать листки, которые валились с моего малюсенького столика», — вспоминал автор. «Это чудо и до конца останется чудом: я написал всю поэму в прозе (это, конечно, не роман, а именно поэма в 400 страниц) в течение шести недель, — рекорд для всякого романиста немыслимый».

Титульный лист книги
«В просторах Сибири», Париж

О чем поэма, – трудно пересказать в нескольких предложениях. Ее нужно читать вдумчиво и серьезно, и, кстати сказать, любой желающий может это сделать беспрепятственно, придя в Восточно-Казахстанский историко-краеведческий музей Усть-Каменогорска. А если коротко – это роман «о позвоночном столбе России, о русском крестьянстве», – так писал Гребенщиков.

Он рассказывает о жизни простого, изначально чистого душой мальчика – Микулки, судьба которого, как и судьба его сестры Дуни и многих русских людей, исковеркана трагическими событиями, происходившими в России в начале XX века. Одновременно «Былина» – это и судьба Микулиной Родины, терзаемой братоубийственными войнами. О глубине и силе этого философского произведения, о самой сути его хорошо сказал писатель Валентин Распутин в предисловии к книге, вышедшей в московском издательстве «Ариаварта-Пресс» в 2003 году: «Былина...» – это сказание о судьбе России. Никак не найдет она, эта судьба, надежной пристани, все треплют и треплют ее, будто челн в море, бушующие волны не управляемой ко благу стихии народной. Может быть народ и богатырем Микулой Селяниновичем, оратаем хлебного поля и защитником царства, а может стать Микулой Буяновичем, набравшим от родной земли силы богатырской и, в соблазнах, надрыве, безверье и чужести, – изведавшим ее на потрату и своей доли, и доли царства. Из богатыря-заступника способен он сделаться богатырем, крушащим на лево и направо все, что созидалось долгими временами. И в ужасе, как Микула Буянович, оглянется он на содеянное. И вспомнит свой первый шаг отступничества, такой, казалось бы, безобидный, когда от бедности оставил он родной порог и отправился в бойкие места счастья искать. Ох, красиво блещит там счастье, да в руки не дается, а только за показ себя требует огромную цену. Не уберется там добрый и доверчивый мальчик Микулка, превратился в каторжника, а затем, когда революция сняла кандалы, – в отчаянного и слепого мстителя...».

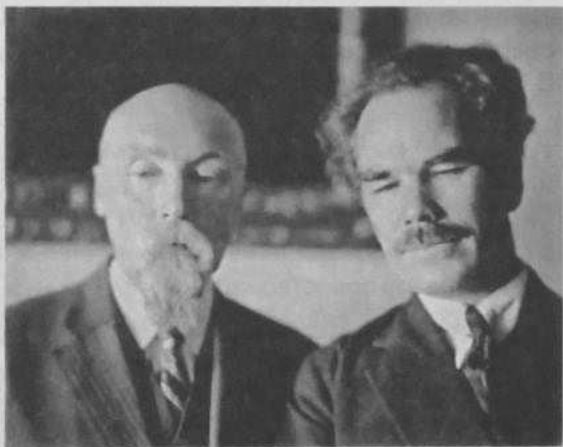
«Былина», переведенная на французский и английский языки (на английский в авторском переводе), сослужила писателю великую службу. Именно благодаря «Былине» имя нашего земляка станет всемирно известным. «В трилогии «Микула» Гребенщиков – сразу классик», – писал профессор Сорбонны Поль Буайе.

Все последующие события в жизни писателя так или иначе будут связаны с «Былиной». На Гребенщикова обратят внимание серьезные критики, для него откроются двери уважаемых издательств, он получит прекрасную работу, станет профессором Флоридского колледжа и т.д. Но самое главное, пожалуй, то, что «Былина о Микуле Буяновиче» – это

первое произведение из написанных в изгнании, что дошло до читателя на его родине. «Былина» в словесном пересказе и в рукописях ходит по теперешней Руси», — писал в январе 1957 года Гребенщиков в очерке «Чудесное воспоминание» со слов поэта Виктора Булина, прибывшего в эмиграцию из концлагерей Сибири.

«Алатас» — путевой маяк»

В июле 1923 года начинается переписка Г.Д. Гребенщикова с Н.К. Рерихом. Гребенщиков заинтересовал Рериха как духовно богатая, талантливая личность, как человек инициативный и деятельный и, конечно же, как человек, хорошо знающий Алтай. Очное их знакомство состоялось осенью того же года в Париже, в доме княгини Марии Клавдиевны Тенишевой, удивительно одаренной личности, одержимой идеей сохранения русских культурных ценностей. Вскоре сподвижники Рериха объединились в своеобразное духовное содружество — кружок Живой Этики. В него вошли и Георгий Дмитриевич с Татьяной Денисовной, получив сакральные имена: Тарухан и Нару. Их встречи с Рерихами и его друзьями наполнены мечтами и планами о будущих странствиях по Азии, о культурном преобразовании Сибири. По картам Алтая, привезенным в эмиграцию Гребенщиковым, они мысленно прокладывают маршруты своих путешествий. В ближайшие же планы единомышленников входит организовать совместное книгоиздательство, директором которого предлагается стать Гребенщикову. «Много лет спустя, когда волею судьбы я стал уже романистом, — вспоминал Гребенщиков в очерке «Белый камень», — накануне 1924 года, мне посчастливилось встретиться с Н.К. Рерихом. Он направлялся тогда в Индию и принял меня на рю де Мессин в Париже. Я предложил ему помочь мне основать книгоиздательство, и, когда он это одобрил и мы стали выбирать для книгоиздательства название, я снова вспомнил свое детство и как путевой маяк тот белый камень «Алатас». Николай Константи-

Н.К. Рерих и Г.Д. Гребенщиков

нович не только одобрил, но и обогатил его своим замечанием: «В слове этом трижды повторяется буква «А» – а эта буква означает собой нечто изначальное и живоносное».

Итак, Рерих и Гребенщиков решают на паях организовать книгоиздательство «Алатас» и открыть отделения книгоиздательства при рериховской торгово-транспортной конторе «Мировая служба» в Риге и, кроме того, в Харбине с помощью поэта А. Ачаира. В это время Гребенщиков усиленно изучает английский язык, так как, по приглашению Рериха, готовится к отъезду в Америку, чтобы организовать и возглавить книгоиздательство «Алатас» при музее Рериха в Нью-Йорке.

27 октября 1923 года Георгий Дмитриевич передает Рериху документы на визу в США, и тот выступает его гарантом перед американскими властями. Николай Константинович в письме к крупному американскому меценату Чарльзу Крейну, финансировавшему деятельность Института Объединенных Искусств и Музея Рериха в Нью-Йорке, рекомендует Гребенщикова и просит о помощи в издании его книг.

Три дня спустя, 30 октября в парижском отеле «Мажестик» друзья Георгия Дмитриевича и артисты Московского Художественного театра организовали в его честь грандиозный литературный вечер. Со вступительным словом выступил профессор Е. Naumant. С обращением к артистам МХАТа – профессор Поль Буайе, Г.Д. Гребенщиков, А.И. Куприн, а также в вечере принял участие и Н.К. Рерих. Художник обратился с краткой, но весомой речью к соотечественникам-эмигрантам, что сделало вечер еще более значимым. Сцену из «Былины о Микуле Буяновиче» сыграли артисты: Н.Н. Литовцева, А.К. Тарасова, П.А. Бакшеев. В.В. Лужский и И.М. Москвин читали отрывки из его рассказов, О.Л. Книппер-Чехова – отрывок из романа «Чураевы». Выступали также Ф.В. Шевченко, М.М. Тарханов, В.И. Качалов и другие известные артисты.

А в середине ноября 1923 года на открытии зимнего сезона литературно-художественных вечеров «Монпарнасской Богемы» вновь состоялся вечер, посвященный Г.Д. Гребенщикову. О его творческом пути читалась лекция на французском языке. Звучали его стихи, рассказы, отрывки из произведений, переведенных также на французский язык. Сам же автор повествовал о сибирской музыке и песне, исполнял народные, тюремные, свадебные, казахские и сибирские песни. Почетным председателем вечера являлся К.Д. Бальмонт.

Но не все в этот период жизни в Европе у Гребенщикова складывалось гладко. Непростыми были его отношения с эмигрантской братией. Не каждому в богемной среде пришлась по нраву слава человека из народа. «В писательской среде возобладала политика подтравливания Гребенщико-

ва, — пишет исследователь творчества Гребенщикова Владимир Росов в книге «Новости с двух берегов». — В связи с подготовкой французского издания «Чураевых», Гиппиус и Мережковский заявили издателю Боссару протест. Его суть сводилась к следующему: как возможно, чтобы рядом со знаменитостями, вместе с мэтрами Мережковским, Буниным и Куприным издавать «никому неизвестного юнца Гребенщикова». «Узнавши же, что Мережковский вел подкоп под меня у Боссара, а Бунин помогал ему, — писал Гребенщиков в мае 1923 года, — я не мог их не лишить моего почитания, ибо, в самом деле, стыдно большим людям идти войной против брата младшего и ничего дурного не сотворившего». Но Боссар покровительствовал Гребенщикову, приняв сторону бывшего директора Французского института в Петербурге Поля Буайе и переводчика Анри Монго. «Фактически он поддержал сибирского писателя, и роман «Чураевы» (1922), а следом повесть «Любава» (1924) появились на французском языке», — заключает В. Росов.

Несмотря на успехи в Европе, наш земляк весной следующего года все-таки отправляется в Америку. Была ли причиной тому жажда странствий или то было желание поведать «о своем несчастнейшем народе и о возможной будущей дружбе и культурном сотрудничестве двух величайших держав — России и Америки», — как размышляет он, — кто знает? «Я даже и не собирался оставаться здесь надолго и приехал как турист, что позже доставило немало хлопот при получении гражданства. Мое обращение к американскому народу осуществлялось в форме лекций, которые я читал, курсируя от побережья одного океана до другого. И поверьте, для человека, который совершенно не знал английского языка, это было нелегким делом».

«Безвестность впереди тоской объемлет душу...»

Был апрель 1924 года. Гребенщиконы на пароходе «Левиафан» пересекали океан, навсегда отделивший их от Родины. Какие чувства владели писателем, с надеждой вглядывающимся в даль в поисках чужих берегов? Тревогу, надежду, сомнения, боль оттого, что все дальше удаляется от Родины? Об этом он расскажет сам в очерке «Новые берега. Письмо из Америки»: «...Не передаваема эта минута. Я думаю, она близка была к той, когда мы, русские, после долгих лет наших скитаний по чужбинам, увидим также вот берега родной земли. Но мне, знающему широту и вольность молодой страны Сибири — берега Америки почуялись сродни... Я допускал, что меня могут не спустить с корабля, может быть, посадят на месяцы на «Острове слез» или даже отправят обратно в Европу. И все-таки тот факт, что приблизился к этим берегам страны доверчивого Гайаваты — с

Остается только предполагать, как трудно было нашему соотечественнику в неведомой ему стране. «Уж очень тяжела Америка первые три года даже для тех, кто имеет в ней лучших друзей и удачу», – писал Гребенщиков. Ему предстояло преодолеть, вероятно, самый трудный барьер – язык. Он учил чужой язык неустанно, всеми возможными способами, читая рекламы, вывески, разного рода надписи. Многие годы спустя Георгий Дмитриевич в письме к другу, сибиряку Илье Григорьевичу Савченко напишет: «Английские мои стихи не только публикуются в Америке, но одна поэма положена на музыку и распевается на больших концертах, посвященных России».

Итак, по прибытии в Нью-Йорк, 7 мая 1924 года Г.Д. Гребенщиков официально назначен исполнительным директором книгоиздательства «Алатас», что расположено в Музее Рериха в Нью-Йорке на Манхэттене, 310 Риверсайд Драйв. Книгоиздательство разместилось на третьем этаже в комнате № 5 с чудным видом на реку. Георгий Дмитриевич работает с ближайшими семью сподвижниками Рериха, руководителями его Музея: президентом Луисом Хоршем, вице-президентом Морисом Лихтманом и другими последователями учения Живой Этики. Они решают организационные дела, читают учение Агни-Йоги, проводят спиритические сеансы. Татьяна Денисовна служит при музее в чайной и всем, чем только может, помогает Георгию Дмитриевичу.

В течение трех лет книгоиздательство «Алатас» выпустило около десяти книг. Среди них: А. Ремизов – «Звенигород Окликанный», Н. Рерих – «Пути Благословения» и «Сердце Азии», перевод Е. Рерих писем Махатм – «Чаша Востока». Здесь же публикуются книги Гребенщикова: три тома эпопеи «Чураевы», «Былина о Микуле Буяновиче» и другие. Многочисленные лестные печатные отзывы о книгах «Алатаса» сделали издательству почетное имя, широко известное всему русскому читающему миру в Америке и Европе.

«Любовь и радость созидания...»

В том же 1924 году Георгий Дмитриевич начал читать лекции о Сибири, «чтобы донести свое слово до русских эмигрантов». Но нелегкое то было дело! «Тогда почти все русские рабочие были отравлены пагубными атеистическими идеями, – сокрушался Гребенщиков, – они были против церкви, против религии и нередко просто отказывались меня слушать. Оттого мои гонорары чаще всего сводились к добровольным пожертвованиям. Если бы не доброта русских священников, нам с женой пришлось бы несладко. Они давали нам кров и стол, а порой и несколь-

ко долларов на бензин. Вот таким было мое первое послание – длиною в десять лет, – но достигло оно немногих, да и те не говорили даже по-русски и на каком-то своем жаргоне и по-английски изъяснялись с трудом. Конечно, были и светлые дни, когда мне удавалось заработать – продать несколько своих книг, а хоры исполняли в мою честь знаменитую «Многая лета».

К началу 30-х годов писатель становится профессиональным лектором. В совершенстве освоив английский язык, он прочтет более тысячи лекций и в колониях русских эмигрантов, и в американских образовательных учреждениях, исколесив Америку вдоль и поперек.

«...Лишь после пяти лет разъездов с лекциями отважился принять кафедру русской литературы и истории в одном из американских университетов», – писал Гребенщиков в очерке «Толкай телегу к звездам!..». Так звучит американская пословица, заключающая в себе, по-видимому, смысл такой: трудись, стремись достичь большего, работай над собой, познавай мир, и эти знания приблизят тебя к цели. В Америке Гребенщиков самоотверженно «толкал свою телегу к звездам» на литературном и просветительском поприщах. И они во многом совпадали. Здесь он написал и опубликовал множество романов, повестей, стихов, которые составили многотомное собрание его сочинений.

Ровно через год в штате Коннектикут на слиянии древнейших рек Помпераг и Хусатоник Гребенщиков купил участок земли. Это место было уже обжито русскими людьми, по некоторым сведениям здесь было не-

И.Л. Толстой (слева), Г.Д. Гребенщиков (3-й справа) в Чураевке

сколько домов для летнего отдыха, и называлось, по словам некоторых исследователей, Ясной Поляной, потому что одним из первых поселенцев этих мест был сын Л.Н.Толстого – Илья Львович. У него-то Гребенщиков и приобрел землю (16 акров). В том же году Георгий Дмитриевич прикупил еще 100 акров, надеясь основать здесь поселение для русских эмигрантов – скит русской культурной мысли. Сговор с Толстым произошел совершенно случайно в придорожном кафе, где Толстой покупал продукты, в очередной раз в долг, поскольку нуждался в деньгах. Владелец кафе Н. Мартянов посоветовал Толстому продать участок человеку, сидящему за столиком. Это и был Гребенщиков. Состоялись знакомство и покупка толстовской земли в глухом лесистом месте, так напоминавшем Гребенщикову Алтай. После приобретения земля была поделена поровну и половина возвращена Толстым. Эту историю мы узнали из очерка А.Б. Фирсова «Чураевка», которую, в свою очередь, рассказал ему И.Ф. Юровский, внучатый племянник Гребенщикова.

«Кто теперь поверит, что тогда в начале 1930-х я основал деревню, выстроил несколько домов, соорудил часовню во имя Преподобного Сергия Радонежского как мой ответ на разрушение храма Христа Спасителя в Москве? Да, я строил ее своими руками в течение трех месяцев, при этом похудел почти на десять килограммов. Строил ее счастливо, восторженно, и вот теперь наша чураевская часовня стала святыней для многочисленных паломников. Мы купили и устроили типографию прямо там, на вечнозеленых холмах Коннектикута, и оттуда в разные уголки мира отправились мои гонцы-книги, чтобы нести надежду и утешение тысячам эмигрантов, рассеянных по всему свету.

Долгая это история. Целые тома написаны в виде лекций, писем, статей, заметок, но мало что было издано на английском языке – это наше немое страдание и наша боль, и наши раны от неустанного упорного труда на каменистой земле Коннектикута. Единственным свидетелем и кротким утешителем наших слез и молитв был Преподобный Сергей в своей прохладной тихой часовне. Именно здесь задуманы самые «удачные» мои книги. «Гонец. Письма с Помпеярага», «Егоркина Жизнь», «Чураевы» (семь томов романа-эпопеи) будут писаться в невероятных условиях напряженного труда, морального и физического.

«Без участия сердца ничего путного выйти не может»

Чураевка явилась гостеприимным местечком, на огонек которого слетались деятели русской литературы и культуры. Здесь происходили удивительные встречи и знакомства, русские съезжались со всей Аме-

рики. Был случай, когда Георгий Дмитриевич с Татьяной Денисовной целую неделю мыли посуду — у них побывало 500 гостей.

Однажды Чураевку посетил скромный благородный человек, известный скульптор Сергей Тимофеевич Коненков. Он приехал в Америку в 1924 году из СССР в творческую командировку, которая затянулась до 1945 года.

«Стояла ранняя оранжевая дивная осень, столь знаменитая на северо-востоке Америки и особенно в штате Коннектикут, — вспоминает Гребенщиков в очерке 1934 года «Коненков Сергей Тимофеевич». — Мы приехали вечером. На утро Коненков встал чуть свет и обошел все окрестности. Березы, горы и реки, родники и осенние полевые цветы, видимо, напомнили ему родные Ельнинские леса, — перед кофе — смотрю, он вместе с Маргаритой Ивановной спускается с холма от часовни, в которой стояла его фигура Христа и образ Преподобного Сергия. Маргарита Ивановна в слезах, а Сергей Тимофеевич нежно, ласково ее утешает:

— Ну, что ты, милая голубка... Ну, перестань... Ведь это же неизбежно...

Оказывается, Сергей Тимофеевич был настолько тронут видом скромной часовенки среди берез над чистым родником, что выразил перед Маргаритой Ивановной свое желание вот именно тут лежать, когда Бог призовет его. И это так потрясло Маргариту Ивановну, что она никак не могла смириться с его готовностью когда-то покинуть этот мир».

Коненков «постучался в душу» Гребенщикова в 1925 году. «Но он не только постучался, он, не спрашивая моего позволения, сам осенью 1931 года... пожелал лепить мой бюст». Тринадцатого ноября состоялся первый сеанс в студии Коненкова на 10 улице в Нью-Йорке. «Мой обычный европейский костюм был забракован. Выражалось желание видеть меня или в каком-либо сибирском, или в наиболее простом русском одеянии. Особенно требовалось освободить шею от воротничка и галстука. Я надел свою бязевую рубаху, еще ту самую, старую, в которой полярный художник Пинегин (*Член экспедиции Седова*. Прим. — О. Т.) писал с меня портрет в Крыму. В этом виде я был одобрен для позирования... Мне это было приятно, и тем более, что предстояло провести несколько дней в теснейшем общении с этими отменными людьми».

Тогда же, гуляя по окрестностям Чураевки, Георгий Дмитриевич подобрал какой-то корешок, «кажется от куста ажины», и вручил его Сергею Тимофеевичу. Недели через две неожиданно получил от него посылку: «Разворачиваю: в ней оказался простой, заскорузлый в нужде, замордованный трудами русский мужичонка, рваный, с мешком за плечами, с костылем в одной руке и с бумажным свитком в другой. На свитке

надпись: «Егорию Гребенщикову в Чураевку». Свиток вделан в руку мужика так, что легко вынимается. Свиток оказался большою мелко исписанною грамотой, составленный остроумно в форме жалобы на бедственное мужицкое житье-бытье в России. Только тут мы поняли, что этот мужичонка сделан из того самого корешка, который я дал Коненкову в Чураевке.

Эта шутка содержала в себе большую трагедию всего народа и была выражена в безобидной и глухой чисто христианской форме. Этот мужичонок будет всегда свято храниться так же, как и фигура Христа, поднесенная нам великим скульптором».

На выставке Коненкова в 1925 году Георгий Дмитриевич познакомился с другим соотечественником – В.В. Маяковским.

Правда, впечатление от встречи с пролетарским поэтом было иным. «Помню, на выставке один из моих знакомых подвел ко мне поэта Маяковского, только что приехавшего из России... Поэт внимательно взглянул в мое лицо и сказал какой-то плоский каламбур насчет моих калмыцких глаз. Я обратил внимание на его четырехугольное лицо и бобрик волос, спускавшихся почти к бровям, так что лоб казался очень низким... Мой знакомый наблюдал за нами издали, а потом мне говорили, что Маяковский совершенно не смотрел на выставленные скульптуры, а полупрезрительно рассматривал публику и блистал этим презрением...»

«Глашатай Сибири»

В 1925 году Гребенщиков получает с Гималаев от Н.К. Рериха Указ – написать книгу об Алтае. «Считаю книга... должна явиться событием... Именно Тарухан громовым голосом может сказать серебряно-самоцветную мудрость Сибири. Эта земля – оплот Северной Шамбалы, и ничто малое не прилично Алтаю...» – писал Рерих. Уединившись в своей лес-

Бюст Г.Д. Гребенщикова
работы С.Т. Коненкова

ной обители – Радонеге (так называл Чураевку Гребенщиков. Прим. – О. Т.), Гребенщиков пишет гимн Алтаю – книгу «Алтай – жемчужина Сибири». По сути, труд этот создавался Гребенщиковым всю жизнь. Отголоски его звучали в тысяче лекций о Сибири, ее прошлом, будущем и настоящем, прочитанных в России и Америке. Его размышления о Сибири – итог самозабвенной любви к Алтаю и восхищением перед его мощью, величием и неисчерпаемыми природными и духовными богатствами. «Я почувствовал, что в эту книгу должен вложить все лучшее из моих чувствований и дум о новой стране...»

«Новая страна»... О ней мечтал в кругу подвижников Рериха и наш земляк. Это был грандиозный проект, разработанный Рерихом, и в наших познаниях его сути еще много «белых пятен». Сибирь, думается, представлялась им свободным государством со столицей Звенигородом и Храмом Единой религии, планировавшихся быть возведенными в Усть-Коксинской долине в окрестностях Белухи. Отсюда должно было начинаться культурное возрождение России, именно там, пишет Гребенщиков Рериху, «под надзором белоснежных высот Алтая и Гималаев, будет строиться новая Культура, как новая ступень для общечеловеческого восхождения по истинным Путям Благословения».

В 1927 году Гребенщиков завершил работу над книгой о Сибири. Однако замечательному замыслу суждено было остаться в рукописи. Издание книги было претворено в жизнь лишь частично: финансовые затруднения в существовании издательства «Алатас» позволили выпустить ее лишь фрагментарно. При жизни писателя только в 30-е годы на английском языке она была опубликована отдельными главами: «Жемчужина Сибири» и «Сибирь – Страна великого будущего».

«Несметное богатство — есть радость Бытия...»

В 20-е же годы Георгий Дмитриевич увлечен новым творческим замыслом. Он, теперь уже в собственном книгоиздательстве, в 1927 году выкупленном у корпорации «Алатас» и перенесенном в Чураевку, выпускает книгу «Гонец. Письма с Помпеяга» – итог его трехлетнего пребывания в Америке. Она увидела свет в 1928 году и произвела ошеломляющее впечатление на русского читателя во многих уголках мира. Эта философско-публицистическая книга – одновременно исповедь и проповедь человека, много повидавшего и испытывавшего в жизни. В ней звучит и ностальгия по прошлому, и призыв отчаявшихся верить в светлые идеалы, и торжество разума. В «Гонце» Гребенщиковым сделана попытка воплотить в жизнь новую философию – практическую школу Жизни:

как пройти жизненный путь «бережно, полезно и красиво». Путем художественного слова писатель стремится утвердить «в сердцах и разуме всех людей, что первое и несметное богатство и лекарство от всех болезней, от духовных и физических – есть Радость Бытия. Пределы ее царства безграничны и источники ее животворящей силы неисчерпаемы. Радость Бытия – это такая магическая сила, что если бы люди могли как можно чаще прибегать к этому источнику, – вся жизнь преобразилась бы на наших глазах». Великий Князь Александр Михайлович высоко оценил книгу: «Читаю «Гонец» и радуюсь... Она должна многим раскрыть глаза на истину, на смысл и цель жизни». В Советском Союзе «Гонец» в сокращении был опубликован в «Сибирских огнях» в 1991 году. Отдельной же книгой небольшим тиражом в 3000 экз. она издана в России «Международным центром Рерихов» в 1996 году. Профессор А.А. Макаров вспоминал, как отозвался о «Гонце» замечательный актер Владимир Ивашов, известный зрителю по блестящему исполнению ролей Алеши Скворцова в фильме «Баллада о солдате» Г. Чухрая, Печорина в «Герое нашего времени» С. Ростопцкого и др.

– Как-то я летел в самолете с Владимиром Ивашовым. Он попросил меня что-нибудь почитать, а я как раз направлялся на конференцию, где должен был говорить о Гребенщикове, и захватил с собой книгу «Гонец. Письма с Помпея». Он читал книгу 4 часа, потом попросил на ночь, а утром, возвращая, сказал взволнованно: «Боже мой, почему я не знал, что такая книга есть в этом мире! Как же можно жить без этой книги?!». Это очень высокое признание, – заключает Макаров.

В зените славы

Все эти и последующие годы жизни в Чураевке литературные, общественные и просветительские проекты Гребенщикова успешно реализуются. «Писателем-радостником», который «сразу стал в ряд с крупнейшими русскими писателями», – называет его в 1925 году И.Г. Савченко в статье, опубликованной в пражском журнале «Студенческие годы». Это был восторженный отклик на выход в свет в издательстве «Алатас» второй части романа-эпопеи «Чураевы» – «Спуск в долину». С 1925 по 1937 годы изданы (первые три переизданы) 6 томов эпопеи: «Братья», «Спуск в долину», «Веления земли», «Трубный глас», «Сто племен с Единым», «Океан багряный». В 1926 году из Лозанны (Швейцария) Гребенщикову приходит сообщение от известного русского книговеда и библиофила Н.А. Рубакина, что первые три книги-эпопеи специальным Комитетом интеллектуальной кооперации при Лиге Наций признаны вы-

дающимися трудами мировой литературы. В этот период растет и развивается его Чураевка, в которую вложено много физических и духовных сил. Гребенщиков ведет очень насыщенную творческую жизнь, много публикуется в эмигрантских газетах и журналах, пытается наладить творческие связи с писателями, издательствами, органами печати СССР. Переписывается с Горьким, отправляет деньги, книги, посылки на родину. Однако книги возвращаются назад, причем некоторые из них зачитаны до дыр. Одна по какому-то чуду попала даже в Ленинградскую публичную библиотеку, так как в ней оказались два опросных бланка библиотеки. Но и это писателя радовало. «Признаться, — пишет Гребенщиков в 1927 году учительнице Н.И. в «Гонце», — я даже не могу Вам передать моего внутреннего торжества от сознания, что как ни преследуют мои книги, они все-таки находят способы проникать даже в тюрьмы. Так, еще два года назад, я получил письмо из тюрьмы города К., откуда какой-то аноним пишет мне... что не только узники, но и тюремное начальство прочло мою книгу. А из В-ской губернии я получил благодарственное письмо от ротного командира Красной армии».

Книги Гребенщикова читались даже в рукописном варианте, «только потому, что изданы за границей по старой орфографии». Гребенщиков верил, что если его книги «коснется настоящее, толковое внимание разумной власти, они будут признаны полезными для всякого читателя и во всякое время».

В эти же годы Георгий Дмитриевич ведет активную переписку с писателями-эмигрантами Франции, всемерно помогая им денежными переводами, продовольственными посылками, устраивая в Америке в пользу нуждающихся К.Д. Бальмонта, И.С. Шмелева, Б.К. Зайцева и других денежные сборы. Кроме того, он является лидером Сибирской группы Общества друзей Музея Рериха, которая скоро переросла в Ассоциацию. Принимает активное участие в открытии Музея Рериха в новом 29-этажном небоскребе в Нью-Йорке, собравшем 5000 человек.

В 1931 году произошло замечательное событие в жизни писателя. Двадцать первого ноября общественность Нью-Йорка устраивает юбилейный вечер по случаю 25-летия его литературной деятельности. На чествование юбиляра, состоявшемся в здании Музея Рериха, собрались более 40 представителей со всех континентов. Его приветствовали известные деятели культуры и литературы, отмечая выдающиеся заслуги писателя в писательской и общественной деятельности. На юбилее Георгий Дмитриевич прочел свой новый рассказ «Андромеда».

В 30-е же годы русские артисты Голливуда ставят его пьесы, он продолжает разъезжать по Америке с чтением лекций в колледжах, амери-

канских клубах и церквях, теперь и на английском языке. Тематика лекций этого периода разнообразна: «Всемирная идея русской нации (по эпосе «Чураевы»)», «Сибирь – страна великого будущего», «Бесы» Достоевского и исповедь Толстого», «Мечта и быль Востока (Кришнамурти и Ганди)», «Рерих и Гималаи», «Стихия русского народа в творчестве Коненкова», «Русь Американская» и другие.

Шестнадцатого мая 1940 года на английском языке выходит роман «Былина о Микуле Буяновиче». Эта книга сыграла в жизни писателя очень важную роль. Благодаря «Былине» Георгий Дмитриевич почти в одиночку стал профессором Флоридского колледжа. Как это было? Пожалуй, следует рассказать подробнее, потому что это тот самый чудесный случай, который, как утверждает писатель, может произойти «с каждым человеком в Америке».

«Вот так я вышел в Америке в люди...»

Все произошло, как вспоминал Георгий Дмитриевич в очерке «Толкай телегу к звездам», «после позорного провала» его лекции в Южно-Флоридском университете города Лейкланда. Лекция была назначена на семь часов вечера, но ректор опоздал на полчаса и, входя в аудиторию, произнес: «У нас нет времени... Показывайте нам ваши картинки». Смущенный лектор путано и экспромтом, комментируя диапозитивы невпопад, завершил лекцию. Три дня Георгий Дмитриевич не решался показать глаза в университете, и, наконец, приехал с тем, чтобы отменить свое публичное выступление в большой аудитории. И каково же было его удивление, когда узнал, что его в нетерпении ждут, и, в присутствии почетных гостей, демонстрируя «Былину» на английском языке, ректор предлагает писателю преподавательскую профессорскую должность? «Вот его диплом, – заявляет он почетной публике, демонстрируя книгу. – Я читал эту книгу, но очень мало, что понял, но когда вы прочитаете ее раза три-четыре, может быть, кое-что поймете». Гребенщиков не ожидал такой чести. В перерыве Георгий Дмитриевич попытался объяснить ректору, что курс «Всемирной литературы», которую читал профессор Барнет, ему не по плечу. Однако ректор ничего и слышать не хотел и отослал писателя за инструктажем к декану. А доктор Димелт ответил: «Сегодня класс «Всемирной литературы» в три часа. У вас есть еще полтора часа пойти в библиотеку». «Вот так я вышел в Америке в люди, да не просто в люди, а в профессора», – пишет Георгий Дмитриевич. Оказалось, что ректор всерьез интересовался Россией и недавно побывал в Москве. Тот же ректор «15 марта 1945 года возвел меня в степень докто-

ра философии, но я все еще не верю в эту свою степень как заслуженную, потому что уж очень легко, как мне кажется, она мне досталась», — заключает Гребенщиков, видимо, забывая, каких трудов ему стоила и эта книга, и все то, чего он добился к этому моменту в жизни.

Наш земляк был удивительно талантливым, увлеченным педагогом и замечательным психологом. Скудная учебная рутина для него была неприемлема. Уже на второй год преподавания в университете он имел три курса: «Русская история и литература», «Творчество в литературе», «Русский язык».

Шла Вторая мировая война, и для многих американцев было выгодно знать русский язык, так как это давало им возможность продвигаться по должности. Кроме того, в то время «почти вся Америка была влюблена в русский народ. Американцам нравилось все русское». Поэтому в учениках у Гребенщикова недостатка не было. По субботам вечерами он занимался еще и со взрослыми, даже пожилыми людьми, очень интересующимися русской литературой. Классы Гребенщикова были переполнены желающими поближе познакомиться с русской классикой. Студенты были разными. К примеру, одна из его студенток была начальницей гимназии, «когда-то получившая только степень бакалавра», а теперь желающая получить степень магистра.

Или еще ученик: небольшого роста, неказистый и одинокий Джонни. Он работал у одной богатой старушки шофером и ночным сторожем, а потому приходил всегда уставшим. Его неизменный костюм — рабочая фуфайка и синий комбинезон. Но он очень старался, не пропускал уроков, и, для таких как он, учитель изобретал специальные способы пробудить интерес к учебе. Каждого из студентов Георгий Дмитриевич любил и уважал, потому что «каждый — отдельная индивидуальность — целый отдельный мир». Учебный процесс для Гребенщикова — это «игра с молодыми умами в соучастии их сердец, этих чувствительных моторчиков в каждом из нас, чудесно и неустанно работающих и способных чувствовать, любить и ненавидеть, была все той же эгоистической задачей: учиться самому на этом живом материале», — писал Георгий Дмитриевич в очерке «Толкай телегу к звездам!..»

К этому времени в 1941 году Гребенщиконы переезжают в Лейкленд, строят там себе дом. Этот дом, с высокими стрельчатыми окнами, просторной гостиной, камином и маленьким балкончиком под сводом крыши, сохранился по сей день. Татьяна Денисовна в это время работала в колледже — заведывая типографским отделом, преподавала типографское искусство.

«Когда я вернусь. О, когда я вернусь!...»

С болью в сердце, с огромной тревогой за судьбу Родины следил Гребенщиков за событиями Великой Отечественной войны, сознавая, что «равновесие всего мира» в настоящий момент решается именно в России. Тревогу эту не могла унять даже преподавательская и писательская работа. В его дневнике есть запись, датированная 1943 годом: «Во время Второй мировой войны в Америке перебивало много русских моряков и офицеров Красной армии. Мы все были рады видеть их, говорить с ними и слышать рассказы о нашей Родине. И хотя все они были молчаливы и осторожны в каждом слове — все-таки часто лед между ними и нами таял, и тепло дружбы согревало надежды на то, что все изменится, Америка с Россией пойдут к миру и братству путем «взаимного понимания и сотрудничества».

Гребенщиковы по-прежнему живут в Лэйкленде, лишь изредка навещаясь в Чураевку. И чтобы дать волю чувствам и переосмыслить прошлое и настоящее, Гребенщиков отправляется на автобусе за 1500 миль в Чураевку, и «сразу освобожденные думы вдвойне воспринимают значение газетных сообщений...» о военных действиях на фронтах Родины. «Теперь же сердце отмечает только текущие, страшные шаги истории и чувствует их поступь по вселенной, которая на краю всеобщей катастрофы». В глубоких сумерках писатель добирается до Чураевки и, не заходя домой, торопится к тому месту, что «дороже всего всякому русскому сердцу» — к часовенке, что на холме над родником. Она как символ Древней Руси, «унесенный в сердце за чужие рубежи». Именно сюда спешил Гребенщиков, преодолевая 52-часовой путь, чтобы «зажечь лампадку... и побыть в тишине и полумраке, чтобы никто не видел невольной слезы, чтобы никто не слышал разрывающего грудь тяжелого вздоха и от боли и от радости, что вот опять пришел к воротам своей тихой пустыньки, такой воистину русской, такой понятной только тем, кто мог трудиться и мечтать о Родине семнадцать лет...».

Несмотря на многочисленные заботы, Гребенщиковы многое делали для практической помощи СССР, проявляя живой интерес к советской литературе. «Мы профессорствуем здесь уже пять лет, с самого начала войны, — читаем в письме к Савченко 1945 года. — Таня учит искусству печатания, я — изящной словесности (представь — по-английски), русской литературе, русской истории, русскому языку... Сам прошел курс высшего образования: кроме магистерской степени, 16 марта 1945 года возведен в степень доктора философии, избран почетным членом профессорской коллегии Университета в Ваназагараме, Южной Индии, почетным членом Акаде-

мии наук и искусств в Мексике, таковым же в Бразилии и даже награжден крестом Тернового Венка от древнейшего католического ордена Франции, основанного Святым Луи в 1089 году. Все это якобы за мои гуманитарные литературные труды, главным образом за «Былину о Микуле» (по-английски), за «Гонца», за труд «Зов Азии», появившийся в 1926 году в монографии, посвященной Гималаям и изданной Брентано...» «Все это за гроши, но нужды мы эти пять лет не знаем и долги наши постепенно выплачиваются. Чураевка цела и самостоком растет. Надеемся вернуться туда, как только старые долги по ней и книгопечатанию будут выплачены. В общем «ад-венчюрс» продолжаютс. Не знаю, чем они кончатс: могилой и крестом у подножия часовни Чураевки или все-таки последним вздохом на родном кургане в предгорьях белоглавого Алтая».

Увы, «белоглавого Алтая» писателю не суждено было увидеть. В 1956 Георгий Дмитриевич тяжело заболел. С ним случился «удар», он утратил память и речь. Татьяна Денисовна оставалась верной подругой и помощницей до конца его дней. Многие она делала и потом для сохранения архивов мужа и популяризации его произведений в Советском Союзе. Ее переписка с советскими исследователями говорит о том, как высоко ценила она Гребенщикова как человека и писателя и много трудилась, несмотря на то, что в последнее время сама перенесла несколько операций. Одинока и больна, она пишет отчаянные письма приемной дочери Аде Тейлор: «Одиночество – это ужасно, я испытываю это сейчас на себе в моем теперешнем положении с больным Георгием Дмитриевичем. Иногда бывает такая тоска и отчаяние, а никого нет, не с кем даже поговорить, посоветоваться. Вам, конечно, трудно представить мое состояние и все мои переживания в течение уже 16-ти месяцев, с тех пор, как заболел Георгий Дмитриевич, все это время, в буквальном смысле слова. Нахожусь все 24 часа в сутки его сиделкой и сестрой милосердия, день и ночь. Ведь его нельзя оставить одного ни на минуту».

Георгий Дмитриевич умер 11 января 1964 года. Татьяна Денисовна пережила мужа всего лишь на 20 дней. Похоронены рядом на кладбище Лейкленда.

«Не дать погаснуть Чураевской лампадке...»

А что же Чураевка? Какова судьба русской деревни, в которую Георгий Дмитриевич вложил столько сил и надежд, «таранил и преодолевал невероятные препятствия на пути к возможности продолжать свой труд и не дать погаснуть фактической и символической чураевской лампадке... Эта борьба за огонек русской духовной культуры была так многообразна, мно-

госложна, материально убыточна и неблагодарна, — пишет Гребенщиков. — Прежде всего, на каждом шагу приходилось защищать и утверждать доброе имя исторической России и обезмолвленного ее народа, не только путем сотен лекций и при посредстве статей и книг на иностранных языках, но и на профессорской кафедре американского университета, и даже в Сенате Соединенных Штатов Америки, и, в особенности, путем специальных манифестаций в Чураевке. А самое основное — построение и развитие Чураевки без средств и посторонней помощи, своеручное в ней книгопечатание и посильная помощь перемещенным лицам в Европе, а потом и здесь, в Америке».

К сожалению, русская колония в настоящее время на грани исчезновения. Со смертью Георгия Дмитриевича она стала быстро угасать, оставаясь неосуществленной его мечтой. В выступлении на II Всероссийской конференции в Алтайском государственном университете в Барнауле, А.Б. Фирсов в 1991 году говорил о плачевном положении Чураевки: «Средств нет не только на реставрацию, но и просто на поддержание ее маломальского дыхания. Продана типография «Алатас», распродают редкие книги из библиотеки Гребенщикова...».

Только в 1992 году архив писателя при содействии Российского МИДа вернулся в Россию и размещен в Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтая в Барнауле. Александр Борисович выслал нам текст сообщения по российскому радио от 21.04.1996 года журналиста Альфреда Тучинского из Чураевки: «Когда-то русская деревня Чураевка была настоящим действующим очагом культуры в самом центре Америки. Деревня насчитывала 27 домов... Сейчас в Чураевке осталось всего пять семей... Видимо, может так случиться, что Чураевка останется, а россиян в Чураевке не будет...».

Что можно добавить к сказанному?... Как, впрочем, и к тому, что если талант нашего земляка был высоко оценен и отмечен многими международными наградами и почетными учеными степенями академий наук и искусств университетов разных стран: Франции, Англии, Индии, Аргентины и других, то его соотечественникам остается только надеяться на знакомство с наследием писателя. Думается, наш знаменитый земляк заслуживает лучшего к себе отношения, потому что, где бы он ни был, сердце его не переставало болеть о Родине, о будущем своего народа: «Так вот вышло... со мной. Ушел от народа своего в далекие края, а живу мечтой о его же лучшем будущем. Потому что от него, от его лучшего бытия унес свечечку святого огонька — мечту о лучшем даре многоскорбной правды исторической; унес надежду о великом будущем великого народа, давшего много подвижников. И потому мне всюду хорошо».

Я К РОДИНЕ СЕРДЦЕМ ПРИВЯЗАН

Был правдив мой о Родине сказ...

Г.Д. Гребенщиков

14 апреля 1908 года в Народном Доме Усть-Каменогорска с успехом прошла премьера пьесы «Сын народа». Автор ее, наш земляк, тогда начинающий писатель – Георгий Дмитриевич Гребенщиков. Но очень скоро известные писатели и деятели русской культуры увидят в его имени надежду и гордость русской литературы. «Золоторокотными сказаниями о нашей Матери-России» назовет его произведения Ф.И. Шаляпин, а Н.К. Рерих будет радоваться «Сибири, взрастившей этого большого человека».

Волею судеб оказавшись в эмиграции, прожив в США 40 лет, он мечтал вернуться на Родину «понятым как должно», чтобы вместе с новыми и сильными людьми «строить будущее». Но не суждено было писателю увидеть родных берегов. Память же о Г.Д. Гребенщикове, его произведения понемногу обретают читателей на родине. Нет, не переиздаются его книги в Казахстане. По сей день его земляки не знакомы ни с 12-томным романом-эпопеей «Чураевы» (лишь первый том мизерным тиражом был выпущен Иркутским книгоиздательством в 1982 году), ни с трилогией «Былина о Микуле Буяновиче», с выходом которой Гребенщикова называли классиком при жизни, ни с другими произведениями, составившими 30-томное собрание сочинений, изданных за рубежом и переведенных на многие языки мира.

Расходятся книги в электронных версиях с помощью «Общества возрождения истории литературы Сибири», возглавляемого инженером из Барнаула Александром Борисовичем Фирсовым, для которого популяризация творческого наследия Гребенщикова стала делом всей жизни.

Машина мчится вдоль неброских привычных пейзажей. Мелькают бескрайние поля, пологие сопки, перелески. Однообразную картину оживляют секисовская пихтовая роща да скалистые горы «Календари», что проносятся справа. А на востоке в голубой дымке нескончаемой вереницей тянутся живописные отроги Алтайских хребтов. Позади остаются знакомые поселки, дорога то взмывает ввысь, то падает в долины. И вот уже вдалеке за Выдрихой поблескивает изумрудная лента Убы. Теперь каких-то 40 километров отделяют меня от Рулихи.

– В командировку? – спрашивают попутчики.

– По зову сердца и по долгу службы, – отвечаю я.

Еду навестить родные места и повидаться с родственниками писателя Гребенщикова. Хочу убедиться, что помнят о нем на Родине.

«Полно!» – скажет, вероятно, читатель, ведь не осталось, пожалуй, в живых тех, кому довелось видаться с ним. В последний раз он наведывался в родные края в 1916-м году, почти 90 лет назад! И все же, думаю мне, наш земляк достоин лучшей участи, ведь уезжал он за рубеж с драгоценным багажом памяти, запечатлевшей образы соотечественников, великолепные картины природы, глубокие знания истории и быта своего народа. И там, на чужбине, читал лекции и писал книги о богом забытом Николаевском Руднике, где родился 6 мая 1882 (84?) года, о Шемонаихе, об Озерках, о Выдрихе и Катон-Карагае; о реках – Бухтарме и Убе и о людях, живущих на этой земле. Не потому ли как заклинание звучат его слова: «Когда я думаю о Родине, то мои мысли о ней складываются как псалом!»

Нет, думалось мне, живы родственники, значит жива память о писателе. Ведь еще недавно здравствовали племянницы Гребенщикова: и Елизавета Матвеевна Вялкова, которая тронула его до слез запиской, дошедшей за океан, и Клавдия Матвеевна Акентьева, с которой он переписывался, и Александра Ильинична Луценко, которая помнила дядю и рассказывала о нем своим детям. О многом мне хотелось поговорить с родственниками писателя. После упразднения поселка Николаевский Рудник (позднее Каменевки), многие из них стеклись в окрестные села и в Рулиху, куда я спешу к двоюродной племяннице Гребенщикова – Анне Петровне Луценко. Кто бы мог предположить в 70-е годы, когда я училась в старших классах Рулихинской средней школы, что учительница литературы, преподававшая в нашей школе, окажется родственницей писателя, чьи книги будут признаны выдающимися трудами Мировой литературы!

Анна Петровна в почтенном возрасте. Она живо интересуется судьбой двоюродного деда и с готовностью рассказывает:

А.И. Луценко – племянница
Г.Д. Гребенщикова, с. Рулиха, 1985 г.

– О Георгии Дмитриевиче поведала мне моя мать, Александра Ильинична Луценко, неграмотная женщина. Слушала я рассказы мамы с интересом, как губка впитывала все, что касалось его, умного, благородного, далекого и забытого здесь на родине человека. Как-то мама принесла от деда Ильи фотографию и сказала, что это Георгий Дмитриевич. Первый раз я увидела Гребенщикова. Мужчина довольно-таки интересный. Лет под 50. Лицо интеллигентное: высокий лоб, небольшие усики, волосы густые, поперечная складка на лбу – глубокая озабоченность. Таким он остался для меня на всю жизнь...

– Не сохранился ли снимок? – с надеждой спрашиваю я.

– Куда подевался портрет, не знаю. Видимо, припрятали... с концом.

Анна Петровна вспоминает, что в 20-е годы родственники и односельчане интересовались судьбой Гребенщикова, переписывались с ним. Эмоционально звучит рассказ ее о том, как однажды родственники, съехавшись у Жеребцовых, читали первую книгу Георгия Дмитриевича «Отголоски Сибирских окраин».

– Вечером все собрались за столом, а дядя Саша читал. Дядя Саша, – поясняет Анна Петровна, – двоюродный брат Георгия Дмитриевича. Он был хорошо грамотным крестьянином. Читал вслух рассказы, да так выразительно, так похоже передавал и сочную перебранку мужиков и баб, и даже брех собак! «Ну, как будто это было в нашем поселке», – говорила мама.

Анна Петровна вспоминает, что ее мать всегда тянулась к знаниям и, конечно же, гордилась своим двоюродным дядей-писателем. «Большим стал человеком, – вздыхала она, – а в бедности жил».

И вспоминала кое-что из его детства:

– Жили трудно, из нужды не выбивались. Отец Георгия Дмитриевича не обладал той цепкой хваткой, чтобы вести хозяйство и обеспечить безбедную жизнь. Небольшое хозяйство ложилось в основном на старшего сына. Елена Петровна была доброй, терпеливой матерью. Незлобивый

был у нее характер. Бог дал ей благодать особенную – лечить людей. Гера, как звали его в детстве, не ахти какой был помощник. Бывало, брат замечал, что парнишка увлекся чтением какой-то книжки и возмущался: «Зряшная трата времени! Давай-ка во двор!». Не смущало его, что одет кое-как, во что придется. Спать ложатся – подстилают под себя сермяжки, старые шубенки. Утром эту шубенку на себя... Часто остывал, из носа текло. При этом мама добавляла: «Сопливенький был».

Временами умолкает Анна Петровна, с грустью смотрит куда-то в неведомое прошлое, то вдруг оживляется, вспоминая, что единственной отрадой для Георгия Дмитриевича было посещение дома тетушки Елизаветы Петровны в Таловском, а позднее в Озерках.

– Озерки? – говорю я. – Так это рядом с Рулихой.

– Ну да, всего-то в двух-трех километрах. А дальше следовала Шапоревка.

– Но ведь председателем этого колхоза тогда был мой дед – Кириенко Семен Гаврилович.

– Так мама его хорошо знала, они были активистами, он нас навещал и часто допоздна засиживался за чашкой чаю.

– Как тесен мир! – изумляюсь я. – Переплетаются наши пути-дороги! Еще лет десять назад я и предположить не могла, что найдутся такие параллели, благодаря которым судьба Гребенщикова мне станет ближе и дороже.

– Мама рассказывала, – продолжает Анна Петровна, – что особенно привлекала Георгия Дмитриевича его двоюродная сестра – Александра Викторовна Жеребцова. Окончив фельдшерские курсы, в русско-японскую войну она была сестрой милосердия.

Анна Петровна бережно раскладывает передо мной снимки Александры Викторовны, запечатленной в казахском костюме и в одежде сестры милосердия:

– Их многое объединяло. Судьба Александры сложилась непросто. Как и Георгий Дмитриевич, она искала жизни более яркой, полной. Посещала запретные кружки. Сидела в царских тюрьмах. А после революции – в 30-е годы – недовольная сталинской политикой, вошла в оппозиционные кружки. За то опять сидела в тюрьмах, теперь уже советских. Двенадцать лет в общей сложности тюремный стаж.

– За что так любили Георгия Дмитриевича в доме моего прадеда Виктора и деда Ильи Жеребцовых? – размышляет вслух Анна Петровна. – За умное, острое словцо, за добрую шутку. Любили его неугомонного, непоседливого, общительного, совестливого и деликатного. Он был любимым племянником Елизаветы Петровны – сестры его матери. Особое

А.В. Жеребцова, двоюродная сестра писателя, 1905 г.

внимание проявлялось к нему с ее стороны даже в мелочах. «Дед Виктор, – вспоминала моя мама, – любил есть все горячее, обжигающее. К столу ему подавали хлеб-щи только серебряную ложку, а не деревянную. Бабушка Елизавета велела подавать и Егорушке (так звали Гребенщикова близкие люди. Прим. – Т.О.) серебряную ложку, конечно же, из особого уважения к нему». Егорушкина ложка хранилась в семье моего деда Ильи до голодных 30-х годов. И серебро, и фарфор были обменены на хлеб и картошку.

– Очень любили Георгия Дмитриевича дети, – вновь оживляется Анна Петровна. – Бабка Аграфена рассказывала, что он как-то по-особенному умел с ними говорить, с присловьем, присказкой да с шут-

кой. А то и сказку расскажет, и все к месту. И слушали его с широко раскрытыми глазами не только дети, но и взрослые. Был таким неугомонным! Облазит все пригорки, ущелья, горы. И всегда найдет что-то интересное, что другие и не замечали. То диковинный камешек, то чудный цветок... У каждого родничка остановится, попьет водички и прискажет: «Славная водица!».

Улыбается мечтательно Анна Петровна, вспоминая рассказы о двоюродном дедушке, а я дивлюсь ее памяти и воображению, будто не мать и бабушка ей рассказывали о нем, а сама она все воочию видела. А она, как бы вторя моим мыслям:

– На склоне лет моих я переживаю странные чувства. Все ярче рисуются, встают в моем воображении картины прошлой жизни. Жизни, в которой я и не жила. Слышу явственно голоса людей, даже тех, кого не видела. Смотрю на горы, причудливо сложенные, с солидной округлостью – напоминают они мне мудрую, статную бабу Аграфену, Егория Дмитриевича – так она его называла... В голод, когда Георгий Дмитриевич уже не жил в России, ходили мы с бабушкой Аграфеной в горы за слизуном и кандыком. Она рассказывала, как в летний праздник, види-

мо на Петров день, приехали Георгий Дмитриевич с Людмилой Николаевной (женой. Прим. — О. Т). После чая они устроили с детьми игру в прятки. Был уговор — не убежать далеко, в горы не прятаться. Потом всех обнаружили, а Георгия Дмитриевича нет. Вскоре он сам объявился: идет, посмеивается, в руках веточки вереска и крыжовника с зелеными ягодами. На вопрос: «Где был?» — смеется и говорит, что не нарушал уговора, а его увлекли горные духи. Был у них в гостях. А жилье их чудное! Каменные лежа, диваны... устланы коврами из вереска. В расщелине, рядом крыжовник растет. И там же чудесный родничок. А вода в нем чудотворная: напьешься — хворь как рукой снимет. Это добрые незримые духи. Они хранят горные сокровища. А когда придут умные да работающие люди — они и укажут знак! Ну, чем не сказка? — восклицает Анна Петровна. — Вот и захотели все подняться на самую вершину горы, увидеть своими глазами это жилье.

Слушаю Анну Петровну, и вспоминаются мне те самые места, куда мы детьми ходили за тюльпанами. Криводаном горы именуются. Как все это близко и дорого! Хорошо помню и гладкие каменные плиты, и животворный родник! Подумать только, в этих же местах бродил Гребенщиков!

— А осенью, — продолжает Анна Петровна, — бабушка Аграфена выкопала там два корня крыжовника и посадила на своем огороде. Были эти кусты долгое время как светлая память о Георгии Дмитриевиче и его сказке о добрых горных духах.

Интересны в рассказе Луценко и некоторые подробности о родителях Гребенщикова:

— У Дмитрия Лукича, когда приезжал в гости, была обязанность, как он сам шутил, рубить дрова. А когда рубил, то негромко пел, тонким голосом тянул какой-то мотив, без слов. Походило на легкое завывание ветра в щели. И получил за это кличку «Погода»: «Ну, Погода, затянул опять», — беззлобно шутили мужчины.

С нежностью и грустью вспоминал Гребенщиков родителей до своего последнего часа. Не только в книгах увековечил он память великих тружеников. В Лейкленде в почетной галерее Южного Колледжа Флориды, где он, будучи профессором, преподавал всемирную литературу и изящную словесность, в 1942 году в честь родителей положены две особые плиты, запечатлевшие их имена.

— Обаятельным и общительным помнила его мама. С мужиками на селе быстро завязывал знакомства. Бывало, подсядет к ним на завалинку, и пойдут разговоры. Да так живо! Как будто век знакомы. Частым гостем был и в казахских семьях. На Озерках жили две казахские семьи. Работали они у богатых крестьян пастухами летом, а зимой под-

возили сено с поля ко двору. Жили на окраине села в землянках, покрытых дерном. Мама рассказывала, что дядя хорошо говорил по-казахски, чаевничал с ними. А уж как они были довольны. Такой большой человек разговаривает на их языке и чай с ними пьет!

Вот откуда Гребенщиков так хорошо знал обычаи и традиции казахского народа! Потому так правдивы и мастерски выписаны образы его земляков-казахов в повестях и рассказах: «Ханство Батырбека», «В тиши степей», «На Иртыше», в поэмах «Киргиз» и «Джаксы джигит».

Слушая Анну Петровну, мне вспомнился интересный эпизод из жизни Гребенщикова, рассказанный А.Б. Фирсовым, почерпнутый им из поездки с отцом на родину – в Выдриху: «Пришли мы к друзьям отца – киргизам. Расселись прямо на полу, на ковре, в большой горнице... Стали чай пить. Тогда старик-киргиз рассказывал отцу о похоронах какого-то своего родственника – знаменитого охотника на лисиц. Так вот, на похороны этого киргиза (кажется, киргиза звали Кырпай), приезжал друг умершего – писатель Гребенщиков. Приехал не один, а с приятелем – русским. «Приятель, – хозяин показал на висевший на красивом ковре инструмент, – взял в руки домбру и стал играть, а Гребенщиков запел песню: про своего покойного друга Кырпая, про его лошадь быстроногую, про верного пса Уркаю, про беркутов, про Убу и горы. Долго и хорошо пел. Так хорошо пел, что старики заплакали. И я плакал», – закончил рассказ хозяин».

Вспоминает Анна Петровна и рассказы матери, как однажды с Гребенщikovыми праздновали Троицу:

– Приехал Георгий Дмитриевич с Людмилой Николаевной и сестрой ее Антониной Николаевной, также учительницей. Было тепло, зелень вокруг. Выехали за село с самоварами, с корзинами всякой снеди. Под березками у родника устроили стол на двух скатертях. Посредине стоял кувшин с березовыми ветками. Женщины отведали бабонькиных наливов, мужчины выпили что-то покрепче. Под гитару пела Людмила Николаевна. Голос у нее был сильный. Антонина Николаевна плясала «Гопак».

«Также и в США, – думаю я, – в русской деревне Чураевке, основанной Гребенщиковым в сердце штата Коннектикут, чураевцы праздновали христианские праздники – с самоваром, русскими пирожками, с песнями и танцами у костра».

И как будто издалека голос Анны Петровны:

– Гостили три дня. Георгий Дмитриевич всех фотографировал.

– А снимки? – оживляюсь я. – Не сохранились ли?

— Что вы! Какие там фотографии! Надо знать то время — тридцатые годы. Так шерстили! Выискивали вредителей, немало исчезло людей из села. А уж если родственник за границей — гляди, и шпионаж пришьют! — и, помолчав, добавляет: — Разве вот только эта карточка. Мама рассказывала, как будто Георгий Дмитриевич ее сделал.

На любительском снимке — две женщины, одна из которых его тетя — Елизавета Петровна. Запечатлены на фоне бревенчатого дома с резными ставнями. Что же, хочется верить!

Александра Ильинична Луценко (Жеребцова) прожила 97 лет. В преклонном возрасте самостоятельно выучилась читать «по-печатному».

Анна Петровна не уставала удивляться памяти и любознательности матери:

— Знала — поименно! — всех соратников Сталина, добрый десяток первых космонавтов. Да это все свои люди. Но зачем надо было знать всех президентов США? Или индийских премьеров? — смеется она и добавляет: — Была она все-таки удивительной женщиной, моя мама...

Но не во всеуслышание, во весь голос вспоминали родственники о Гребенщикове, а вполголоса, даже шепотом. Зато с гордостью и добрым чувством.

— А ведь тогда не знали еще, что он станет человеком, талант которого оценят классики мировой литературы. «Аристократ мысли и слова!» Подумать только! И хотя большинство книг написаны на чужбине, — в каждой строке — светлый образ Родины. Сыновняя верность своему народу, родному краю. Ну, как не гордиться таким родичем? — заключает Анна Петровна.

Покидая Рулиху, мы, как всегда, навещаем речку моего детства — Таловку, о которой с любовью писал Гребенщикова в «Егоркиной Жизни». Смотрю на ее мутную воду, глинистые берега и думаю, сколько же воды утекло с тех пор, как уехал наш земляк счастье пытаться в чужие края? И

Е.П. Жеребцова (сестра матери писателя) с дочерью Лизой.
Фото Г.Д. Гребенщикова, 1913 г.

как бы удачно не сложилась его судьба на чужбине, он сердцем стремился к этим берегам. И будто нашептывают мне волны строки из романа «Океан багряный» – шестого тома эпопеи «Чураевы»: «А теперь ты взгляни на то, как течет река. Послушай ее шелестящий ход, ее стремление неустанно и непрерывно вперед. Глубокая и изменчивая, она полна сказок и тайн, печалей и радостей...».

Вот так и жизнь, – думается мне. С печальями и радостями, со взлетами и падениями, с крутыми поворотами и опасными порогами. То вдруг затягивает в бурлящие водовороты, то выбрасывает на берег надежды!

Гребенщиковские чтения,
г. Шемонаиха, 2004 г.

ОСТАЛСЯ СЛЕД ДУШИ ТВОЕЙ ПАРЯЩЕЙ...

Твое было молодое
и веселое, и смелое
Посылаешь в негашен
и перлы в башню
Прощайте врагу
разлучившему с мечом
Прощайте и крадущую
душу твою

Александр-Кумар

Читаю проникновенные строки на обороте снимка, запечатлевшего молодого, красивого человека. С трепетом вглядываюсь в одухотворенное лицо, мечтательные глаза, пытаюсь уловить сходство с писателем Георгием Дмитриевичем Гребенщиковым.

Да, на снимке его единственный сын – Анатолий, которому суждено было жить в разлуке с отцом и о котором до недавнего времени мы почти ничего не знали. С дочерью Анатолия, Людмилой Анатольевной Гребенщиковой, что живет в Москве, мы переписываемся уже 10 лет, но на многочисленные наши просьбы рассказать о себе и об отце получали лишь короткие отписки. И вот, наконец, наши просьбы услышаны. Благодаря ее троюродному брату из Усть-Каменогорска – Чащину Владимиру Николаевичу, – первому Гонцу с родины ее деда, мы получили заветную

посылку: сборник стихов Людмилы Анатольевны «Вечерний горизонт», снимки сына, внуки, правнуков Г.Д. Гребенщикова, фотографию приемной дочери Ады Тейлор и кое-что из переписки.

«Встреча с сестрой, – рассказывает Владимир Николаевич, – была короткой, но очень волнующей и теплой, часы пролетели, как одна минута. Когда я показал снимок ее бабушки, Людмила расплакалась: «Вот на кого я похожа!»

О бабушке своей, Людмиле Николаевне Гребенщиковой, в девичестве Степановой, чьим именем и ее нарекли, Людмила Анатольевна почти ничего не знает. В одном из писем в музей она сообщает лишь то, что жена Гребенщикова не поехала с ним за рубеж, «оставшись с сыном-подростком в России... Но подробно этой семейной драмы я не знаю...».

А что же известно теперь нам о близких писателю людях: его сыне и внучке?

Сын – Анатолий, родился в 1906 году в Семипалатинске. Когда в сентябре 1920 года его отец уехал за рубеж, еще не ведая, что это «путешествие» затянется до конца жизни, Анатолий с матерью остались на Родине. Но уже в 1922 году Гребенщиков хлопочет о переезде жены и сына в Германию, не теряя, однако, надежды скоро самому вернуться в Россию. Из Висбадена он обращается за помощью к М. Горькому:

«Главное мое беспокойство причиняет разлука с семьей: жена на Алтае, учительствуя, ходит босая, потеряла голос, шепотом учит детей, живет в нищете и голоде, в нетопленном доме, а сын в Питере живет из милости у моих друзей, и все мы не можем не только свидеться, но и писать регулярно друг другу: мои письма не доходят на Алтай, а оттуда нет таких денег, как 60 тыс. рублей на письмо. Да и у сына нет ни штанов, ни рубахи, ни денег, ни марки. Все мои посылки – одна морока и мираж, галлюцинации для... ожидающего их мальчишки... Между тем, сын у меня один и по всем отзывам хороший и порядочный мальчик, и я не знаю, как был бы я Вам обязан, если бы Вы помогли их обоим с матерью выручить в Германию. С матерью, потому что она еле таскает себя от изнурения, а мальчик не только не желает ее бросить, но и решил ехать к ней в Сибирь, чтобы вывезти ее в Петербург... Но мальчику скоро семнадцать лет. (Я не вижу его ровно 6 лет...) Мне не хотелось бы вывозить их нелегально... потому, что я уверен, что сыну скоро не понравится Европа... Да, думаю, что через год и сам смогу вернуться домой...». Горький, вероятно, не ответил Гребенщикову, во всяком случае ответного письма не найдено.

Анатолий тем временем живет у друга отца – писателя В.Я. Шишкова, автора романов: «Угрюм-река», «Емельян Пугачев» и других. В оче-

редном письме к сыну читаем, что Георгий Дмитриевич по-прежнему тоскует по родным и надеется вернуться на Родину. В 1933 году он пишет Анатолию и его жене Зинаиде Васильевне в Ленинград:

«Милые мои ребятки! Посылаю вам кое-какие фотографии, чтобы вы имели представление о местах, где я путешествую. Попутно шлю вам программу о постановке одной из моих пьес. Шлю мой привет и любовь. Хочется мне чаще писать вам, но не знаю, удобно ли это для вас: ведь я из другого мира человек. Все же и вы не забываете меня. Помните, что мое сердце (есть такой маленький мотор в человеческой машине, который имеет кое-какие способности чувствовать веру, надежду и любовь) всегда наполнено воспоминаниями и болью о вас.

Ваш папа».

Но письма с родины приходят все реже. Анатолия преследуют за связь с отцом-эмигрантом. По несколько раз в году ему приходится менять работу, да и получить высшего образования не довелось – вновь припомнили отца. Но, несмотря ни на что, он не отрекся от отца, не поменял фамилии, окончил индустриальный политехникум и работал на ГЭС и «Ленэнерго». Переписка отца и сына продолжалась до самой Великой Отечественной войны. «Сын звал отца обратно в Россию, отец звал сына к себе, – пишет Людмила Анатольевна. – Но Георгию Дмитриевичу возвращаться было, конечно, рискованно, а папа мой не хотел покидать Родину. Перед войной переписка прервалась, потому что отца стали преследовать за родителя-эмигранта, и он был на грани ареста... Но началась война, отец, будучи начальником одного из штабов обороны Ленинграда, ушел на фронт добровольцем, просто рядовым солдатом и – инженер, интеллигент, совсем не военный человек – в конце 1941 года пропал без вести. Мама еще надеялась, что он попал в плен, и ждала его после войны, когда был обмен пленными, но не дождалась. Думаю, что он погиб сразу же в 1941 году при обороне Ленинграда».

Людмиле Анатольевне в начале войны было четыре года, она не помнит отца:

Войны сирота, я не знаю отца и не помню –
Твой воин, Россия, убит он неведомо где...

Со слов матери, Зинаиды Васильевны, она рассказывает, что отец был очень красив, галантен и обаятелен, хорошо пел и играл на гитаре, был душой компаний.

В годы войны Людмила и ее старшая сестра, 14-летняя Маргарита, были эвакуированы на Урал. Мать же осталась в блокадном Ленинграде ухаживать за больной тетей. Это были страшные годы испытаний для

Зинаиды Васильевны. Отправив детей на эвакуационный пункт, она через некоторое время узнала, что детский сад, где собрали детей для отправки на Урал, разбомбили. Всю войну Зинаида Васильевна, не имея вестей и от мужа, жила надеждой, что ее девочки все-таки чудом остались живы.

Но то не пустяк, как в блокадном
живя Ленинграде
одна-одинокa отважная мама моя,
а мука ее у меня проступает во взгляде,
как сквозь известняк проступают незримо моря...

По окончании войны, по радио объявили о вернувшихся из эвакуации с Урала детей. И мать отправилась на вокзал. Младшую – Людмилу, она не узнала – так девочка выросла за четыре года, как, впрочем, и дочь не узнала ее. И лишь когда Маргарита бросилась к матери, младшая сестра последовала за ней. Мужа же с войны Зинаида Васильевна так и не дождалась.

Даже в 1943 году Г.Д. Гребенщиков ничего не ведал о судьбе сына. Да и узнал ли потом? В письме к Шишкову в Москву от 3 июня 1943 года он пишет:

Л.А. Гребенщикова –
внучка писателя

*«Дорогой друг Славушка.
Много воды и человеческой
крови утекло с тех пор, как мы об-
менивались письмами. Теперь уже
5 лет, как мы не слышим ни звука
ни от родных, ни от друзей. Не
знаю, где Людмила, где Анатолий.
Живы ли, может быть, ты зна-
ешь?».*

После войны Людмила Анато-
льевна, окончив школу, затем ин-
женерно-строительный институт,
работала расчетчиком строитель-
ных конструкций в проектно ин-
ституте. В студенческие годы на-
чала писать стихи, вступила в Союз
писателей СССР, теперь – России.
Печаталась с трудом, так как сти-
хи, по ее словам, были «совсем не
советские». В.А. Солоухин назвал
их философской лирикой.

Перелистываю небольшой сборник ее стихов «Вечерний горизонт», в который раз перечитываю необыкновенно выразительные, наполненные философским смыслом строки. «Но что можно сказать о стихах? – вспоминаются строки из ее письма. – Их надо читать и слушать. Если удастся когда-нибудь к вам приехать, – почитаю». Что же, хочется верить, что эта встреча рано или поздно произойдет. А пока предлагаем вам, уважаемые читатели, ее стихотворение, посвященное знаменитому пращуру – Г.Д. Гребенщикову.

Л.А. Гребенщикова –
внучка писателя

Здесь времени холодные длинноты
свистят, как ветры, над равниной голой.
Но голос твой мне воспаляет горло
Прозрачной и насмешливою нотой.

Издалека – протяжное анданте –
он вдруг проступит почерком старинным
стихотвореньем скромным и недлинным
о том, что, может, ты любил когда-то.

К тебе однажды, поперхнувшись словом,
Соскучась бытием своим оседлым,
хранимая судьбою милосердной,
я с мальчиком приду светлоголовым.

– Смотри, – скажу, – вот правнук твой прекрасный,
высок и нежен отроческий лобик,
смеющийся – средь алчности и злобы, –
он легким шагом обойдет соблазны.

Покойся с миром, знаменитый пращур,
в стране далекой, о, покойся с миром!
На родине покинутой и милой
остался след души твоей парящей.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЧУРАЕВКУ

Мелькают сосны, дубы, кипарисы и клены. Машина мчится по большому федеральному шоссе № 6, затем медленно поднимается на лесистый холм. Дорожный указатель справа гласит: «Деревня Чураевка. Национальный регистр. Исторический район. Основана в 1923-м году».

Русско-американская деревня Чураевка, что раскинулась в самом сердце Америки – штате Коннектикут, в 75 милях от Нью-Йорка, встречает нас беспечным щебетом птиц и лаем собак. Прямо у поворота в деревню в лесной гуще видится русский дом с тремя остроконечными крышами, наподобие терема, выкрашенный в бело-голубой цвет. Это и есть усадьба нашего земляка, писателя Георгия Дмитриевича Гребенщикова, построенная им по образцу русского архитектора Сулова. Кажется, вот сейчас выйдут встретить нас ее радушные хозяева...

Увы, дорогой читатель. Признаюсь, я никогда не была в США, тем более в русской деревне Чураевке. Но о встрече с ней мечтала 10 лет. И мечта эта почти сбылась, пусть даже посредством чуда видеотехники... Да, Чураевка мне представлялась именно такой, какой запечатлена на видеопленке в 1996-м году, и которая шла до историко-краеведческого музея очень долгим и длинным путем: США – Москва – Барнаул, откуда и выслал ее в дар музею давний знаток и ценитель творчества нашего земляка инженер Александр Борисович Фирсов.

Что же это за русский скит, основанный в США Г.Д. Гребенщиковым?

Но прежде, немного о нем самом...

Г.Д. Гребенщиков родился в 1882 (1984) году в Томской губернии, Змеиногорского уезда, Александровской волости в селе Николаевский Рудник в очень бедной семье. Однако в 10-е годы его имя уже было широко известно в российских литературных кругах. Творчество Гребенщикова высоко ценили А. Куприн, И. Бунин, М. Горький, Ф. Шаляпин,

Фрагмент карты автомобильных дорог штата Коннектикут, 1990 г.

С. Рахманинов и др. «Для меня имеет ценность только та литература, которая содержит в себе смысл поучения. Среди величайших писателей этой категории я считаю двух: Достоевского и Гребенщикова...» – писал выдающийся авиаконструктор И.И. Сикорский.

В 1920-м году Г.Д. Гребенщиков покинул Россию. «Много стран и скорбей я измерил», – писал он в послании в стихах брату Ивану на родину, потому что не просто ему было найти пристанище на чужбине. Жил в Турции, во Франции, в Германии. И лишь в США среди лесистых холмов штата Коннектикут нашел то, «что имел только на Алтае: тишину, чистоту и независимость...». В этом штате Бичерстоу написала «Хижину Дяди Тома», здесь жил и творил Марк Твен. И наш земляк, прожив в США почти 40 лет, написал и опубликовал около 30 томов художественно-публицистической прозы, прочел множество лекций об Алтае, стал доктором философии Оксфордского университета.

Ровно через год по прибытии за океан на слиянии рек Помпераг и Хусатоник Гребенщиков купил участок земли и построил русский скит, ставший очагом русской культуры в Америке. «Помню, – пишет он в книге «Гонец. Письма с Помперага», – была Страстная Суббота, 18 апреля 1925 года, когда я стал твердою ногой на кусок дикой, но теплой зем-

ли в штате Коннектикут... А в полдень на Пасхе, в сетке мягкого весеннего дождя, среди березок, выбрал полянку для хижины. Забывая первый колышек, помню, обратился к Востоку и вместо молитвы крепко подумал: «Да будет здесь, в Америке, Сибирский скит!» Знал, что именно отсюда уйду на Алтай... Пока же выстроил избушку, смешную, кукольную, но такую милую среди берез, дубов и кипарисов. Никогда не забуду ее материнской ласки. Недаром ласточка немедленно свила под ее крышей свое гнездышко...»

Г.Д. Гребенщиков за работой
в своей хижине в Чураевке.
Государственный архив
Восточно-Казахстанской области

За «хижиной» последовал более основательный – зимний дом откуда мы начали свое путешествие по Чураевке. Он явился и домом, и учреждением: там типография, зал для собраний, книгохранилище, комната для гостей, большой рабочий кабинет.

Впоследствии деревня эта, объединившая в себе деятелей русской культуры на основах кооперации «для совместного творческого труда», была названа Чураевкой, в честь самого значительного литературного труда Гребенщикова – 12-томного романа-эпопеи «Чураевы».

В 1927 году по соглашению с Н. Рерихом Гребенщиков стал владельцем книгоиздательства «Алатас», основанного при музее Рериха в Нью-Йорке. Вскоре оно переносится в Чураевку. Интересно, что представительства «Алатаса» будут организованы в Риге, Париже, Берлине, Харбине.

Итак, мы путешествуем по Чураевке. Она расположена на площади более чем 200 акров (80 га) в лесистой местности. Улиц здесь нет, лишь просеки, где едва проходят машины. В центре Чураевки, у родника на холме, Гребенщиков по проекту Рериха построил часовенку. Сложенная из проросших терниями диких камней, она явилась памятником Преподобному Сергию Радонежскому, одному из бессмертных подвижников и скитни-

ков Святой Руси. «Эта Часовенка, — читаем в «Гонце», — увенчивает весь осуществленный символ Древней Руси, унесенный в сердце за чужие рубежи... Закуталась Часовенка в густые заросли... но тверды ее каменные стены...». Дверь в часовню всегда открыта. Мы входим в часовню, зажигаем семилампный и свечи... Камера медленно скользит по иконостасу, по ликам святых, по расписанным в русском стиле продолговатым окнам. А в памяти звучат строки Гребенщикова: «...Какой благодатный уют Тебе тут, Преподобный Сергей. Как милостив и скорбен Твой все видящий и все понимающий взгляд...». «Это мой протест против разрушения Храма Христа Спасителя в Москве», — говорил Г.Д. Гребенщиков.

«У часовни более широкие функции, чем те, что Вы предполагаете, — рассказывает в фильме пожилой человек лет за 70, сидящий на скамейке около часовни. Здесь проходили все русские православные праздники... Было много знаменитостей. Часто бывал изобретатель вертолетов Сикорский. В Часовне есть иконы 200-400-летней давности. Одна из них написана рукой Великой княгини Ольги Александровны, сестры Николая Второго». В дни особых торжеств собирались здесь не только чуряевцы, но и русские из отдаленных мест. Некоторые из них мечтали устроить рядом с Часовней свое, русское кладбище. Быть похороненным здесь хотел С. Коненков.

В часовне Святого Сергия,
построенной Г.Д. Гребенщиковым в Чуряевке

Эта тихая пустынька, такая воистину русская, «стала прибежищем для того, кто самоотверженно трудился и мечтал о Родине более 40 лет...» «Тихо улыбаются мне дни и ночи и снова под ногами теплая, шершавая земля, а белые березы движутся вокруг, толпой и одиночками, и кипарисы, как колонны подпирают синеву небесную. (Это правда: у нас березы и кипарисы растут рядом.) И звезды по ночам, как в детстве, яркие, давно знакомые, все те же, что на Родине... Как близко где-то тут Алтай!.. Ну, что же я еще могу сказать вам? Хочется молчать, не хочется ни о чем здесь даже думать. Эти звезды – их так много, – они уже тысячами все продумали. Спокойнее, увереннее их никто ничего не может думать.

Святогор – скульптура работы
В. Успенского, Чураевка

Так чудесно раствориться и потерять себя в серебряной пыли звездных лучей. И так странно, странно, что под этим небом и на этой земле люди могут так страдать и жаловаться...»

Неспешно, мы следуем по Чураевке дальше. Среди густых зарослей камера выхватывает блестящее озерко, деревянные мостки, прямо у дорожки растут грибы. Около одной из усадеб греются на солнышке кошки. А вот и Святогор – скульптура работы В. Успенского. «Он использовал для ее постройки камни и ракушки, – рассказывает один из жителей Чураевки, – какое-то количество привезено даже из Индии».

Увяз богатырь в землю по пояс. Только не в алтайскую – американскую. Да и какая разница. Земля – она и в Америке земля.

По одной из легенд именно в этих местах Гайавата закурил «Трубку Мира». Помните, у Бунина в «Песне о Гайавате» (перевод поэмы Г. Лонгфелло):

На горах Большой равнины.
На вершине Красных Камней,

Там стоял Владыка Жизни,
Гитчи Манито могучий.
И с вершины Красных Камней
Созывал к себе народы,
Созывал людей отовсюду...

Миротворческой была общественная деятельность и Гребенщикова. Он глубоко верил в духовное возрождение человека. «Я упорно преодолеваю множество препятствий, чтобы создать своим трудом, и, думаю, и духом – прежде всего независимость, а если мне удастся, то и средства для того любимого дела, которым живу – для возможности воплощать красивые идеи в действия».

Итак, мы бродим по улочкам Чураевки. Знакомимся с ее ветеранами. Среди них есть те, кто помнит Гребенщикова. Поучаствовали с ними в застолье, где, увы, не было традиционного, как в бытность Гребенщикова, русского самовара. Вероятно, так когда-то встречались здесь за самоваром Ф. Шаляпин, С. Рахманинов, М. Фокин, Н. Рерих, И. Сикорский и другие гости и жители Чураевки.

В период ее расцвета в 30-е годы здесь кипела жизнь. Строились новые дома, издавались и рассылались в Европу и Россию книги, решались вопросы о строительстве Школы Искусств, Дома отдыха. Планировалось построить Художественную студию. Устраивались литературные вечера и лекции, проводились детские праздники. Об этом можно прочесть в кратком отчете о деятельности Чураевки в книге «Гонец», изданной в 1928 году в Чураевке. А выпущенная на английском языке программа русского фестиваля в Чураевке, состоявшегося 14 сентября 1930-го года извещает:

- 12 ч. дня – Сбор участников фестиваля у часовни Св. Сергия.
- 3 ч. дня – Лекция И.И. Сикорского «Завоевание воздуха».
- 4 ч. дня – Трио Е.Ф. Аноп и др.
- 5 ч. дня – Гулянье по лесам Чураевки, пикник среди берез, сказки и песни у костра. Танцы. Весь день буфет. Русские пирожки. Киоски. Фестиваль проводится под покровительством Сибирской ассоциации друзей музея Рериха и Общества друзей культуры.

Съезжались в Чураевку гости на Рождество, ходили из дома в дом со свечами, пели колядки. Отмечалась в Чураевке и Пасха. «Как-то раз поехали в Чураевку в канун Пасхи, – вспоминает эмигрантка В. Коварская, – и я везла на коленях завернутое в полотенце тесто для куличей, грела его, чтобы не опало. Была война, бензина было мало, но «Летающий орел» довозил нас в три часа прямо к Гребенщиковым».

Последние кадры фильма удручающи. Нам продемонстрировали, в каком плачевном состоянии хранятся остатки архива Гребенщикова. В большом сарае, среди разного хлама в картонной коробке лежат его бесценные книги, бумаги, письма, снимки, альбомы. Дама, проживающая в Чураевке уже лет 18, показывает нам книгу Гребенщикова «Неизвестная Сибирь» на английском языке. Читает приглашение в Чураевку на День Благодарения, который отмечался 30-го ноября 1933 года. В руках ее матрицы, вырезки из газет, рисунки и фотографии.

«Она не знает русского языка, — комментирует фильм А.Б. Фирсов, — и даже представить себе не может, что держит в руках!»

С момента съемки фильма прошло много лет. Что-то теперь с Чураевкой? Над ее существованием нависла угроза еще в 1980 году, когда правительство штата предприняло попытку начать строительство завода по переработке мусора и автомобильной дороги к нему в районе деревни. В результате бурной реакции протеста жителей Чураевки, деревню удалось отстоять, и Чураевка, получив официальное название, была включена в национальный реестр государственных исторических памятников США.

Прошло 40 лет после смерти Г. Гребенщикова. На склоне лет, в статье «Что такое Чураевка», предвидя судьбу ее, он писал: «Пройдут года, пройдут десятилетия, многое изменится, и, может быть, когда нас уже не будет, здесь... все загложнет и все наши сады и домики покроют пустыри, но это не значит, что умрет и канет в Лету Чураевка. Душа ее, ее идея, практически запечатленная в живые, прочные кристаллы, в книги, здесь созданные и отсюда разлетевшиеся, как птицы-вестники, во все концы земного шара, уже становятся мечтою каждого бездомного изгнанника. Имя Чураевки произносится на многих языках, во многих странах... И многие книгохранилища бережно хранят эти мечты — кристаллы, отобранные и оформленные здесь в скорбях душевных и потах телесных, но с великою любовью к тем, кто должен прикоснуться к ним, как живой, целительной воде... потому, что во главе всех нас стоит и надзирает за нашими делами и мыслями... учитель жизни и подвижник, Преподобный Сергей Радонежский».

ЛИТЕРАТУРА
(сокращенный список)

Гребенщиков Г.Д. Река Уба и Убинские люди. Алтайский сборник. – Барнаул, 1912.

Гребенщиков Г.Д. Гонец. Письма с Помпеяга. – Чураевка: Алатас, 1928.

Гребенщиков Г.Д. От автора: Предисловие к английскому варианту книги Г.Д. Гребенщикова «Былина о Микуле Буяновиче». – Чураевка (шт. Коннектикут). – май 1940 г. – Пер. с англ. А.Б. Фирсова. – Восточно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей (ВКОМ).

Гребенщиков Г.Д. Рождественское обращение к русскому народу // Новая заря (г. Сан-Франциско). – 1951. – 15 декабря.

Гребенщиков Г.Д. Егоркина Жизнь. – Чураевка: Алатас, 1966.

Гребенщиков Г.Д. Чураевы // Избранные произведения. – Иркутск, 1982.

Гребенщиков Г.Д. Моя Сибирь. – Барнаул: АГУ, 2002.

Гребенщиков Г.Д. Былина о Микуле Буяновиче. – М., 2002.

Гребенщиков Г.Д. Избранные произведения: В 2 т. – Томск: Сибирика, 2004.

Гребенщиков Г.Д. Письмо из-за морей. – Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГВКО).

Гребенщиков Г.Д. Собр. соч.: В 30 т. / Редактор-составитель А.Б. Фирсов. – Барнаул: Издание самодеятельного Общества возрождения истории литературы Сибири.

Гребенщиков Г.Д. Новые берега (Письмо из Америки). – Личный фонд А.Б. Фирсова.

Гребенщиков Г.Д. Толкай телегу к звездам!.. – Личный фонд А.Б. Фирсова.

Алексеев Н.А. От Колымы до Флориды // Иртыш (г. Семипалатинск). – 1997. – 9 сентября.

Булин А. В Чураевке // Новая заря (г. Сан-Франциско). – 1959. – 24 октября.

Дзиоменко И. «Хан Алтай» Г.Д. Гребенщикова // Зарница. – 1926. – № 12.

Дюбокляр О. Золотой юбилей Г.Д. Гребенщикова как писателя // Новая заря (г. Сан-Франциско). – 1956. – ВКОМ.

Езерская Б. Деревня Чураевка в штате Коннектикут. США // Вестник. – 2002. – № 3 (268).

Зленко Г. Перед уходом в безвозвратную эмиграцию. Георгий Гребенщиков в Одесской печати 1918-1919 годов // Библиотекарь. – 1997. – № 11.

Изотов А.Т. Еще раз о Г.Д. Гребенщикове // Простор. – 1997. – № 10.

Казаркин А.П. Сибирский классик. Послесловие к избранным произведениям: В 2 т. – Томск: Сибирика, 2004.

Коварская В. На берегах Помпеяга // Новое русское слово (США). – 1963. – 21 июля. – ГВКО.

Корниенко В.К. Георгий Гребенщиков – первый год жизни в США. Электронная версия. – ВКОМ.

Корниенко В.К. Георгий Гребенщиков – беженец из Советской России. – ВКОМ.

Корниенко В.К. Крымский период жизни и творчества Георгия Гребенщикова. Сибирский рассвет. – Барнаул: АГУ, 2000.

Кубанский Ф. Уголок Руси в стране Вашингтона. – Новая заря (г. Сан-Франциско). – 1956. – 22 сентября. – ВКОМ.

Панкратьева Е.Д. Дневник 1964 г. Рукопись. – ГАВКО.

Росов В.А. На Гималаи первая весть // Дэльфис. – 2002. – № 1.

Росов В.А. Белый храм на высоких горах. – СПб.: Алетейя, 2004.

Росов В.А. Сегодня – день Чураевки // Взор (г. Самара). – 2001. – № 4.

Савченко И.Г. Георгий Гребенщиков // Студенческие годы. – 1925. – № 19.

Фирсов А.Б. Доверчивый и добродушный. – Личный фонд А.Б. Фирсова.

Царегородцева С.С. Грани судьбы и творчества Г.Д. Гребенщикова. – Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2004.

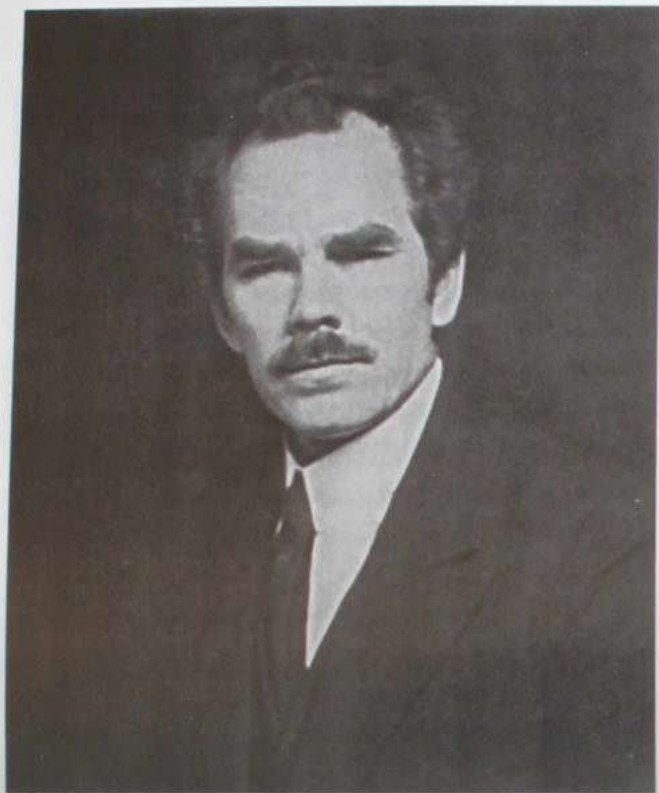
Черных С.Е. Все написано крепко: Наши знаменитые земляки // Рудный Алтай (г. Усть-Каменогорск). – 1971. – 9 декабря.

Черняева Т.Г. Георгий Гребенщиков и его народный роман-эпопея «Чураевы». Послесловие к роману-эпопее «Чураевы» / Редактор-составитель А.Б. Фирсов. – Барнаул: Издание самостоятельного Общества возрождения истории литературы Сибири, 2005.

Яновский Н.Н. На переломе: Из литературного прошлого Барнаула. – Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1978.

Поселок Каменевка (бывший Николаевский Рудник), где родился Г.Д. Гребенщиков

Г.Д. Гребенщиков, 1924 г.

ГЕОРГІЙ ГРЕБЕНЩИКОВЪ

БЫЛИНА

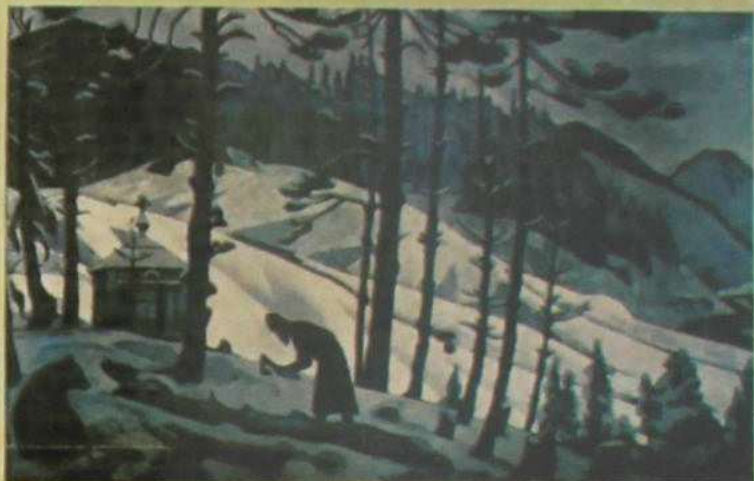
О МИКУЛѢ БУЯНОВИЧѢ

ПАРИЖЪ-НАУ-ІОРКЪ

Обложка книги
«Былина о Микуле Буяновиче»

СИБИРСКИЙ ОТАЕЛЪ
ОБЩЕСТВА ДРЪЗЕЙ МЪЗЗА РЕРИХЪ

НА ПОСТРОЕНІЕ ЧАСОВНИ
ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІА РАДОНЕЖСКАГО
ВЪ ЧУРАСЕРКѢ ШТАТА КОННЕКТИКУТЪ США.

Получено отъ Юрія Н. Рериха
двадцать долларовъ и крош-
ного валя рукописнаго иску-
ства его Бѣлѣ поднеси на
этой Краковѣ, за это криво-
линей сѣмъ наше братское са-
сѣбо, какъ славному Свѣдѣнью
Свѣдѣннѣ Кеттѣннѣ.

По порученію Свѣдѣннѣ Кеттѣннѣ Тѣррі' Грѣбеннѣ

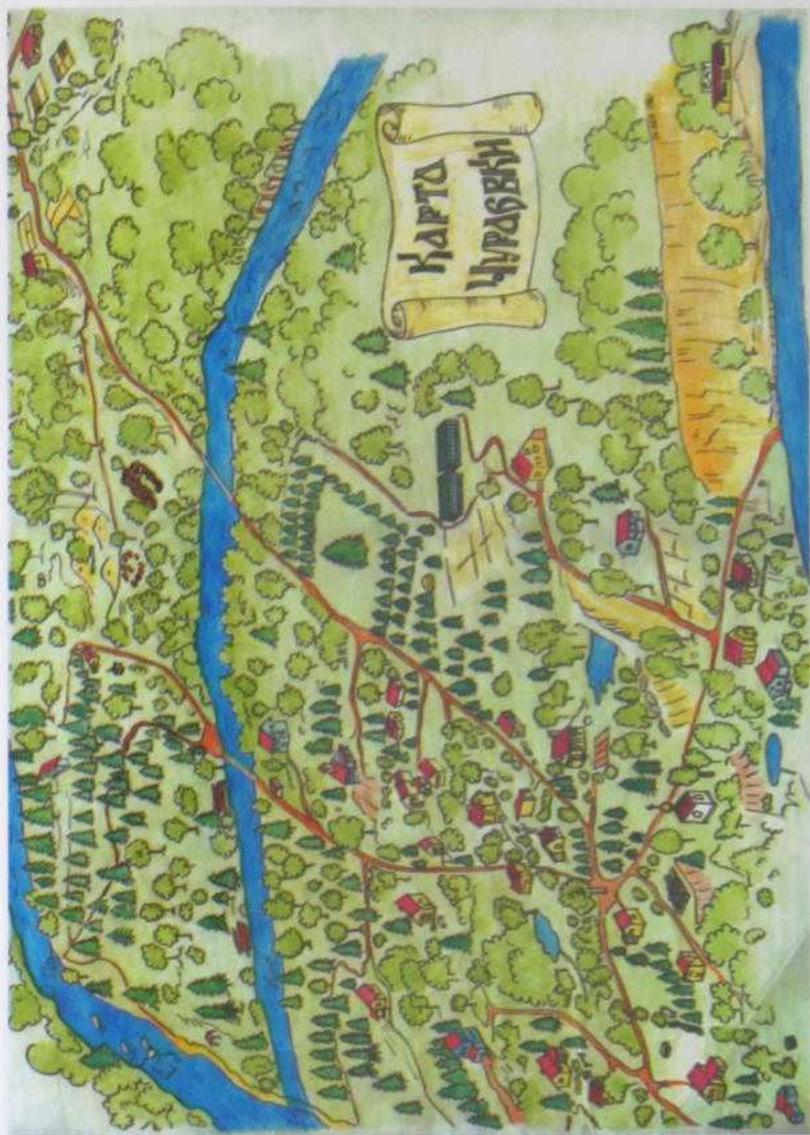
4 апр. 1930.

Въ Луизіи Юлія Н. Рериха.

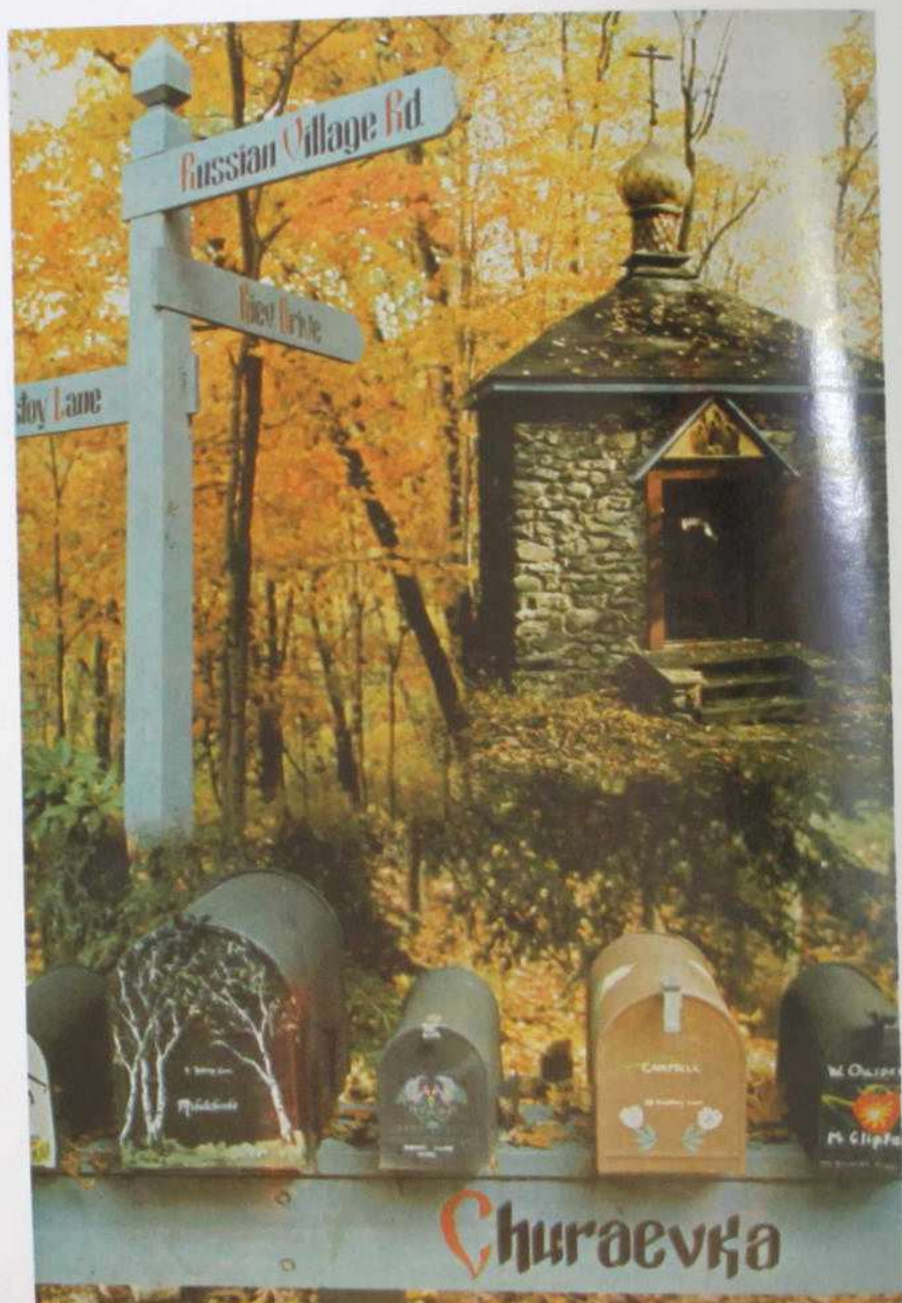
Благодарственное письмо Ю.Н. Рериху,
Автограф Г.Д. Гребенщикова, 4 апреля 1930 г.

Дом Г.Д. Гребенщикова в Чурапче

Карта Чураевки, 1961 г.

Чураевка

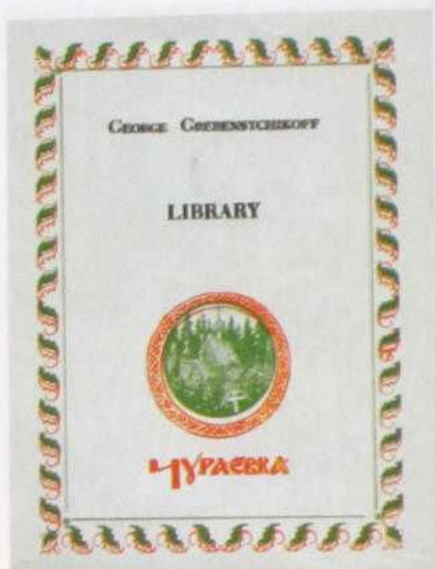
(Фото из книги В.А. Росова «Белый Храм на высоких горах».
СПб.: Алетейя, 2004 г.)

Л.А. Гребенщикова – внучка писателя

А.Г. Гребенщиков – сын писателя

Визитная карточка Чураевки

На гребенщиковских чтениях в Шемонаихе.
Слева направо: Н.Д. Луценко, М. Луценко, А.Б. Фирсов,
А.П. Луценко (внучатая племянница Г.Д. Гребенщикова),
О.М. Тардешова, 2004 г.

1960-е гг.

Анатолий Степанович ИВАНОВ

(1928 — 1999)

Чтобы изображать жизнь своего народа — надо ее знать, надо понимать и надо ее любить со всеми ее великими, может быть, горестями, великими радостями, героическими свершениями... Жизнь героев нашего времени, история конфликтов — это своеобразный документ для будущих поколений. Значит, на писателя возложена миссия особо ответственная, исполнять которую надо с честью и с полной творческой самоотдачей.

А.С. Иванов

Сейчас, после смерти Анатолия Степановича, вдруг стал отчетлив и явен терпеливый пошвиг писателя и величие его таланта. Эпопея «Вечный зов» стала истинно народной, стала частью души русского человека.

Е.В. Курдаков

Очень простой и доступный. Лицо — типично сибирское или алтайское — открытое, с чуть заметной «монголинкой». Очень любил видеть свои книги именно затрепанными и зачитанными — терпеть не мог выстроенных, как декорация, чистеньких книжечек...

В. Морозов

В ДУШЕ У КАЖДОГО ЕСТЬ РОДИНА СВОЯ...

Анатолий Степанович Иванов, наш земляк, автор известных романов и повестей: «Повитель», «Тени исчезают в полдень», «Вечный зов», «Жизнь на грешной земле», «Ермак» и других. Перебираю материалы из личного фонда писателя: книги с дарственными надписями историко-краеведческому музею, письма, статьи, фотографии, документы. Просматриваю видеопленку, запечатлевшую Анатолия Степановича в один из приездов в наш город, и не верится, что его уже нет...

«Шемонаиха – это моя родина, – писал А.С. Иванов в очерке «Преобра^{Се}зование», – здесь я родился, здесь я научился различать волнующие запахи распаханной весной земли и росных летних лугов, раскаленных зноем каменных гор и покрытых толстым снежным покровом полей...»

«Шемонаиха и моя родина», – думается мне. Марьин утес, река Уба, гора Мохнатуха – все до боли родное и близкое. Но вот пожать руку талантливому земляку мне посчастливилось только однажды. Близкого же знакомства так и не состоялось. Были лишь телефонные звонки в канун его 70-летия, письма, да та памятная давняя встреча в октябре 1979 года, когда мне, студентке 3-го курса Усть-Каменогорского педагогического института, было поручено приветствовать Анатолия Степановича от студентов города. Вспоминается он мне и теперь солидным, коренастым, среднего роста человеком, неторопливым и сдержанным в словах и движениях, с крепким и сердечным рукопожатием. Хранится с тех пор книга с заветным автографом. Написать же о нем довелось только теперь, в канун его 75-летия.

Творческую судьбу писателя-земляка, пожалуй, можно было бы назвать счастливой, если бы не последнее десятилетие его жизни, которое пришлось на перестроечный период и в жизни, и в литературе.

Марьин утес

Удачными, благосклонно встреченными советской критикой, были публикации его первых рассказов «Дождь» и «Алкины песни». Крупные эпические романы выдержали десятки изданий на родине и за рубежом. Анатолий Иванов при жизни был обласкан советским кинематографом: экранизированы на «Мосфильме» его романы и повесть «Жизнь на грешной земле», труды отмечены высокими правительственными наградами. Но все победы завоевывались огромным трудолюбием, большим писательским талантом и суровой школой жизни.

Родился А.С. Иванов 5 мая 1928 года в селе Шемонаиха. Родители его: Степан Степанович и Марфа Логиновна Ивановы – выходцы из крестьянских семей. В неопубликованной части очерка писателя-краеведа С.Е. Черных «Постижение», что хранится в фондах краеведческого музея, читаем, что отец писателя – Степан Степанович – был человеком веселым, общительным, обладал звучным и красивым голосом, был запевалой на праздниках. Он работал заведующим райотделом «Союзпечати». Мать же, Марфа Логиновна, напротив, была замкнутой, неразговорчивой и порой казалась даже суровой. Дом Ивановых стоял почти в центре села Шемонаиха недалеко от речки Березовки и примерно в километре от Убы.

Детство писателя было обычным для деревенского мальчика: поездки с отцом и матерью на пашню, охота, работа на огороде, походы с ребяташками за ягодами, купание в Убе.

Но детство Толи закончилось рано. Ему шел девятый год, когда случилась беда: умер от неизвестной болезни отец. И, как старшему в се-

Дом, где родился и вырос А.С. Иванов,
г. Шемонаиха, ул. Алтайская, 9

мье, Толе пришлось стать опорой и поддержкой матери. Несмотря на голод и лишения, мальчик учился в школе, был любознательным, писал стихи и пародии на друзей и учителей. В 1941 году Анатолию исполнилось 13 лет. Матери с тремя детьми на руках было трудно прокормить семью. Не хватало одежды, обуви, керосина. Хлеб получали по карточкам, за которыми приходилось выстаивать длинные очереди, порой всю ночь до утра. Выручали ягоды, щавель да дикий лук, которыми были богаты окрестности Шемонаихи. Все лето детям приходилось трудиться на заготовке кормов для колхозного скота, а когда наступал сентябрь – до поздней осени работали на уборке совхозного картофеля и свеклы. Жили впроголодь, иногда до весны довольствуясь мерзлым картофелем. Особенно леденили душу сводки Совинформбюро о положении на фронте.

Но случались и светлые дни в жизни Толи Иванова. С теплотой и любовью вспоминал писатель спектакли гастролировавшего в годы войны в Восточном Казахстане Полтавского театра им. Н.В. Гоголя. Постановки «Платон Кречет», «Наталка-Полтавка» и другие переносили мальчика в мир музыки и искусства, скрашивали безрадостное лихолетье.

В 1945 году Анатолий окончил школу. В журнале учета успеваемости Шемонаихинской средней школы за 1943–44 годы, что хранится в краеведческом музее г. Шемонаиха, тогда Толя учился в 9 «Б» классе, узнаем, что он учился довольно хорошо. Тройки лишь по «точным» предметам: тригонометрии и алгебре, да, как водилось в военные годы, по немецкому языку.

Несмотря на трудности и лишения, Марфа Логиновна смогла дать детям высшее образование. Анатолий Степанович окончил факультет журналистики Казахского государственного университета им. Кирова в Алма-Ате. По окончании работал в Семипалатинской областной газете «Прииртышская правда», оттуда был призван в армию.

В «Прииртышской правде» за 27 ноября 1964 года он так написал о роли газеты в его творческой судьбе: «Годы, отданные «Прииртышской правде», считаю лучшими годами своей жизни. Потому что эта газета «бросила» меня в самую гущу жизни, научила чувствовать горячий пульс нашего времени, привила любовь к слову, к фразе, заставила почувствовать силу печатного слова, открыла целый мир литературных образов, сделала меня писателем».

Демобилизовавшись, Анатолий Иванов работает редактором районной газеты «Ленинское знамя» (Мошковский район Новосибирской области), а позже – редактором Новосибирского книжного издательства. С 1958 по 1964 годы – заместителем главного редактора журнала «Сибирские огни».

Работая в районной газете, А. Иванов разъезжал по колхозам. Это и была та самая литературная практика, руководимая жизнью. «Вот тут-то у меня и зарождались первые замыслы, которые я попытался передать в рассказах», – писал Анатолий Степанович позднее.

В 1954 году в «Крестьянке» он публикует свой первый рассказ «Дождь». А два года спустя в Новосибирске вышла первая книга – сборник рассказов «Алкины песни», в которую, помимо одноименного рассказа, вошли еще шесть. Рассказ «Алкины песни» имел счастливую сценическую судьбу. По просьбе Новосибирского ТЮЗа в 1964 году Ивановым по этому рассказу была написана пьеса. Пять лет она с успехом демонстрировалась на сцене театра. По предложению Новосибирского академического театра оперы и балета автор написал по мотивам рассказа оперное либретто. В 1967 году театр осуществил постановку оперы под названием «Алкина песня».

Известность же писателю принесла книга «Повитель», впервые напечатанная в «Сибирских огнях» в 1958 году. Именно этим романом 30-летний Анатолий Иванов уверенно и смело занял свое место в «храме советской литературы». Писателю С.Н. Сергееву-Ценскому приход молодого, но уже зрелого, талантливого писателя виделся следующим образом: «Представьте не такой уж и длинный стол, за которым плечом к плечу, очень тесно сидят писатели-художники, которых не так и много. И вот в дверь комнаты, где они сидят, осмотрительно входит некий молодой человек с явным намерением усесться за стол. Кажется, что за сто-

лом нет места! «Как так нет места? – улыбается вошедший. – А это разве не место?... Это отличное место. И это мое место». И он садится за переполненный писателями стол, и все видят, что для него вопреки законам физики очистилось просторное место, и он усаживается на нем прочно. Так, на мой взгляд, входят в литературу талантливые люди. Они входят уверенно, и только те, которые входят в нее таким именно образом, остаются в ней всерьез и надолго».

Роман хорошо был встречен читателями и критикой. Он привлекал остротой нравственных проблем, целеустремленностью авторской мысли и хорошим знанием жизни, на что писатель отвечал: «Я хорошо знал героев, о которых мне приходилось рассказывать, до мельчайших подробностей. У меня не было никакой внутренней потребности «дополнительно изучать» литературу, ибо все, что было с героями, зримо, рельефно, вполне очевидно стояло перед моими глазами...». Роман «Повитель» был высоко оценен критикой. По мнению А. Дементьева он являлся одним «из самых интересных произведений последнего времени». Критик Борис Леонов отмечал, что Анатолий Иванов в романе «Повитель» обнаружил объективность подлинного историка с социально-классовым взглядом на события прошлого».

В течение следующих пяти лет А.С. Иванов работает над романом «Тени исчезают в полдень», увидевшем свет в 1963 году. Этот роман, как и предыдущий, свидетельствовал, что в советскую литературу пришел писатель эпического плана. В его книгах охвачена целая эпоха в жизни народа. Произведения полны масштабных событий и остродраматических ситуаций, глубоких трагических характеров, и, вместе с тем, удивительно чутким подходом к изображению тончайших движений человеческой души. Это позволяет говорить о своеобразной лиро-эпической манере письма замечательного мастера художественного слова. Образы и характеры в его эпических полотнах так убедительны, будто списаны с натуры. Не случайно они имели большой успех в экранной интерпретации режиссеров «Мосфильма» В. Краснопольского и В. Ускова.

Замысел романа-эпопеи «Вечный зов» автор охарактеризовал так: «Вечный зов» – книга о переустройстве нашего общества, о трудной борьбе народа за социальную справедливость, за человеческое счастье и достоинство... Главная мысль романа в том, что всякая истина, и обыкновенная, житейская, а особенно социальная, достается людям не просто...».

Над «Вечным зовом» А. Иванов работал 13 лет (1963-1975). Две книги в разное время были опубликованы сначала в журнале «Москва», потом в «Роман-газете». Отдельными книгами выходили в издательствах: «Советский писатель», «Современник», «Воениздат», «Советская Рос-

А.С. Иванов среди земляков, г. Шемонаиха, 1978 г.

В повести «Жизнь на грешной земле», написанной в эти годы, по мысли литературного критика В. Яковенко, писатель стремится вскрыть глубинный психологический пласт, затронуть самый «болючий» корень, где, кажется, нет выхода из неумолимых обстоятельств жизни».

Читая и перечитывая книги А. Иванова, невольно возникает вопрос: в какой мере события романов соответствуют тому, что происходило в истории нашего края? Земляки часто задавали ему подобные вопросы, на что Анатолий Степанович отвечал: «Да, здесь, в Шемонаихе и ее окрестностях происходили все события, описанные в моих романах. Здесь я воочию увидел людей, упрямо продолжающих... дело, за которое боролись мои герои».

Или вот еще эпизод из жизни односельчан, который в деталях воспроизвел А. Иванов, работая над второй книгой «Вечного зова». Анатолий Степанович вспоминал запавший в память с детства «тыловой поселок военного времени. Клуб, в котором собрались коммунисты района – в основном старики, женщины, инвалиды, пришедшие с фронта. Мать моя прибирала в клубе, а я с нею оказался в зале...».

Немного лет было Анатолию тогда. Но ему хорошо «запомнились усталые, – пишет он, – люди, которые деловито решали, как усилить помощь фронту, несмотря на нехватку рабочих рук, опытных специалистов, техники и инвентаря. Кажется, я ощутил государственную важность происходящего, впервые увидел не просто старших односельчан, а хо-

заяв жизни, готовых отстаивать эту жизнь с ...самоотречением и мужеством...».

По роману «Вечный зов» поставлен 19-серийный телевизионный фильм. За первую книгу «Вечного зова» в 1971 году А. Иванов удостоен Государственной премии РСФСР им. М. Горького и первой премии ВЦСПС и Союза писателей СССР, а за создание сценария к телефильму «Вечный зов» А. Иванову присуждена Государственная премия СССР.

В 1978 году А. Иванов, как соавтор экранизации романа Г. Маркова «Отец и сын», был отмечен премией Ленинского комсомола.

14 ноября 1984 года А.С. Иванов удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда – за большой вклад в развитие советской литературы.

Но не все было таким безоблачным в творческой судьбе писателя. В годы так называемой перестройки не обошлось и без ядовитой критики писателя восторженными завистниками и неудачниками. Критика эта была для Иванова столь же неожиданной, как и несправедливой.

Правда, были журналисты и критики, выступившие в защиту писателя. В статье «Вразрез» Бориса Кузьминского читаем: «Поставьте себя на место Анатолия Иванова, и вам мгновенно расхочется иронизировать над ним и клеймить его позором. Судьба этого человека трагична. Роман «Вечный зов» выдержал десятки изданий, массовые тиражи которых мгновенно исчезали с прилавков. В библиотеках выстраивались очереди: вот статистика, вот мешки читательской почты. Потом книгу экранизировали, и вся страна по вечерам прилипла к экранам телевизоров: улицы пустели, кривая преступности резко шла вниз. Критика заливалась соловьем... И тут всякая шантрапа, сначала исподтишка, как и подобает, а потом все наглее и громче принялась доказывать Иванову, что он плохой писатель... Напишет такой вот зоил статейку, а сам – к ящику, тринадцатую серию смотреть. Народ Иванова всегда любил и до сих пор

А. Иванов

любит. А на писк комариный внимание обращать для настоящего писателя унижение...».

Но не мог не реагировать А.С. Иванов на подобную критику. Говорят, это приблизило его кончину...

...Перелистываю последнюю страницу любимого мною романа «Тени исчезают в полдень», который автор закончил жизнеутверждающим эпилогом о шестии весны по земле: «А весной даже небольшие реки текут стремительно и бурливо, разбивая об утесы и каменистые берега, перемалывая в водоворотах все, что туда попадает... Время тоже течет, как река, тоже перемалывает и выбрасывает на берег всякое гнилье и мусор. И воздух год от года становится свежее, а земля – чище...». И хочется верить и надеяться, что пройдет сегодняшнее окаянное время бездуховности, и молодые люди нового поколения так же трепетно, с замиранием сердца раскроют очередной томик мастера художественного слова, нашего земляка Анатолия Степановича Иванова.

ЛИТЕРАТУРА

Иванов А.С. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Молодая гвардия, 1981.

Иванов Н. Памяти Анатолия Иванова // Караван. – 1999. – 11 июня.

Иванов Н. Повинуясь вечному зову... // Рудный Алтай. – 1999. – 10 июля.

Леонов Б.А. Зов жизни. Очерк творчества Анатолия Иванова. – М.: Сов. писатель, 1979.

Черных С.Е. Постигание // Под небом Алтая. – Алма-Ата: Жазушы, 1988.

Черных С.Е. Зов жизни // Рудный Алтай. – 1988. – 5 мая.

Яковенко В. Поэзия прозы // Роман-газета. – 1984. – № 2 (984).

г. Шемонаиха, 2003 г.

А.С. Иванов (справа), г. Москва, 1962 г.

Итого по классу									
Всего	Мальч.	Девч.	Мальч.	Девч.	Мальч.	Девч.	Мальч.	Девч.	Мальч.
1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
6	6	6	6	6	6	6	6	6	6
7	7	7	7	7	7	7	7	7	7
8	8	8	8	8	8	8	8	8	8
9	9	9	9	9	9	9	9	9	9
10	10	10	10	10	10	10	10	10	10
11	11	11	11	11	11	11	11	11	11
12	12	12	12	12	12	12	12	12	12
13	13	13	13	13	13	13	13	13	13
14	14	14	14	14	14	14	14	14	14
15	15	15	15	15	15	15	15	15	15
16	16	16	16	16	16	16	16	16	16
17	17	17	17	17	17	17	17	17	17
18	18	18	18	18	18	18	18	18	18
19	19	19	19	19	19	19	19	19	19
20	20	20	20	20	20	20	20	20	20
21	21	21	21	21	21	21	21	21	21
22	22	22	22	22	22	22	22	22	22
23	23	23	23	23	23	23	23	23	23
24	24	24	24	24	24	24	24	24	24
25	25	25	25	25	25	25	25	25	25
26	26	26	26	26	26	26	26	26	26
27	27	27	27	27	27	27	27	27	27
28	28	28	28	28	28	28	28	28	28
29	29	29	29	29	29	29	29	29	29
30	30	30	30	30	30	30	30	30	30
31	31	31	31	31	31	31	31	31	31
32	32	32	32	32	32	32	32	32	32
33	33	33	33	33	33	33	33	33	33
34	34	34	34	34	34	34	34	34	34
35	35	35	35	35	35	35	35	35	35
36	36	36	36	36	36	36	36	36	36
37	37	37	37	37	37	37	37	37	37
38	38	38	38	38	38	38	38	38	38
39	39	39	39	39	39	39	39	39	39
40	40	40	40	40	40	40	40	40	40
41	41	41	41	41	41	41	41	41	41
42	42	42	42	42	42	42	42	42	42
43	43	43	43	43	43	43	43	43	43
44	44	44	44	44	44	44	44	44	44
45	45	45	45	45	45	45	45	45	45
46	46	46	46	46	46	46	46	46	46
47	47	47	47	47	47	47	47	47	47
48	48	48	48	48	48	48	48	48	48
49	49	49	49	49	49	49	49	49	49
50	50	50	50	50	50	50	50	50	50
51	51	51	51	51	51	51	51	51	51
52	52	52	52	52	52	52	52	52	52
53	53	53	53	53	53	53	53	53	53
54	54	54	54	54	54	54	54	54	54
55	55	55	55	55	55	55	55	55	55
56	56	56	56	56	56	56	56	56	56
57	57	57	57	57	57	57	57	57	57
58	58	58	58	58	58	58	58	58	58
59	59	59	59	59	59	59	59	59	59
60	60	60	60	60	60	60	60	60	60
61	61	61	61	61	61	61	61	61	61
62	62	62	62	62	62	62	62	62	62
63	63	63	63	63	63	63	63	63	63
64	64	64	64	64	64	64	64	64	64
65	65	65	65	65	65	65	65	65	65
66	66	66	66	66	66	66	66	66	66
67	67	67	67	67	67	67	67	67	67
68	68	68	68	68	68	68	68	68	68
69	69	69	69	69	69	69	69	69	69
70	70	70	70	70	70	70	70	70	70
71	71	71	71	71	71	71	71	71	71
72	72	72	72	72	72	72	72	72	72
73	73	73	73	73	73	73	73	73	73
74	74	74	74	74	74	74	74	74	74
75	75	75	75	75	75	75	75	75	75
76	76	76	76	76	76	76	76	76	76
77	77	77	77	77	77	77	77	77	77
78	78	78	78	78	78	78	78	78	78
79	79	79	79	79	79	79	79	79	79
80	80	80	80	80	80	80	80	80	80
81	81	81	81	81	81	81	81	81	81
82	82	82	82	82	82	82	82	82	82
83	83	83	83	83	83	83	83	83	83
84	84	84	84	84	84	84	84	84	84
85	85	85	85	85	85	85	85	85	85
86	86	86	86	86	86	86	86	86	86
87	87	87	87	87	87	87	87	87	87
88	88	88	88	88	88	88	88	88	88
89	89	89	89	89	89	89	89	89	89
90	90	90	90	90	90	90	90	90	90
91	91	91	91	91	91	91	91	91	91
92	92	92	92	92	92	92	92	92	92
93	93	93	93	93	93	93	93	93	93
94	94	94	94	94	94	94	94	94	94
95	95	95	95	95	95	95	95	95	95
96	96	96	96	96	96	96	96	96	96
97	97	97	97	97	97	97	97	97	97
98	98	98	98	98	98	98	98	98	98
99	99	99	99	99	99	99	99	99	99
100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Тестраальна

Фестивал "Внорин", Тестраальна песна - в 1964 году
"Соревнования на сцене
Новосибирска", организаци-
ния управлениа культуры
прошлогого областного
ми, отделецием ВТО про-
мисленниа оомом проф-
говои работникоа култура,
каниаа ссмотром лучшиа
спектаклей, театров городи,
лучшиа работ оперои, ре-
жиссероа, художникоа, ба-
летмейстероа, дирижероа,
хормейстероа.
Творческие достижения
духоа из лучших, заслу-
жащие признание и благо-
дарность. Этим путем, отече-
ны дипломом победителя
фестивала.

Диплом

1 СТЕПЕНИ

Жюри фестивала "Тестраальна песна"
награждает

А.С. ИВАНОВА - автора песни "АЛЕКИ ПЕТИН".

Председатель жюри
фестивала

Председатель организационно-
методичеа

Член жюри СССР
Л. ЖУСНИКОВА
Член жюри областного
конкурса песен
В. ШУМИЛОВА

г. Новосибирск, май 1964 г.

Диплом А.С. Иванова

Театральная весна

Фестиваль Второго, Театральной весны в 1964 году Новосибирск на сцене Новосибирска, организаторы управления культуры промышленного областного отдела при БГО профмашинами откомпро, союза работников культуры, являлся смотрам лучших спектаклей театров города, лучших работ актеров, режиссеров, художников, балетмейстеров, дирижеров, хормейстеров.

Творческие достижения и лучших из лучших заслужившие признания и благодарности зрители отмечены дипломом победителя фестиваля.

ДИПЛОМ

I СТЕПЕНИ

Жюри фестивалей «Театральная весна» награждает

А.С. ИВАНОВА - автора пьесы "АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВ".

Председатель жюри
фестивалей

Председатель оргкомитета
фестивалей

Чл. орг. СССР
Л. ЯТСИНОВА
Чл. орг. СССР
В. ШУМИЛОВА

г. Новосибирск, май 1964 г.

Диплом А.С. Иванова

А.С. Иванов у «Марьиного утеса» и памятника погибшим землякам
в годы Великой Отечественной войны, г. Шемонаиха

Р.С. Иванова – сестра писателя
в краеведческом музее г. Шемонаихи, 2004 г.

1940-е гг.

Касым КАЙСЕНОВ

(Родился в 1918 г.)

Много написано книг о войне. Кое-что и я успел рассказать о своих друзьях-партизанах. Мне пришлось быть свидетелем и участником героической партизанской войны на Украине, я видел беспримерные подвиги народных мстителей в ожесточенной борьбе против немецко-фашистских захватчиков. И я должен, обязан рассказать все, что знаю. Рассказать просто, без прикрас, ничего не преувеличивая, ничего не скрывая...

Касым Кайсенов

Уходят годы, а все ярче и явственнее встает в памяти грозное время великой борьбы...

Касым Кайсенов

*Пиши, как здесь шумели бури, грозы,
Как смерть подкарачивала нас.
Ведь слово, Вася, это та же бронза,
И тот же недробящийся алмаз.*

М.И. Чистяков

«КАК ВАМ ЖИВЕТСЯ, КАСЫМ-АГА?»

В Областном историко-краеведческом музее хранятся материалы Народного героя Казахстана, нашего земляка Касыма Кайсенова, написавшего более 30 книг о Великой Отечественной войне, автора первых военных мемуаров в казахской литературе.

«...Один. Страшно остаться одному, когда тебя на каждом шагу подстерегает опасность. Страшно оттого, что можешь погибнуть зря, рискуешь быть схваченным в плен, когда силы покинут тебя и ты не сможешь даже выстрелить по врагу... Вот уже четверо суток питаюсь ягодами и корой деревьев. Мне никак не удастся выйти из леса. Оружие и радиостанция надежно спрятаны. Я оставил себе только пистолет с запасом патронов...»

В 1941 году Касыма Кайсенова назначили командиром партизанского отряда. Его группа была сброшена в немецкий тыл, в один из глухих уголков Киевской области. Приземлившись в условленном месте, в Черкасско-Богословском лесу, отряд стал ждать проводника. Но проводник Минько оказался предателем. Немцы ждали партизан в лесу. Завязался бой, в живых остался только Кайсенов. Измученный, раненый и голодный, он бредет по лесу, надеясь выйти к своим.

«Я лежу под березой, – вспоминает Касым, – гляжу сквозь ее ветви в голубое бездонное небо. Красивая, могучая береза. Такие я видел у себя на родине, в Восточном Казахстане. Березы... Каким сладким казался в далеком детстве тягучий березовый сок!»

Детство Касыма прошло в ауле Асу-Булак, что затерян в лесистых Алтайских горах. Кайсенов – казах из рода найманов. Он хорошо знает семь колен своих предков. «Вот их имена, начиная с самого древнего моего предка: Оте, Малай, Тайлак, Шолак, Жарылгап, Мажра, Кайса...» – пишет он в автобиографической повести «Страна моего детства».

Аул, где вырос Касым, раскинулся в небольшой впадине, образованной поймами рек – Асу-Булак и Унгерли. Несколько аулов по соседству с русскими деревнями: Толчеевской и Карповкой. У русских прадеды Кайсеновы научились сеять пшеницу, овес, просо, рубить дома, гнать деготь, выжигать уголь.

«Жили с русскими крестьянами бок о бок, – вспоминает Кайсенов, – по-братски помогая друг другу в горе, а в радости были желанными гостями казахи у русских, русские у казахов».

С наступлением лета, закончив сев, аул дружно поднимался на кочевье. «Я хорошо помню, – писал Касым Кайсенов, – как шумный караван груженных подвод, навьюченных верблюдов, скота, собак, людей медленно поднимался из долины на отлогие увалы и безлесное плоскогорье... В небе кружились беркуты, пели жаворонки, а на земле благоухали цветы... Только раз в жизни я пережил такое же прекрасное чувство, – это было 9 мая, в День Победы».

А годы шли,
Летели ветры,
Терялась детства колея.
И вот однажды утром летним
Снялась с родимых мест семья.
Отец сказал, что нужно выше
Идти в учебе. – И Касым
Увидел город в острых крышах,
Иртыш под солнцем золотым...

Так пишет в поэме «Степной сокол», посвященной Кайсенову, поэт Михаил Чистяков.

«Город в острых крышах» – это Усть-Каменогорск. Сюда 16-летним юношей в 1934 году Кайсенов с братом Рахимбеком приехал на учебу в политехпросветтехникум.

Около пяти лет связано с Усть-Каменогорском, об Усть-Каменогорске и Иртыше он вспомнит не однажды: и в Алматы, работая над своими книгами, и тогда, в 41-м, когда одинокий, мучимый жаждой, то и дело впадающий в забытие, он добирался до Днепра...

«Красивая, могучая река. Чем-то сродни седой Днепр моему любимому Иртышу. Много хороших, теплых воспоминаний храню я о нем. Иртыш – река моего детства... Я смотрю на Днепр, а мысли мои далеко, там, на Иртыше. Как-то ты поживаешь, старик Иртыш?.. Гаснет сознание, я «проваливаюсь» в сладкий томительный сон. Это даже не сон, какие-то томительные грезы, властно влекущие меня куда-то вдаль...»

Грезилось Кайсенову, как он с братом отправился в Усть-Каменогорск и по совету отца обратился за помощью к Василию Пономареву – рыбаку и другу отца, чтобы тот переправил их через Иртыш.

– Зайдите к дяде Василию, – говорил отец, – передайте ему привет от меня и скажите, что я просил доставить вас в город на барже.

Вспоминалось Касыму, что дядя Василий встретил ребят доброжелательно:

– Хорошо, я помогу вам. Ведь дело у вас спешное: учеба.

По окончании техникума, в 1938 году, К. Кайсенов около года возглавлял республиканские курсы политпросветработников, потом работал инспектором Павлодарского областного отдела народного образования.

В 1940 году, когда пришло время идти в армию, Кайсенов с другом попали в специальную военную школу. На экзаменах юношей ждали серьезные испытания. На одном – нужно было прыгнуть из освещенной комнаты в темную, пол которой был гораздо ниже уровнем и щетинился острыми кольями. Друг отказался прыгать и успел шепнуть Касыму по-казахски: «Секірме! Капуты!»* Когда вызвали Касыма, он разбежался и, рискуя сломать ноги, прыгнул. Оказалось, что это всего лишь искусно выполненные рисунки на ткани, имитирующие колья.

С таким же мужеством в годы Великой Отечественной войны он прыгал с парашютом на оккупированную врагом территорию. Сначала – подполье, потом – участие в легендарной партизанской войне, затем – командование партизанским отрядом, действующим в лесах Приднепровья и Закарпатья.

На одной из фотографий, подаренных нашему музею, Кайсенов запечатлен с группой партизан в 1944 году в Закарпатской Украине перед вылетом в тыл противника. На снимке улыбающиеся молодые ребята в полном боевом снаряжении. Всем ли им суждено вернуться?..

Кадры событий прошлого будут возникать перед глазами бывшего партизана, ныне полковника в отставке, и много лет спустя, когда он будет работать над своими книгами. Его феноменальной памяти дивился писатель-фронтовик, друг Кайсенова, Леонид Кривошеков: «Он помнил не только названия сел и хуторов, где воевал, но помнил поименно всех бойцов в отряде. Помнил павших и живых, знал судьбу каждого. А ведь отряд все время нес потери и... пополнялся новыми бойцами».

Кто-то из казахстанских писателей, слушая его рассказы из военного прошлого, посоветовал: «Касым, а ты запиши, что помнишь, на бумагу».

* Не прыгай! Опасно!

Партизан Великой Отечественной войны
Насым Кайсенов

Дорогой Мича!

20. II 1946

1. На Асе жилища 1937 году, когда мы были
ученики Печенгского техникума в
Уфе - Казань-Саратове. Она на курсе
мидея ж.б. 8 на II, а она 1 курс училась
2. М. Каско: 2. Теркаси, Петина 38 кв. 3
7 23 48 = год. 7-21-42 Теркаси дом 743 кв
Лавришнев: 2. Киб, ул. Карла 34, кв. 34
Тел. 93 2495
- Морозова (Витя) 2. Киб, пр. 40 лет Октября
дом 45 кв. 31.
Тел. 63 8058
- Крстек: 2. Киб. Петровского 6, кв. 21
Тел. 72 1878
- Александров 2. Улгород, ул. Баграти-Хитин-
ского 109.
Тел. 741-11 34672
- Синилов: 2. Березовый = Хитинский
Октябрьская 44 кв. 17
Тел. 51172

С приветом
Насым Кайсенов

Так появилась первая книга «Юные партизаны», вышедшая в 1954 году. Тематика последующих книг также связана с партизанской биографией писателя.

Народным мстителям Украины хорошо был известен партизан Вася, – так любовно называли Касыма собратья по оружию. Фашисты обещали дорого заплатить за голову партизанского командира, отряд которого носил имя Василия Ивановича Чапаева.

Был случай на Днепре: два военных катера остановились недалеко от партизанского лагеря, и вся команда немцев (не оставив охраны) пошла купаться. «Вася» с товарищами захватили катера, а всю команду перебили. Ни один фашист не ушел. Таких операций – тысячи.

Четырежды Касыма Кайсенова забрасывали в тыл врага – он блестяще выполнял задания. Принимал участие в боях на территории Молдавии и в Закарпатье, Чехословакии и Румынии. В среде партизан он слыл отчаянным, дерзким и храбрым воином, о нем ходили легенды, его имя приводило в трепет гитлеровцев и полицаев. В книге «Партизаны-казахстанцы» читаем:

«Вася появлялся там, где его не ждали, и, совершив дерзкий налет, исчезал в лесу. Оставшиеся в тылу старики и старухи, дети только и говорили об операциях Васи...».

В боевой характеристике, выданной в ноябре 1944 года начальником штаба партизанского соединения Мариненко «на десантника, командира партизанского отряда товарища Кайсенова Касыма», написано:

«За время пребывания в партизанском Соединении Закарпатья Героя СССР подполковника Тканко, товарищ Кайсенов показал себя как решительный боевой командир. Под командованием Кайсенова было проведено ряд больших боевых операций. На одной из операций в составе отряда и под личным руководством Кайсенова был разбит венгерский гарнизон, двадцать два солдата было обезоружено и взято в плен. Выполняя особое задание по минированию железной дороги, тов. Кайсенов с группой бойцов-партизан пустил два эшелона с солдатами и техникой противника под откос.

На операции по уничтожению наблюдательного пункта и зенитной установки противника Кайсенов, благодаря решительности и находчивости, сумел подойти незамеченным к противнику; неожиданным огнем из пулеметов заставил сдаться в плен двадцать пять мажарских солдат. Во время этой операции командир Кайсенов был ранен, несмотря на ранение, он продолжал вести бой. Тов. Кайсенов – боевой командир, талантливый организатор, он сумел организовать отряд численностью более двухсот человек. За боевые заслуги в борьбе против немецко-венгерских захватчиков

Кайсенов награжден медалью «Партизану Отечественной войны», орденом Отечественной войны 1-ой степени, представлен к награждению орденом Красного Знамени. Тов. Кайсенов пламенный борец за освобождение народа, политически выдержан, морально устойчив, предан делу партии Ленина-Сталина и социалистической Родине».

Следует добавить, что Касым Кайсенов имеет еще ряд правительственных наград: орден Богдана Хмельницкого, орден «Партизан Чехословакии» и 15 медалей. Об его храбрости и мужестве свидетельствует также благодарственное письмо от Героя Советского Союза Тканко А.В.:

«Лучшей памятью и благодарностью в знак нашей совместной партизанской борьбы с врагом в его тылу – Закарпатской Украины, за образцовое выполнение боевых и оперативных заданий, решительность, смелость и отвагу, проявленную в боях с немецко-венгерскими оккупантами, своему боевому другу... дарю пистолет системы «Браунинг...»

20 ноября 1944 г.

Касым Кайсенов

Член Союза писателей Казахстана,
бывший командир
партизанского отряда,
Народный герой Казахстана,
Полковник армии

Проспект Абая 35/37
кв. 27, телефон 62 65 39

Визитная карточка К. Кайсенова

Сейчас полковник Кайсенов живет в Алматы. Он – Член Союза писателей Казахстана. Указом президиума от 24 апреля 1995 года за № 2237 ему присвоено звание «Народный герой Казахстана».

Несмотря на преклонный возраст и слабое здоровье (сказываются тяжелая контузия и ранения), Кайсенов присылает в наш музей добрые письма, иногда мы созваниваемся.

- Как Вам живется, Касым-ага? – спрашиваю по телефону.
- Спасибо. Когда тебе будет 80, Ольга, я спрошу тебя о том же.
- Тогда Вам придется ждать еще полстолько!
- Постараюсь дожждаться, – смеется в ответ...

ЛИТЕРАТУРА

- Кайсенов К. Партизаны Переяслава. – Алма-Ата: Казгослитиздат, 1958.
- Кайсенов К. Из когтей смерти: Пер. с каз. П. Якушева. – Алма-Ата: Казлитиздат, 1960.
- Кайсенов К. Мальчик в тылу врага: Пер. с каз. – Алма-Ата: Казлитиздат, 1961.
- Кайсенов К. Партизанской тропой. Записки партизана. – Алма-Ата: Жазушы, 1970.
- Кайсенов К. Народные мстители. – Алма-Ата: Жалын, 1978.
- Кайсенов К. Партизанские тропы: Док. повесть и рассказы. – Алма-Ата: Жазушы, 1985.
- Кайсенов К. Я должен рассказать... // Рудный Алтай. – 1993. – 22 апреля.
- Еженова А. Путешествие в страну детства // Друг читателя. – 1983.
- Кривошеков Л. Слово о моем друге // Рудный Алтай. – 1968. – 22 апреля.
- Кукушкин Ю. Побратимы // Казахстанская правда. – 1969. – 14 октября.
- Черных С.Е. Их вдохновил Рудный Алтай // Рудный Алтай. – 1974.
- Чистяков М.И. Побратимы // Рудный Алтай. – 1974. – 27 августа.

К. Кайсенов с будущей женой (слева) и ее подругой, 1935 г.

К. Кайсенов (слева) – командир диверсионного отряда
перед вылетом в тыл противника, 1944 г.

Диверсионный отряд К. Кайсенова (слева)
перед вылетом в тыл противника, 1944 г.

У «медвежьей метки»,
окрестности Зырянска,
1963 г.

Александр Григорьевич ЛУХТАНОВ

(Родился в 1934 г.)

Я долго думал над формой жизни и пришел к выводу, что человек рождается для того, чтобы посмотреть на Божий мир и порадоваться самой жизни... Счастье — это найти себя (свое место в жизни) и до смерти оставаться в детстве.

Радость в жизни дают три вещи: общение с близкими по духу людьми, общение с природой, творчество в любимой сфере. Разум дается человеку в том числе и для того, чтобы оставить свой след на земле. Но не каждому это дано, поэтому удовлетворимся тем, что остались дети и внуки. И пусть они живут и радуются.

А. Т. Лукханов

Счастье человека в творчестве.

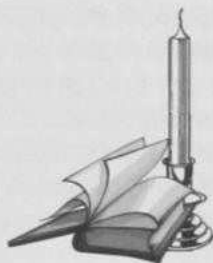
А. Т. Лукханов

Единственное богатство — духовное.

А. Т. Лукханов

Отказывай себе во всем, что мешает делу.

А. Т. Лукханов

ГОДА ИДУТ, ПЫЛИТ МОЯ ДОРОГА...

29 декабря 2004 года исполнилось 70 лет писателю-натуралисту, краеведу Александру Григорьевичу Лухтанову.

Александр Григорьевич живет в Зырянковске и нечасто навещает областной центр. Но каждая встреча с ним незабываема, потому что в Лухтанове видится мне истинный интеллигент, человек из тех добрых времен, когда ценились ум, скромность, честность, деликатность.

Мы беседуем в небольшом кабинете краеведческого музея. Интересный собеседник, Александр Григорьевич вспоминает былое. А мне представляется Алма-Ата начала сороковых... Заросшие травой улицы, тенистые сады, из которых еле выглядывают одноэтажные домики. На берегу речки Весновки, в народе называемой попросту Поганкой, стоит худенький мальчик, разглядывая только что распустившиеся соцветья алых маков. Это было какое-то чудо: еще вчера берег зеленел травой, а сегодня на рассвете он расцвел, преобразился, став сплошь красным. И каждый цветок – целый мир, который можно разглядывать без конца.

Мальчишку интересовало все: козявки в виде жучков-вертячек, кружащиеся в арыке, жабы, что выпрыгивали из зарослей полыни в саду, жуки-чернотелки, прячущиеся под камнями.

Хотя и шла страшная война, а от детства у Александра Григорьевича остались самые радужные, солнечные воспоминания. Больше всего запомнилась Шуре – так звали мальчика дома – походы на дальние огороды в горах, где родители, раскопав целину, выращивали картошку. Вокруг стеной стоял дремучий лес из старых обомшелых яблонь, урючин, барбариса и диких слив. Там прятались разные звери: словно тени мелькали полосатые барсуки, прыгали лесные белочки-сони, порхали птицы. Страшным голосом стонал и бубнил дикий голубь, а Шурке все казалось, что это ворчит, пугая всех, Баба-Яга.

С сестрой тащили разную живность домой, и не было развлечения лучше, чем наблюдать за сонями или возиться с ручной сорокой.

В старших классах Шура увлекся походами в горы, что заснеженной стеной стояли над родным городом. «Прекрасные, как сам космос, они манили сверкающими снегами, торчащими, будто клыки, скалами и смелыми очертаниями своих воздушных контуров». Вместе с друзьями он совершал восхождение на горные пики и чувствовал себя героем-первопроходцем, путешественником, открывающим новые вершины.

— Конечно, маршруты не были высшей категории сложности, однако, как первопроходители, мы все же попали в историю альпинистского освоения горных окрестностей Алма-Аты. Насколько серьезной была эта страсть, можно судить по тому, что трое из нашей компании стали профессиональными альпинистами и даже чемпионами СССР, — вспоминает Лухтанов.

Гораздо позже, когда Александру Григорьевичу стукнуло 60, он вместе с другом А. Марьяшевым напишет о тех временах книгу «Легенда о Черном Альпинисте» и сам же издаст ее. Книга с подзаголовком: «Повесть о Срыме Кудерине и его друзьях — аматинских мальчишках с Поганки». Это история о том, как несколько алма-атинских мальчишек в далекие 50-е годы «заболели горами», став впоследствии самостоятельными горовосходителями. Один из них — Сарым (в книге он Срым) Кудерин — сочинил балладу о Черном Альпинисте, которая широко бытовала среди туристов и альпинистов. Это книга о детстве и юношеской дружбе, о неизвестных страницах истории альпинизма послевоенной Алма-Аты.

Все это будет потом, а пока... Александр Лухтанов мечтает стать географом-исследователем. Однако, прислушавшись к советам отца и руководствуясь реалиями жизни, он поступает в Горный институт, выбрав специальность маркшейдера. Потом была долгая работа на свинцовом комбинате.

— Так, в августе 1957 года вместе с женой, Руфиной Михайловной, я появился в Зырянковске, — вспоминает Александр Григорьевич. — Я оказался на чужбине, на холодном севере, душа к которому не лежала. Сначала я выполнял договорную работу, а потом в конце 1958 года устроился маркшейдером на Рудник открытых работ. Но моя ищущая натура не могла ограничиться казенной службой. Отдушиной стали вылазки на Бухтарму, в горную тайгу, благо природа рядом.

Со всей страстью, свойственной ему, Лухтанов отдался фотоохоте, в которой видел удачное сочетание искусства, науки, спорта и охотничьего азарта. Часы, а то и целые дни, проведенные у гнезд, были счастливейшими в его жизни.

— Я не замечал ничего вокруг, кроме леса, — рассказывает Александр Григорьевич, — и все мои мысли были направлены в зеленые чащи за Бухтармой, где меня ждали мои птички и зверушки. Мне не хватало одного дня в неделю (тогда ведь рабочая неделя длилась 6 дней), чтобы удовлетворить свою страсть и создать своей фототекой иллюстрированную энциклопедию жизни леса.

Лухтановым были сделаны сотни высокохудожественных снимков живой природы. В 1963 году известный писатель Н. Сладков в письме к Лухтанову отметил: «Мне очень понравились Ваши фотографии. Это не просто фотографии художника. Радостно, что все больше и больше появляется людей, которые меняют ружье на фотоаппарат...».

Лухтанова оценил и известный казахстанский писатель-натуралист М.Д. Зверев. Его приглашали на работу в Институт зоологии Академии наук, он участвовал в экспедициях главного орнитолога Казахстана И.А. Долгушина. Более 20 лет он проводил свой ежегодный отпуск в совместных поездках с М.Д. Зверевым, ленинградским и московским писателями Н. Сладковым и С. Кустановичем.

Вспоминает Александр Григорьевич и поездку в Актогай на реку Чарын, когда он и члены клуба «У лесного костра», как в шутку называл их М. Зверев: Н.И. Сладков, Б.В. Щербаков, В.Н. Нетисов, — путешествовали.

А.Г. Лухтанов (слева), Н.И. Сладков, М.Д. Зверев,
г. Алма-Ата, 1969 г.

— Несколько дней мы бродили по тугаям. Конечно, сидели у вечернего костра, слушали пение соловьев и... жаб и говорили, говорили... Прошли годы, а эта встреча осталась на фотографиях, — раскладывает Александр Григорьевич снимки.

За эти годы накоплена огромная фототека, исписаны десятки дневников и записных книжек. Фотографии Лухтанова вошли в Атласы птиц мира, изданные в Лондоне, Берлине, Праге. Им иллюстрировано пяти-томное издание книги «Птицы Казахстана», двухтомник — «Спортивная охота в СССР», фотоальбом о красотах природы «Дети радуги», изданный на разных языках мира, и многие другие.

Но Лухтанов не только охотник за прекрасными мгновениями природы. Он — талантливый писатель-натуралист. С.Е. Черных, писатель-краевед, в одном из очерков о Лухтанове вспоминал: «Словно замороженный, еще в 1973 году читал я описание зимней симфонии, сделанное маркшейдером зырянского свинцового комбината: «Мягкими пуховыми шальями укрылись елочки, повязались косыночками и, кажется, что целый хоровод снегурочек закружился на лесной поляне. Ветви деревьев гнутся под тяжестью снежной ноши. Шапки-сугробы громадными гребнями расселись на пнях: до чего хитра на выдумки красавица-зима. В лесу, в царстве снежной королевы, кого только не встретишь! Вздрогнула макушка пихты, рассыпалась снежная кухта и мягким облачком поплыла меж деревьев. Это легкая на прыжок белка махнула с дерева на дерево. Испугался на лежаке заяц-беляк, выскочил из своего укрытия и пошел скакать по белу полю, куда он, туда за ним и след».

И таких зарисовок, новелл, рассказов о природе великое множество. Впоследствии Лухтанову удалось издать и три свои книги: «Филин» (1982), «Лесная Пристань» (1985), «Тропинками радости» (1987). Книжицы крохотные, искалеченные редакторами, без фотографий, за исключением первой. Но великолепные по стилю и богатству русского языка, эти удивительные книги очерков о природе Алтая увлекают в лесные дебри и степные просторы, на берега таежных рек и к лесному костру, чтобы читатель мог услышать «торжественную песню весны», побывать на тетеревином току или, затаившись у гнезда филина, понаблюдать за его птенцами.

А может быть, вместе с деревенскими ребяташками отправиться за околицу села на ближайшую оттаявшую горку за маленькими желтыми букетиками «провозвестников весны» — подснежниками. «Знакомы ли вам они? — спрашивает автор в книге «Лесная пристань». — Не торопитесь с ответом, вряд ли он может быть однозначным. Ведь в каждой местности это растение имеет свое название. На юге это крокус, в Европейской части — сон-трава, ветреница, на Кавказе — галантус. Но как бы

Зимняя сказка. Фото А.Г. Лухтанова

не различались все эти непохожие между собой растения, у них есть одно общее счастливое свойство – они всюду приносят людям радость... Наперекор холодам, пробиваются малютки из-под снега через едва оттаявшую ледяную землю. Как трогательно нежны эти робкие росточки, как хрупки, и, в то же время, сколько в них жизненной силы и энергии!.. Вот они, долгожданные! Весна пришла!»

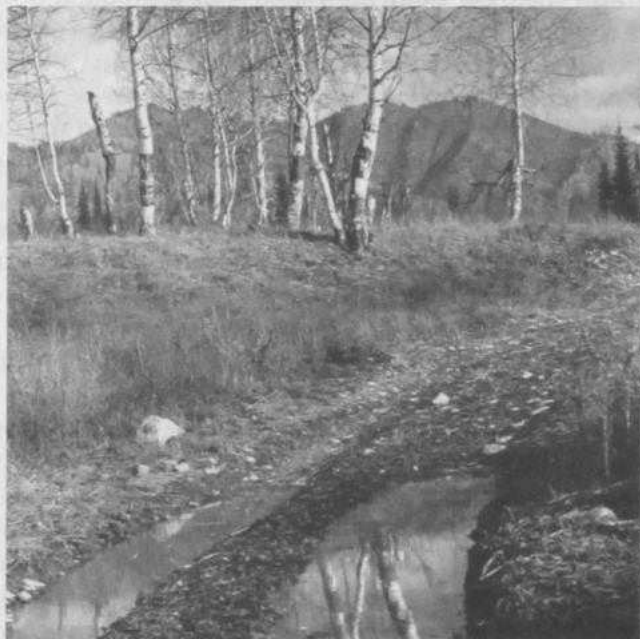
Однако после 1980 года Лухтанов осознает, что многое остается неизвестным, что работа с отказом во всем себе и своей семье идет на «чужого дядю». Фотографии десятками, если не сотнями, использовали другие авторы, даже друзья. Но мечта издать свой фотоальбом так и не осуществилась. Казалось, можно сдаться, опустить руки, но спасение пришло... К счастью, старший сын Владимир оканчивает Ленинградский университет. В семье Лухтановых появился профессиональный энтомолог. Александр Григорьевич начал помогать сыну, став лепидоптерологом-любителем (специалистом по бабочкам).

В 1990 году окончились для Лухтанова непрекращающиеся 30 лет схватки с начальством и борьба с приписками на руднике. Парадокс и трагедия советской маркшейдерской службы: государственный контро-

лер находился в подчинении и полной зависимости у подконтрольной организации. Честно отрубив положенный срок, Лухтанов ушел на пенсию, белый как лунь, без злобы на вымогателей, но и без желания когда-нибудь возвращаться на маркшейдерскую службу.

К этому времени у сына собрался материал для солидной книги о бабочках Казахстана. Бабочки – великолепные создания природы, и они же – объект биологической науки. Еще 15 лет прошло в непрерывных экспедициях, как и прежде, за свой счет, по Казахстану и Средней Азии. Объезжены и обойдены все уголки Тянь-Шаня, Памира, Алтая, Тарбагатая.

Путешественники попадали под сель, обвалы, на них нападали бандиты, наркоманы, но они были счастливы и упрямы. В очерке «Пестрых бабочек отряд» («Простор», 2004, № 7) Александр Григорьевич делится впечатлениями об опасном, полном приключений путешествии в Киргизию на границу с Китаем. Урочище Ташкара, на реке Каинды было местом паломничества сотен коллекционеров бабочек со всего Советского Союза. Именно в этих местах обитала легендарная бабочка Локсиус, пойманная здесь в начале XX века. «С тех пор, – пишет Лухтанов, – лет 80 ее никто больше не ловил, и, мало того, даже не знали, где ее ис-

Осенняя дорога. Фото А.Г. Лухтанова

коть». Сюда и отправились Лухтановы на стареньких «Жигули», «и, наверное, поставили рекорд, добравшись на них до Восточного Памира и самых страшных сыртов (высокогорные плоскогорья) Киргизии», – читаем в автобиографии Лухтанова.

Написанный в научно-популярном стиле, очерк «Пестрых бабочек отряд» имеет большое познавательное значение. Приходится удивляться гармоничному сочетанию научных терминов, исторических фактов и поэзии в описании горных пейзажей, а также «легкокрылых невест ветерка» – бабочек: «Воздушная, невесомая, почти нематериальная неженка, порхающая в воздушных струях. Древние греки отождествляли ее с понятием души, парящей в эфире. В. Набоков в одном из стихотворений назвал ее невестой ветерка, а А. Майков – летающим цветком». Результатом стал большой капитальный труд «Бабочки Казахстана». Уже подписанная в печать в 1991 году, книга так и не была издана в Алма-Ате из-за отсутствия финансирования. Тогда Владимир Александрович Лухтанов сам перевел ее на английский и немецкий языки, и, прекрасно изданная, в 1994 году под названием «Дневные бабочки Северо-Западной Азии» она вышла в Германии. Иллюстрированная цветными рисунками, с картами ареалов, книга получила премию фонда Сороса. Книга на века, она и через сто лет не потеряет значимости. Ее оценили специалисты всего мира, ее хорошо знают в России. Туристы англичане – клиенты усть-каменогорской фирмы «Эко Систем» приезжают за этой книгой, но у нас в республике ее не знают. Дело дошло до того, что Академия наук чуть было не пригласила ученого из Турции составить каталог чешуекрылых (бабочек) Казахстана.

– Тогда пришлось нам подарить Академии наук эту книгу, – рассказывает Александр Григорьевич. – Через год прихожу в библиотеку, спрашиваю книгу, а ее нет. Искали целую неделю, пока не нашли в фонде формирования. Оказывается, не оприходовали.

– Ах, годы, годы! Неужели 70? – вздыхает Александр Григорьевич. – Пришла пора подводить итоги.

Действительно, что сделано за это время? Если собрать воедино все написанные Лухтановым исторические очерки, то получится настоящая историческая энциклопедия Бухтарминского края.

– А если сюда еще добавить очерки о птицах, растениях, зверушках, – говорит Александр Григорьевич, – то получается еще и «природа нашего края». Выходит, что я универсал: имею научные статьи по горному делу, по орнитологии, энтомологии, истории. А еще научно-популярные очерки и в «Науке и Жизни», и в «Охоте и охотничьем хозяйстве». О газетах уже не говорю.

В.Н. Нетисов, Б.В. Щербаков, А.Г. Лухтанов (справа),
г. Усть-Каменогорск, 1979 г.

И все это бескорыстно, потому что нигде Александр Григорьевич не получал гонораров, всегда считая себя лишь любителем. Но беда и проблема совсем не в этом. Лежат рукописи 10 написанных книг, и нет перспектив их издать. Сейчас гораздо труднее издать, чем написать, а ведь об авторе судят по живым книгам.

— Отшельник я по своей натуре, — признается Лухтанов. — У нас ведь о таких людях говорят: «Гордык, презирает общество». Таков уж я есть... А разве публикации не выступления? Обо мне и в трилогии о земляках, внесших вклад в науку и культуру, не упомянули ни слова, хотя писали друзья. Не заслужил такой чести... Сейчас одно утешение: печатаюсь в «Просторе», регулярно публикуюсь в газете «7 дней». Уже четыре книги там напечатали. А что будет с остальными рукописями — неизвестно. То ли в архив сдать, то ли в Интернет, время ведь поджигает... Но в задумке еще много что есть. Успеть бы! Как бы там ни было, а я счастлив, — продолжает Александр Григорьевич. — Доволен вот сыновьями. Оба ученые. Младший уже 12 лет живет и работает в США. Старший — доктор наук, подает большие надежды, работает в Санкт-Петербургском университете и по совместительству в Гарвардском университете США. Внуки растут. Александр Григорьевич показывает великолепные снимки, где на берегу лазурного океана под пальмами запечатлена внучка.

– Жизнь, можно сказать, прожита, – продолжает Александр Григорьевич, – доволен ли я ею? И да, и нет. Многое из задуманного я не сумел осуществить, а главная причина – во мне самом. Я не смог оставить постылую службу на руднике, не пожил на природе, не стал писателем. Но стоит ли сетовать на то, что прошло? Что было, то было, и надо принимать все, как есть. Утешением остаются дети, а ведь это главное предназначение человека – оставить после себя продолжение.

ЛИТЕРАТУРА

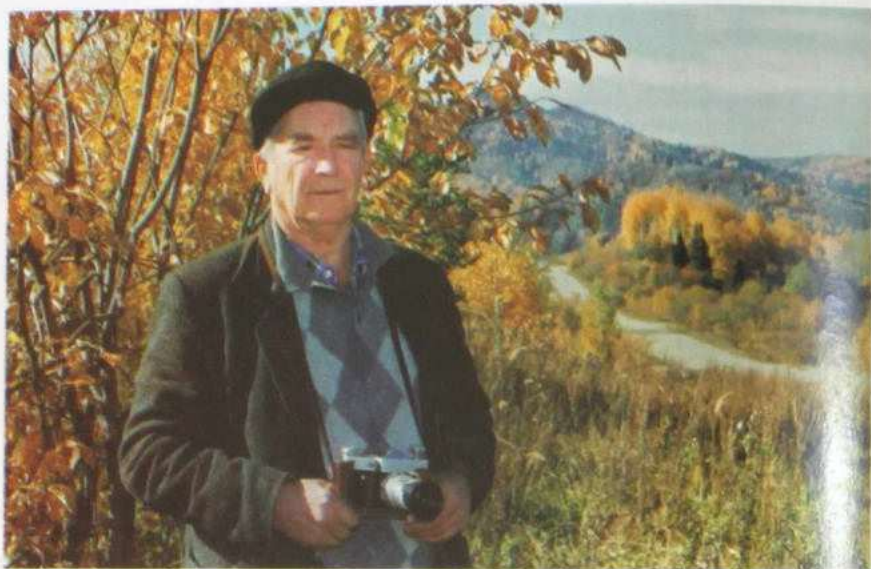
- Лухтанов А.Г. Филин. – Алма-Ата: Кайнар, 1982.
- Лухтанов А.Г. У лисьих нор // Простор. – 1982. – № 6.
- Лухтанов А.Г. Лесная Пристань. – Алма-Ата: Кайнар, 1985.
- Лухтанов А.Г. Тропинками радости. – Алма-Ата, Жалын, 1987.
- Лухтанов А., Марьяшев А. Легенда о Черном Альпинисте. Повесть о Срыме Кудерине и его друзьях – аматинских мальчишках с Поганки. – Алматы: Жан, 1988.
- Лухтанов А.Г., Лухтанов В.А. Дневные бабочки Северо-Западной Азии. – Германия, 1994.
- Лухтанов А.Г. Зимний день в лесу // Рудный Алтай. – 1997. – 23 января.
- Лухтанов А.Г. Шорох листвы // Рудный Алтай. – 1997. – 2 сентября.
- Лухтанов А.Г. Заметки из окна автомобиля // 7 дней. – 1999. – 23 декабря, 30 декабря; 2000. – 6 января.
- Лухтанов А.Г. Паганель из Усть-Каменогорска // Рудный Алтай. – 2002. – 12 января.
- Лухтанов А.Г., Березовиков Н.Н. Материалы об орнитофауне Бухтарминской долины (Юго-Западный Алтай) // Русский орнитологический журнал. – 2003. – Т. 12. – 25 августа.
- Лухтанов А.Г. Пестрых бабочек отряд // Простор. – 2004. – № 7.
- Лухтанов А.Г. Медвяная роса. – Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2005.
- Лухтанов А.Г. Лесное фотоателье. – Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2006.
- Лухтанов А.Г. Алтайское притяжение. – Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2006.
- Лухтанов А.Г. Автобиография. Рукопись. – Восточно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей.
- Марьин Г. Бабочки Лухтановых // Рудный Алтай. – 1996. – 20 января.
- Яковлева Н. Чудак из страны Зырянни // Рудный Алтай. – 2005. – 9 апреля.

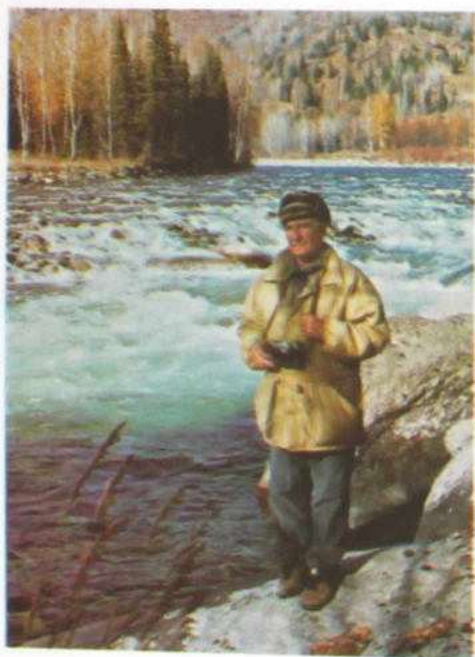
В.Н. Нетесов, М.Д. Зверев, А.Г. Лухтанов, г. Алма-Ата, 1986 г.

Зимняя дорога. Фото А.Г. Лухтанова

А.Г. Лухтанов.
Окрестности с. Бобровка Зырянского р-на, 2001 г.

А.Г. Лухтанов.
р. Тургусун, 2001 г.

Начало XX в.

Александр Ефремович НОВОСЕЛОВ

(1884 — 1918)

В его натуре и в приемах творчества чувствовалась непочатая художественная сила, бьющий через край, и сдерживаемый, до поры до времени, широкий писательский размах, готовый вылиться в огромное и сочное литературное полотнище.

Ф. А. Березовский

Сибирь богата талантами. Тут можно назвать немало имен. К ним я присоединил бы и писателя Александра Новоселова, автора повести «Беловодье», нескольких рассказов и очерков, которые ценил и печатал Максим Горький. Это, несомненно, наша русская классика.

Ф. А. Абрамов

В расцвете творческих сил, в возрасте 34 лет, А. Е. Новоселов не реализовал всего, что могло оказаться достойным его таланта. Но и немногое, созданное Александром Новоселовым за его короткую жизнь, проникнуто любовью к Родине, к своему народу и оставило добрую память о писателе.

Т. Раппопорт

ОН ГРОМКО СЛАВИЛ ЖИЗНЬ И ТОРОПИЛСЯ ЖИТЬ...

Писатель, ученый-этнограф, общественный деятель Александр Ефремович Новоселов, как и многие талантливые писатели начала 20-го столетия, казнен забвением. Было бы неправдой сказать, что о нем заговорили сегодня в той мере, какую писатель заслуживает. В биографии Новоселова по сей день достаточно тайн и «белых пятен», и существовать они будут еще долго по ряду причин. И не только потому, что он прожил короткую в 34 года жизнь, а его архив не уцелел в блокадном Ленинграде, но и по причине его принадлежности к областническому сибирскому движению. Поэтому материалы о нем весьма неохотно публиковались в советской печати. Об этом свидетельствуют письма известного восточно-казахстанского писателя-краеведа, архивиста Станислава Евгеньевича Черных, что хранятся в фондах Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея.

В письме к литературному критику Н.Н. Яновскому в Новосибирск читаем: «А.Е. Новоселовым я не занимался около 5 лет, а может быть, и более, так как в Алма-Ате к нему относятся настороженно после издания его произведений А.Т. Изотовым. Андрей Трофимович, видимо, Вам об этом рассказывал. Когда я хотел включить очерк об Александре Ефремовиче в свою книгу, то в издательстве дружно замахали руками, категорически стали возражать, указывая перстами в сторону ЦК».

В письме в Ленинград С.М. Бабинцеву Черных сообщает: «Мне отказали в «Сибирских огнях» в публикации 3-х материалов: об Анове, Пермитине, Новоселове. Хотя материалы о Новоселове помогал пристроить Н.Н. Яновский».

Таким образом, творческое наследие А. Новоселова на долгие годы оказалось в забвении. А между тем в начале XX века А. Новоселов был

широко известен в писательских кругах России. Его очерки и рассказы ценил и печатал М. Горький. А сибирский писатель Ф.А. Березовский в 1922 году писал: «Новоселов был столь крупной фигурой, что будущий историк сибирской литературы и общественного движения Сибири не может обойти его имя».

Итак, что же нам известно о трагической судьбе писателя, запечатлевшего наш край в замечательных этнографических очерках и художественных произведениях.

Истоки

Родился А.Е. Новоселов 5 (17) ноября 1884 года в станице Железинской близ Павлодара. Жизнь поселку дала Железинская крепость, построенная в 1718 году известным строителем прииртышских крепостей Прокопием Ступиным. Кстати сказать, Ступин возводил и Усть-Каменогорскую крепость, только двумя годами позже. В Железинке, так называется поселок теперь, по сей день сохранились следы рва и вала, окружавших когда-то крепость.

Будущий писатель был первенцем в семье хорунжего сибирского казачьего полка Ефрема Новоселова и совсем юной 16-летней женщины, имя которой нам, к сожалению, до сих пор неизвестно. По воспоминаниям Галины Петровны Новоселовой, вдовы писателя, мать его была необыкновенной личностью: «Не получившая никакого образования, она тем не менее всегда отличалась ясным взглядом на вещи, железной настойчивостью в достижении цели и острой любознательностью. Вся жизнь ее была посвящена детям, которых она любила с болезненной страстью».

По рассказам матери, Саша рос «замкнутым, молчаливым ребенком. По целым часам он мог сидеть где-нибудь в темном углу, и на вопрос матери: «Что ты делаешь?» – неизменно отвечал: «Думаю».

Омский кадетский корпус

В 11 лет, самостоятельно подготовившись, Саша Новоселов поступает в пансион казачьего войска, а год спустя, 13 сентября 1896 г. он зачислен в Омский кадетский корпус – лучшее учебное заведение Сибири, дававшее отличные и разносторонние знания. В аттестационной тетради Новоселова офицер-воспитатель штабс-капитан Ломшаков после года обучения записал: «Умственно развит достаточно, способности довольно удовлетворительные, внимателен, прилежен, заботлив. Физически развит хорошо, телосложения крепкого, тихий, скромный, привет-

Здание Сибирского Кадетского корпуса г. Омска

ливый, опрятен и бережлив, в шалостях сдержан, к требованиям и порядкам заведения относится внимательно».

В силу своей замкнутости, в кадетском корпусе мальчик не обрел особенно близких друзей, «да, кажется, их не было у него и впоследствии. Он не умел делить чувства и отдавал всю нежность, все доверие и откровенность тому, кого любил», – вспоминала вдова. Саша был очень привязан к матери. Она же тосковала о своем первенце, и отец, чтобы успокоить жену и остановить бесконечные горькие слезы, ехал в Омск на лошадях 300 верст, чтобы привезти сына на Рождество или Пасху.

Первые литературные опыты – стихотворения в прозе Новоселов начал писать совсем юным. Они повествовали «о жизненной борьбе, о море пошлости, грозящей захлестнуть каждого... Они не увидели света, потому что, – по свидетельству вдовы, – автор, показавши их самым близким друзьям, уничтожал».

Кадет Новоселов страстно увлекается литературой. Благодаря богатейшей библиотеке кадетского корпуса, он знакомится с классикой, зачитывается трудами ученых-путешественников по истории, этнографии, географии, сближается с прогрессивной молодежью Омска и вскоре входит в Омский литературный кружок. Постепенно литературные интересы берут верх, и вот он уже автор первого опубликованного рассказа «Катка», появившегося в Омской газете «Степной край» в 1903 году.

Возможно поэтому, Новоселов круто меняет свою судьбу и, перед выпускными экзаменами, несмотря на блестящие успехи, в 1904 году оставляет кадетский корпус и возвращается домой. В Железинской он

много читает, охотится и готовится к экзаменам в Омскую учительскую семинарию. «Я часто получала его письмо, написанное на обрывке бумаги карандашом и, казалось, еще сохранившее запах сена, в котором лежал автор», – вспоминала Галина Новоселова.

Учитель

В 1905 году Новоселов экстерном сдает экзамены за учительскую семинарию и едет в казачью школу поселка Надеждинского близ Петропавловска. В начале ноября он венчается с Галиной Петровной, ему едва исполнился 21 год.

Это был период революционных событий в России. Прогрессивно настроенный учитель делает попытки заняться просветительской работой в темной и невежественной среде казаков. Он объявляет учащимся о «воскресных чтениях» для родителей и немало удивлен неожиданным результатом. В школу стали являться бабы с приношениями, желая откупиться от учителя маслом, сметаной, курами, гусями: «Уж ты возьми, батюшка, только на завтра-то ослобони, некогда мне приходить». – «С грустью пришлось констатировать, что чтение является не удовольствием, а обузой, и прекратить их», – вспоминает Галина Новоселова.

«Завтра я еду! На Алтай!»

Вскоре неброская природа «горькой линии» и жажда путешествий заставили учителя просить о переводе на Алтай. Его направляют в поселок Большенарымский. Именно здесь, в нашем крае, он и состоялся как писатель и ученый-этнограф.

«Там, – писала Галина Новоселова, – он научился любить горы, их дикую красоту и мощь, их дивный воздух и роскошную растительность». Здесь его детские мечты о путешествиях в горы преломились в реальность. И вот он на «большом и уютном пароходе нового типа» отправляется из Омска к месту назначения. Подплывая к Семипалатинску, Новоселов впервые увидел горы. О встрече с ними будущий писатель мечтал давно. Еще в юности он зачитывался описанием их путешественниками и подолгу изучал их на картинах, «внимательно рассматривая все мельчайшие подробности: каждый камень, каждую трещину, зажимивая глаза и стараясь представить их себе настоящими, живыми во всем их величии; мысленно выбирался на голые вершины и окидывал взором окружающий мир, создавая чудные картины». Но то, что он увидит на Алтае, превзойдет все его ожидания. Пока же, это всего лишь «Семипалатинские холмы», лежащие верстах в 70 к западу от Иртыша. «А к ве-

черу первого дня, — пишет Новоселов, — на горизонте уже грозно синели первые вершины Алтая, и утром я проснулся в Усть-Каменогорске».

Усть-Каменогорск показался ему чистеньким и уютным городком, который пока мало тронула цивилизация. Так что после Омска, Павлодара и Семипалатинска он готов был принять его за большое дачное местечко. «Нельзя выдумать более удачного названия этого города, так как он действительно расположен при начале отрогов главного хребта и с трех сторон окружен горами, как стеной», — делится Новоселов впечатлениями от путешествия в цикле очерков «Лицо моей Родины», напавших дневниковые записи.

«Так вот они какие горы!»

Дальше к месту назначения Новоселов следовал на земских лошадях. Дорога то петляла ущельями, стиснутыми отвесными скалами, то взбиралась на пьянящую высоту, то внезапно срывалась с кручи вниз, и, казалось, что беспечный возница не успеет воспользоваться «услугами тормоза». Вот дорога внезапно оборвалась, прегражденная бурной рекой. Преодолев ее на пароме, он уже мчится «по живописному карнизу, огороженному со стороны пропасти ненадежными столбиками». При взгляде вниз, кружит голову высота и кажется, что испуганные лошади ринутся на прогнившую загородку, и полетит экипаж на вершины стройных пихт. Горы пленяют, чаруют своей красотой, и уж на «дне души, родятся чудные мотивы: то величаво-торжественные, то страстно-буйные, то неслышные, нежные и идут по струнам сердца, опьяняют и туманят голову».

«Мне все хотелось остановиться и потрогать эти дикие серые камни руками и, когда я вышел из тележки, чтобы отдохнуть, я не верил, что стою среди настоящего ущелья. — Так вот они какие горы! Мне хотелось молиться этому величию, этой неподдельной красоте, — таково было мое настроение, — да, мне именно хотелось молиться».

«Заели, прямо заели!»

На пути в Большенарымское учителю встречаются живописные поселки: Ульбинский, Феклистовский, Северное, Александровка, Бухтарминский, Черемшанский, Малоокрасноярский. Писатель знакомит нас с жизненным укладом, бытом, нравами их обитателей. В Феклистовке, например, Новоселов пробыл не более часа, «что случается на земских станциях довольно редко. Обыкновенно, учителю или «учителке», едущим по бесплатному бланку, лошади выдаются после долгих препира-

тельств, почесываний, предложений переночевать и, вообще, что называется, с трудом. Единственный способ ускорить проезд – это исправная выдача «на водку», но казацкому учителю подобный способ совершенно недоступен».

В поселке Северном же Новоселов «отсидел сразу за несколько станций», поскольку содержатель станции загулял на свадьбе, и лишь следующим утром учитель тронулся в путь.

Дорога по Пихтовому ущелью, замкнутому почти отвесными скалами, изумляла его «дикой первозданной грациозностью». После настоячивых требований и ругани в Александровке, учителю, наконец, удалось получить лошадей и добраться до поселка Березовского, который произвел на Новоселова жалкое впечатление «своей грязью»: «Окружающие его сопки, утопанные скотом, непривлекательные, голые, похожие на стены тюрьмы». На станции Бухтарминской учителя встретили, мягко говоря, недоброжелательно. «Кто это?» – спрашивает хозяин ямщика. – «Учитель». – «Заели, заели, прямо заели... поперло их теперь. Как осень, так и пошли кататься... Меня бы атаманом отдела, я бы их присадил... Куда это? Пристяжку?! Долой! Не нужно. На одной докатит. Нету у меня лошадей».

Миновав Вороний, Черемшанку и Красноярку, Новоселов продолжал путь вдоль Нарымского хребта до поселка Большенарымского.

«В неприглядной обстановке»

Поселок раскинулся в Нарымской долине, окруженной горами. На берегу «узенькой, но горной речки» на голом сланцевом холме рядом с церковью учителя ожидала школа: типично казацкая, поражавшая своей неухоженностью и бедностью. Малоприспособленное помещение под класс, его обстановка, учебный инвентарь – «все везде: тесно, неудобно, бедно, как будто все это существует незаконно и стыдится своего безотрадного бытия. А поселок один из богатейших в уезде, народ все солидный, домовитый, лесу много, но на школу, должно быть, «еще не насадили», как состроил один станичник».

Посему ясно, как казачество «заботилось» о просвещении детей и на замечание учителя о непригодности «какого-то амбара под училище «старика» недоуменно пожимали плечами и даже сердились: «Помилуйте, с потолка не каплет, сидеть на чем имеется, а остальное не больше как роскошь, и средств на эту роскошь нет. Вот если войско от себя приложит, тогда другое дело». Войско «сгоряча» принялось было хлопотать о сборе данных по нуждам школы, но через месяц о школе уже забыли.

В самой неприглядной обстановке потянулись серые и однообразные дни учителя. Детей было около сотни, и справиться с такой «оравой» не представлялось физически возможным». Так прошла зима, а весной с приходом традиционных «пельменников» Новоселову «посчастливилось» поближе познакомиться с местной «интеллигенцией».

«Пельменники»

Остросатирические страницы очерка «Первые в деревне» рисуют нам «деревенскую публику», до удивления погрязшую в мелочных дрязгах и попойках. Показательны в этом смысле описанные Новоселовым «пельменники».

«Пельменники», – иронизирует Новоселов, – это просто непрерывный «выпивон», который открывается застольем у начальника почтового отделения. Так во всем сибирском войске». На «пельменниках» обсуждаются новости настолько «казусные», – замечает автор, – причем в подобном разговоре участвует не только женская половина. Критический взгляд писателя «выхватывает» в компании агента фирмы «Зингер» – сухонького человечка, пившего при удобном и неудобном случаях. По приезде в поселок он «почему-то заявил себя ярым антиалкоголиком и крепился с месяц, пока с голодухи и к великолепному восторгу всей публики не напился через край».

А «пельменники» продолжают. «Перепели все, что знали, переиграли в почту, в дурачки, в лото». Трудно представить в этой «честной компании» интеллигентного, серьезного учителя, черпающего, впрочем, в подобных сборищах благодатный материал для своих произведений.

Конечно же, он не вписывался в это общество. По воспоминаниям современников, Новоселов был сдержан, ироничен, проницателен, с чувством собственного достоинства. Ф. Березовский вспоминает о первой встрече с Новоселовым: был он «немного выше среднего роста, стройный, в темном изящном костюме, в белоснежной крахмальной сорочке, а движения медленные, несколько угловатые и лицо жителя сибирских просторов: сухое, чуть-чуть продолговатое с еле пробивающейся светло-русой растительностью; резко очерчены скулы и голубые глаза – напоминающие азиатскую кровь; широкий и открытый лоб, но тоже какой-то особо вырубленный – сибирский; широкий подбородок и тонкие губы; в глазах светится пылливый ум и еле сдержанный юмор, который в разговоре нет-нет, да и прорвется. Говорит медленно, но твердым и сочным баском, а тонкие губы со складкой настойчивости и упрямства часто кривятся в улыбку, которую он старательно сдерживает».

А еще, по воспоминаниям современников, он умел заразительно смеяться до слез, был жизнелюбивым и остроумным. Прочтите рассказ «Весной» (Апрельскую мозаику). Там есть поразительные жизнеутверждающие строки: «В душе радостно, легко и свободно. Я люблю сейчас весь мир – по-весеннему затянутое дымкой небо, прошлогоднюю увядшую траву, влажный терпкий воздух, бьющий в голову, как крепкое вино, – я люблю торжественно встающую от сна природу и тону душой в ее беззвучной песне. Все поет – и небо и земля до последней былинки – все поет и хвалит жизнь».

Но до весны еще далеко. Молодой учитель только-только освоился в новой школе, проходят день за днем, принося тревоги и разочарования: «Одни и те же лица, разговоры, мысли». Скоро подошли рождественские праздники.

«Елка»

Школьная елка в Большенарымском доставила ему немало хлопот и огорчений. Двенадцать рублей, что удалось учителю выхлопотать на покупку сладостей для детей и украшений для елки, предназначались, как оказалось, и для угощения родителей. Попечитель дивился опрометчивости учителя, потратившего все деньги на ребят: «Ведь не напиваться и не наедаться придут они, а так по рюмочке опрокинуть». Таков порядок, заведенный в поселке. Но детская елка была безнадежно испорчена дебошем «золотой» молодежи. Не помогли и несколько молодых казаков с шашками через плечо, направленных атаманом, к удивлению учителя, для охраны порядка «от подлого народа».

Во время концерта дети награждались не только аплодисментами, но и замечаниями с мест, как то: «Васька, подтяни, сопляк, штаны-то!». «Под дружный хохот зрителей артист конфузился до слез...»

А в зал все прибывала молодежь, было шумно, атаман то и дело подскакивал, делая замечания привратнику. И, когда тишину «резнул» пронзительный визг девицы, «ущемленной за непоказанное место», старики не выдержали: «Кто их, срамников, напускал туда? Уйми, атаман». Скоро удачно кинутый снежок разбился о напوماженную голову атаманши, чем и завершил «дело». Вечер был безнадежно испорчен. «Не нужно искать во всех этих безобразиях признаков демонстрации тех или иных чувств, ни даже серьезного злого умысла. Хамство не имеет почвы, иначе это уже не будет хамство», – сокрушенно заключает писатель.

«Лицо его Родины»

Таким виделось порой Новоселову лицо его Родины. Оно рисовалось ему и убогим бытом переселенцев из «Расеи лапотной», и «полянкой» с частушками, раздольными песнями, остроумными шутками, но и, к сожалению, отборной бранью деревенской молодежи.

«Лицо его Родины» — это и «кочевник, силой обстоятельств выброшенный из родной глухой степи на городскую набережную», и пахарь, надрывающийся на пашне до седьмого пота. Это и господа офицеры, и сельский учитель, и послушница Аннушка, готовая на подвиг самоотречения во имя веры, и чинные станичники, «что угрюмо собираются на атаманской завалинке». В «Лице его Родины» мы видим и степь с ее обитателями, — открытыми душой, беспечными киргизами, и русского старика, приехавшего на чужие земли с мешком земли, дабы, когда умрет, присыпали его землицей с Родины.

Новоселов знал и уважал быт и традиции русского крестьянства, и казачества, и степняков. Не одну ночь он «провел по юртам и степным зимовкам...», но никогда не покидал гостеприимный очаг с чувством пренебрежения к своеобразному быту степняка.

Обширные знания культуры разных народов помогут ему создать правдивые полотна народной жизни, объединенные названием «Лицо моей Родины». В них прогрессивно настроенный писатель не мог пройти мимо событий, лихорадивших Сибирь в связи с переселенческой политикой. Бедственное положение переселенцев, вынужденных оставить родные места, выживающих в столкновениях с местным населением из-за покровов и земельных угодий, разорение и обнищание казахов, вытесняемых с насиженных мест, — все будет в поле зрения писателя-демократа.

А пока учитель Новоселов пишет небольшие очерки и статьи, публикуя их в семипалатинских газетах. В Большенарымске Новоселовы прожили год. «Все та же страсть к движению, стремление к лучшему, новому знанию увлекла Александра Ефремовича с Алтая, и в 1907 году, — вспоминала Галина Новоселова, — он поступает воспитателем в Омский войсковой пансион казачьего войска, где и служит одиннадцать лет». Но Алтай навсегда покорило его сердце, и сюда в разные годы он будет возвращаться.

Снова Омск

В Омске Новоселов много печатается в сибирских газетах и журналах под псевдонимом А. Невесов, сближается с писателями: Ф. Березовским, А. Сорокиным, А. Ершовым, Н. Феоктистовым. Появляется «чи-

сто семейный» литературный кружок, существовавший до 1916 года. Молодые писатели собирались почти еженедельно, читали свои произведения, обсуждали новую литературу, спорили. А когда к ним заходил кто-нибудь из партийных товарищей и обсуждались политические вопросы, Новоселов не принимал в них участие. После говорил Березовскому, иронически улыбаясь: «И хочется Вам, Алексеич, чепухой заниматься? Ведь ерунда все это. Зря вечер пропал...»

Скоро литературный кружок начал выпускать при редакции газеты В.М. Крутовского небольшой журнальчик, где Новоселов опубликовал рассказ «На пасеке» (1909), обративший на себя внимание творческой интеллигенции. На затерянной в устье мрачного ущелья пасеке живет Даниловна с прелестной, полной жизни внучкой Настей. «Девку-огонь» сватает ненавистный ей рыжий и толстый вдовец Евсей, владелец «маральника в сто голов». Но приехавший на пасеку молодой учитель покоряет сердце таежной красавицы и развеивает надежды Евсея. Этот рассказ, как и последующие, напоминал Ф. Березовскому купринские рассказы: «При чтении чувствуется непобедимая сила торжествующей жизни, терпкий запах смолистых кедров и аромата сотового меда».

В этот период Новоселов пишет зарисовки и очерки, объединенные заглавиями: «Степные картинки», «Алтайские этюды», «Дорожный кинемо», пишет рассказы: «Легкая жизнь» (1909), «Экзамен» (1910), «В юрте» (1909), и публикует их преимущественно в «Омском вестнике», а также в «Сибирских вопросах». Позднее рассказы и очерки составят книгу «Лицо моей Родины», которую Новоселов не увидит напечатанной при жизни.

Судьба книги трагична. О ее существовании известно из воспоминаний Г.П. Новоселовой (1919) да по публикации отрывков в «Сибирских огнях» (1923, 1924 гг.). Во вступительном слове к публикации написано: «Под таким заглавием покойный А. Новоселов, самый яркий из беллетристов Сибири предреволюционного периода, подготавливал книгу для отдельного издания. Но мечте писателя не суждено было сбыться. Пуля бездушной колчаковской военщины оборвала его жизнь в расцвете сил. Новоселов убит 34 лет. Книга-рукопись – осталась в папке покойного писателя».

Путь к читателю

Рукопись «Лицо моей Родины» в 1915 году попала к М. Горькому, который надеялся выпустить ее в издательстве «Парус», но события 1917 года помешали, так как журнал «Летопись» и издательство «Парус» прекратили существование.

По свидетельству Г. Вяткина, М. Горький высоко оценил рукопись: «Один из ваших сибиряков назвал свой очерк «Лицо моей Родины». Хорошо. Лучше не придумашь. А многие ли знают лицо своей Родины? Я встречал таких интеллигентов, которые, право, больше знали Китай, чем Россию. А уж в отношении окраины и малых народностей мы совсем невежественны».

Потом папка с книгой-рукописью, по свидетельству Н.Н. Яновского, хранилась у сибирского писателя К. Урманова, затем у вдовы Новоселова и позднее у дочери, Галины Александровны. Но 35 страниц книги из 182-х все-таки были утеряны, и лишь более полувека спустя отдельные очерки из цикла «Лицо моей Родины» вошли в книгу «Беловодье», выпущенную в Алма-Ате в 1960 году стараниями писателя-краеведа А. Изотова. В полном же существующем варианте весь цикл очерков «Лицо моей Родины» вошел в очередной сборник под тем же названием «Беловодье», вышедший в Иркутске в 1981 г. под руководством Н.Н. Яновского. Впрочем, столь трудный путь Новоселова к читателю не окончен. Книги вышли мизерными тиражами и по сей день являются библиографической редкостью.

«По-настоящему живу только летом...»

Но это будет после, а пока... Десятые годы. А. Новоселов живет в Омске. Служба в пансионе оставляет лето свободным, и он мечтает о поездке на Алтай, теперь уже в качестве ученого-этнографа. «По-настоящему живу только летом», — полушутя-полусерьезно говорил он Г. Вяткину, предвкушая на каникулах путешествие на Алтай.

В 1912 году как действительный член Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества Новоселов едет на Алтай с целью изучения истории, культуры и быта алтайских староверов, так как считает, что «эта редкая этнографическая группа» недалеко от потери своих типичных черт. «Все в жизни алтайского старообрядчества интересно и может дать благодарный материал для этнографа. Жилище, одежда, утварь — все это как бы перешагнуло через полтора-два века и является теперь классической иллюстрацией жизни старой Руси», — отмечал Новоселов.

Итак, в 1912 году Новоселов приезжает в наш край. В начале июня пароходом из Омска он добрался до станицы Убинской, далее на лошадях выехал по направлению к Шемонаихе. Отсюда путь его лежал в Выдриху, Верх-Убу (Лосиху), Секисовку, Быструху, Малоубинку.

В «Отчете о поездке на Алтай» он делится впечатлениями от путешествия. В Малоубинке, например, ему удалось побывать на богослуже-

нии федосеевцев: «Кажется, попал в катакомбы первых христиан. Шли века, развивалась жизнь, а тут каким-то волшебством все осталось в полной неприкосновенности».

В том же «Отчете» читаем о посещении им старообрядческой женской обители на Убе, основанной «поморскими черницами», где «монахини ведут отшельнический образ жизни, едят только растительную пищу и считают скотоводство тяжким грехом. Лекарств, разумеется, не принимают — лечатся одними молитвами...».

Впечатления от монастырской жизни положены в основу повести «Мирская», опубликованной посмертно в журнале «Сибирский рассвет» в 1919 году.

За время путешествия Новоселов записал множество свадебных обрядов, погословных песен, заговоров, частушек. В «Отчете о поездке на Алтай» он сетует на вытеснение душевной русской песни «залихватскими бессмысленными частушками». «Этот род творчества завоевал уже солидное положение в старой деревне. Вместо русской песни гремит бессмысленный речитатив. Набивши карманы конфетками и пряниками, прихожу на «полянку» и, как только удастся приручить немного многочисленное общество, прошу спеть старинную песню. Мне поют распространенные стихи, романсы и солдатские песни. Наконец, когда догадываются, что нужно, хохочут и говорят: «Ах, это стариковские-то? Ну, их у нас только старухи и поют, да и те забывать стали».

О результатах путешествия на Алтай в ноябре 1912 года Новоселов читал доклад перед членами Русского географического общества в Омске, который был опубликован в «Известиях Западно-Сибирского отдела РГО» под заглавием «У старообрядцев Алтая».

Целью этнографической поездки 1913-го года была «проверка весьма разноречивых данных по вопросу о времени и характере заселения долин рек Убы и Ульбы, а также для уяснения хода развития старооб-

Старообрядцы Змеиногорского уезда. Фото А.Е. Новоселова, 1912 г.

рядчества на Алтае», – писал Новоселов. Он посетил Зевакино, Шемонаиху, Екатерининку, Старо-Алейское, Каменку, Верх-Убу, Бобровку, Тарханку, Согру и Усть-Каменогорск. Вероятно, именно во время этого путешествия Новоселов с Георгием Гребенщиковым, братьями Зобниными, Алексеем Белослюдовым посетили в Усть-Каменогорске политического ссыльного, ученого, краеведа Евгения Петровича Михаэлиса. Об этом читаем в дневниковых записях Елены Дмитриевны Панкратьевой: «Во время сбора таких компаний у них шли очень активные, шумные разговоры, споры. Собеседники так бурно спорили, громко говорили и кричали, что мать Хотимской – жена Михаэлиса – в шутку говорила дочери: «Ну, ей-богу, сейчас подерутся, так спорят».

«Беловодье»

Последнее путешествие на «Окраину Великой окраины» – Алтай, в верховья Бухтармы, Новоселов предпринял в 1914 году. Здесь он увидел «яркий пример скитничества» и изучал историю заселения русскими Бухтарминской долины, где наряду с беглецами – «бергалами, искавшими звериных уголков, за «Камень» шли и ревнители старины». Именно сюда, за «Камень» тянулись вереницы людей, ищущих свободы. Скоро за Бухтарминским краем укрепилась репутация земли обетованной. Но по мере того, как волна колонизации все с большей силой прилиwała к снежным алтайским хребтам, бухтарминский «Камень» терял ореол недоступности, и представление о Беловодье переносилось куда-то неопределенно южнее, а самый Камень уже играл роль сборного этапа беловодцев, роль отправного пункта их безумно смелых экспедиций», – свидетельствовал Новоселов в очерке «Умирающая старина» (1915).

Из отчета Распорядительному комитету географического общества о результатах третьей поездки на Алтай видно, что он собрал множество материалов по истории «беловодья» путем опроса немногих, оставшихся в живых «беловодцев». И именно здесь сформировалась главная тема его произведений – Беловодье.

Последняя поездка вдохновила Новоселова на написание лучших его произведений: «Жабья жизнь», «Санькин марал» и наиболее значительной повести «Беловодье», напечатанной в журнале «Летопись» за 1917 год. Над повестью Новоселов работал почти два года. В эпически размеренном стиле повествует автор о жизни алтайских старообрядцев, о поисках ими земли обетованной – «Беловодья».

Главный герой повести Панфил свято чтит наказ отца, завещавшего найти землю «Всеонскую», что Беловодьем зовется, где «нет власти от

людей поставленной. Тем и свято оно, Беловодье. Ни пашпорта тебе там, ни печати антихристовой – ничего... Правой вере простор... Живи как хочешь. Вдоволь там воды, вдоволь черной земли, и леса, и зверя, и птицы, и злаков всяческих, и овощу. Трудись только во славу божью... Не смотри, что хорошо сама земля родит. Потом поливай ее... Угодья там высмотри, да не забудь и душу...» – увещевал отец. Выходит, люди искали не сказочную страну, а реальную, свободную от власти человека над человеком. Трудолюбивый и вольный народ верил в это Беловодье и искал вплоть до конца XX века. Поиски эти со временем приобрели особую религиозную форму, что явилось результатом протеста против официальной религии, но как раз это обстоятельство и накладывало на их поиски особый колорит. Панфил – сильная, яркая, авторитетная личность, после смерти отца не раз водил людей на поиски Беловодья. Минуло 40 лет, а он так и не выполнил клятвы, данной перед «триодью цветной» – перед истинной и святой книгой дониконовской печати.

Широко используя бытовавшие в народе легенды о мифическом Беловодье, Новоселов повествует о последнем для Панфила походе. И контрастом тщетности поисков Беловодья звучат строки повести, где описывается благоухающая мощная природа Алтая: «Стояла яркая весна. Все круче поднималось солнце на небо; курились трещины и пади; с гор хлестала бурным валом мутная вода; на припеках зеленели сопки; цвел матерый черный лес. Время было пахать...». Но ползут по деревне слухи, что «беловодцы мутят, сухари толкут, сумы готовят». После долгих споров выбрали новый неведомый маршрут и в середине лета на Петров день тронулись в путь. Снарядились немногие: Панфил, Асон, Хрисанф, «Анисим и Назар с женами, Иван да Сенечка-бергал. Впереди Панфил с раскрытым медным складнем на коленях».

Природа вторит тревожному настроению героев: «Лес черный, пугающий, застыл в своем молчании. Стволов не видно. Они тонут в непроглядной темноте... Небо опустилось на вершины огромных деревьев. В редкие просветы между ними оно блещет крохотными огоньками. Звезды как оконца. Через них на заснувшую землю брызжет тонкими лучами свет того неведомого мира, что закрыт от суетной земли непроницаемой завесой». Через 6 дней изнурительного пути беловодцы вышли к пустыне. В последней зеленой долине сделали привал, чтобы набраться сил и откормить лошадей.

Сурово встретила беловодцев пустыня. «Сухая, знойная, величественно строгая в своем молчании, она ничего не сулила и ничем не радовала. Каждый знал, что здесь надежда только на себя». Мучимые зноем и жаждой, люди старались идти по ночам. Описывая безрадостные пус-

тынные пейзажи, Новоселов как бы предрекает трагическую развязку. «Пустынные поля пугали мертвой мощью, нехорошей, жгучей пустотой. Лучше бы кручи безумные, чем эта, проклятая небом, застывшая навеки зыбь, давно покинутая всем живым». Нигде не находят пристанища беглецы. Жадность, страсть к стяжательству, звериные законы – «человек человеку волк» – не оставляют надежды на успех поисков.

У одного из колодцев искатели Беловодья застают калмыков и пытаются за бесценок торговать у них лошадей. Получив отказ, «Ясон с Панфилом вспомнили былое, как насели, как вскинули ружья! Не дрогнула старая рука, наметанная на прицелах по калмыцким головам...». Захваченное добро внесло разлад в стане беловодцев. Посчитав себя обделенным, Сенечка-бергал пропал, чтобы скоро вернуться с недругами. Захватываяще, емко, динамично описывает Новоселов схватку с калмыками. «Кто-то дико вскрикнул, что-то хрястнуло под кованым прикладом. Лошадь, скаля зубы, взвилась на дыбы и грудью врезалась в свалку. На песке, ворочаясь, пыхтел Панфил. Не сдержал, видно, старый двух крепких молодых волков. Хрисанф резко опустил приклад и под ним в предсмертной судороге закрутилось что-то грузное, живое. Новый взмах – и Панфил уже был наверху, доканчивая дело своим верным ножом. Он работал молча, и Хрисанфа радовало, что старик так ловко и проворно управляет с насевшими».

Трагическую сцену похорон погибших беловодцев как бы венчало солнце, что «поднималось над землей багровым шаром. И побледневшая перед его лицом лазурь, и до земли пронизанный лучами-стрелами сухой недвижимый воздух, и пески, подернутые мертвой рябью, – все было залито жарким золотом. Но не жизнь и радость, не смех и песни были в знойном молчании – то было великое молчание смерти. Она была близко, была разлита всюду и, спокойная, открыто смотрела беловодцам в глаза». Вожак Панфил остался жив, чтобы в конце повести погибнуть в одиночестве и похоронить с собой вековую идею поисков земли обетованной. В образе Панфила писатель видит уходящую Россию, невозвратную, темную и страшную в своем фанатизме.

«Как и все произведения Новоселова, – отмечал Ф. Березовский, – повесть написана широкими и сочными мазками, здесь Новоселов, как писатель, рисуется бытовиком огромной силы и огромного размаха».

Результатами трех плодотворных этнографических путешествий явились научные статьи, а также доклады и лекции, прочитанные Новоселовым в Омске, Усть-Каменогорске, Семипалатинске: «Из быта алтайских старообрядцев» (1914 г.), «Старая Русь на Алтае» (1913 г.), «Г. Потанин как этнограф» (1916 г.), «Народная медицина у алтайских старообряд-

цев» (1916 г.), «О жилище алтайских старообрядцев» (1917 г.). Научные труды Александра Ефремовича Новоселова приобретают все большую ценность наряду с работами Г. Потанина, Г. Гребенщикова, М. Швецовой, Б. Герасимова, А. Белослюдова и др. и широко используются в работе историков, географов, филологов, этнографов по сей день.

«Политическое честолюбие или огромный литературный талант?»

Накануне революции слава писателя и ученого Новоселова шагнула далеко за пределы региональной литературы. С чьей-то «легкой руки» его уже называют Сибирским Толстым. Литературный критик В. Анучин пророчит ему блеснуть «звездой первой величины на нашем небосклоне, если... если его целиком не поглотит революция».

К сожалению, так оно и случилось. «Каждому делу, – писала Г.П. Новоселова, – он отдавался с головой, и так же отдался политике». Зимой 1917 года Новоселов вступил в партию социал-революционеров, находя, что «программа этой партии наименее стесняет индивидуальный рост человека». Стремительно росла его карьера. К январю 1918 года он уже Министр внутренних дел правительства автономной Сибири. Те, кто хорошо знал Новоселова, были в недоумении от того, что он увлекся политикой.

Ф. Березовский вспоминает, что политикой Новоселов не интересовался до 1916 года, когда он впервые стал проявлять интерес к идеям областничества. «Для меня было совершенно неожиданным, когда, приехав в июне 1917 года с кавказского фронта в Омск, я узнал, что Новоселов... занимает большой административно-политический пост в казачьем войске... По старой привычке я шутиливо спросил:

– Ефремыч! Как вы попали чуть не в атаманы казачьего войска?

Новоселов ответил, подчеркнуто серьезно:

– По выборам, Алексеич... ничего не поделаешь, выбрали! Выбрали! Вы знаете казаков... если предоставить самим себе – натворят! А за мной пойдут... А я слушал его и в голове решал: что возьмет верх в этом незаурядном человеке – политическое честолюбие или огромный литературный талант? Несомненно было одно: милого, до слез хохочущего Александра Ефремовича не стало...»

В январе 1918 года Сибирской областной думой создается правительство автономной Сибири и Новоселов, министр внутренних дел, по поручению думы отправляется в Украину для установления связей с Украинской радой, но в Киев попасть уже не смог. После разгона боль-

шевиками областного Учредительного собрания, Дербер, председатель Совета Министров Сибирского правительства, бежит на Дальний Восток. Сюда же, не выполнив миссии, в марте приезжает Новоселов. А в июле – августе через Японию и Корею возвращается в Сибирь.

В сентябре 1918 года за несколько дней до страшной развязки Новоселов и поэт Г.А. Вяткин беседовали по душам. «Он только что вернулся из поездки на Дальний Восток, – вспоминал Вяткин, – выглядел очень утомленным и, помешивая ложечкой чай в стакане, говорил:

– Устал я от политики... Да и какой я политик? Надо быть твердокаменным, а мне кажется: это не то, это не так... Массы от нас далеки, а на одной интеллигенции далеко не уедешь. Мне очень хочется написать роман о трагической беспочвенности русской интеллигенции... Собственно говоря, пять глав уже написаны... есть и название: «Китеж – град невидимый». Вы понимаете – интеллигентская революционная романтика и ее крах перед действительностью...»

В Омске Новоселов прожил 3 дня. В ночь с 20 на 21 сентября его арестовали по распоряжению начальника Омского гарнизона полковника Волкова.

Среди арестованных оказался В.М. Крутовский – член Сибирского правительства и бывший редактор журнала «Сибирские записки». «Новоселов все время был угрюм, подавлен и малоразговорчив, – свидетельствует Крутовский, – он пенял на себя, что так глупо попался в руки какой-то черносотенной банды, и, видимо, у него на душе было какое-то тяжелое предчувствие... Когда нас с Шатиловым под угрозой расстрела Семенченко и Нарбут заставили написать прошение об отставке, то Якушев и Новоселов стали упрекать нас в малодушии». Новоселов продолжал оставаться под арестом, но требовал немедленного перевода в тюрьму. 23 сентября за ним пришли два офицера, вероятно, Семенченко и Мефодьев, и под видом того, что его переводят в тюрьму, увезли в автомобиле по направлению к Загородной роще.

«Я возвращу вам все отнятое... время, ребятки...»

Дальнейшее нам известно из рассказа сторожа загородных дач: Новоселов был убит в упор выстрелом в затылок. «Если хоть минута сознания разделила предательский выстрел сзади и его смерть, – писала вдова, – то я знаю, она была отдана страшной тоске за детей...» «Я думаю о судьбе детей, как о судьбе заброшенных сирот, к которым люди и жизнь отнесутся с особой безжалостностью...» – тревожился он в одном из пос-

Казачья церковь, где отпевали А.Е. Новоселова, г. Омск

ледних писем домой. «Я возвращу вам все отнятое у вас время, ребятки», – обещал в другом. Увы, этому не суждено было сбыться...

«Всегда приятно поставить последнюю точку», – читаем в авторском предисловии к книге «Лицо моей Родины». – Но как трудно поставить мне ее сейчас! Книга окончена...» В нашем же поиске материалов об ученом и писателе Александре Ефремовиче Новоселове мы уверенно ставим многоточие. Работа по восстановлению творческой биографии писателя продолжается.

ЛИТЕРАТУРА

Новоселов А.Е. Отчет о поездке на Алтай. У старообрядцев Алтая // Известия Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. – 1913. – Вып. 2. – Фонды Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (ВКОМ).

Новоселов А.Е. Умиравшая старина // Записки Семипалатинского подотдела ЗСОРГО. – 1915. – Вып. 10.

Новоселова Г.П. Александр Ефремович Новоселов. (К годовщине смерти) // Сибирский рассвет. – 1919. – № 11-12.

Новоселов А.Е. Беловодье. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1981.

Березовский Ф.А. Александр Ефремович Новоселов // Сибирские огни. – 1922.

Вяткин Г. Памяти А.Е. Новоселова // Культхроника. – 1928.

Забелин П. Приходит час определенный // Иркутский писатель. – 2001.

Панкратьева Е.Д. Дневник. – ВКОМ.

Черных С.Е. Исследователь Беловодья. Рукопись. – ВКОМ.

Черных С.Е. Письмо Н.Н. Яновскому в Новосибирск от 23.05.82. – ВКОМ.

Черных С.Е. Письмо С. Бабинцеву в Ленинград от 14.04.80. – ВКОМ.

Черных С.Е. Исследователь Беловодья // Рудный Алтай. – 1972. – № 9.

Яновский Н.Н. Александр Новоселов. Прииртышье мое. – Омск: Омское книжное издательство, 1988.

Яновский Н.Н. Послесловие к кн. А.Е. Новоселова «Беловодье». – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1981.

А.Е. Новоселов с женой и сестрами, г. Омск, 1909 г.
(Фото из фондов Омского литературного музея
им Ф.М. Достоевского)

Омские писатели. В первом ряду 2-й слева А.Е. Новоселов
(Фото из фондов Музея литературы и искусства им. Бухар Жырау)

26

1. Распорядительному Комитету
Западно-Сибирского Отдела И.Р. Географическ.
Общества.

Д. шема Отдела
А.Е. Новоселова.

Заявление

Прошу считать меня кандидатом на назначение в очередную комиссию. Запискою о выполненной работе по обследованию антарктических старообрядцев. Работы задерживаются отсутствием в Омске некоторых необходимых инструментов и трудностями из-за зимы, но к 25 апреля я собираюсь представить на рассмотрение Комитета значительную часть работы. Часть же, доставленную комиссионным необходимым инструментом представлю к 15 мая с.г.

Размер работы - приблизительно - 200 кв. страниц. Комиссия будет иллюстрирована фотографическими.

Омск

Апрель, 19/57.

А.Е. Новоселов

Ефим Николаевич
ПЕРМИТИН

(1895 – 1971)

Он работал до изнеможения, во многом похожий на охотника, идущего по следу собственного замысла. Человек страсти, священного приобщения к поэзии природы и красоте всего многообразия ее, он брал

на свой художнический прицел образность мира, живописал его, ликовал вместе с ним и, конечно, считал себя счастливым, когда задуманное обретало конкретные черты, пульсировало, играло живыми красками, пронизывало душу подлинностью чувств...

С. Смирнов

И какая же сверкающая даль! Сколь прекрасна и светла наша страна! Величайший в мире народ выбрал, обжил, немеркнущей в веках драгоценной кровью своей отстоял в години лихолетий, кровью и потом удобрил тебя, родная моя земля.

Торы, леса, ширь – конца-краю нет.

Каму не понятна гордость тобою и нежная сыновья любовь к тебе?

... Родина! Теплый пыльный ветер тихих осенних твоих полей.

Синее небо с венцами журавлиных стай!

Необязатна ты и величественна, как океан.

Е. Пермитин

КОРЕННОЙ, «МАТЕРЫЙ», ИСТОВЫЙ СИБИРЯК

«Воспоминания, как струи горного родника, неудержимо бьют из земли. И нет сил противиться им: с жадностью путника в полуденный зной припадаешь к ним и пишешь, пишешь...»

Е.Н. Пермитин

Когда я слышу в телефонной трубке бодрый, энергичный голос Юрия Ефимовича Пермитина, с его неизменным приветствием: «Ольга Михайловна, дорогая, здравствуйте», я ловлю себя на мысли, что вот так же, наверное, звучал голос и самого писателя, Ефима Николаевича Пермитина, и, невольно, называю сына именем отца...

Говорят, Е.Н. Пермитин был «скроен» на свой неповторимый лад: коренастый, стремительный в движениях, энергичный человек с добродушным лицом и широкой улыбкой, острым взглядом, рокочущим голосом, с раскинутыми в приветствии руками и каким-то особенным крепким, сердечным рукопожатием. Таким он видится мне в воспоминаниях современников и по рассказам сына.

«Бытие пело и ликовало в нем», – вспоминал писатель и друг Евгений Осетров. «Не знаю в своей литературной среде более, чем Ефим Пермитин, коренного, «матерого» по силе таланта и складу души... истого сибиряка», – отмечал А. Смердов.

«Смеялся он сочно, звонко, заражая собеседника искренностью своего смеха. Но не раз доводилось мне видеть Ефима Николаевича и принародно смахивающим слезу...» – писал С. Сартаков. И как будто черту под моими представлениями о Пермитине подвела надпись на его портрете, сделанная художником Б. Щербаковым: «Русскому богатырю, реальному,

а не былинному, с удивлением перед силой его и жизнелюбием». На фотографии с портрета, высланной в подарок музею, Ефим Николаевич написал: «Землякам – Устькаменогорцам. Облмузею. От всей души! Е. Пермитин. 3.5.67». На портрете писатель запечатлен в рабочем кабинете на кожаном диване в задумчивой позе с грустными усталыми глазами, как будто смотрящими куда-то в себя... О чем думал наш земляк, позируя художнику? Быть может, вспоминал отчий дом, далекое детство, родину?

О своей жизни Е.Н. Пермитин поведал в замечательной трилогии «Жизнь Алексея Рокотова». И хотя, как писал Н. Смирнов, «любая попытка пересказать это напоминала бы замену радуги веером из искусственных цветов», – я смею напомнить, уважаемый читатель, некоторые определяющие события из его творческой биографии. В необходимости рассказа я убедилась в очередной раз, когда задала вопрос нескольким экскурсионным группам студентов:

– Кто из вас что-либо слышал о Пермитине, чьим именем названа улица нашего города?

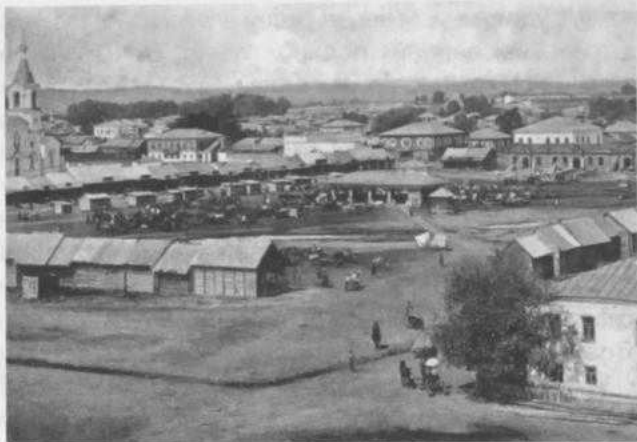
Увы, никто из присутствующих не смог ответить на вопрос...

Розовым ранним утром

В автобиографии Ефима Николаевича Пермитина 1956 года указано, что родился писатель 25 декабря 1895 года (ст. стиля) в Усть-Каменогорске. Правда, в метрической книге Покровского собора, хранящейся в Государственном архиве Восточно-Казахстанской области, стоит другая дата. В ней читаем, что «**26 декабря в семье запасного рядового из мещан города Усть-Каменогорска Николая Николаева Пермитина и законной его жены Ирины Тимофеевой, оба православного вероисповедания, 26 декабря родился сын Евфимий. Крещен 28 декабря**».

Небольшой уездный городок Усть-Каменогорск в те годы был похож скорее на большую станицу. «Десятитысячное население города состояло главным образом из кустарей-ремесленников и землеробов-мещан, – читаем в автобиографическом романе «Жизнь Алексея Рокотова». – Удаленный от ближайшей железнодорожной станции на 50 километров, Усть-Утесовск (*Усть-Каменогорск*. Прим. – О. Т.) с большим опозданием отзывался на все события, волновавшие страну». «Пропадинском», «Захолустным городишкой» нередко, впрочем, без тени высокомерия, называет наш земляк родной город.

Ефим Николаевич вырос в большой семье. «Драгоценное наследство получил я от своих родителей: крепкое здоровье и горячую любовь

Усть-Каменогорск. Начало XX века

к природе», – писал Пермитин. «Отец, Николай Николаевич, круглый сирота, крестьянин села Белоусовского, переехал в город и занялся плотничьим и столярным ремеслом. Устькаменогорцы называли его «Человеком с золотыми руками». Столяр-краснодеревец – он, как казалось нам, детям, – может сделать все, на что только не посмотрит. И действительно, отец резал иконостасы, делал венские коляски, карусели, мог исправить любые часы, шил сапоги, слесарничал, вытачивал из дерева замысловатые игрушки. Был он огромного роста, необыкновенной физической силы и незаурядной энергии. «Поднимая семью с резца, с фуганка, с топора», – как выражался отец, он по 16 и даже по 18 часов в день простаивал у верстака. Помимо работы, отец лично обучал нас чтению и письму. Семья же у нас была из 13 человек детей», – читаем в автобиографии от 23 января 1964 года.

В атмосфере доброты, уважения к труду и почитания высоких моральных ценностей росли дети. Отец старался привить им безупречную честность. Ефим не раз видел, как богатенькие мужики, уезжая куда-либо по торговым делам, доверяли отцу «на сохранение» деньги. «Слово честного человека дороже всякого векселя, а плут и вексель подделывать может», – говорил отец. Любую детскую шалость мог простить он детям, но не ложь. Соврал – нещадная порка. Ефим был благодарен отцу за то отвращение ко лжи, изворотливости в мыслях, которые тот с детства ему преподавал. «Таким, каким был он, наша гордость, наш труженик, и сердечнейший человек, – явление чрезвычайно редкое», – писал Ефим Николаевич в письме к матери в 1948 году.

А еще отец был очень мудрым, жизнелюбивым и добрым человеком. Нелли Валерьевна Янковская, племянница Е.Н. Пермитина, что живет в Усть-Каменогорске, вспоминает: «Дедушка был – душа! Заберемся мы, внуки, на громадную печь, едим пареную тыкву, грызем семечки, а он при лучине рассказывает побасенки, шутки-прибаутки, какие-то истории из жизни. Стоит ему прилечь отдохнуть, мы, внуки, облепим его со всех сторон, а он, несмотря на усталость, найдет для каждого из нас, внуков, доброе слово».

«Мать, Ирина Тимофеевна, – неграмотная крестьянка, – по выносливости и незлобивому терпению – подстать отцу...» – вспоминал Ефим Николаевич. От матери он унаследовал великую любовь к природе. «Самыми радостными воспоминаниями моего детства были поездки с матерью на пашню. В поле мать преображалась, светлела, молодела. И, как всегда утверждала она, – любые ее болезни на полосе бесследно проходили:

– Не раз испытала: совсем раскисну, расхвораюсь в городе, на пашню выеду – обо всем позабуду, разомнусь, разломаюсь, корешков, травки, пригорелой польской каши поем, как рукой сымет... Если бы я была мужик, я бы, кажется, ни одной ночи дома не ночевала: на пашне и сон другой, словно в раю.

И это была правда: поле, работа на пашне встряхивали, взбадривали организм матери. Она до самозабвения любила природу, тонко и глубоко чувствовала ее. Уже при сборах на пашню, на покос, глаза ее сияли, когда она только еще усаживалась на телегу.

– Умирать начну – вывезете в поле – оживу, – смеялась она.

Мне казалось, что никто так безотчетно полно не умел радоваться общению с природой, как эта неграмотная потомственная крестьянка».

Великие труженики, чета Пермитиных вырастили 13 детей. Несмотря на трудности и вечную занятость, Ирина Тимофеевна находила время

Николай Николаевич
Пермитин, 1961 г.

Ирина Тимофеевна
Пермитина, 1901 г.

рассказывать детям сказки, знала множество народных песен, поговорок. Стихия народного языка с детства окружала будущего певца Сибири. «Первым знакомством с богатством народного творчества я всецело обязан ей и ее матери – бабушке Надежде, – тоже изумительной сказочнице, прибаутчице и песеннице, описанной мною в «Раннем утре», – пишет в автобиографии Ефим Николаевич. – Величавая красота южного горного Алтая, девственных заиртышских ковыльных лугов, гибкое, красочное и емкое русское слово, задушевность и широкое раздолье народных песен – навсегда пленили меня».

Ефим Николаевич любил вспоминать бесконечно длинные зимние вечера... «Любил за какое-то задушевно-тесное общение всей

нашей многочисленной семьи, – пишет он в рассказе «Мать». – Уездный алтайский городок наш вьюжными зимами заносило так, что идущие по улицам нередко видели крыши домишек у своих ног... Кто и что было главным на этих семейных вечерах? Мать и книги, которые я приносил из школьной библиотеки... Лишь только отужинали и управились с немудрым хозяйством, отец зажигал висячую лампу и становился к столярному станку – «вечеровать» – готовить «фрамуги», «филенки», вязать рамы и двери, а мать, устроившись на излюбленном месте у печки, бралась или за починку наших рубаш, или за вязание варежек. Я доставал книгу – и начиналось восхитительное путешествие по неведомым странам, знакомство с неведомыми людьми, страшными и интересными историями и приключениями. Но всякий раз, когда в тексте повествования я, читавший вслух неграмотной своей родительнице, встречался с описанием весны и оживающей природы, мать просила меня повторить прочитанное:

— Смальства весну-матушку обожаю! Девчонкой на бога пеняла: «Ну, почему все морозы да морозы, а бездомному, нищему человеку, разной птичьей, зверушечьей мелкоте и голод, и холод, и смерть неминуемая...»

А сколько нужды и горя выпало на долю матери, потерявшей семейных взрослых детей! И все же глаза ее оставались незамутненными до глубокой старости, свидетельствующими о душевной ясности, лицо свежим, свободным от морщин. Способность радоваться, чутко улавливать красоту родной земли дарована далеко не всем людям: «Дурак и радость обратит в горе, разумный — и в горе утешится», — говорила она.

Любовь к труду прививалась в доме Пермитиных с детства. Тринадцать человек детей, а потом и внуков, не баловали. «Бабушка была очень строга, — вспоминает Н.В. Янковская. — «Я не до дна маслена», — говорила она о себе. — Помню, заставит чистить самовар. Отдраю песком до блеска и нетерпеливо жду, когда она примет работу. А подружки торопят! Бабушка же, видя мое нетерпение, не спеша, оглядит самовар со всех сторон. А то и переделать работу заставит. А как мы драили пол с песком! Бабушка учила делать все основательно».

Внучка, Алевтина Анатольевна Пермитина, вспоминала, что бабушка вышла за деда не очень молодой, она, как говорят, «пошла на двоих». Дедушка был вдовец с двумя детьми: первая его жена умерла от родов. «Бабушка была крутая, строгая, — также вспоминает Алевтина Анатольевна, — но и очень хлебосольная. Родня была большая, помню, собиралось у них гостей человек по сорок».

Дедушка вспоминается ей очень добрым: «Он никогда и никого не обидел. Помнится мне седым, с окладистой бородой, борода мягкая, глаза живые, добрые. Дедушка был истово верующим человеком. Когда разрушали Покровский собор, дедушка говорил: «Смотрите, что богохульники делают! Время пришло и уйдет, а вы помните, что вы православные!» Как семейную реликвию хранит Алевтина Анатольевна табурет на резных ножках в память о дедушке.

Школа жизни

Несмотря на большие материальные трудности, родители смогли дать детям образование. Семи лет Ефим поступил в начальную Приходскую школу. Учебу продолжил в 3-классном Городском училище. Пятнадцати лет окончил и «уперся в тупик: ехать учиться в другой город нет средств, да и надо было помогать отцу, — начиналась взрослая жизнь». Он «подрядился» на переписку судебных исполнительных листов и ролей для актеров Усть-Каменогорского театра. За выполненную работу антрепре-

нер выдал ему лишь две бесплатные контрамарки на сентиментальную пьесу «Листья шелестят». Эта работа не могла удовлетворить юношу ни духовно, ни материально. Тогда «я нанялся «мальчиком» в булочно-кондитерское заведение купца Ананьина», — пишет Ефим Николаевич. За работу с четырех часов утра и до восьми вечера юноша получал 8 рублей в месяц. «Работа у Ананьина требовала огромного напряжения всех сил, — писал он в автобиографическом романе «Жизнь Алексея Рокотова». — Благообразный предприниматель, всегда ласковый и улыбающийся, был жаден и прижимист. Дело он сумел поставить так, что всем работавшим на него нельзя было свободно вздохнуть. В подвалах кондитерской фабрики, у раскаленных печей задыхались пекари и кондитеры. «Мальчиком» было особенно тяжело: за четырнадцать часов работы они выматывали все свои полудетские силы».

В шестнадцать лет Пермитин бросил работу на фабрике и стал готовиться сдать экстерном экзамены за учительскую семинарию. Немало сил он приложил к тому, чтобы выдержать их успешно. Готовясь к урокам, чтобы не отвлекаться, он закрывал ставни окон, выходящих на улицу, и оставлял только то, что смотрело во двор, чтобы можно было видеть отца, целый день работающего у верстака. Отец для юноши уже тогда был примером трудолюбия и терпения. Десять напряженных месяцев, проведенных за рабочим столом, вызвали у Ефима сильное переутомление. Ему необходим был отдых, и мать, лечившая все хвори настоями трав и природой, настояла на том, чтобы сын отправился отдохнуть на лоно природы. О днях, которые он провел один в тайге, Ефим Николаевич рассказал в романе «Первая любовь». На Крутой речке Пермитин пробыл три дня. «Но и за это время он и отдохнул, и наслушался весенних птиц, поохотился на тетеревином току, постоял на вальдшнепиной тяге, половил хариусов. И подслушал, как шуршит прошлогодняя листва: это, прорастая, ее ворошила свежая зеленая трава. Вволю наблюдался утренними и вечерними зорями. А весна с каждым часом наступала, пленительная и всегда удивительно новая, словно первая на новорожденной земле».

«Я не знаю более радостного труда...»

После успешной сдачи экзаменов, ему было предложено учительствовать в селе Бобровка, недалеко от города, он же предпочел глухой алтайский казачий поселок Тулата Бийского округа, а затем учительствовал в селе Половинкино Рубцовского уезда. «Я не знаю более радостного труда, чем труд учителя, — восторженно писал Пермитин в своем днев-

нике. – Мне все время кажется, что я у истоков реки и от меня зависит, какой глубины, ширины и прозрачности в дальнейшем будет эта река...»

И вот, получив назначение в тулатинскую поселковую школу, напечатанное на казенном бланке, с подписями инспектора и секретаря казачьих народных училищ Третьего отделения Восточносибирского казачьего войска, с подорожной, дающей право учителю бесплатного проезда по «казачьей линии, на паре лошадей в дорожной кибитке», восемнадцатилетний учитель едет в глушь Северного Алтая за 350 верст к месту назначения. «...Будь во всем им добрым примером... Помни, сынок, из одного дерева люди делают и икону и лопату. Одним словом, будь настоящим учителем. Не нами сказано: один хороший учитель – это много хороших людей...» – напутствовал отец.

«Жить – значит неустанно трудиться», – записал тогда Ефим Николаевич в своем дневнике.

«В золотые дни моей юности...»

Молодой учитель со всей страстью отдался любимому делу. В своей работе он руководствовался словами любимого учителя Клавдия Михайловича Попова: «Не мешайте детям становиться умными, честными людьми. Насколько умеете, помогайте их развитию. Но знайте, что меньше вреда им будет от недостатков содействия, чем от насилия, если вы не умеете действовать на них иначе, как принуждением».

Пермитин не только давал уроки детям казаков. Он участвовал в самодеятельных спектаклях, проводил школьные вечера, внеклассные чтения и беседы о прочитанном с выпускниками, устраивал воскресные читки для взрослых. В один из зимних вечеров, оповестив родителей через ребят, он пригласил их на первую читку. Пришло немного народу, но скоро пристрастились к ним тулатинцы (в романе – лутатинцы. Прим. – О. Т.) и число слушателей возросло. «На чтении «Хаджи Мурата» мест за партами не хватало... – писал Ефим Николаевич в автобиографическом романе. – ...За окнами морозная ночь, а в школе тепло, светло, чисто. Народу – впритирку. Бороды седые, темные, рыжие; бабьи платки, шали. Некоторые слушательницы вязали на спицах – кто чулки, кто варежки...»

Очень хотелось поклонникам Толстого «посмотреть на личность умнейшего этого графа!» И однажды учитель, и его добровольный помощник Архип Каргополов приготовили для слушателей сюрприз: на большом листе картона Архип сделал рисованную копию со снимка Л.Н. Толстого, и повесили ее рядом с портретом Николая Второго. И вдруг во

время «читки» в класс ворвались попечитель и «вечно пьяненький» поселковый атаман Кузьма Ермачков:

– Кто позволил?! Разойдись! – хриплым пропитым басом рывкнул кто-то.

Вероятно, атаману донесли, что учитель читает запрещенного писателя. И вдруг в простенке, рядом с портретом царя, пьяный вахмистр увидел портрет Толстого.

– Да как ты смел?! С самим государем императором!!! Да он же от церкви отлученный!!! Анафеме преданный!!! С божьим помазанником!!! – хрипя, спеша, как на приступ, выкрикивал вахмистр».

В тот момент вахмистр выглядел угрожающе. «Пронзительный бабий крик, потом что-то с грохотом обрушилось на пол... бешеный удар, нацеленный на портрет «крамольного писателя», от толчка Архипа Каргополова пришелся по портрету царя, разрубив Николая от уха до живота... Шашка выпала из руки остоленевшего вахмистра... Разом протрезвевшие, попечитель и поселковый атаман, стыдливо пряча глаза, пошли сквозь строй лутатинцев...

– Теперь он мяконецкий будет – башку-то царю ссек? Ссек. А за это, если дознаться, хоть и по пьяному делу, по головке не погладят... – говорили лутатинцы».

Но вот окончен учебный год и молодой учитель возвращается домой. Трогательно описана в автобиографическом романе встреча с родным городом. Лишь несколько коротко брошенных фраз как легкие штрихи воссоздают облик дореволюционного Усть-Каменогорска: «А вот и Иртыш-батюшка, как-то разом он выкатился из-за крутой излучины подступившей к самому берегу дороги... Алеша жадно всматривается в знакомые берега реки, отыскивая любимые уголки, где не раз, и с братьями, и один сживал он с удочками, забрасывал переметы на стерлядей и налимов. А вон и колокольня городского собора, точно гвоздь, вколоченный в небо... Дыхание Алеши участилось, сладкий ком подступил к горлу: широк и велик родной край! О, радость возвращения в родной дом!..»

Второй учебный год учителю пришлось начинать уже в степном сибирском селе Половинкино (в романе *Четвертинкино*. Прим. – О. Т.), куда осенью 1914 года он был переведен. «После богатейшей горно-алтайской природы и сытого довольства лутатинского казачества, унылое степное Четвертинкино и смирившиеся с вечной нуждой четвертинкинцы выглядели такими жалкими, что Алексей долго не мог привыкнуть к ним». Особенно убогой была школа – покосившаяся изба-пятистенка.

Днем Пермитин учил ребят, а ночами сидел за книгами, готовясь к поступлению в Московский университет имени Шанявского.

«Жизнь трепала меня...»

Однако мечте учиться не суждено было сбыться – помешал досрочный призыв в армию.

«С этого времени, в течение восьми лет, жизнь трепала меня по разным фронтам, начиная с «германского», кончая «колчаковским», – читаем в его автобиографии. Пермитина направляют в Омскую школу прапорщиков, по окончании которой назначают командиром взвода в третью роту 24-го Сибирского запасного полка, квартировавшего в Барнауле. После победы Февральской буржуазно-демократической революции солдаты выбирают его командиром роты. Как пишет критик, исследователь творчества Е. Пермитина – Г. Манторов: «Пермитин был первый выборный командир в полку». Весной 1917 года полк отправлен на Юго-Западный фронт на границу с Австро-Венгрией. Оттуда Пермитина перевели в команду разведчиков 45-го Сибирского полка. Потом ранение, госпиталь и демобилизация.

После долгого пути домой, пути, полного унижений и оскорблений со стороны солдат, Ефим Николаевич в набитом вагоне, взятом приступом многотысячной толпой, едет домой. На одной из узловых станций, выбежавшего из вагона в поисках съестного, Пермитина, во время очередной «атаки» поезда, ударом по голове отбрасывают от вагона. И вот его, «с разбитой окровавленной головой, с почерневшими, опухшими пальцами, в полубессознательном состоянии какие-то люди подбирают на рельсах». Пришел в себя Пермитин уже в вагоне санитарного поезда. В пути, прислушавшись к разговорам, он понял, что это «тот самый санитарный поезд, о котором поговаривали и мечтали наиболее контрреволюционно настроенные офицеры Юго-Западного фронта». Этот поезд якобы организован для укомплектования Добровольческой армии кадровыми офицерами. «Чья-то высокая рука из главного командования обеспечивает этому поезду и полную безопасность рейсов, и снабжение в пути по высшей категории. Но отбор в нем строгий: колеблющемуся – бокал красного вина и... под откос», – пишет Пермитин. Потом поезд захватили красноармейцы, и Ефима Николаевича чуть было не расстреляли. Спас случай, описанный им в «Жизни Алексея Рокотова».

Советы...

Под крышей отчего дома Ефим Николаевич оказался в феврале 1918 года. А в марте в Усть-Каменогорске была установлена Советская власть. Не сразу Пермитин принял Советы. Были долгие откровенные разговоры с братом Андреем, членом Усть-Каменогорского Совдепа:

– Ты же понимаешь, браток, жить на пороге нового, светлого, что только-только начинается, – говорил Андрей.

– Нет, я поеду в Москву: учиться хочу... – последовал ответ.

Ефим Николаевич с опаской относился к новой власти. Он был противником насилия в политике:

– Твердо уверен, что со временем люди найдут иной, более гуманный путь к счастью. Но какой? – я этого пока не знаю... Но хочу знать. Хочу! Потому и еду учиться... И не обижайся на меня, что я не иду к вам: вы сейчас еще только разрушаете все до основания. И разрушаете, порой, бесчеловечно жестоко. А когда и как начнете строить и что из этого получится, я не знаю... Потому и хочу учиться.

Кстати сказать, в партию Пермитин не вступил и в последующие годы. В анкете для ответственных работников Усть-Каменогорского уездного союза охотников за 1924 год, хранящейся в Восточно-Казахстанском областном государственном архиве, в графе: «Укажите, к каким политическим партиям принадлежали в течение всей Вашей жизни, принадлежите ли к какой-нибудь в настоящее время или какой сочувствуете», – у Пермитина написано: «Никогда не принадлежал ни к какой политической партии, не принадлежу и в данное время...». Из той же анкеты мы узнаем, что Ефим Николаевич служил в Красной Армии: «С 1919 года. В 1920 и 1921 годы в Усть-Каменогорском уездном военкомате в должностях: а) пом. увоенрука; б) временным военным руководителем; в) комендантом города в 1920 году; г) заведовал пересыльным пунктом; д) командиром караульной роты; е) временно исполнял должность командира караульного батальона в Усть-Каменогорске. Демобилизован в 1921 году».

Итак, Пермитин вновь в родном городе, по вечерам он сидит за учебниками, готовясь в университет. Однако Усть-Каменогорский Совдеп и эсэро-меньшевистская городская дума ожесточенно воевали и за землю, и за души людей. И те, и другие тянули к себе бывшего прапорщика и учителя, но Ефим Николаевич не шел ни к тем, ни к другим: работал на земле и собирался в Москву. В июне белоказаки совершили в Усть-Каменогорске контрреволюционный переворот. Сибирь оказалась под властью Колчака, и Пермитин, как офицер, мобилизован в Белую армию. При первой возможности, как свидетельствует М. Шкерин, он перешел на сторону красных. Демобилизовался в 1921 году.

Пора упований и надежд...

Шел суровый 1922 год. Разрушенное войнами хозяйство края еще не оправилось от потрясений. «Культурная жизнь советской Сибири только-

только начиналась, — пишет Пермитин в статье «Памяти друга», посвященной Лидии Сейфуллиной. — Центральные газеты и журналы докатывались до окраины в единичных экземплярах. Демобилизовавшись из Красной Армии, я работал в родном, в то время глухом уездном городишке Усть-Каменогорске, в УОНО». В это время, женившись, Пермитин построил недалеко от родителей дом, крестьянствовал, охотился.

В 1922 году Ефим Николаевич вступил в союз охотников-любителей и, в связи с необходимостью развития охотничьего промысла, взялся за реорганизацию Охотсоюза из любительского в промысловый, из городского в уездный. К практическому осуществлению дела Пермитина подтолкнул Павел Петрович Бажов. Пермитин познакомился с ним еще в Усть-Каменогорске, когда тот под фамилией Бахеев заведовал Усть-Каменогорским уездным отделом народного образования. В одном из писем Бажов советовал: «...Расширяйте сферу деятельности городского союза охотников-любителей за счет организации промышленников горно-таежных районов. При разумном хозяйствовании Алтай — неисчерпаемый кладезь «мягкого золота». «Пушнина необходима для торговли с границей, для развития отечественной промышленности», — пишет в книге «Время в лицах» М. Шкерин.

Осенью 1922 года Пермитин по заданию правления Охотсоюза взялся объехать отдаленные охотничьи угодья Усть-Каменогорского уезда. В той же анкете в строке «Краткая автобиография» Пермитин пишет, что «настоящая деятельность и упорядочение охотничьего хозяйства Республики, по моим склонностям и опыту, подходит к моей натуре более, чем другая общественная и государственная работа».

Глухими поселками, по бездорожью, рискуя жизнью, он пробирался в таежные деревни и охотничьи заимки, агитируя охотников в союз, собирая пушнину в качестве вступительных взносов, проводя собрания охотников, которые выбирали делегатов на уездный съезд. Миновала осень, наступила зима, а Пермитин все продолжал свой путь, стремясь объехать весь уезд, территория которого раскинулась на сотни километров. Вернулся домой в декабре, полный впечатлений от общения с охотниками. Впечатления эти впоследствии и послужили основой для его произведений. И, как отмечает М. Шкерин, «именно с этой трехмесячной поездки начинается Пермитин-писатель». «Порою кажется мне, — писал Ефим Николаевич на склоне лет, — что в охотничьей этой сторожке я впервые понял, по-настоящему оценил и полюбил великий русский язык, а под жалкой рваною охотничьей курткой рассмотрел ни одну поэтическую душу».

«Десерт души»

Еще в юношеском дневнике Ефим Николаевич записал, что «...охота – эта древняя могучая страсть, захватывающая людей с такой силой, с какой может сравниться только любовь, – не могла не являться для них (земляков-охотников. Прим. – О. Т.) радостным отдыхом». И сам будущий писатель вместе с ними «увлеченно и жадно пил из этого неиссякаемого, живительного родника: «умирал за охотой», как выражались мои сотоварищи... И какие же встретились мне характеры, типы охотников!»

Как, например, земляк, увлеченный охотник – слесарь Миня Минеев, описанный в рассказе «Пролетные птицы». «Хотя школьной премудрости в приходском училище Миня набирался всего два года, но питал большую склонность к отвлеченным суждениям: «Без жизни на природе, без рыбалки и охоты (слесарь считал их «десертом души») жизнь – настоящий прах», – говорил он. Безнадежно больной, Миня, без каких-либо признаков восхваления, говорил откровенно, словно на исповеди, что без охоты «на любых лекарствах, на любой пище через полгода с доски сойду. Бужуры (пойма на Иртыше. Прим. – О. Т.) меня только и держат...». В дальнем углу Бужуринской поймы был у Мини большой, теплый шалаш с окном, дверью и даже со склепанной из жести печуркой. «Не салаш – катеджа, зимовать можно», – хвалился своим летним пристанищем слесарь. Там он встречал «свинцово-серые рассветы» весной и «слякотную непогоду» осенью. «Нет, без этих лугов, Николаич, без моих карасевых, линевых озер, без камышей, без охоты и жизнь не в жизнь... Десятый год я словно бы светло Христово воскресение встречаю на благодатном своем мысу, а не поверишь, все едино, точно в первый раз, все внове... И понимаешь, Николаич, среди всей этой природности я себя губернатором чувствую. А любая санатория для меня – тюрьма».

Охотничьи бывальщины, услышанные Пермитиным во время поездки по краю при встречах с интересными людьми, занятные истории, путешествие, полное острых приключений, – все это было материалом для художественных произведений. Но где их можно было напечатать? В Усть-Каменогорске нечего было и думать. И вот однажды, во время одной из дружеских бесед у охотничьего костра, Пермитину пришла идея создать охотничий журнал.

«Мое первое литературное пристанище»

Дмитрий Михайлович Белоусов, один из активных участников создания журнала «Охотник Алтая», вспоминал: «Мы говорили об охотни-

чьей литературе, вспоминали страницы охотников-писателей – Толстого, Некрасова, Тургенева. Сожалели об отсутствии у нас охотничьей литературы... И вот тут-то Ефим Николаевич высказал свою мысль попробовать возродить охотничью журнальную литературу созданием в Усть-Каменогорске первого в то время журнала...» – читаем в книге Г. Манторова «Ефим Пермитин». И вскоре в Усть-Каменогорске в 1923 году по инициативе Е.Н. Пермитина был создан ежемесячный литературно-художественный журнал «Охотник Алтая», ставший вскоре общесибирским, а затем всероссийским изданием. На страницах «Охотника Алтая» зарождался и формировался писательский талант нашего земляка. В нем Пермитин публиковал первые свои несовершенные очерки, рассказы, зарисовки, пьесы. Период работы в журнале можно назвать подготовительным, так как за это время писатель накапливал материалы для будущих своих произведений. Именно о том, что узнал и увидел Пермитин за это время, он будет писать до конца дней своих.

В «Сиб-Чикаго»

Так называли новониколаевцы стремительно развивающийся центр Сибири. Город Новониколаевск (потом Новосибирск) встретил Пермитина радушно. Он переехал сюда вместе с редакцией в 1925 году. После Усть-Каменогорска большой город показался твердыней, которую нужно было покорить. И вот еще недавно безвестный редактор, он запросто общается с «мэтрами» поэзии и прозы Сибири: В. Зазубриным, В. Итиным, К. Урмановым, А. Коптеловым. Скоро он привлек к сотрудничеству, сплотил вокруг журнала лучшие литературные силы Сибири. В этот период Пермитин пишет, пожалуй, первый совершенный в художественном отношении рассказ «Ника Козляткин», о неудачливом, но до одержимости влюбленном в охоту человеке.

За ним последовала повесть «Капкан», давшая Пермитину путевку в большую литературу. Это было первое в истории советской литературы произведение о коллективизации. Начало «Капкана» было опубликовано в апрельском номере «Охотник и пушник Сибири» за 1928 год. С публикацией «Капкана» Пермитин впервые вышел за пределы своего журнала, о нем, как о многообещающем писателе, заговорили в Москве. Журнальная публикация романа получила высокую единодушную оценку на пленуме Центрального совета Всероссийского общества крестьянских писателей, и он увидел свет в издательстве «Федерация». В центральной прессе появились рецензии и статьи, отмечавшие появление нового талантливого писателя. Интересен характерный крестьянский отклик, один

из тех, что записал народный просветитель Адриан Топоров, устраивавший в коммуне «Майское утро» читки: «Пермитин дал... в своем произведении артель, ее борьбу... Как действительно в жизни есть, так оно и описано... Хорошая агитация за колхоз и не фальшивая!».

В это же время Ефим Николаевич пишет рассказ «В белках», опубликованный в «Охотнике Алтая» в 1927 году. Рассказ послужил основой для повести «Когти», которая появилась в печати только в 1931 году. Горький включил «Когти» в число 25 лучших произведений советской литературы, изданных в ознаменование 15-летия Октябрьской революции. Впоследствии оба романа вошли в эпопею «Горные орлы», являющуюся одним из крупнейших эпических полотен о русском крестьянстве.

«Слово! Всё в слове!..»

В 1931 году по приглашению Центрального Совета Всесоюзного общества крестьянских писателей Пермитин переезжает в Москву. Как и в Новосибирске, Ефима Николаевича одолевали сомнения в собственных силах. «Необходимо учиться заново», — часто повторял он. И снова, как в дни юности, он жестко расписал свой день: «шесть часов на сон, шесть за письменным столом, двенадцать на чтение и учебу». Учился он у классиков русской литературы, и прежде всего, у Льва Толстого. «Первые же страницы «Войны и мира» приводили его в восхищение емкостью, многоцветностью палитры великого писателя», — читаем в его «Повести о лесах» — заключительной части трилогии «Жизнь Алексея Рокова». «Слово! Всё в слове!» — повторял Пермитин. А над своим рабочим столом он написал и повесил полюбившуюся фразу: «Я верю, что книга, языком которой не любитесь читатель, написана зря». Он работал над языком написанного ежечасно, ежеминутно.

Писатель стремился к тому, чтобы «мир сложный и трепетный передавать ярко и точно, нередко через одну бесценную деталь, выразительную, запоминающуюся подробность. Только переработанные творческим воображением художника ощущения и картины рассказывают подлинную жизнь земли и человека на ней... Не добросовестно подробная, но мертвая фотография, а искусный вымысел, проросший, как дуб из желудя, из толчка воображения художника выразит больше художественной, понятной и нужной людям правды, чем тщательное описание ее. И тогда читатель услышит и почувствует даже шепот листвы, согретой дыханием майского дня, в глазах его оживет и засверкает горный поток. Искусство художника — в каплю воды вобрать огромное солнце, а, вобрав, через одну, родившуюся на заре бабочку, впервые раскрыв-

шую крылья и чуть не задохнувшуюся от беспредельной глубины неба, показать весь настежь распахнутый мир».

«Ванька Ключник»

В Москве Пермитин вошел в круг известных крестьянских писателей, подружился с И. Касаткиным, П. Дороховым, П. Замойским, П. Яровым, И. Катаевым. А позднее он вошел в литературный кружок, организованный на квартире Лидии Сейфуллиной, где чаще других бывали: А. Толстой, В. Зазубрин, М. Пришвин, П. Васильев. Изредка появлялся М. Шолохов. «В «салоне Лидочки», — вспоминал Пермитин, — непринужденней всех держался озорной, монгольски скуластый, с раскосыми широко расставленными прекрасными синими глазами, пышноволосый баловень женщин, прозванный друзьями «Ванька Ключник», поэт Павел Васильев». Однажды поздно вечером позвонила Пермитину Л. Сейфуллина:

— Приходите поскорее. Пришел Павел Васильев, собирается почитать новые стихи. Обещался приехать Михаил Шолохов. Будет Владимир Яковлевич Зазубрин и еще кое-кто.

Помню, после прекрасной, взволновавшей всех слушателей поэмы «Лето», Павел Васильев, озорновато улыбнувшись огромными синими глазами, сказал:

— Почитал бы я новые стихи «для некурящих», да вот Лидии Николаевны смущаюсь. А написал я их, кажется, порядочно.

Мы все вопросительно уставились на хозяйку. Кто-то сказал:

— Она ведь бывшая епархиалка, при ней можно...

Лидия Николаевна засмеялась:

— Читай, Паша. В искусстве я не женщина, я на равных правах с мужчинами...

Павел прочел «Кунцевские дни»... Сидевший рядом с хозяйкой Михаил Александрович Шолохов склонился к плечу Валерьяна Павловича Правдухина, считавшего себя, как и Павел Васильев, казаком, и, тоже, смеясь глазами, сказал:

— Здорово пишут казачки, будь они неладны...

В «салоне Лидочки» писатели собирались и обсуждали новые произведения. Здесь наш земляк читал главы из романа «Враг», над которым работал с 1931 года и который отдельной книгой вышел в 1933 году. В 1937 году был напечатан роман «Любовь». В это время он вел и большую общественную работу. Как член редколлегии «Земля Советская» и член издательства «Федерация», он читал и анализировал много рукописей разных авторов.

«Порой, бывал твой путь тернист...»

Но не все было гладко в творческой судьбе нашего земляка. «Молодому и крепкому сибиряку... пришлось... в полную меру узнать, что такое несправедливость, незаслуженная хула и обиды. Но талант выдержал тяжкие испытания», — пишет Евгений Осетров во вступительной статье к собранию сочинений, выпущенных в 1978 году после его смерти.

В 1938 году писатель был арестован за якобы допущенные в романах «Враг» и «Любовь» идейные ошибки.

Ему припомнили также службу в Белой армии и осудили на восемь лет. В ссылке писалось трудно. Но, несмотря на лишения, он написал там повесть «Друзья», которая выйдет сразу по возвращении. А какие жизнеутверждающие строки можно прочесть в ней:

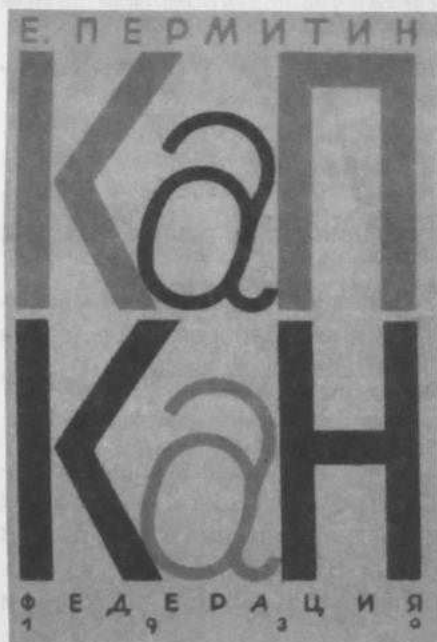
«Родина! Веет от этого слова первыми впечатлениями бытия: розовым ранним утром жизни...

Росой на цветах и травах...

И соловьиным пением.

И материнской улыбкой...

И дорогими могилами предков наших...».

Обложка книги «Капкан»

Повесть «Друзья» вышла в 1947 году. Несмотря на небольшой тираж, она была замечена критикой. «Самым солнечным произведением Пермитина» назвал ее М. Шерин.

Дорогу осилит идущий...

Через четыре года была напечатана эпопея Пермитина «Горные орлы», объединившая в себе романы «Капкан», «Враг», «Любовь» и написанную в 1945-1947 годах заключительную часть «К вершинам». Главный труд его жизни увидел свет, преодолев большие преграды. Судьба как будто вновь испытывала писателя. Нашлись недоброжелатели, которые всячески препятствовали выходу эпопеи.

30 мая 48.

г. Москва.

Мой несокрушимый, мой
любимый папочка!

Целую тебя бесчетное число раз.
Как и ты, я очень хочу увидеться -
посидеть, поговорить с тобой
о многом, самом сокровенном.
Только исключительные обстоя-
тельства удерживают меня
~~в Москве~~ ~~в Оме-на-Демь-я~~
жду, решения участи моей
20 летнего труда, а вместе с
этими и денег на поездку.

А так часто вспоминая свои
поездки в далеком детстве
на нашем "Гнедке-меходузе"
в твоё родное село Белоусовское.

Письмо домой Е.Н. Пермитина,
Государственный архив Восточно-Казахстанской области

А между тем Пермитин тоскует по родине. Он не навещал родных около 20-ти лет. Тяжело болен отец и нет денег на поездку. «Как я рвусь к вам, — пишет он домой, — но судьба всей моей жизни, — моя последняя работа, сданная в издательство и, благодаря козням врагов, висящая на волоске, приковала меня к Москве: командир не имеет право покидать поле сражения в решающий момент боя. Все жду прояснения, все верю, что талант, честный труд и правда возьмут верх над происками мелких, черных душ...» (1.08.48)

Увидеться с отцом так и не удалось, Николай Николаевич умер в 1948 году. Приехать на родину Пермитин смог только в начале пятидесятых.

Несмотря на трудности, Ефим Николаевич много работает и не теряет надежды на издание своих книг. Роман-эпопея «Горные орлы» вышла в свет только в 1951 году. Собранные воедино романы, связанные общими героями и единством художественной идеи, составили эпопею, рассказывающую о нови, ворвавшейся во времена коллективизации в раскольничью деревню на Алтае. Очень привлекательны главные герои романа Селифон Адуев и Марина Величко, чья любовь пройдет через тяжчайшие испытания. В написание этого романа «вложены три десятилетия, — книга получилась на славу... Пермитин запечатлел целую полосу народной жизни, которая нынче стала историей, — близкой, живущей в наших сердцах», — писал Е. Осетров.

В 1954 году началось освоение целины. Пятидесятилетний писатель отправился вслед за молодежью для сбора материалов о первоцелинниках. В автобиографии 1956 года Ефим Николаевич пишет, что это был первый роман о комсомольцах на целине. Восемь месяцев он жил с героями своей будущей книги в вагончиках и палатках, испытывая вместе с ними трудности быта и переживая неудачи. В Москву вернулся переполненный впечатлениями. В 1956 году в издательстве «Молодая гвардия» вышел его роман «Ручьи весенние», в котором в полной мере писатель отразил энтузиазм первоцелинников.

«Жизнь Алексея Рокотова»

Последним аккордом его творческой биографии явился роман-трилогия «Жизнь Алексея Рокотова» (1958-1969 гг.). Трилогию составили следующие произведения: «Раннее утро», «Первая любовь», «Поэма о лесах». В основу положены события, охватывающие огромный исторический период: от 1905 года по шестидесятые годы двадцатого века.

У дома, построенного Е.Н. Пермитиным (3-й слева),
г. Усть-Каменогорск, 1959 г.

В романе даны точные даты, указаны достоверные события, происходившие в Усть-Каменогорске, Новосибирске, Москве. Роман автобиографичен. Об этом пишет в воспоминаниях младший брат писателя Николай Николаевич Пермитин: «Перечитывая его книги, особенно трилогию «Жизнь Алексея Рокотова», я не перестаю удивляться памяти брата, бережно, до деталей, до малейших черточек – сохранившей столько лет все, что было в его жизни». В трилогии писатель «поставил задачу показать судьбу советского писателя, прошедшего долгий путь борьбы, страданий, творческих поисков, удач и неудач в жизни, в литературе... – писал Ефим Николаевич в автобиографии. – Жизнь щедро преподнесла мне сюжет... какой трудно придумать даже искушенному романисту».

Много трогательных строк романа посвящено родителям. В одном из писем домой от 30 мая 1948 года, хранящемся в Государственном архиве Восточно-Казахстанской области, Ефим Николаевич обращается к отцу: «Я так часто вспоминаю свои поездки в далеком детстве на нашем «Гнедке-иноходце» в твоё родное село Белоусовское, когда ты рассказывал о своём юношестве, показывал домик, в котором жил на берегу речки Глубочанки – у «Шума». Все это, не умирая, живет во мне, обо всем об этом я напишу в своей новой книге. В ней самые теплые строки будут посвящены тебе, мой дорогой, мой любимый труженик и честнейший, бескорыстнейший человек, какого я знаю».

В том же письме Ефим Николаевич продолжает: «... Я мысленно часто беседую с тобою о твоём детстве, о твоих родителях, о деде, о которых

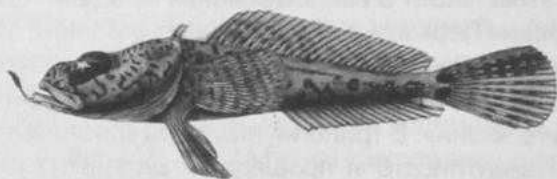
я так мало знаю. Милый папочка! Если у тебя хватит сил, расскажи Агочке (младшая сестра писателя. Прим. – О. Т.) или Трофиму о своем детстве, и пусть они запишут эти драгоценные для меня строки... Воспоминания эти мне нужны сейчас – я пишу как раз эти главы – о тебе, о Белоусовке... Ефимий».

В 1970 году постановлением Совета Министров РСФСР за трилогию «Жизнь Алексея Рокотова» Ефиму Николаевичу Пермитину присуждена Государственная премия РСФСР имени М. Горького.

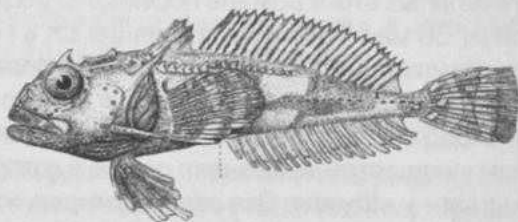
«Понимаешь, братец, – говорил уже смертельно больной писатель после получения премии А. Смердову, – теперь для меня не только день, каждый час, даже минута – на вес золота. Надо отрабатывать награду...»

В этих словах видится мне вся суть личности писателя – человека требовательного к себе, удивительно трудолюбивого, с обостренным чувством долга.

На моем столе лежат и мерно тикают именные часы Е.Н. Пермитина. Я всегда их вынимаю из фондов, отправляясь на лекцию. Странно, думается порой, человека нет, а они идут, – что-то видится в этом противостественное, предательское. А впрочем, они отсчитывают минуты но-

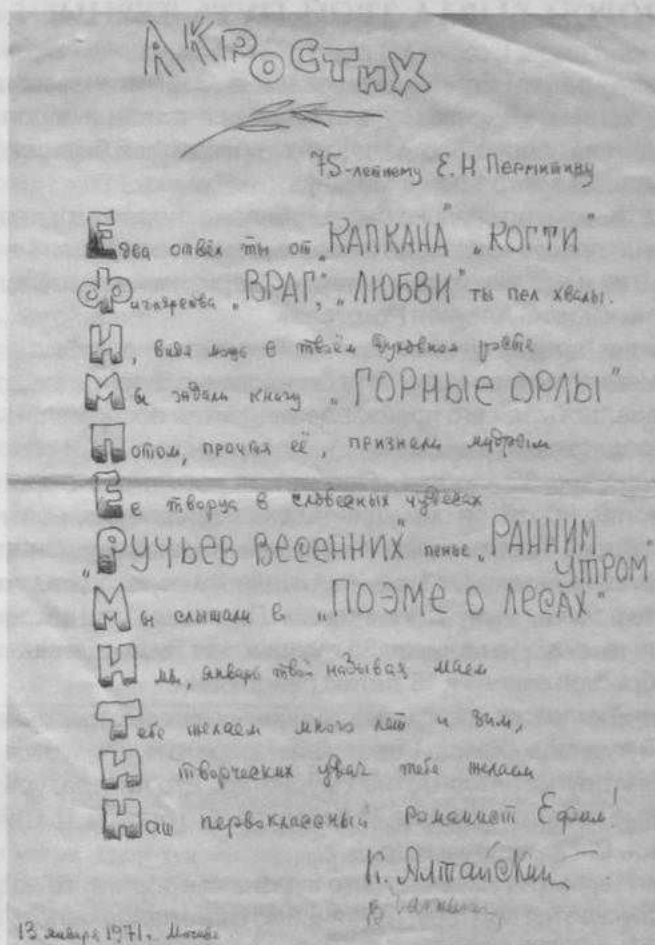
***Pogonophryne permitini* Andriashev, 1967**

***Harpagifer permitini* Neelov & Prirodina, 2005**

Два вида рыб, названные в честь их открывателя Ю.Е. Пермитина

вого времени, и хочется верить, что, как пишет Ю.Е. Пермитин, пройдет это окаянное время бездуховности и невежества, и появятся, наконец, новые читатели его книг, способные увидеть и оценить талант мастера художественного слова. И, как в былые времена, возможно, кто-то напишет теперь уже сыну: «Спасибо за чудесную книгу, за огромное наслаждение... Без волнения и замирания сердца нельзя читать «Поэму о лесах». Ну, до чего же это прекрасно! Это надо вслух, вслух читать. Читать везде, всем: чтецам – с эстрады, учителям – в школах, внести в школьные учебники, в сборники для диктантов, заучивать наизусть, ...чтобы все наслаждались описанием русского леса, русской природы».

Акростих К. Алтайского, 1971 г.

ПОРОЙ БЫВАЛ ТВОЙ ПУТЬ ТЕРНИСТ...

В автобиографии Ефима Николаевича Пермитина, написанной в 1964 году, читаем: «В «годы культа» был арестован и сослан в Казахстан... Одним из первых пострадавших... писателей был реабилитирован полностью и возвращен в Москву».

Скупые фразы, но сколько было «увидено, пережито, пережито... что не просто трудно, но и невозможно... рассказать и тысячную часть событий и переживаний», — пишет Пермитин в автобиографической трилогии «Жизнь Алексея Рокотова».

О времени, проведенном в ссылке, Пермитин не любил вспоминать и писать. Мы же постараемся, хотя бы частично, восстановить события тех лет, перелистывая его произведения, читая воспоминания друзей, беседуя с родственниками...

Итак, середина 30-х годов... Пермитин в расцвете литературного таланта. Говорят, порой, он сам удивлялся своей популярности. Там, где ему приходилось бывать и жить — в Москве, Казахстане, Сибири, — всюду находились читатели его книг. Уже изданы и переизданы пользующиеся успехом романы «Капкан» и «Когти». Последний, по настоянию Максима Горького, включен в число 25 лучших книг, выпущенных в юбилейной «Октябрьской серии» к 15-летию революции.

Пермитин является членом редакционных советов издательства «Федерация» и журнала «Земля Советская», широко публикуется в «Сибирских огнях» и других авторитетных журналах. Его литературный талант ценят видные писатели страны: М. Шолохов, А. Толстой, Л. Сейфуллина, В. Зазубрин, В. Правдухин и др.

Однако Пермитин замечает, что «жизнь как дорога, то поднимается вверх, то опускается под гору, независимо от желания человека». Еще в первые годы жизни в столице Ефим Николаевич понял, что московский

литературный мир сложен, «что наряду с честными, преданными, беззаветными тружениками-писателями в нем, в этом мире, нередко бытует болезненное самолюбие, ячество, немало в нем и литературных неудачников, и завистников, изоощренных в интригах и сплетнях. Ими заполнены литературные и нелитературные кабачки, в душном, смрадном дыму которых они с вечера и до утра кичливо изливаются друг перед другом в самовосхвалениях. И они же целыми днями обтирают стены редакционных коридоров».

Правда в Москве, считал Ефим Николаевич, литературные игры ведутся тоньше, изоощреннее, чем в Сибири, «где последователи лефовцев* – крикливые «настоященцы» относили к «врагам» уже не только Зазубрина, Итина, энтузиаста-просветителя, учителя коммуны «Майское утро» Адриана Топорова, но и Максима Горького. Пермитина не покидает чувство тревоги за будущее. В литературных кругах все чаще возникают «потасовки», отнимающие много душевных сил. И если они касаются даже корифеев литературы, то что же будет с начинающим писателем из провинции? Ефима Николаевича поразило «взволнованное лицо обычно всегда величаво-спокойного, иногда иронически улыбающегося, нередко беспечно-хохочущего Алексея Толстого, когда он, появившись у Сейфуллиной после очередного разноса, бледный, с дрожащей челюстью, заговорил:

– От природы я добрый человек, но я никогда в своей жизни не ненавидел так, как ненавижу рапповцев**. На моем теле не заживают рубцы от их лозы. РАПП – это ненависть.

Что может быть гнуснее деления писателей на «своих» и «чужих», когда «своего», в какой бы он омут не попал, сухим из воды вытащат, а «чужого» и в ложке воды утопят!...».

Но Пермитина пока не трогают. На Первом съезде Советских писателей его книги называются в числе лучших. Его приглашают на обсуждение нашумевших романов, на совещания в Народном Комиссариате земледелия для обмена мнениями о положении в деревне.

* ЛЕФ (Левый фронт искусств), литературно-художественное объединение, 1922-29, Москва, Одесса и другие города (В.В. Маяковский, Н.Н. Асеев, А.М. Родченко, близкие ЛЕФу – С.М. Эйзенштейн, Дзига Вертов и др.). Теоретические установки ЛЕФа (О.М. Брик, С.М. Третьяков, В.Б. Шкловский): создание действенного революционного искусства, теория «социального заказа», примат «литературы факта» над вымыслом, поиски новых форм художественной выразительности.

** РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей), массовая литературная организация (1925-1932). Используя лозунг партийности литературы, рапповцы стремились к административному руководству всем литературным процессом; для рапповской критики характерны вульгарный социологизм, «проработочный» стиль.

В 1936 году в журнале «Сибирские огни» начинает печататься его новый роман «Любовь». А в «Литературной газете» вдруг появляется разгромная статья на еще не завершенную публикацию. В начале 1937 года роман все-таки выходит отдельным изданием. На писателя же в печати буквально обрушивается поток нападок за якобы допущенные в романах «Враг» и «Любовь» ошибки в идейном и художественном отношениях.

Процитируем одну из рецензий, которая носила явно враждебный характер: «Ценность романа (*речь идет о романе «Любовь»*). Прим. – О. Т.) более чем сомнительна. Эта книга отличается сочетанием политической двуличности и грубого натурализма. Автор уподобляется двум героям своего романа (двум героям одного и того же лагеря) – Агафону Евтеичу и Егору Егорычу.

Агафон Евтеич ставит капкан на медведя и попадает в этот капкан сам. Е.Н. Пермитин оступается в ловушку, сооруженную для читателя. Еще более схож автор с Егором Егорычем. Е.Н. Пермитин подает Егора Егорыча в роли середняка, а между тем это типичный кулак. Он многократно вредительствует, зверски убивает комсомольца и комсомолку, все время яхшается с оголтелым кулачьем и, несмотря на свою явную мерзопакостность, пребывает в полной безнаказанности и даже считается совершенно советским человеком... То же можно сказать и о романе «Любовь» – видимость его вполне советская».

Словом, уподобляя Пермитина герою романа «Враг» – Егору Егорычу, – критик тем самым утверждает, что автор – такой же враг Советской власти, как и Егор Рыклин... Но критик этим не ограничивается и «уточняет»: «Прокладывая вражьи тропы, Пермитин неистово размахивает бумажным мечом фальшивой ненависти и для внешней «идеологичности» усердно перелагает на страницы романа передовицы «Известий» и «Правды», но эта советская видимость не может скрыть подлинной сущности книги... Кулачье орудует, как ему вздумается... а органов прокуратуры и ГПУ как будто не существует... Выходит, что замечательные советские органы бездействуют».

Причина травли ясна: Пермитин оказался жертвой нападок вульгарно-социалистической критики, предъявившей писателю политические обвинения. В середине 30-х годов эти «критики» своими печатными и непечатными «сигналами» нанесли большой урон советской литературе. Как бы то ни было, такая, с позволения сказать, критика приостановила работу писателя почти на десять лет.

Думается, преследованиям способствовали и свойства характера Е. Пермитина. Вспомним о пророчестве отца из автобиографического романа:

- Трудно тебе, Алексей, будет жить на свете.
- Почему, отец?
- Первое, горяч: опасен для самого себя. Второе, ребра у тебя продольные – не гнутся...

Действительно, по воспоминаниям современников, Ефим Николаевич обладал прямым и бескомпромиссным характером. Он и сам писал, что «демон правдолюбия» нередко подводил его. Сопоставляя воспоминания тех, кто знал Ефима Николаевича при жизни, беседа с родственниками, можно, пожалуй, сделать вывод, что прямота в суждениях, бескомпромиссность, нежелание, да и неумение кривить душой, приспособляться к чужому мнению, – были свойствами его характера. Однажды, анализируя произведения одного писателя из братской республики, Пермитин воскликнул: «Как можно допускать, чтобы вас представили на всесоюзный смотр в таком художественно «непотребном виде?» Такое не забывается! Порой сам не замечая, он наживал себе врагов. «Прямодушный Пермитин говорил, что думал, – пишет М.Р. Шкерин. – Благоразумные люди предупреждали Ефима Николаевича: «Не лезь на рожон!» Куда там, Пермитин и слушать не хотел. Правда дороже! А, впрочем, и хотел бы, так не смог, – такой уж был у него характер... Стоило ему услышать разговор на близкую тему, и он мгновенно воспламенялся, возвышал голос и безоглядно сыпал восторги и проклятья». В интервью сына Пермитина, Юрия Ефимовича, с корреспондентом газеты «Московский комсомолец» читаем, что отец «был слишком прям в суждениях. Был такой писатель – Федор Панферов (один из главредов журнала «Октябрь»). Тогда его всячески возвышали, а отец прямо говорил, что плохой он писатель. Да и о самом Фадееве несколько раз очень резко высказывался... При аресте это сыграло свою роль».

Итак, в январе 1938 года Пермитина арестовали. Поводом для ареста, рассказывает сын, послужил и такой случай: «Когда мы в 33-м ехали в Москву, в Сибири был страшный голод и морозы. Вокзал был забит тысячами беженцев, которые там и замерзали. До сих пор помню огромную серую толпу, засыпанную снегом. Отца это так потрясло, что по приезду он сразу пошел на Лубянку и устроил скандал. А ему ответили: «А это, Ефим Николаевич, не ваше дело». Так что обвинения были такие: недовольство действиями Советской власти, критика советских писателей и заодно пребывание в рядах колчаковской армии».

Жизнестойкий и неутомимый, Ефим Николаевич сначала растерялся. Пробовал искать защиты в Союзе писателей – напрасно. Однажды к нему пришел А.С. Макаренко. Они до того времени не были знакомы

лично. Об этой встрече Е. Пермитин рассказал писателю и другу М.Р. Шкерину, тот «воспроизвел» ее в своей книге:

– Я читал ваши романы, – говорил Макаренко, – возмущен гнусными статьями. Пришел сказать вам это. Хочу заступиться за вас, Ефим Николаевич.

Пермитин был потрясен. У Анастасии Ивановны на щеках слезы.

– Написал возражение негодяям, – продолжал Макаренко. – Случай принципиальный, спуску давать нельзя.

Пермитин горячо поблагодарил неожиданного заступника, но тут же выразил сомнение:

– Не напечатают...

Члена редколлегии «Литературной газеты», очень авторитетного в те времена писателя, к голосу которого прислушивались не только писатели, но и руководители партии, не напечатали...

«Удачно сложившаяся вначале писательская судьба Алексея... вдруг полетела под откос», – читаем в автобиографическом романе Пермитина. Почему? На этот вопрос он сам же отвечает: «Потому... что творить революцию в окружении головотяпов чертовски трудно, потому что героев окружают завистники, потому что невежество и бюрократизм не терпят ничего смелого, живого. Вот и все...»

В январе 1938 года Ефима Николаевича арестовали. На вопрос журналиста «Московского комсомольца»: «Согласился ли отец с обвинениями?» – Юрий Ефимович ответил:

– Отец был железным человеком. От него все время требовали подписать стандартную бумагу: «Участвовал в антисоветской группировке с целью убить Сталина». Отец не подписал, и это его спасло: получил ссылку в Казахстан.

Более чем полтора года Пермитин провел в бутырской тюрьме, а 15 августа 1939 года особым совещанием при НКВД СССР за участие в антисоветской организации сослан в Казахстан на 5 лет. Пермитин обвинялся по ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР. «Утлая его ладья долго плавала по бурному житейскому морю, покуда не выбросило ее на берега родного Иртыша – сначала в захолустный в то время полурусский, полуказахский пыльный областной город Павлодар, а потом в еще более дремучее районное село Иртышское», – пишет Ефим Николаевич в «Поэме о лесах». О годах, проведенных в ссылке, он намеревался написать книгу, которая бы продолжила трилогию «Жизнь Алексея Рокотова», где планировал рассказать о репрессиях сталинизма, но, к сожалению, не успел.

«В Павлодаре отцу удалось устроиться на заочное отделение педучилища, а также подрабатывать физическим трудом и охотой. За сдан-

ные шкуры волков и лисиц... ему выдавали порох и патроны. Дробь же приходилось делать самому», — сообщает в письме в музей Юрий Ефимович Пермитин.

В Павлодаре писателя застала война. Одна из его знакомых — ссыльная женщина, рассказывает:

— Я увидела Е.Н. Пермитина в огороде с двумя ведрами воды. Он, против обыкновения, шел медленно. Я закричала: «Скорей, Ефим Николаевич». Он поторопился, подошел. Я сказала: «Началась война». Хозяйка это подтвердила. В первую минуту Ефим Николаевич оторопел. Потом твердо сказал: «Я пошел в военкомат». Я сказала: «Не возьмут». Не поверил. Пошел. Действительно не взяли.

Осенью 1941 года ссыльных выслали из Павлодара. Их погрузили на баржу и отправили по Иртышу без объявления места новой ссылки.

«Последним из ссыльных выехал отец, — продолжает в том же письме Юрий Ефимович. — Его новым местом ссылки оказался Иртышск — глухое село между Павлодаром и Омском».

Вновь нужно было приспособливаться к трудностям, чтобы выжить. Ютился то там, то здесь: не каждый хозяин примет «врага народа». В Иртышке ему сначала отказали в работе в школе и он зарабатывал, чем придется: рубил дрова, плотничал, клал печи, стеклил окна, починял башмаки и валенки.

Не оставляли Ефима Николаевича тревожные мысли о семье. Немцы рвались к Москве, что будет с женой и двумя сыновьями-подростками? Кто отважится защитить семью «врага народа»?

«Когда в октябре 41-го немцы подошли вплотную к столице, мы эвакуировались из Москвы в Новосибирск к родственникам мамы, а затем уже выехали к отцу в Иртышск в ссылку», — вспоминает сын.

В Иртышке Пермитин купил по случаю землянку на высоком берегу Иртыша, из проржавевшей железной бочки соорудил печку, сделал глинобитный пол. Кое-как устроился. Пора было перевозить семью.

«Главным подспорьем в хозяйстве был огород, которым занималась вся наша семья, а еще корова, которую выменивали на «городскую» одежду, — пишет Юрий Ефимович. — Мы с отцом и братом заготавливали сено, сеяли просо, собирали с полей колоски».

Потом привалило счастье: Пермитину удалось купить старенькую «тулку» императорского завода. Она и кормила семью. Из шкур он научился шить одежду, даже носки. Сам делал рыболовные снасти — вырочала и рыбалка. «В Иртышке мы не умерли с голоду только благодаря охоте, — рассказывает Юрий Ефимович. — Там я впервые был приобщен отцом к охоте. Потом он мне купил ружьишко 20-го калибра и сначала

выдавал мне по пять патронов: «Если не принесешь двух уток, завтра выдам четыре», – говорил отец, – потому что патроны были жутким дефицитом».

С большим трудом Ефим Николаевич устроился на работу в среднюю школу преподавателем литературы в старших классах.

Уроки Ефима Пермитина были удивительно интересными. Этому способствовали блестящий ораторский дар писателя, глубокие знания и любовь к русской литературе. Скоро молва о талантливом учителе облетела школу.

«На них стали приходить почти все учителя и ученики разных классов. Класс был забит до предела. Яблоку негде было упасть!» – вспоминает сын Юрий.

Вскоре это встревожило Ефима Николаевича: не рассердится ли за такой «беспорядок» школьное руководство? На что директор ответил: «Я тоже один ваш урок прослушал. Шел по коридору, вижу, перед дверью толпа. Остановился, да так и простоял до звонка...» Старший сын Юрий проучился в иртышской школе с осени 1942 по весну 1943-го. И тут вновь грянула беда: в 1943-м году Юрию принесли повестку. Как сын политзаключенного, он был мобилизован в трудовую армию.

«Я был отправлен на Урал, на Первоуральский Динасовый завод – фактически в ГУЛАГ... где работал грузчиком по 12 часов в день со всяким уголовным и деклассированным элементом, – читаем в письме сына. – В 1944 году по состоянию здоровья был временно демобилизован и приехал к отцу в Иртышск. Откуда осенью этого же года уехал в Москву. В Москве я пытался получить разрешение (пропуск) на переезд отца в столицу, поскольку в 1945 году у него кончился пятилетний срок ссылки».

Юрий Ефимович сообщает также, что «большую помощь в возвращении родителя из Иртышска в Москву оказал М.А. Шолохов, который по этому вопросу обращался к М.И. Калинину».

В Государственном архиве Восточно-Казахстанской области хранятся письма Е.Н. Пермитина родителям, которые частично освещают события последних лет ссылки. В одном из писем домой Ефим Николаевич рассказывает: «Здесь мы жили как на станции в ожидании поезда... И вот поезд подходит. В Москву! В Москву! Я не дождался этого часа. Ведь больше семи лет я не был в Москве, у привычных любимых дел... Я получил вызов на работу в Гослитиздат по изданию оборонной литературы и теперь... готовимся к отъезду под мою московскую крышу...».

«Разрешение на возвращение было получено только в конце 1945 года. Отец с мамой и братом Игорем, наконец, возвратились в Москву!!!» – пишет Юрий Ефимович.

Москва встретила Пермитина неприветливо. Он вернулся в ватнике и резиновых сапогах. Заношенную шевиотовую пару и старенькие ботинки по очереди носил с уже подросшими сыновьями. Вместо большой четырехкомнатной квартиры им дали крошечную. Исчезла обширная библиотека, о чем он не однажды с горечью вспоминал. Нелегко складывались взаимоотношения в писательской среде. Многие бывшие друзья не подавали руки, некоторые – обходили стороной.

Писательские дела Ефима Николаевича после возвращения из ссылки шли тяжело. «На отце все еще стояла кайнова печать бывшего ссыльно-го. В 1947 году ему с большим трудом удалось издать повесть «Друзья», написанную в Иртышке и законченную в Москве. Потребовалось почти три года, чтобы опубликовать в 1950 году не в Москве, а в городе Пензе небольшую книжицу «Лесная поэма», которая впоследствии вошла в его большой роман «Жизнь Алексея Рокотова», – сообщает Юрий Ефимович.

Форма № 30

**Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР**

9. августа 1956 г.
№ 48-012002/56
Москва, ул. Боровского, д. 13.

СПРАВКА

Дело по обвинению ПЕРМИТИНА Ефима Николаевича рассмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР 4 августа 1956 года.

Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 15 августа 1939 года в отношении ПЕРМИТИНА Е.Н. отменено и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ СУДЕБНОГО СОСТАВА
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ**
Костомаров КОСТОМАРОВ/

00

Справка о реабилитации

В 1956 году Пермитин был реабилитирован, о чем свидетельствует справка, высланная в музей в начале 2005 года:

Военная коллегия
Верховного Суда
Российской Федерации
«29» декабря 1993 г.

№ 4 н – 012002/56

121260, Москва, ул. Воровского, д. 15

Справка

Дело по обвинению Пермитина Ефима Николаевича 1895 года рождения, необоснованно репрессированного по решению несудебного органа без вменения конкретных статей закона, пересмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР 4 августа 1956 года.

Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 15 августа 1939 года в отношении Пермитина Е.Н. отменено и дело прекращено.

Пермитин Е.Н. как жертва политических репрессий по данному делу полностью реабилитирован.

Начальник отдела Военной коллегии
Верховного Суда Российской Федерации

В. Шелковой (25)

Юрий Ефимович Пермитин выслал в музей также следующий любопытный документ:

	<u>Пермитину Д.Е.</u>
Военная коллегия Верховного Суда СССР Российской Федерации	117311 Москва, Ломоносовский пр., д. 15, кв. 42..
«29» декабря 1993 г. № 4н-012002/56	
121260, Москва, ул. Воровского, д. 15	Юрий Ефимович
По Вашей просьбе выслал справку о реабилитации Пермитина Е.Н..	
Приложение: справка.	
Начальник отдела Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации	В. Шелковой
	ТКЗ. Зав. 2119

Справка о реабилитации

Генеральная прокуратура
Российской Федерации
Ул. Б. Дмитровка, 15а
Москва, Россия, ГСП-9, 101999
13/3-433-94

Справка о реабилитации
Пермитин Юрий Ефимович

Родившийся в 1925 году в г. Усть-Каменогорске Семипалатинской губ.

По заключению Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 20 июня 1994 г. на основании ст. 2-1 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» признан пострадавшим от политических репрессий.

В соответствии со ст. 1-1 указанного Закона и определением Конституционного Суда Российской Федерации от 18.04.2000 № 103-о

Пермитин Юрий Ефимович

Как оставшийся в несовершеннолетнем возрасте без попечения отца, необоснованно репрессированного по политическим мотивам, признан подвергшимся политической репрессии и реабилитирован.

Помощник Генерального прокурора
Российской Федерации
Старший советник юстиции

Н.С. Власенко (26)

«Только после смерти Сталина и доклада Хрущева на 20-м съезде партии, разоблачившего культ Сталина, общественно-литературные и издательские дела отца пошли в гору. Нам дали новую большую квартиру на Ломоносовском проспекте. Отец был восстановлен в Союзе Писателей СССР, стал членом правления издательств «Советский писатель», «Труд» и ряда других издательств и организаций», — пишет Юрий Ефимович.

Порой у Пермитина опускались руки. Спасал писательский труд, он, как живая вода: и волновал, и поднимал дух, и давал глубокое удовлетворение. Да еще слова житейски мудрого отца, предвидевшего судьбу сына: «И через не могу — моги, когда грянет даже и непосильное испытание, — а в жизни, сынок, и такое может быть! — чтобы ты его встретил и одолел, как настоящий мужчина».

ЕФИМ ПЕРМИТИН — «ДУША РАСПАХНУТА ДЛЯ ВСЕХ...»

*(По воспоминаниям сестры
Людмилы Николаевны Пермитиной)*

С непередаваемым волнением перебираю музейные материалы из именного фонда Ефима Николаевича Пермитина, готовясь оформить выставку к столетию со дня его рождения. Кружевная накидка матери, плотницкий инструмент отца, семейный фотоальбом, именные часы писателя, книги...

Много лет эти семейные реликвии заботливо хранила его сестра — Людмила Николаевна Пермитина. Сберегла она и кресло, искусно сделанное отцом. Высокая спинка, украшенная причудливой резьбой, гнутые резные ножки. Долгие годы оно украшало родительский дом, потом сиротливо стояло в прихожей, не вписываясь в современный интерьер квартиры, где живет Людмила Николаевна с дочерью Нелли Валерьевной Янковской. Теперь кресло подарено музею и будет экспонироваться в юбилейной выставке писателя.

Людмила Николаевна трепетно дорожит всем, что связано с памятью брата, и, несмотря на преклонный возраст, до мелочей помнит многие детали из жизни семьи.

— Ефимий словесное искусство перенял у бабушки, Надежды Петровны Бугаевой, — вспоминает Людмила Николаевна. — Бывало, соберется вся семья вечером, отец что-то мастерит, мать шьет, и бабушка по нескольку часов подряд рассказывает сказки. И все про богатырей, да про разбойников.

Какой-то особенный свет излучают ее глаза, когда Людмила Николаевна говорит о родителях:

— Родители наши — большие труженики. Отец был мастером на все руки и сутками не отходил от верстака. У него всегда было много заказов: то мебель изготовить, то наличники резные. Когда строили Народный дом, всю плотницкую работу он выполнял своими руками. Дивлюсь, как мама могла такую большую семью трижды в день накормить, обшить, обстирать, управиться на огороде, подоить корову, да еще всех успеть приласкать! Приучали родители к труду и нас, детей. С малых лет мы работали и на огороде, и на пашне, ухаживали за скотиной, таскали из речки воду. Помню, встанут Ефимий с братьями пораньше и идут на рыбалку, чтобы уже к завтраку рыба была. А младшего братишку захватят с собой, чтобы матери не мешал.

Горестно вздыхает Людмила Николаевна, вспоминая былое:

— У меня не было детства. Лет в девять на мне уже вся работа по дому была: и корову подою, и за детьми присмотрю. Ёзжая по делам, мама наказывала то-то сделать, столько-то связать. Соседка Жарликова, вдова с пятью детьми, меня жалела. Бывало, скажет: «Иди, Людочка, поиграй, а я варешку довяжу». Мама ей тоже помогала, за детьми присматривала, да и отец, столярничает, а сам на соседский двор поглядывает, все ли там ладно. А то забор поправит, кадку починит, и копейки не возьмет.

Задумчиво помешивая ложечкой ароматный чай, настоящий на шиповнике, Людмила Николаевна продолжает:

— Училась я в Мариинском училище, да не окончила, — надо было матери помогать.

Добрым словом вспоминает она своего учителя — Александра Мелентьевича Волкова, ставшего впоследствии знаменитым писателем:

Л.Н. Пермитина в кресле,
сделанном отцом, 1967 г.

– Ведь это он посоветовал Ефимию сдать экстерном экзамены за учительскую семинарию.

Людмила Николаевна окончила курсы кройки и шитья. Устроилась закройщицей в пошивочную мастерскую.

– Трудно поначалу приходилось, опыт невелик, а заказчиков много. Приходит как-то в мастерскую модница Лекочка, дочь адвоката Панкова, чтобы заказать платье модного фасона. Испугалась я, как бы не испортить дорогую материю. Две ночи не спала, все думала, как лучше скроить. И «сшила» сначала платье из... бумаги, потом на куклу, и только тогда доверила его самой опытной швее. Заходит в закройную Лекочка, надела платье – понравилось... Умела я плиссировать, делала разрисовку насыпью, которая при стирке не смывалась, рисовала картины.

Замолкает Людмила Николаевна, грустно думает о чем-то своем. То вдруг теплеет лицом, когда возвращается мыслями о брате.

– Веселым был брат, хорошо пел, играл на гитаре, заразительно смеялся, а уж переплясать его никому не удавалось!

Светел нравственный облик литературных героев Пермитина, думается мне, от богатства натуры самого писателя, и подтверждением тому – слова Людмилы Николаевны:

– А уж каким хлебосольным был его дом! Кто бывал у него в гостях, не забудет сибирских пельменей и пирогов, приготовленных искусной кулинаркой Анастасией Ивановной. Ресторанных застолий брат не любил, по душе Ефимию был теплый круг за домашним столом.

– А кто из писателей бывал у него в гостях? – интересуюсь я.

– Видела в их доме П. Проскурина, А. Волкова, Г. Маркова, В. Правдухина; дружил с М.А. Шолоховым. Когда брат жил в Лаврушинском переулке, доме № 17/19, так они с Шолоховыми были соседями. Правда, Михаил Александрович все как-то больше в Вешенской жил, но имел квартиру и в Москве. С Шолоховым брат ездил на охоту. Именно Михаил Александрович вызволял его из ссылки. Дом брата был открыт для всех. Приходили и молодые, начинающие писатели. Они закрывались в кабинете Ефимия, и там проходили «читки»: он слушал, подмечал ошибки, давал советы и поправлял написанное. А я часто бывала у него за секретаря: брат просил меня подходить к телефону и записывать, кто звонит. Бывало, невестка кричит: «Люся, пойди ко мне!», а брат говорит: «Ну что ты, Тася, Люсенька мне нужна». Когда приехали, чтобы увезти его во вторую кремлевскую больницу, он сказал: «Вот если сестру со мной положите, тогда поеду! Собери мне, сестричка, портфель, положи побольше бумаги, ручку, я там буду писать». Ефимий до последнего дня не терял надежды, что поправится.

Вспоминает Людмила Николаевна и о том, каким трудолюбивым и неугомонным был ее брат:

– Писал до изнеможения, иногда думалось, когда же он спит? Ложимся спать – пишет, встаем – пишет. Потом зовет домашних: «Идите, послушайте, где плохо?» На склоне лет, когда поездки на охоту становились трудными, его страстью, помимо литературы, была рыбалка и работа на даче, под Москвой на Десне. Все было посажено там руками брата. Цвели розы, тюльпаны, сирень, росли яблони, вишни, черемуха. Его тянуло к земле. На даче брат отдыхал душой и набирался сил. По утрам Ефимий шел к колодцу, брался за длинный рычаг насоса и начинал качать воду. «Лучше всякой зарядки», – смеялся он.

– А как Пермитин выглядел? – вновь задаю я вопрос.

– Был он невысок, не особенно широк в плечах, но прям осанкой и всегда подтянут. Много занимался спортом. Любил пробежки по утрам вокруг университета на Ленинских горах, зимой – лыжи, летом обливался холодной водой. По вечерам на даче купался в Десне. Любил с удочкой посидеть на берегу. А уж каким охотником был!

Е.Н. Пермитин, 1967 г.

– Я много слышала от родных, что Ефим Николаевич был жизнерадостным, радушным, заботливым человеком, а каким его помните вы?

– Как вам сказать, – задумывается она, – сердечным был, добрым, душа распахнута для всех; людей очень любил и не делил их на знат-

ных и простых. А уж как землякам радовался, когда «заглядывали» к нему в Москву! С нежностью относился к маме, очень уважал отца. Часто у него гостили родственники, всем он помогал: и приютит, и денег даст. Сильно уж жалостливым был, – и, помолчав, добавляет: – Святым был. Да и родился он и умер в христианские праздники – Рождество да Пасху.

Людмила Николаевна часто гостила у брата в Москве, особенно тогда, когда училась там ее младшая дочь – Татьяна. И всегда она старалась брату помочь, чем могла. Когда Пермитина арестовали, была рядом с его женой, чтобы поддержать ее в трудную минуту. Потом носила ему передачи в бутырскую тюрьму. Прооперировали жену Ефима Николаевича – Анастасию Ивановну – ухаживала за ней, слег брат – заботилась о нем.

Однажды А.Т. Твардовский в разговоре с ней по телефону воскликнул: «Только сибирячка может проделать такой дальний путь, чтобы ухаживать за братом!»

– Приглашал меня в гости Александр Трифонович, – рассказывает Людмила Николаевна, – да не поехала, не могла больного брата оставить.

Временами умолкает Людмила Николаевна, с грустью глядя в окно, где несет свои воды мятежный и вольный Иртыш. И, будто предчувствуя мой вопрос, говорит:

– О ссылке вспоминать не любил, много там он хлебнул. Когда прислали извещение, что его высылают, мы с Тасей – я как раз была в Москве – пошли к нему в «Бутырки» попрощаться.

Вытирая слезы, Людмила Николаевна продолжает:

– Это было ужасно: открывается загородка, и они там стоят: лица серые, мрачные, обросшие. Всем нужно на прощанье что-то сказать: крики, плач... А он как-то держался, пытался даже улыбаться и просил не беспокоиться, потому что вины за собой не знает, говорил, что скоро во всем разберутся и отпустят. Но ссылка затянулась... Сначала его отправили в Павлодар, потом в Иртышск. И там я навещала Ефимия: приеду, откормлю, обстираю, словом поддержу, – ему и легче. Только в 1945 году он вернулся в Москву. За эти восемь лет брат почти ничего не написал. Семья бедствовала, выручала рыбалка, охота, да учительский талант Ефимия.

Мы листаем страницы семейного альбома. Всматривается Людмила Николаевна в дорогие лица и рассказывает:

– Это мы возле родительского дома в последний приезд Ефимия на родину.

– Сколько же родных собиралось на встречу с братом? – спрашиваю я.

– Двенадцать... восемнадцать... начинает считать Людмила Николаевна, перечисляя имена родственников, и, тотчас же, сбившись, продолжает: – А здесь я у семейного самовара, того самого, что купил Ефимий в подарок матери на свою первую зарплату. Помните, как хорошо он об этом рассказывает в «Жизни Алексея Рокотова»!

На следующем снимке Людмила Николаевна сфотографирована в свой день рождения во дворе родительского дома у цветущей яблони. Светится улыбкой ее лицо, и как похожа она на брата!

– Здесь я в кресле-качалке, сделанном отцом, – сейчас оно хранится у моей дочери Татьяны. И эту мебель, – показывает на снимке, – и карнизы – тоже мастерил отец. А вот наш дом...

На снимке добротный оштукатуренный дом под железной крышей. Четыре окна фасада с резными ставнями смотрят на улицу Пролетарскую.

– Стоял он вот здесь, – чертит она карандашом, – возле нынешнего УВД – на углу Белорусского переулка (ул. Сталина, потом Пролетарская. Прим. – О. Т.) и улицы Ленина (ранее ул. Андреевская, потом Мира, теперь ул. Головкова. Прим. – О. Т.). Тогда улица Ленина пересекала Городской сад и тянулась до Кузнечного переулка. Кварталом дальше, – продолжает Людмила Николаевна, – на углу Комсомольской, которой теперь уж и нет (ранее переулок Малороссийский. Прим. – О. Т.), и улицы Ленина построил себе дом Ефимий. Отец мастерил для дома резные ставни. Недалеко также стоял дом брата Василия. И назвать бы Пролетарскую – Пермитиной, да нас никто не послушал. Да и то ладно, что не забыли земляки имя его.

А вот критики и издатели, думается, в неоплатном долгу перед его памятью. Пермитин воистину самобытен и могуч, и писательский почерк его, большого мастера художественного слова, светлой души человека,

Л.Н. Пермитина, 1961 г.

Родительский дом, 1957 г.

прославившего наш край в своих произведениях, не спутаешь ни с каким другим. И верится, что войдут его произведения в школьные программы, и займут они, наконец, достойное место в плеяде настоящих шедевров большой русской литературы.

СИЛЫ СТРАСТИ ВЫЧЕРПАТЬ ДО ДНА...

«Охота – это древняя могучая страсть, захватывающая людей с такой силой, с какой может сравниться только любовь. Охотничья страсть – это сладостное до замирания сердца ощущение жизни».

Е.Н. Пермитин

В 1995 году в канун юбилея Ефима Николаевича Пермитина фонды нашего музея пополнились уникальным экспонатом – охотничьим ружьем писателя, из которого, по рассказам родственников, он убил на охоте первого медведя. Ружье подарил музею племянник писателя Николай Трофимович Пермитин, который бережно хранит все, что связано с памятью предков: икону, принадлежавшую семейству Пермитиных, самовар, купленный Ефимом Николаевичем на первую зарплату в лавке купцов Рафиковых, книги с дарственными надписями и коротенькие письма:

«14.03.57 г. Москва.

Коля! Дорогой племяш. С месяц назад я послал тебе двуствольное тульское (бывшего императорского завода) ружье посылкой... Ружье очень хорошее... не продавай его. Я за него заплатил 1800 рублей.

Привет маме и сестренке.

Твой Е. Пермитин».

Еще одно письмо:

«4.04.57 г. Москва.

Дорогой племяш! Спасибо за письмо. Рад, что подарок тебе к душе, что вырастешь, умнеешь. Поцелуй маму и сестренку. Я очень устал:

работой меня завалили. Еду отдохнуть деньков на пять к сыну Юрию – порыбачить... Учись серьезней – помни, что закладываешь фундамент всей жизни.

Е. Пермитин».

Е.Н. Пермитин на охоте
в плавнях Каспия, 1958 г.

В юбилейный год писателя ружье Ефима Николаевича экспонировалось в Областном краеведческом музее. Писательские и охотничьи экспонаты в одной витрине демонстрировались не случайно, ведь литературная страсть Пермитина тесно переплеталась с охотничьей. Недугом называл ее писатель. Вот как в одном из рассказов он описывает необычное состояние, овладевающее им перед охотой: «Скоро! Теперь скоро!» – вслух выговорил я. И тотчас меня охватил жгучий охотничий озноб, а сердце сжалось в такой комок, так подступило, казалось, к самому кадыку, что стало трудно дышать. И разом все отодвинулось, бесследно пропало, я уже целиком был во власти моего древнего охотничьего не-

дуга». В минуты удачной охоты Пермитина всегда преследовали бунинские строки:

Старых предков я наследье чую,
Зверем в поле осенью ночую,
На заре добычу жду... Скудна
Жизнь моя, расцветшая в неволе,
И хочу я слепо в диком поле
Силы страсти вычерпать до дна.

Именно таким страстным, горячим охотником, и одновременно мечтателем, способным душевно слиться с природой, предстает Пермитин в воспоминаниях тех, кому посчастливилось бывать с ним на охоте. «Мировой охотник, – писал В. Зарубин. – Ходит, как лось, без усталости, по неделе пропадает в тайге, стреляет поразительно, чуть ли не каждый выстрел – трофей. Истинно волшебный глаз и счастливая рука».

Охотой Пермитин «заболел» давно. «С охоты началось мое детство, – вспоминал он. – Первый дробовик я заработал еще в семилетнем возрасте сам: полол подсолнухи, вырывал осоку – получал десять копеек в день; делал кизяк, возил воду с реки соседке – по грошу за ведро. За два с полтиной я купил по случаю ствол от шомпольного дробовичка, ударно-спусковой механизм, отец к ним сделал ложу. А потом была первая охота! Помните, как я писал об этом в романе? Алешка Рокотов и я в детстве – один и тот же человек».

За долгую жизнь Ефиму Пермитину посчастливилось пережить радость многих охот. Он не раз ходил на кабана, встречался в тайге с медведем, охотился на гусей, занимался соболиным промыслом, любил степную охоту на дроф, охотился в горах за архарами. И всюду с ним рядом были добрые друзья-охотники и собратья по перу: М. Шолохов, В. Зазубрин, В. Правдухин и известные ученые, не говоря уже о лесниках и деревенских охотниках.

Часы ожидания охоты, пору сборов и подготовку к «высаду» в поле Пермитин называл поэзией ожидания: «Каждый из нас эти тревожно-сладостные минуты переживает – сокращает или, наоборот, удлиняет по-своему». Пермитин любил удлинять. Подготовка к охотничьему сезону была настоящим ритуалом. Патроны для весенней охоты он заряжал еще зимой, набивая ими патронташ и охотничий ящик, раскрашивал утиные чучела. А задолго до весны устраивал «токовища», как друзья-охотники в шутку называли сборища накануне охотничьих походов.

По воспоминаниям друзей, поездки с Пермитиным на охоту были настоящим праздником. Начинающие заимствовали его опыт, учились его охотничьей сноровке. А уж сколько полезных и ценных советов и наставлений можно было получить новичкам! Таких не найдешь ни в одном из справочников и пособий по охоте!

На охоте Пермитин был по-мальчишески азартен и весел. Валериан Правдухин в очерке «На гусином займище» вспоминает сцену после удачной охоты:

– Ну, робя, сегодня весенняя гульба. Веселись во всю! Последняя ночь! – зычно орет Пермитин...

– Первого гуся на кон, в общий котел! Давай Ефимий.

Начинается обряд пластования первого гуся. Его с почетом обносят на ружьях вокруг костра, и Петрович, с наслаждением священнодействуя, принимается его потрошить. Делает он это с прищептыванием, с усмешкой, поддразнивая Пермитина:

– Тебе, черт возьми, жалко гуська! Обещал, поди, матаньке своей? Не плачь, кержацкая душа. Не жадничай!.. Лопай, твое право!

– Пошел к лешему! Завтра еще набью. Наломая гусей. Сыпь, Басов, «Камаринского»!

Басов лихо откалывает плясовую на гребне. Ефимий, увешанный гусями, скачет вдохновенно вокруг костра. Пляшет он так жадно, как охотится...

Возвращаясь с охоты, он щедро делился добычей с друзьями, и всегда собирал у себя большое застолье, «и тогда, – вспоминал писатель и сосед Пермитина Николай Смирнов, – было чтение стихов. Были жаркие аплодисменты в честь выступающих поэтов, звучали восторженные тосты в честь хозяйки дома Анастасии Ивановны, неподражаемо приготовившей гусиное жаркое. Не зря кто-то из присутствующих называл его «царским блюдом». Наивысших похвал удостоивался и сам хозяин, добытчик таких редкостных деликатесов».

Пермитин оживлялся и теплел лицом, когда приглашенные расспрашивали об охоте:

– Ефим Николаевич, а это правда, что вы били медведя?

– А почему бы и нет? – спокойно откликнулся он.

– По всем правилам, на берлоге, с лайками?

– На берлоге, с лайками, со штуцером в руках и с рогатиной, наготове стоявшей в снегу...

– И на рогатину брали?

– Не буду хвастаться, не приходилось, пуля обычно сразу венчала дело. Но если бы...

– И по неделям ночевали в тайге?

– Случалось...

Смирнов рассказывает и о том, как не раз с большой теплотой и поэзией Ефим Пермитин вспоминал охоту на родине: «Этого никогда не забудешь, – стоит только представить и вспомнить наш дремучий бор, мохнатые сосны и лиственки, закрывающие небо, пахучую осеннюю тишину и звень, костер в сумерках, – люблю охотничьи костры! – ружья, битых глухарей, лаек около огня... молодой осенний рассвет, когда режут в любовных схватках олени... или август в наших горах, синюю дымку неоглядных далей, прохладу Иртыша, его прозрачные волны, великий простор степей на другом берегу...»

– Вы поэт, Ефим Николаевич, – говорили мы в один голос.

– Каждый настоящий охотник в душе должен быть поэтом, – скромно соглашался Пермитин.

Воспоминания об охоте давали Пермитину энергию и зарядку в работе. «Только представишь, что через какой-то срок окажешься на охо-

те, на вольной волюшке, – часто говорил Пермитин, – и снова бурлят силы, а сил пока хватает...»

Ефима Николаевича часто спрашивали:

– Не ожесточает ли охота человека?

– Кого она ожесточила? Тургенева, Пришвина? – недоумевал он в беседе с журналисткой И. Стрелковой. – Охота воспитывает человека, воспитывает и воина... И зачем путать охотника и браконьера? Охотник – охранитель природы. Охота – это поэзия. Соколиная охота. Псовая охота. Исконно русские увлечения. Сколько прекрасных произведений появилось благодаря охотничьей страсти их авторов.

Одержимый охотник, Пермитин был и активным защитником природы. Десятки раз в охотничьих журналах писал он о необходимости борьбы с браконьерством. Сибирский писатель Афанасий Коптелов вспоминал, как однажды, охотясь на озере Чаны, Пермитин плыл на лодке с местным охотником Максимом Григорьевичем и тот начал рассказывать об охоте на линных гусей:

– Вон за тем зеленым куренем сети поставили, а с той стороны из камышей погнали. У гушишек маховых перьев нет, летать не могут, в сетях-то запутываются, а мы их палками по головам... Добычливая была охота: полные лодки нагрузили!

– А сколько погноили? Сотни? – возмущенно спросил Ефим Николаевич. – Как ваше сердце не лопнет от такого варварства?.. Вы птицу любите, про лебедей, случается, говорите, будто стихи читаете... А сами линных гусей лупите!

Страстная любовь к охоте привела его к мысли вскоре после окончания гражданской войны осуществить дерзновенный план: в условиях разрухи, безденежья и бумажного дефицита организовать журнал для охотников. Так в захолустном «пропадинске» – Усть-Каменогорске появился один из первых охотничьих журналов советского времени «Охотник Алтая», ставший общесибирским, а затем и всероссийским изданием.

Кроме того, Пермитин являлся деятельным членом редколлегии журнала «Охота и охотничье хозяйство», составителем охотничьих альманахов и сборников: «Охота в Подмосковье» (1947), «На охоте» (1949) и др. По его инициативе в 1950 году начал выходить альманах «Охотничьи просторы».

Свою особую любовь к охотничьей литературе Пермитин ярко выразил в рецензии на альманах «Охотничье сердце», напечатанной в журнале «Охотник и пушник Сибири», № 2 за 1928 год: «Есть еще порох в пороховницах», не обтопались еще широкие просторы охотничьих по-

лей, не перестали и не перестанут славословить охоту, от одного слова которой, как говорит Мей, «веет темным бором, безграничным полем, широкой волей и широким раздольем».

Е.Н. Пермитин, 1959 г.

Писатель эпического склада, Пермитин оставил неповторимый яркий след и в охотничьей литературе как автор замечательных новелл, повестей и рассказов об охоте. Влюбленный с детства «в зовущие просторы Иртыша и в прозрачно-синий туман сказочной тайги, – писал Н. Смирнов, – Пермитин трогательно поэтизировал охоту, отдав ей, может быть, лучшие свои годы и наиболее кипучие душевные силы. На закате дней он даже слова «охотничьи костры» произносил с дрожью в голосе и блеском в глазах».

Об охоте Ефим Пермитин писал всю жизнь и по сей день, в каждом его произведении бьется страстное охотничье сердце.

ПО СТРАНИЦАМ СТАРОГО ЖУРНАЛА

Более полстолетия не расстаюсь с ружьем: много пережег пороху и, конечно, немало перевидел разных охотников. Но дело даже и не в длительности моей охотничьей жизни, начатой очень рано, а в том, что мне выпала судьба быть одним из организаторов первого советского охотничьего журнала.

Е.Н. Пермитин

В апреле 2005 года фонд писателя Ефима Николаевича Пермитина в усть-каменогорском краеведческом музее пополнился уникальными экспонатами: 11-ю номерами журналов «Охотник Алтая», который с января 1923 года издавался в Усть-Каменогорске, а с мая 1925 – в Новосибирске.

С трепетом перелистываю ветхие страницы журналов. Коричневого цвета листы, выцветшие от времени строки, сбитый шрифт, год 1923. Журнал напечатан на оберточной бумаге, в какую заворачивали селенку, крупу, сахар... «Несвоевременно и буржуазно расходовать ценнейший и дефицитный товар на обертки – даешь бумагу на культурные нужды!» – под таким девизом инициаторы журнала проводили кампанию по обмену бумаги на пшеницу в местных кооперативах.

Всматриваюсь в каждую строку редчайшего экземпляра, пытаюсь понять, с каким настроением держали в руках эту тоненькую тетрадку несуразно большого формата ее первые читатели. Вызывает недоумение предназначение охотничьего журнала: «Литературно-художественный журнал по всем отраслям охоты». Вот так сочетание слов! Одно-

временно восхищает заставка на титульном листе журналов первого года выпуска: гравюра с изображением токующего глухаря на фоне алтайского пейзажа, талантливо выполненная местным слесарем-оружейником. Невольно улыбаюсь, разглядывая забавные рисунки – оттиски с самодельных клише: собака с конвертом в лапе и почтовой сумкой «через плечо», символизирующая рубрику «Почтовый ящик»; забавный медведь, обнимающий рекламный лист, где большими буквами, некоторые из которых перевернуты, написано: «Подписывайтесь на журнал «Охотник Алтая».

А чего стоит оттиск на последних страницах номеров 1923 года с изображением головы оленя, увенчанной словом «**конец**», вплетенным в ветвистые рога!

Вместе с тем, обложка у журнала отсутствует, а титульный лист пестрит объявлениями такого рода: *«Уотдел В.П.С.О. извещает охотников, что на его складе имеются для отпуска членам союза ружья, порох, дробь своей выработки и английская, разных номеров. Свинец, пистоны, капсулы разные. Гильзы медные разных калибров и бумажные. Пыжи картонные и войлочные, патроны Винчестера...»* и т.д. Но если внимательно вчитаться в тексты объявлений, они окажутся весьма информативными. В № 6, например, извещается, что на складе Охотсоюза «производится приемка экспонатов для музея». Интересно, какого музея? Вероятно, охотничьего? Был ли он организован в нашем городе? Зато на том же титульном листе можно прочесть адрес редакции журнала: «Крепостной переулок № 65». Крепостной переулок – теперь улица Крылова; дома того давно уж нет, но по снимкам начала века можно предположить, в каком месте он располагался.

В рубрике «Почтовый ящик» восхищает остроумный ответ какому-то корреспонденту, приславшему в журнал стихи: *«Ваши стихи требуют многого в смысле содержания и особенно размера и рифмы – играть словами: «вкладает» и «ругает», «султанки» – «палки» – рискованно, ибо та палка иной раз бывает о двух концах...»*.

Интересно, чьи стихи забраковала редакция и кто написал ответ, уж не Пермитин ли, по инициативе которого был создан журнал? Итак, многое в журналах первого года выпуска вызвало бы улыбку, если не знать, в какое тяжелое для страны время он печатался и сколько труда, любви и надежд вложили в него создатели!

Подумайте, 1923 год... До журнала ли было в послевоенном Усть-Каменогорске, когда страна только-только становилась на ноги. «Мысль об издании его показалась мне, пожалуй, такой же фантастической, как англичанину Уэллсу идея электрификации России, – пишет горный инже-

нер Дмитрий Михайлович Белоусов – активный участник журнала. – Но я еще недостаточно знал тогда Ефима Николаевича. Он не отступил от своего намерения и горячо взялся за дело...» Впрочем, охотничьи журналы в начале XX века возникали и в других областях Сибири. Однако на первом же году прекратил существование журнал «Охота и природа Амурского края». Только один номер выпустил «Горно-Алтайский охотник», всего тремя номерами ограничился «Забайкальский таежник».

«Охотник Алтая» просуществовал четырнадцать лет. Дело в том, что в подобных журналах была необходимость. Они призваны информировать многочисленную армию охотников о состоянии охотничьего промысла, о делах и задачах Охотсоюза, который в тот момент был в нашем уезде малочисленным, немощным и нуждался в реорганизации.

За это трудное дело и взялся будущий писатель – Ефим Николаевич Пермитин. Благодатный край юго-западного Алтая был богат пушным зверем и птицей, которых здесь водилось в немеренном количестве. Однако в это время наблюдалось катастрофическое падение промысла, потому что охотничьи угодья были разбросаны, охотники разобщены, необходимым было разумное регулирование охоты для успешной торговли молодого государства пушминой с границей для развития промышленности. Сама жизнь диктовала необходимость в профессиональном союзе и его печатном органе.

Итак, осенью 1922 года по поручению правления Охотсоюза Пермитин взялся объехать таежные деревни, охотничьи заимки с целью вовлечь охотников промысловый союз. Когда на совещании Охотсоюза обсуждали отчет о его поездке, Пермитин высказал идею о создании журнала, в котором можно было и отчет предстоящего съезда напечатать, и статьи об охоте, и художественные произведения, и встретил одобрение и поддержку товарищей. «Никто не думал, не хотел думать, что в Усть-Утесовске (Усть-Каменогорске. Прим. – О. Т.) с его двенадцатью тысячами жителей в то время не было ни типографии, кроме брошенного бежавшим за границу купцом кустарного предприятия с двумя ручными печатными станками, ни бумаги... ни цинкографии, ни сносной краски. А из списка «постоянных сотрудников» до сего времени ни один не напечатал не только рассказа или стихотворения, но даже и заметки...»

«С того памятного заседания никто не хотел расходиться, – писал Пермитин, – всем виделся «Охотник Алтая», – первое творческое прибежище, каждый уже считал себя постоянным его сотрудником, автором статей, стихов, рассказов...»

Кто же эти «каждые»? Перелистаем страницы 11 номеров журналов, переданных в музей писателем из Зырянновска Александром Григорье-

вичем Лухтановым, и познакомимся с его авторами. Но прежде – об истории появления журналов у Лухтанова.

Он обнаружил их на чердаке дома старейшего казахстанского писателя-натуралиста М.Д. Зверева в Алма-Ате. Александр Григорьевич рассказывает: «Сын Зверева Владимир Максимович сказал мне: «Возьмите на память об отце все, что посчитаете нужным». И Лухтанов, согнувшись в три погибели на низком чердаке двухэтажного зверевского особняка, задыхаясь в пыли, среди подшивок множества разных журналов, обнаружил «пожухлые до красноты страницы «Охотника Алтая». Четыре из них № 6, № 7, № 8, № 9-10 – раритеты первого года издания – 1923-го; № 1, № 2, № 4 – 1925 года; № 1, № 11 – 1929 года; № 6, № 12 – 1930. Журналы представляют собой большую научно-художественную ценность. Уже наличие на номерах 1923 года дарственных надписей крупнейшего зоолога В.А. Селевина, в честь которого назван обитающий в Зайсанской котловине редчайший зверек – селевиния, делает их бесценными. Фиолетовыми чернилами в правом верхнем углу титульного листа написано: «Томскому орнитологическому Обществу имени С.А. Бутурлина от Члена В.А. Селевина. Семипалатинск, 13.06.1924 г.».

Итак, авторами первых номеров журналов были: руководитель литературного объединения «Звено Алтая», учитель М.Ф. Иванушев (Алтайский), учитель русского языка и литературы, художник Б.Н. Лапин, краевед, священник Б.Г. Герасимов, учитель Г.Е. Псарев, ветеринарный врач Е.В. Лукашевич и др. Во втором полугодии к ним присоединились: светила охотоведения, профессор С.А. Бутурлин, орнитологи: Г.А. Велижанин, И.Н. Шухов, Д.К. Соловьев; будущий писатель-натуралист, а тогда еще студент М.Д. Зверев. И все публикации даже самых именитых авторов безвозмездны: ни за статьи, ни за рассказы редакция не платила ни копейки. Не однажды случались трудные времена и для работников журнала: тогда редакция отказывалась от зарплаты, а типографщики работали в кредит. Но, несмотря на трудности, организаторы не сдавались. «Пядь за пядью «Охотник Алтая» завоевывал территорию Сибкрая», – вспоминал Е.Н. Пермитин.

Познакомимся с некоторыми, на мой взгляд, особенно интересными публикациями, преимущественно, в литературной рубрике журнала. Ведь именно благодаря содержанию журнал обратил на себя внимание авторитетных писателей и ученых. Так, в «Уральском охотнике» дается высокая оценка «Охотника Алтая»: «...Несмотря на внешнюю бедность журнала, почетную бедность, перед которой хочется склониться в знак уважения к той огромной, самоотверженной любви к делу охоты, которая заставляет в глухих Алтайских дебрях издавать журнал». А вот оценка

московского журнала «Охотник»: «...Внешность аховая – робинзоновская, но при штудировании журнала забываешь его внешность – нет ни одной лишней строки...»

В первых номерах журналов публиковался, конечно же, сам редактор – Е.Н. Пермитин. Он взял на себя и передовую, и установочную статьи, писал рассказы, сценки, зарисовки и фельетоны для литературного отдела.

В имеющемся в музее № 6 1923 года (заметим, что журнал существует всего шесть месяцев) наряду с содержательными статьями, касающимися охоты, как: «Обзор иностранных пушных рынков», «Очередные задачи охотничьих союзов», в литературной части публикуется стихотворение молодого усть-каменогорского учителя Александра Мелентьевича Волкова. Несмотря на то, что оно, возможно, несовершенно в художественном отношении, стихотворение печатаем полностью:

Иртыш

Иртыш мой могучий, родная река,
Люблю твои синие волны.
Как часто баюкал меня на волнах
Ты, неги таинственной полный.
Прижавшись к твоей полноводной груди,
Чуть слышно челнок мой качался,
И я, позабывши тоску и печаль,
Простором твоим любовался.
Ты в твердых горах себе путь проложил,
Пробил их волной своей зыбкой,
И вьешься средь диких утесов и скал
Змеей исполинской и гибкой.
Напрасно стремительный бег удержать
Угрюмые скалы желают,
Но волны, смеясь, ударяют о них.
И эхо прибой повторяет.
Как часто я мысленно бег твой слежу
И вижу, как мчишься ты к морю,
И, слившись с родимой Обью – сестрой,
Гуляешь на вольном просторе.
А дальше студеное море шумит
И льды громоздятся горами,
И сполохи в небе высоко горят,
И звезды блестят над снегами.

От жаркой Монголии в царство зимы
Ты длинный свой путь совершаешь
И, слившись с холодной морскою волной,
На лоне ея отдыхаешь.
Когда же нависнет гроза над тобой,
И ветер засвищет в ущелье,
Ты сразу взыграешь вспененной волной
И пляшешь в разгульном веселье.
Но ветер утихнет и смолкнет река,
И снова струю зеркальной
Сверкает и быстро несется она
В свой путь неизвестный и дальний.
Катись же, Иртыш! Унеси ты с собой
Тоску и тревогу, и горе,
И в море снеси их и там потопи
В пучине бездонного моря.
Воскреснут в душе моей вера, любовь,
И к новому счастью стремленье,
И снова пойду я на битву с судьбой,
Забыв и печаль, и сомненья!

А.М. Волков в 20-е годы давал уроки во всех учебных заведениях города, писал пьесы и пробовал себя в поэзии. В будущем он станет автором многих исторических книг, а также широко известного цикла сказочных повестей «Волшебник Изумрудного города». Но первые свои шаги в литературе он сделал именно в «Охотнике Алтая».

Большинство авторов литературно-художественного отдела были страстными охотниками. Очень живо, хотя, возможно, еще без должного художественного мастерства, они писали о случаях из своей охотничьей практики, с любовью живописали картины природы. Так, за стихотворением Волкова в журнале следует рассказ «Первый гон», написанный одним из организаторов журнала Дмитрием Михайловичем Белосовым. Это восторженный, захватывающий, не лишенный художественных достоинств рассказ о прелестях охоты с гончими. Судите сами: «... Не прошло и минуты, как лес ожил... Это уже не одинокий гон, это волна звуков, полных такого азарта, такого самозабвения и экстаза страсти, что я стою очарованный, забыв все на свете... Высокое сопрано Соловки, красивый баритон Рушая, два контральто Невки и Заливки, тенор Кургума и два подголоска из молодых начали свою симфонию на фоне осеннего леса... Что это была за музыка!.. Гон не умолкал ни на минуту,

ясно, что гнали по «Красному». И голоса умело подобранных собак действительно сливались в один гармоничный аккорд, заставлявший трепетать сердца и выдавших виды охотников...».

В том же июньском номере читаю полный поэзии рассказ Г. Д. Махоткина из Ново-Николаевска «Из старых воспоминаний». Автор призывает к бережному отношению ко всему живому, в частности, к очаровательным созданиям — лебедям, о чем повествует отрывок: «Инстинктивно захватив свою «пищаль», я пополз через кусты к берегу, и глазам моим представилась следующая картина: небольшое озеро, версты две в периметре, берега которого поросли дремучим урманом, а на нем, шагах в пятнадцати от нас, плавала стая лебедей. Восходящее солнце окрашивало белоснежных птиц каким-то особенно ярким пурпуром, и вода, освещенная утренними лучами, отливала как бы расплавленным золотом. Красавец-самец, полураспустив крылья, плавал вокруг стаи и пел свою лебединую песнь. Я смотрел на них, очарованный дивной картиной нетронутой, девственной природы, которую не успело еще ополшить появление человека, и в те минуты забыл все на свете: горе, страдания, разбитая жизнь остались где-то там, далеко позади, а предо мной открылся уголок грозной тайги, таящей в себе столько великого и прекрасного. Подавленный этой грезой, я чувствовал себя как в храме, и боялся дышать, чтобы не нарушить дивного видения».

В рассказе Махоткин противопоставляет дипломированных ученых-охотоведов, «мнящих себя высокими специалистами в данной области», — настоящим добрым, рачительным хозяевам охотничьих богатств — сибирским инородцам-промышленникам.

В рубрике «Отдел корреспонденций» Ефим Пермитин обеспокоен судьбой Уездного Охотсоюза, сетует на бездействие его «филиальных отделений»: «Нет единения в среде охотников, не прививается любовь к журналу, на который так много возлагалось надежд. Чувствуется во всем полное омертвление... Спать не время: жизнь не спит!...» С присущим ему темпераментом, Пермитин призывает: «Протестуйте, возмущайтесь, только не спите... Не надейтесь ни на кого-то, будьте сами посильными участниками в большом и любимом деле. И теплое слово «спасибо» вам скажут потомки в награду».

С лупой в руке с трудом пытаюсь разобрать еле читаемые строчки «Содержания» журнала на титульном листе седьмого номера 1923 года, которые с сохранением орфографии и пунктуации предлагаю читателю:

- 1) *Передовая Устькаменогорск. Д.Б. (Д. Белоусов. Прим. — Т.О.).*
- 2) *Из хроники официального отдела, «Охотничье дело», Май №5 23., — От Семгуботдела.*
- 3) *Стихотвор. а) Осенней порою — Г. Сосновского,*

б) На Иртыше Б. Герасимов. 4) В дебрях Холзунских белков (быль) – свободн. художн. Б. Лапин. 5) Обзор заграничных пушных рынков – С. 6) Заметки по поводу статьи Белоусова – С.А. Бутурлина. 7) К наблюдателям природы – В. Селевина. 8) Письмо в редакцию – Д. Соловьев. 9) Официальный отд. 10) Выписка из протоков. засед. Каркаралинского Уотдела – Дорожный. 11) Почтовый ящик.

В передовой статье Д. Белоусов с гордостью сообщает о первой победе журнала, о демонстрации его на состоявшейся Всероссийской сельскохозяйственной выставке в павильоне охоты. «Скромна и небогата эта витрина, где были представлены шесть периодических охотничьих изданий, «огоньков зажженных трудолюбивыми руками на огромной территории союзных республик! И среди этих шести молодых, только что созданных детей общей семьи охотников, желтеют обложки усть-каменогорского «Охотника Алтая». Сотни грубых мозолистых рук бережно и осторожно перелистывают наш журнал, внимательно рассматривают его десятки лиц, смотря на заголовок и прочтя неведомое слово «Усть-Каменогорск» – делают большие глаза и невольно задают себе вопрос из области географии: «А где это – Усть-Каменогорск?!»

Восемь месяцев прошло с того времени, как вышел первый номер нашего журнала, докатившийся своим шестым номером до Всероссийской выставки и занявший там прочное, по праву ему принадлежащее место... среди светильников охотничьей мысли на всю Россию».

В том же № 7 неожиданным для меня было увидеть стихотворение Бориса Георгиевича Герасимова «На Иртыше». Удивительно, но священник писал стихи. Вот его стихотворение:

На Иртыше

На поверхности тихо уснувшей реки
Засверкали рубиновых слез огоньки.
Закачался в раздумье дремавший камыш,
Нарушая хрустеньем беззвучную тишь.
Вот задумчиво к берегу катит волна,
Изумрудными блесками плачет она...
А душа... Безотчетною грустью полна...
С горной выси лампы так кротко глядят,
И ласкает меня их мечтательный взгляд.

Следом, в литературной рубрике публикуется полная поэтической экспрессии быль «В дебрях Холзунских белков», написанная преподавателем русского языка и литературы школы второй ступени Усть-Каменогорска Борисом Николаевичем Лапиным. В ней рассказывается о не-

удачно завершившемся строительстве ГЭС на горной реке Тургусун, что берет начало на Холзунском хребте. Событие действительно имело место в истории Восточного Казахстана.

Вот как его трактует «свободный художник», как подписался под «Былью» автор. Итак, Лапин пишет, что возведение плотины на мощной горной реке Тургусун вызвало беспокойство алтайских калмыков. Однажды, когда работы подходили к концу, строителей посетил «самый главный начальник» из Франции. Шаманы и кайги (*сказители, певцы былины*. Прим. – *Б.Н. Лапин*) алтайских калмыков явились на стройку с подарками, прося не гневить Хана Алтая, не сковывать силы Тургусуну, иначе быть беде: «Освободи Тургусун от невольничьих оков, не годится в рабах быть ему. Сердится Хан не на шутку. Будет зло!». Кланяются, молят. С подобострастным смешком передают обрусевшие переводчики шаманские речи и дары. Но хмурится иноземный бай, беря подарок, велит сказать: «Я знаменитый строитель. Не такие ручейки заставлял русла менять и по своему приказу работать. Я Ниагар использовал!» Еще ниже гнутся горделиво-упрямые спины свободного народа. Грозят: «Отомстит Хан. Жизнь у Алтая ты, начальник белого царя, отнимаешь. Воздух и влагу. Рассердится Тургусун. Всю твою работу снесет. Пропадут труды». Но не внял молитвам и угрозам «главный начальник». Тогда запел камчи перед террасой новой постройки, где за белыми скатертями пировало начальство. «В бубен ударяет над головой. Кружится вихрем, а то упадет на острую иглистую хвою... рвет ногтями влажный чернозем... Роняет жгучие слезы... Радугой выются яркие ленты костюма его. Блестят белоснежные зубы в рамке посиневших губ:

Извиваясь, бежишь ты, наша река,

Ты всегда неизменно спокойна, –

(возможно, свободна. Прим. – *О. Т.*)

Белый начальник благословен –

Подданные спокойны...

Одобрительно кивает напوماженной головой виновник торжества, вставные зубы блестят... Дамы бросают цветы шаманам... Взрыв смеха... Спиртом угощали... Но на вторичную просьбу ногой топнул».

Злобные, с гиканьем ускакали шаманы в дебри Холзунские. Однако «закованный в бетон и железо томится Тургусун, помогает людям сокровища Хана воровать».

Всю ночь молились в иступлении шаманы: «О, солнце! Растопи лучами холодный снег!!! Освободи поток!!!» И великая месть свершилась: «В

мелкие стеклянные осколки дробится лед... Безумный грохот... Снежное облако. Кромешный мрак поглотил землю... То Тургусун порвал цепи...»

Так заканчивается быль.

Рассказывают, что до сих пор там, где люди пытались усмирить буйный нрав реки, валяются остатки машин, а на месте построек вырос стройный пихтач.

В № 9-10 первого года выпуска Пермитин поместил небольшую сценку под названием «Не плюй в колодец – пригодится воды напиться». Она имеет подзаголовок: «Сценка из действительности в 4-х действиях». В ней рассказывается о недобросовестном отношении к своим обязанностям некоторых членов Союза охотников. Сценка изображает злостного неплательщика членских взносов, который сначала уверен, что может обойтись без Союза охотников, а после убеждается в своем заблуждении. «Эта сценка не отличалась большими художественными достоинствами, но нельзя не отметить ее определенной художественной оригинальности», – писал в книге «Ефим Пермитин. Очерк жизни и творчества» Г.В. Манторов.

В первом номере 1925 года публикуется рассказ Пермитина «Быват...», где повествуется, как зимним вечером на пути в таежную деревню Пихтовку безоружный автор встретился со стаей волков. «И вот вдруг на одном из поворотов дороги, впереди что-то мелькнуло, еще и еще. Волки! Сразу же уколола холодком мысль: «Один, ...без ружья...», – ползет дальше, леденя мозг, иголками впиваясь в тело... Один, два, три, а вон в стороне еще два..., невольно рука щупает, ищет привычной твердой стали, верного спутника Зауэра. Но! А вон они разделились и отошли от дороги в стороны, ждут. Некоторые легли. Вот один поднял морду кверху и завыл... Жутко и нудно». Конь захрапел, пугливо озираясь, стал поворачивать назад. Но дорога «в извилинах, мягкая – не уйти, конь притомился – настигнут». А у наездника нет с собой даже кнута! И вдруг волки отступили и затрусили в пихтач. Послышались голоса и скрип саней. Спас положение обоз, что показался вдалеке. Немного времени спустя наш герой за самоваром рассказал свою историю кержаку Панфилу. «Быват, всяко быват... Развелось много этой твари, прости ты, осподи, а ведь недавно они объявились, ране, мотри, не надаржались по лесам тутошним...» – отвечал Панфил и поведал свою историю о том, как лишился обеих ног, угодив в медвежий капкан.

В первом же номере 1925 года редакция объявляет конкурс «на лучшего охотничьего корреспондента и сотрудника» журнала в целях «вовлечения охотничьей нашей промысловой деревни в коллективное творчество и восстановлению охотничьего хозяйства, и воспитанию охотничьих масс».

В условиях конкурса, между прочим, сказано: «*Фамилии победителей конкурса в конце года будут опубликованы в журнале вместе с оттисками их фотографических карточек. Они же получают в роскошном переплете журнал на весь 1924 г. и 1925 г. с именной надписью, как лучшему охотничьему корреспонденту и сотруднику журнала «Охотник Алтай».*»

А в номере 2-м того же года редакция объявляет о начале сбора суеверий и охотничьих примет, для того чтобы «...осветить их и бороться с ними, как с темнотой и невежеством, ...что облегчит изучение внутреннего облика охотника и борьбу с имеющейся темнотой». Здесь же печатается сатирическое стихотворение «Верный совет», подписанное псевдонимом «Тиф»:

Верный совет

Если выйдешь на охоту,
То приметы примечай:
Женщин избегай –
На дороге не встречай!
Выйдешь в поле – не зевай,
Кругом зорко оглянись.
Ко всем ямкам присмотришься –
От «косого» уклонишься!
Позаботься о снаряде:
Заряди ружье крестом,
Осени его перстом,
И с молитвою потом!!!
Будешь ты иметь «охоту»,
«Поле» – радость – не заботу,
«Поле» все без «пуделей»,
Вот исполни, ей же ей!

Трем победителям конкурса редакция обещает высылать журнал за 1926 год бесплатно.

Номер четвертый за 1925 год особенно примечателен тем, что с выпуском его заканчивается издательская деятельность журнала «Охотник Алтай и Средней Азии», как теперь он называется. Журнал переносится в Новосибирск, где «этот же журнал, но под новым уже наименованием, будет продолжать то дело, которое ровно 2 года и 4 месяца тому назад родилось в Усть-Каменогорске...». В обращении к сотрудникам и подписчикам журнала Е.Н. Пермитин подводит итоги существования журнала: «Я, как бессменный редактор... не могу не поделиться с вами, дорогие сотрудники и читатели, теми чувствами и мыслями, кото-

рые невольно волнуют меня и которыми невольно хочется поделиться в своей тесной товарищеской охотничьей семье. Два с третью года!.. И перед глазами встают желтенькие печатные листы первого номера, лишенные всякой внешней художественности, но преисполненные глубокой веры в необходимость начатой культурной работы первого номера – первого за все время в нашей необъятной Сибири охотничьего журнала! Год 24-й... Зеленая обложка и этот вечный несменяемый, токующий и зиму и лето глухарь на нашей обложке... Все та же плохонькая, но уже серая бумага, все тот же сбитый шрифт, с той только разницей, что вместо трех – четыре человека постоянных сотрудников, надрывающихся за работой почти целиком в течение всего 23-го года. Рать их выросла до 30 сильных, всесторонне охватывающих дело сибирской охоты работников, отдающих безвозмездно свои лучшие мысли, свой труд нашему журналу и промысловику Сибири».

«Журнал растет и крепнет с каждым номером по содержанию и заметно улучшается внешностью... – отзывался о журнале «Жизнь Сибири» орган Сибревкома. – Правда, ни одной медали, ни одного почетного диплома за этот период не присудили журналу ни на одной выставке». Но издатели не унывают: «...Скромные и полные теплоты и искренности слова целого ряда наших охотничьих собратьев дороже нам целой связки золотых и серебряных медалей...» – пишет Е.Н. Пермитин 20 апреля 1925 года. В этом же обращении «на пороге новой его (журнала. Прим. – О.Т.) жизни в новых условиях» Ефим Пермитин выражает товарищескую признательность сотоварищам по журналу за отзывчивость: «Не могу не остановиться особо и не выразить... признательности членам бывшей редакционной коллегии «Охотника Алтая» Д.М. Белоусову и Л.И. Капкову, так много положившим труда на укрепление журнала. Как и нашему дорогому и закаленному в вечной хронической нужде секретарю Г.Е. Псареву, вместе со всеми другими сотрудниками не получавшему по три-четыре месяца ни копейки жалованья за свою, без ограничения во времени, работу». Пермитин благодарит и рабочих типографии «Усть-Каменогорского Комунхоза», «полюбившим журнал, как свое родное детище...». Далее он цитирует сотрудника А.П. Горчаковского: «Сотрудники, в ногу! Товарищи, в ногу! Мы вышли теперь на большую дорогу!».

Следом за передовой статьей читаю забавный призыв «Нашим старым подписчикам!»:

*За два года всяк сознал,
Что наш журнал
Жизнетворец, светоч знания!
Тьмы невежества страшитесь,*

*Потому вы подпишитесь
На третий год издания!*

И еще:

*Натуры богатырские – охотники сибирские!
Любите тайгу, горы. Реки и озера,
Поля, простор степной,
И свой журнал родной.*

Примечательно, что журнал 1925 года стал более совершенным. В нем уже семь разделов:

1) Руководящие статьи по всем вопросам охотничьего хозяйства и законов об охоте.

2) Научный отдел.

3) Литературно-художественный.

4) Отдел корреспонденций.

5) Отдел для начинающих литераторов.

6) Официальный отдел.

7) Почтовый ящик.

В последнем номере Е. Пермитин выражает надежду, что с переездом в Новосибирск журнал изменит свою «робинзоновскую внешность» и будет печататься на роскошной бумаге, с хорошими рисунками: «Будем же верить и ждать, что в дальнейшем наш журнал оденется в подобающий ему европейский костюм, а не в жалкие лохмотья заброшенного судьбой отшельника».

Итак, в 1925 году журнал стал органом сибирского представительства Всеохотсоюза, Губохотсоюзов и Охототовариществ Сибири, а редакция журнала переехала из Усть-Каменогорска в Новосибирск, и журнал стал именоваться «Охотник и пушник Сибири».

С переездом в Новосибирск с мая 1925 года Пермитин не опубликовал ни строчки. Лишь в 1926 году появился его рассказ «Ника Козляткин». «Ужасно боялся опростоволоситься перед сибирскими писателями... Что бы не написал, все казалось плохо, рвал, кидал в корзину. «Нику Козляткина» заново переделывал раз десять...» – рассказывал Ефим Николаевич М. Шкерину. Да, трудно было писателю из провинции соперничать с крупными сибирскими писателями, которых он, однако, сумел привлечь к сотрудничеству: А. Коптеловым, В. Правдухиным, К. Урмановым, М. Ошаровым, И. Мухачовым, М. Никитиным, И. Ерошиным. В «Охотнике Алтая» делал первые шаги в литературу талантливый поэт Павел Васильев. В имеющемся у нас номере 11 за 1929 год в рубрике «Быт охотника и рыбака» опубликован его очерк «По бухтам побережья».

На протяжении шести последующих лет Пермитин продолжал быть душой журнала: и редактором, и секретарем редакции, и выпускающим. Сам писал статьи, репортажи с пушных и собачьих выставок. В Новосибирске он сумел привлечь к сотрудничеству видных общественных деятелей края, пушников, собаководов, художников. Известные сибирские художники Г. Гуркин, Н. Чевалков, Фомичев и Ромов делали для него красочные обложки. Росла популярность и значимость журнала. С 1929 года журнал, как орган Сибирского краевого союза охотничьих, рыбацких и интегральных кооперативов (при ближайшем участии Сибземуправления и Сибкомсода), стал выходить под названием «Охотник и рыбак Сибири». В нем сотрудничали «все выдающиеся охотничьи литературные силы края, Дальнего Востока, Казахстана и ряд крупных охотоведов СССР». Его выписывали не только в СССР, но и отправляли за рубеж. Вскоре тираж уже равнялся шести тысячам, — это вдвое больше, чем у старейшего популярнейшего литературно-художественного журнала «Сибирские огни». В своем журнале Пермитин опубликовал первые серьезные вещи: рассказ «В белках», главы из романа «Капкан», работа над совершенствованием которого длилась еще много лет.

Журнальная публикация «Капкана» была замечена в Москве. В 1929 году на расширенном пленуме Центрального совета Всероссийского общества крестьянских писателей роман получил высокую оценку и вышел в свет в издательстве «Федерация». После публикации романа «Когти» в журнале «Земля Советская» о Пермитине заговорили как большим знатоке жизни и быта алтайской деревни, и по приглашению Центрального Совета Всероссийского общества крестьянских писателей в 1930 году Пермитин переехал на работу в Москву. После отъезда Пермитина журнал просуществовал до августа 1937 года.

«Охотник Сибири» (так журнал назывался с 1934 года) сыграл большую роль в развитии охотничьего хозяйства Сибири, в охране флоры и фауны, в ведении большой организационной и пропагандистской работы и, что, пожалуй, главное, в развитии и становлении сибирской литературы. В одном из последних своих интервью Пермитин говорил, что и его литературное рождение, «первые членораздельные звуки кровно связаны с первыми строками «Охотника Алтая», и эти звуки обязаны только ему». А на одном из журналов, хранящихся в архиве сына писателя Ю.Е. Пермитина, рукой Ефима Николаевича написано: «Дорогое моей душе: целая эпоха золотой молодости, золотых надежд и высоких мечтаний связаны с этими страницами».

ПИСЬМО-ВОСПОМИНАНИЕ — ПИСЬМО-ПРОЩАНИЕ...

5 января 1996 года ушел из жизни знаток, защитник и певец природы, народный писатель Казахстана, ученый-зоолог Максим Дмитриевич Зверев.

К сожалению, я была знакома с Максимом Дмитриевичем лишь заочно. Мы переписывались, иногда разговаривали по телефону. Но даже заочное общение всякий раз убеждало в том, каким удивительно интересным был этот человек. Поражало его творческое долголетие: в 99 лет, уже имея 47 книг, он увлеченно работал над новой, приоткрывающей тайны психологии животных. Одна из глав так и называлась: «Душа животных». Несмотря на большую занятость, Максим Дмитриевич находил время откликаться на мои просьбы, отвечать на письма.

Последнюю весточку от Зверева привез писатель Борис Васильевич Щербаков. Это были: книга «Заимка в бору» с надписью: «В дар музею города Усть-Каменогорска от столетнего автора. 16 ноября 1995 г.», ряд его статей о животных Казахстана, фотографии и письмо-воспоминание, написанное по моей просьбе к юбилею писателя Ефима Николаевича Пермитина.

Когда Щербаков принес письмо, Максима Дмитриевича уже не было в живых. Оно написано ровно за месяц до его смерти. Вот это письмо, которое публикуется впервые:

«На третьем курсе Томского университета я написал «Определитель хищных птиц Сибири» с помощью Германа Эдуардовича Иоганзена. Случайно узнал, что в Усть-Каменогорске выходит журнал «Охотник Алтай», взял и послал туда рукопись, даже не зная точного адреса. Получаю ответ от Пермитина Ефима Николаевича, что рукопись получена и будет опубликована в трех номерах журнала. Потом там

же была опубликована моя первая повесть «Белый марал» и другие рассказы.

Меня перевели с повышением из Томска в Новосибирск... Сюда же переехал Пермитин и открыл сибирский журнал «Охотник и пушник Сибири». Снова заочно, теперь уже по телефону, познакомились, и он стал печатать мои рассказы.

Однажды в воскресенье рыбачил за городом на Оби в какой-то протоке, где хорошо клевала рыба, а сейчас – ни одной поклевки. Даже стала одолевать дремота.

– Клев на уду! – разбудил меня чей-то голос. Тоже рыбак, с удилщами на плече, стоял сзади, улыбаясь.

– Как обычно, нет клева сегодня, – ответил я.

– Сколько у нас ученых-ихтиологов есть, а они не знают, почему не клюет рыба в такую прекрасную погоду!

«Облаяв ученых», незнакомец пошел домой, и я тоже стал сматывать удочки.

Прошли года. За год до его смерти был у него дома в Москве. Обнялись, сели чай пить, он уже был известный писатель у нас и за рубежом. Вспоминали прошлое. Он потом сказал:

– Помните, рыба не клевала на протоке, забитой рыбой?

– Что-то смутно помню, а что?

– Так ведь это я был!

Мы долго еще копались в памяти – я и он вспоминали прошлое. Ушел от него поздно, а через месяц его не стало. Но и мне давно пора, скоро там встретимся.

М. Зверев

5 декабря 1995 г.».

УСТЬ-КАМЕНОГОРСК НА СТРАНИЦАХ «ЛЕТОПИСИ» ЕФИМА ПЕРМИТИНА

«Городок Усть-Каменогорск! Всяк, кто не уезжал из него, рано или поздно возвращался назад. Безнадёжно застрявшие вдали вздыхают о нем, о двух многоводных реках: стоит он на берегах Иртыша и Ульбы. И сколько же заливных лугов по этим рекам. Сколько глубоких протоков... заливов, затонов, озер... Редко еще в России мне приходилось встречать такое разнообразие зверя и птицы, как в заиртышских просторах».

Эти проникновенные строки о нашем городе и его живописных окрестностях принадлежат писателю, лауреату Государственной премии РСФСР им. М. Горького, нашему земляку Ефиму Николаевичу Пермитину.

Литературным послом Сибири в Москве нередко называли Пермитина в писательских кругах. Его творчество ценили М. Горький, М. Шолохов, А. Фадеев, А. Толстой.

В нашем городе 25 декабря 1895 года Пермитин родился, здесь прошли его детство и юность, с Усть-Каменогорском связаны и первые литературные шаги.

В Усть-Каменогорске же по инициативе Пермитина и под его редакцией в 1923 году начал издаваться журнал «Охотник Алтая» – один из первых журналов для охотников в Советской России. Именно с этого журнала начался Пермитин-писатель.

Устькаменогорцы хранят память о талантливом земляке. В 1975 году улица Садовая была переименована в честь нашего земляка в улицу Пермитина. Давайте и мы, уважаемые читатели, пройдемся по местам нашего города, особенно памятным писателю. Поможет нам в этом трилогия Е. Пермитина «Жизнь Алексея Рокотова» – своеобразная «Летопись» Усть-Каменогорска, что хранится в Областном краеведческом музее.

Пожалуй, ни одно художественное произведение, написанное о нашем городе, не воскрешает жизнь его так ярко, исторически достоверно, как эта книга. Не случайно писатель Е. Осетров заметил: «Я никогда не бывал в Усть-Каменогорске, но образ далекого города мне близок – так впечатляюще повествовал художник о его домах, улицах, жителях». По признанию автора главный персонаж романа – Алексей Рокотов – на 90% сам Пермитин.

В романе описаны события, точные даты, реальные фамилии, и даже в названии Усть-Утесовска легко угадывается Усть-Каменогорск. Об этом же свидетельствуют воспоминания брата писателя – Николая Николаевича Пермитина. В очерке «Мой старший брат» он вспоминает: «Перечитывая его книги, особенно трилогию «Жизнь Алексея Рокотова», я не перестаю удивляться его памяти, бережно – до деталей, до малейших черточек – сохранявшей столько лет все, что было в его жизни».

Итак, рассказывая об Алексее Рокотове, шаг за шагом писатель описывает события своей жизни, прошедшей в Усть-Каменогорске с 1901 по 1925 годы.

«Рек в Усть-Утесовске две, – читаем в романе, – многоводный, величавый Иртыш-батюшка и порожистая... Ульба. Домик Рокотовых в двух кварталах от ее берега».

Родительский дом Пермитиных не сохранился. Он стоял на ул. Ленина, 64 (бывшая ул. Андреевская, теперь ул. Головкова), между теперешним жилым домом (ул. Пролетарская, 154) и Управлением внутренних дел Октябрьского района.

Е.Н. Пермитин с братьями и сестрами у родительского дома,
г. Усть-Каменогорск, 1959 г.

Почти рядом, на углу ул. Комсомольской (Малороссийский переулок) и ул. Ленина построил себе дом Ефим Николаевич. Теперь на том месте школа «Исток», а дом Пермитина, к сожалению, мы можем увидеть лишь на фотографиях.

Отец Пермитина – Николай Николаевич – известный в уезде столяр-краснодеревщик, смастерил для дома резные ставни. Дом был большой, на высоком фундаменте. «Необыкновенными были окна с выпуклыми стеклами бутылочного цвета. Таких окон ни у кого в городе не было», – рассказывала нам племянница писателя Нелли Валерьевна Янковская.

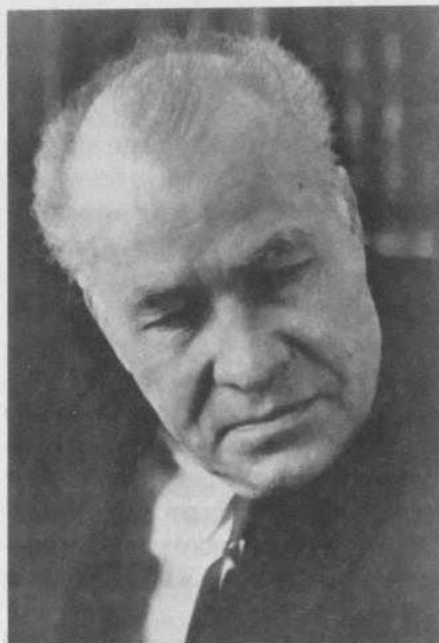
Алешу Рокотова на страницах романа мы впервые встречаем в 5-летнем возрасте, когда он ранним утром верхом на помеле объезжает грядки, священнодействуя с матерью, чтобы получить хороший урожай огурцов. На первый взгляд, пожалуй, незначительный эпизод, если бы не любопытное примечание автора. Оказывается, за ранний огурец, купленный на городском рынке, местные богатеи платили гривенник, а фунт мяса в то время стоил 3-4 копейки, и большая семья Рокотовых-Пермитиных была сыта на деньги, вырученные от продажи одного раннего огурца! Как же было не священнодействовать, не «колдовать» на огородных грядках!

Шел 1903 год. Усть-Каменогорск в начале века представлял собой небольшую станицу. «Десятитысячное население города, – читаем в романе, – главным образом состояло из кустарей-ремесленников и землеробов-мещан. Удаленный от ближайшей железнодорожной станции на 50 километров, Усть-Утесовск с большим опозданием отзывался на все события, волновавшие страну».

В этом году Ефим поступил в Приходское училище. Белое каменное здание училища было построено в 1897 году на улице Никольской (теперь ул. Ушанова). С любовью и трепетом вспоминает Пермитин годы учебы в «Белой школе», – так называли ее горожане.

«Ученье, как всегда, начиналось 16 августа. Алеша любил этот первый школьный день – день радостных встреч с друзьями, с учительницей Елизаветой Петровной. Обычно он прибежал на школьный двор раньше всех. Первый взбирался на гимнастические шесты и лестницы, качался на кольцах, переворачивался на турнике... Когда двор наполнялся оравой загорелых за лето ребят, одним из первых проскальзывал в гулкое, сверкающее чистотой помещение школы».

Одиннадцати лет Пермитин поступил в Городское начальное училище, построенное в 1886 году на улице Андреевской. «Академией уездных наук» в шутку называли его старшекласники, себя – студентами, учителей – профессорами. Двухэтажное из красного кирпича здание,

Е.Н. Пермитин, 1969 г.

увенчанное четырехугольной будкой, занимало почти квартал в центре города.

«Пребывание в стенах городского училища у не особо ретивых второгодников растягивалось на добрый десяток лет, – читаем в романе. – Многие верзилы давно уже брились, а сидели еще в пятом отделении. «Отмаявшись», некоторые в тот же год или уходили в солдаты, или женились».

Ефим Пермитин, как и его герой Рокотов, «лютой ненавистью ненавидел арифметику» и с трудом одолевал задачи. Да и нелегкими они были, судите сами: в фондах краеведческого музея хранится тетрадка «Для арифметики», принадлежавшая ученику того же училища Ивану Трапезникову. Перелистывая ее, я наткнулась на забав-

ное условие довольно сложной задачи: «Виноторговец заплатил 75 руб. за 20 ведер вина. Вино влил в 25-ти ведерный бочонок и долил его водою, потом он разлил смесь в бутылки и продал вино за 30 коп. за бутылку, бутылку купил по 3 руб. сотня. Из ведра вышло 20 бутылок. Сколько прибыли получил виноторговец?» Ну, как вам задачка?

«В стенах училища обучалось свыше 500 разновозрастных питомцев... Разные были «студенты», разные и «профессора». С любовью вспоминает Ефим Николаевич учителя истории Попова, который описан в образе Клавдия Михайловича Дьяконова: «О широте и глубине знаний учителя говорили немало в Усть-Утесовске. Удивлялись, что он получает целые ворохи газет и журналов, тогда как остальные в редком случае выписывали «Ниву» или «Вестник знания».

Живет на страницах романа и законоучитель – Гагаев, прозванный «протопопом Аввакумом», в котором без труда угадывается реальное лицо – священник Дагаев. «Протоиерей был до испуганности религиозен, до жесткости строг в требованиях к своему предмету... Он признавал только две отметки – единицу и пятерку», – пишет Пермитин. Учащиеся боялись и не любили Дагаева. Однажды кто-то из озорных «студен-

тов» прибил калоши законоучителя к полу. «Залетевший в раздевалку Гагаев по обыкновению сорвал с вешалки шапку и доху и, стремительно всунув ноги в калоши, грохнулся во весь свой огромный рост с такой силой, что слетевшая с головы бобровая его шапка покатилась по лестнице... Что было с Гагаевым? В злом умысле он заподозрил двадцать учеников... Но как ни стращал их карой господней протоиерей, никто из них не «заклеймил себя позорной слабостью признанья».

Происшествие, описанное Пермитиным, вполне реально. В этом я убедилась, прочитав хранящуюся в фондах музея автобиографию современника Ефима Пермитина – Петра Филипповича Столбова, – окончившего то же училище.

От училища до родительского дома путь неблизкий. Нужно пересечь Соборную площадь, на которую фасадом выходило училище, миновать городское кладбище, пройти через шумный Сенной базар, вдоль изгороди которого стояли привязанные коровы и лошади. Здесь часто прогуливался Алеша после занятий.

Заглянем и мы с юным Пермитиным на самое бойкое место в Усть-Каменогорске – Сенной базар. «Огромная площадь, с одной стороны граничащая с садом (*теперь парк им. Жамбыла*. Прим. – О. Т.), с другой – со старым кладбищем, в базарные дни была запружена возами сена и дров. Чего не наслушался, на что не насмотрелся Алеша на усть-утовском базаре!» Строки романа живо рисуют нам детали быта горожан.

Вот хитролицая мещанка торгуется с продрогшим, в драной стеганой шубенке, продавцом коровы.

– Сколько за лохматую пропастину? – пискляво-тоненьким голоском спрашивает мещанка.

– Четырнадцать прошу, за тринадцать отдам.

– Тринадцать?! Хитер бобер. А любую половину не хошь?

Знакомый диалог, не правда ли? Сто лет прошло, а нравы те же...

К базару примыкал Городской сад, закладка которого началась в 1889 году. Именно через этот сад теплым весенним вечером Рокотов-Пермитин вел некогда со свадьбы домой жену.

Восторженное описание чудесного вечера вторит настроению героев: «Был один из благостных, тихих, теплых для Южного Алтая вечеров, когда от цветущей черемухи, исходящей одуряюще терпким ароматом, кружится голова, когда немолчный переплеск волн порожиистой горной Ульбы и басовито ревущего Иртыша напоминает органную музыку Баха».

Венчались молодые в крепостной церкви, что действует доньне и «величается» теперь Троицким собором. Построен он в 1909 году, освещен

щен в 1910. «Вторая в городе церковь была древняя, построенная в далекие времена вместе с крепостью и каторжной тюрьмой, маленькая, бедная, — читаем в романе, — но в таких церквушках... как-то строже на душе, нет ощущения чего-то лживого, нехорошего, как в богатых соборах... На паперти толпился народ. В Усть-Утесовске свадьба — событие».

Но это будет позже... А пока пасхальным вечером наш герой с отцом спешит в Покровский собор. «Отец, держа сына за руку, поднялся по каменным ступеням и вошел в большой, ярко освещенный притвор... Далеко впереди горел свечами золотой иконостас... Жарко, как солнце, пылали люстры. Священники в светлых ризах, дьяконы и дьячки в серебряных и золотых стихарях кадили начищенными до блеска кадильницами. Кругом все было празднично, торжественно, весело». К счастью, Ефим Николаевич не был свидетелем разорения исторического памятника. В 1936 году он жил в Москве.

Рядом с Городским училищем располагается Народный дом, построенный в 1902 году. Здесь начал свою трудовую жизнь Ефим Пермитин, переписывая роли для актеров. За выполненную работу выдали ему лишь две контрамарки на пьесу «Листья шелестят».

А вот первые деньги заработал Алеша, как и будущий автор романа, на кондитерской фабрике, где трудился «мальчиком» у булочника Родиона Ананьина. Потратил их Алеша в магазине купцов Рафиковых, что в Пожарном переулке (ул. Горького). «Дело было в субботу, — читаем в романе. — С 16-ю тяжелыми серебряными рублями Алеша шагнул через Базарную площадь в магазин Ахмета Рафикова. Вскоре он торжественно нес домой высокий, из белой латуни самовар фабрики Боташевых. Материнский, «приданный еще», старомодный пузатый самовар многочисленной рокотовской семье давно уже был мал... Алешин подарок матери выглядел царским».

Запечатлены на страницах трилогии и трагические моменты в истории Усть-Каменогорска: и контрреволюционный переворот 1918 года, и восстание большевиков в крепости, и похороны жертв белого террора.

Шли годы... «Город преображался. И хотя весной и осенью на многих улицах грязь еще достигала коню по брюхо, а были и совсем непроезжие улицы, но в центре уже проложили тротуары и поставили до десятка каменных фонарей. Отживала патриархальщина. Новый век в Усть-Утесовск входил смелыми и быстрыми шагами...»

В самые трудные минуты жизни: в годы травли, ссылки, тяжелой болезни, вспоминал Ефим Николаевич родной Усть-Каменогорск: «Перед глазами Алексея, — пишет он в трилогии, — вставало собственное далекое милое детство. Широкий родительский двор; посреди — телега со

свежевыкошенной травой. И он, засыпающий под звездами. А утром, раскинув руки, просыпается на согревшейся под ним траве. От телеги во весь двор аромат березового дегтя, скошенной вместе с травой клубники...».

Мы лишь «пробежались», уважаемый читатель, по страницам трилогии Е.Н. Пермитина «Жизнь Алексея Рокотова» и по тем улочкам Усть-Каменогорска, что «помнят» нашего земляка.

До конца дней Ефим Николаевич любил вспоминать родной город, величественную природу Алтая. В письме к родным от 15 июля 1946 года он писал: «Как мне хочется побывать в родных краях, посмотреть на горы, прикоснуться к родной земле... Как бы хотелось увидеться с другом детства Матвеем Михайловичем Нестеренко и поговорить с ним о прошлом, об охотах на Шиловском лугу, под Крутой сопкой. Места мне памяты, точно я был там вчера. Скоро обо всем этом далеком и милом я напишу книгу...».

Е.Н. Пермитин в кругу родственников и земляков

ЛИТЕРАТУРА

Пермитин Е.Н. Автобиография. 1956 г. – Восточно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей (ВКОМ).

Пермитин Е.Н. Автобиография. 1964 г. – ВКОМ.

Пермитин Е.Н. Жизнь Алексея Рокотова. Трилогия. – М.: Советская Россия», 1973.

Пермитин Е.Н. Собр. соч.: В 4 т. – М.: Художественная литература, 1980.

Воспоминания о Ефиме Пермитине / Сост. Ю.Е. Пермитин. – М.: Сов. писатель, 1986.

Коптелов А. Таким он остался в моей памяти. – М.: Сов. писатель, 1986.

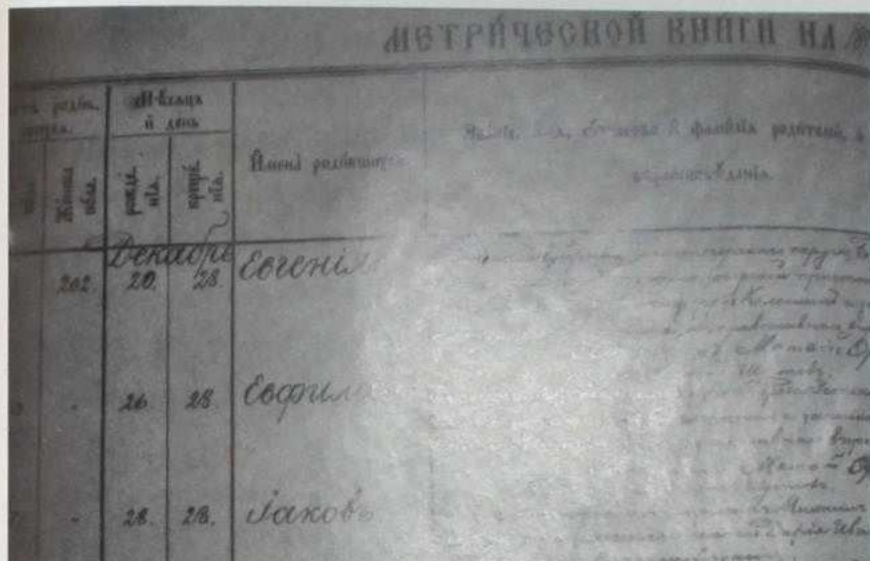
Манторов Г.В. Ефим Пермитин: Очерки жизни и творчества. – М.: Московский рабочий, 1966.

Осетров Е. Сибирский характер // Литературная Россия. – 1976. – 9 января.

Черных С.Е. С берегов Иртыша. – Алма-Ата: Казахстан, 1981.

Шкерин М.Р. Грани таланта // Литературная газета. – 1970. – 16 декабря.

Шкерин М.Р. Время в лицах. – М.: Современник, 1981.

Запись в метрической книге Андровского собора
о рождении Е.Н. Пермитина, 1895 г.
(Государственный архив Восточно-Казахстанской области)

Семья Пермитиных: И.Т. Пермитина, Н.Н. Пермитин с детьми:
Андрей (слева), Феша и Александр (справа),
Василий и Ефим (сидит). Конец XIX в.

Родители Е.Н. Пермитина с сыном Александром
и его женой Любовью, г. Усть-Каменогорск

ОХОТНИК АЛТАЯ

отпечатано в кн. издании
А. В. Степанов

Ежемесячный литературно-художественный журнал по всем отраслям охоты
Издательский отдел Уставной комиссии охоты

№ 6-Я	Июнь 1923 года	1-й год издания
Учредитель: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты Редактор: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты Секретарь: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты Корректор: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты Печать: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты	Получено: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты Получено: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты Получено: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты Получено: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты Получено: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты	Получено: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты Получено: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты Получено: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты Получено: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты Получено: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты

Редакция просит авторов статей, присланных для напечатания в журнале, сообщать свою фамилию, имя, отчество и подлинный адрес.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Примается подписка на ежемесячный, литературно-художественный журнал „ОХОТНИК АЛТАЯ“

Учредитель В. П. С. О. Уставная комиссия охоты, что на его сайте имеется для общего пользования

Получено: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты, что на его сайте имеется для общего пользования

Получено: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты, что на его сайте имеется для общего пользования

Получено: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты, что на его сайте имеется для общего пользования

Получено: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты, что на его сайте имеется для общего пользования

Получено: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты, что на его сайте имеется для общего пользования

Получено: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты, что на его сайте имеется для общего пользования

Получено: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты, что на его сайте имеется для общего пользования

Получено: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты, что на его сайте имеется для общего пользования

Получено: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты, что на его сайте имеется для общего пользования

Получено: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты, что на его сайте имеется для общего пользования

Получено: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты, что на его сайте имеется для общего пользования

Получено: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты, что на его сайте имеется для общего пользования

Получено: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты, что на его сайте имеется для общего пользования

Получено: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты, что на его сайте имеется для общего пользования

Получено: В. П. С. О. Уставная комиссия охоты, что на его сайте имеется для общего пользования

Титульный лист журнала «Охотник Алтая»

Е.Н. Пермитин (слева). Окрестности п. Тулата, 1915 г.

Е.Н. Пермитин (во 2-м ряду 5-й слева)
на Губернском съезде охотников, г. Семипалатинск, 1924 г.

Родители Е.Н. Пермитина с сыном Александром
и его женой Любовью, г. Усть-Каменогорск

Дом в Усть-Каменогорске, построенный Е. М. Термитдиновым, 1938 г.

Е.Н. Пермитин, 1930 г.

Е.Н. Пермитин и М.А. Шолохов, г. Москва, 1967 г.

Справа налево: Е.Н. Пермитин, М.А. Шолохов, М.П. Шолохова, К. Шкерина, А.И. Пермитина, г. Москва, 1952 г.

Е.Н. Пермитин, г. Москва, 1967 г.

Е.Н. Пермитин в рабочем кабинете.
Портрет работы художника Б.В. Щербакова

Удостоверение № 113 члена Правления Союза писателей СССР
на 4-м Всесоюзном съезде писателей

1986 г.

Станислав Евгеньевич ЧЕРНЫХ

(1934 — 1991)

Стихия краеведения стала для меня стихией вечной молодости, вечных поисков, радости находок и открытий, горечи утраты бесцельно потраченного времени, которого жизнь нам отпускает, цвы, слишком мало для того, чтобы до конца реализовать свои замыслы. Но в этом-то заключена, видимо, вся суть нашего бытия.

С. Черных

Говорят, что незаменных людей нет. Неправда. Такие, как Станислав Евгеньевич Черных, уникальны. Он воздвиг себе памятник своим творчеством, всей своей жизнью, но его отсутствие среди людей невосполнимо.

Ф. Сайкина

*...Истории забытые страницы!
Века давно покрыла седина,
Но он смотрел в события, годы, даты,
Вставляли из забвенья имена,
Прославившие край родной когда-то.
М.И. Чистяков*

*Я верю:
Благодарные потоки
Со временем поклонятся ему!
М.И. Чистяков*

ЗА СТРОКОЙ АВТОГРАФА...

*Большое счастье приносят встречи с интересными
людьми.*

*Они доставляют радостное и трепетное волнение.
Общение с такими людьми... приносит крупиночку
мудрости.*

И жизнь становится ярче, богаче и сильнее.

С. Черных

Чувство непередаваемого восторга овладело мною, когда я перелистывала эти потертые тетрадки в коленкорových переплетах. Они бережно хранятся в домашнем архиве писателя-краеведа Станислава Евгеньевича Черных. С любезного разрешения вдовы писателя, Ольги Николаевны, мне выпала честь прикоснуться к уникальным материалам, запечатлевшим в разные годы автографы его современников.

Но автографы, собранные Станиславом Черных, — это не просто традиционные памятные надписи или подписи. Это, прежде всего, повествование людей об их жизненных принципах, о предназначении человека, об исторических событиях, о том, что их волнует и тревожит. И, если внимательно вчитаться, в них вырисовывается образ человека своего времени, своеобразный портрет эпохи. Прочтем, например, автограф областного судмедэксперта Виктора Трофимовича Смолькова: «*Что сказать о себе и о времени... Видимо, героика того времени и сама жизнь сделали в характере отпечаток романтики и увлеченности всем добрым, красивым и любви к людям*».

Однако, за строками автографов, прежде всего, видится многогранная личность их собирателя. Поставив перед собой благородную цель — сохранить в истории имена дорогих его сердцу людей, сам того не ве-

дая, Станислав Евгеньевич оставил память о себе как о талантливом архивисте, человеке благородном и до самозабвения преданном своему делу.

Я имела возможность работать с 9-ю из 11 тетрадей, датированных августом 1972 года – июлем 1980 года и запечатлевших более 600 автографов. Что же представляют собой эти тетради?

«Ряд из них выполнены на «скорую руку», – пишет С.Е. Черных, – в основном из-за большой занятости». Собиратель автографов призывает нас к великодушию, считая, что «многие записи сделаны экспромтом и не всегда в полной мере раскрывают личности людей». Другие написаны кропотливо, скрупулезно, в стиле самого С.Е. Черных – исследователя и архивиста.

Тетради № 2, 3, 4 имеют оглавление: «Предисловие», «Автографы моих современников», «От составителя автографов», «Именной указатель» (подробная справка о человеке, оставившем автограф), «Заметки на память» (здесь: адреса, телефоны и ориентиры, указывающие, где, в каком районе какого-либо города можно найти человека, архив, музей и т.д. В «заметках» можно, например, узнать номера телефонов и адреса И. Андроникова, А. Иванова, Н. Горбачева, А. Изотова, Н. Яновского, О. Сулейменова, К. Исакова и др.), «Иллюстративный материал» (фотографии, вырезки из газет, визитки, рисунки, программы концертов). «Это обогащает тетрадь, – пишет Станислав Евгеньевич, – делает ее более ценной».

Как человек общительный, интеллектуальный, обаятельный, Станислав Евгеньевич имел удивительно разносторонний круг общения. «Для меня является счастьем, что на моем пути встретилось много таких людей, было много интереснейших встреч, – пишет Черных. – Я мог наблюдать их в минуты высшего духовного напряжения, и в минуты раздумий, и в минуты покоя, в житейской обыденной обстановке. И сквозь каждое из этих состояний мне удавалось разглядеть лишь малую частицу сущности души человеческой, ибо главное и сокровенное всегда оставалось в них самих. Но и это «малое» высвечивало самое важное, самое существенное, что и представляет для меня всегда большой интерес...»

Собирание автографов Станислав Евгеньевич считал делом «трудным и кропотливым» и в то же время необходимым: «Сбором автографов меня заставила заняться мысль о том, что память не вечна, что многое с годами исчезает, изменяется... Не все события и факты в нашей жизни находят отражение в документах. Многие яркие и интересные личности уходят бесследно в небытие, в вечность. Большое счастье – ощущать свою нужность и полезность людям. Встречи и дружба с

людьми, оставившими... автографы, учат жить, обогащают, делают мудрее, помогают преодолеть жизненные невзгоды и трудности».

С.Е. Черных знал, что тетрадам суждено «пережить» людей, оставивших в них «свой след», а потому предисловие к тетради 1972 года звучит как завещание: «Тетради автографов имеют высокое назначение – донести до потомков наших автографы моих современников, а вместе с ними их мысли и думы...». Первые три тетради называются «Знаки в пути». Так «по-рериховски» предложил их озаглавить Станишевский Андрей Владимирович.

В «Именном указателе» к тетради 1972 года читаем, что Станишевский – востоковед, писатель, чекист, общественный деятель. Он владел множеством языков: английским, немецким, таджикским, афганским, персидским и др. По характеристике Станислава Евгеньевича – «умен, самобытен, прекрасный собеседник». *«Эти знаки оставляют в памяти много интересного, а чем дальше убегает время, тем больше мы начинаем ценить минувшее»*, – написал Станишевский 30 сентября 1972 года.

Александр Григорьевич Лухтанов, писатель, краевед, маркшейдер Зырянского рудника, видел цель сбора автографов в том, чтобы запечатлеть дух времени, мысли о будущем планеты: *«Перебирая в мыслях, что же сейчас волнует больше всего, с чувством огромной тревоги думаешь о будущем нашей земли. Что ждет ее? Катастрофически скудеют леса, животный мир, мелеют реки. Где же предел человеческой жадности?»*.

Ему вторит известный казахстанский писатель Максим Дмитриевич Зверев: *«Любите и храните родную природу!»*

Последующие тетради называются «След на земле». «Но независимо от названия, – пишет Станислав Евгеньевич, – тетради эти... приобретут со временем большую ценность. Я надеюсь издать их, а из стихов скомпоновать отдельный сборник. Это будет моим скромным вкладом в науку и литературу. А пока я буду продолжать начатое дело... В этом я вижу свое призвание и высокий гражданский долг».

И авторы «Знаков в пути», несомненно, знали о благородных целях их собирателя, понимая, какая это честь – сделать запись в тетради архивиста. *«Это значит, что ты не винтик, пылинка в мире человеческом»*, – пишет в 1973 году Людмила Владимировна Самборская, преподаватель философии Усть-Каменогорского пединститута, давний друг семьи Черных.

«Шкатулкой золотой» образно назвал тетради автографов наш земляк, поэт-песенник Федор Михайлович Карбушев. 25 января 1972 года

он написал: *«Дорогой Станислав Евгеньевич! Задумали Вы большое и очень важное для нашего края дело, не отступайте от него, как бы чертовски не было сложно и трудно. За это Вам и теперь, и когда-то люди скажут сердечное спасибо:*

*Сбирайте в шкатулку свою золотую
Все лучшие зерна прекрасной земли.
Все лучшие думы, всю мудрость людскую,
Чтоб знать о ней наши потомки могли».*

Эту мысль, только в прозе, продолжает историк, архивист – Владимир Тимофеевич Шуваев: *«Автографы необходимы... потому что наше «сегодня» уже завтра будет прошлым, а «послезавтра» – историей. 3 января 1973 г.».*

Поэт и журналист, Иван Федорович Иванов написал:

*«Твоя задача: воскресить
Былые времена,
И от забвенья защитить
Достойных имена.*

11 ноября 1972».

«Былые времена» Зайсана, Риддера, Зыряновска, Усть-Каменогорска воскресают в автографах писателя Николая Анова, историка Семена Герасимова, журналиста Павла Иевлева. Рукой Николая Анова в 1974 году сделана историческая запись, где писатель вспоминает неповторимые двадцатые годы в Усть-Каменогорске:

«Народный Дом, гнетущий мрак давно нетопленного зрительного зала, два восковых огарка на трибуне и вдохновенное бородатое лицо докладчика, писателя-коммуниста Бажова. Павел Петрович тогда с глубокой верой говорил о будущих электрогигантах, которые зальют советскую землю ослепительным светом. Все, все сбылось в точности...» – заключает Н. Анов. Этот эпизод из жизни Усть-Каменогорска 20-х годов, описанный очевидцем, позднее войдет в очерк С.Е. Черных «Два года и вся жизнь», опубликованный в книге «С берегов Иртыша».

Неизвестные факты из биографии нашего города, а также интересные сведения о собирателе автографов я прочитала у Зинаиды Наумовны Гинзбург, сыгравшей, по словам Черных, большую роль в его судьбе.

Коммунистка, соратница Н.К. Крупской, Гинзбург преподавала русский язык и литературу в мужской школе им. Ленина. И «мне посчастливилось, – пишет Черных, – учиться у нее один год. Но и за этот короткий период времени она сумела зародить во мне ростки любви к литературе, которые много позднее окрепли и стали смыслом всей моей жизни. Все

ее уроки были большим счастьем для нас, плохо одетых, полуразутых и не всегда... сытых мальчишек небольшого тогда городка... Я души не чаял в своей учительнице... Зинаида Наумовна, заметив мой интерес к литературе и первые попытки «творческих исканий», пыталась развить его во мне, нередко беседовала со мной, советовала и наставляла на путь истинный».

Когда Зинаиду Наумовну реабилитировали и она уехала в Ленинград, Черных поддерживал с ней дружескую переписку. В 1972 году Станислав Евгеньевич попросил ее написать несколько строк для своей тетради. К письму с автографом Гинзбург приложила фотографию, где она рядом с Н.К. Крупской и Ф. Коном во время заседания Совета по народному образованию в 1935 году.

В примечании Станислав Евгеньевич написал: «И сделал я это (взял автограф. Прим. – О.Т.) своевременно, потому что 26 февраля 1974 года... не стало прекрасного человека, незаменимого друга».

Автограф З.Н. Гинзбург начинается словами: «Любимому ученику Станиславу Евгеньевичу Черных». И далее: «С большой теплотой вспоминаю мужскую школу им. В.И. Ленина в Усть-Каменогорске и Вас на четвертой парте... Все 54 года педагогического труда меня вдохновлял образ Надежды Константиновны Крупской, под руководством которой мне посчастливилось работать с 1922 по 1938 год... Дела давно минувших дней... Но ведь Вы, архивные работники, прежде всего историки. От души рада, что Вы занимаетесь и литературой. Желаю – творческих успехов. Горячий привет устькаменогорцам и Вашей семье.

08.12.72 г., Ленинград. Ваша З.Н.».

Историк, архивист, писатель... Автографы, собранные С.Е. Черных, говорят о нем как о необыкновенно одаренной личности, способной видеть прекрасное в музыке, живописи, скульптуре, балете. Он интересовался спортом, достижениями медицины, горного дела, агрономии, занимался краеведением, тонко чувствовал красоту природы и обладал несомненным писательским даром. Так, крошечный автограф А.Г. Лухтанова он комментирует на нескольких страницах. В них – Черных – тонкий лирик и романтик – делится впечатлениями от просмотра великолепных фотографий природы нашего края, сделанных Лухтановым.

Вот лишь малый фрагмент его записи: «Любит Лухтанов весну, когда природа пробуждается после долгой зимы; осень, когда лес надевает свой праздничный наряд, багряный, желтый, красный, зеленый. Качет ветви деревья ветром и, словно золотой хоровод, закружит в

воздухе. Падают листья и звенят, наполняя воздух легким перезвоном. Нужно только уметь услышать этот звон...»

Станислав Черных умел видеть красоту и гармонию во всем: в восточных запахах Самарканда, в буйстве красок его мавзолеев и минаретов: «Это было в чудесную пору осени, – пишет он о встрече с Самаркандом, – когда сам воздух был насыщен стойким ароматом дынь, яблок, винограда, урюка... Сюда примешивались запахи из многочисленных чайхан. В Самарканде поразили меня мавзолеи, ...мечети, ...минареты. Какая щедрость красок! Какая гармония! Сколько таинственной прелести во всем этом!.. После... экскурсии я еще долго бродил один по улицам, скверам и площадям вечернего Самарканда, пытаюсь впитать в себя прелесть увиденного. В качестве сувенира я увез отсюда кувшинчик, приобретенный... во время посещения гончарного цеха... Частичку Узбекистана я увезу в своем сердце и своей тетради...».

Тетради С.Е. Черных «путешествовали» во многие города Союза: Москву, Ленинград, Пятигорск, Одессу, Кишинев... Но независимо от того: служебной то была командировка или поездка в дом отдыха, ему важна была встреча с городом, знакомство с его историей, посещение музеев, театров, и, конечно, знакомство с людьми. Порой удивляют и восхищают способности Станислава Черных расположить к себе человека, разговорить его, суметь убедить оставить автограф, порой перед выходом на сцену, Муслима Магомаева, Вию Артмане, Ермака Серкибаева, Тамару Миансарову, Аллу Ларионову, Валентину Толкунову.

Трудно перечислить все звездные имена. И автографы эти редко формальные, оставленные на ходу, но чаще серьезные, полные глубокого смысла; иногда это рассказ о себе и своих взглядах на жизнь. Так, своим творческим кредо делится с Черных белорусский ансамбль «Песняры»: *«Народность – вот та поэзия, на которой мы стоим и будем стоять!!! Уважаемый Станислав Евгеньевич! Дарим Вам с удовольствием наше «кредо», нам кажется – оно очень созвучно с вашей любовью к народу и его истории, его культуре. «Песняры», 1973 г., Усть-Каменогорск».*

Порой автограф – это признание любви к родине. Вот запись писателя Владимира Петрова:

*«Алтай, Алтай, мой край любимый.
Мой хмурый друг, твою красу
Вдали от гор, от мест родимых
Я в сердце бережно несус...»*

Ваше письмо, 20.07,
 Сердечные поздравы,
 Большие и маленькие души
 любителей музыки, кино
 были очень приятно почитать
 у вас, кляня вас все
 Ограниче времени,
 До новых встреч!

Н. Горбачев

18.11.1972 г.

Н. Горбачев,
 Друзья мои

Автограф Муслима Магомаева, 1972 г.

Автографу В. Петрова созвучна запись писателя – Николая Горбачева: «Многоуважаемый Станислав Евгеньевич! Низкий поклон через Вас родному моему краю, дорогой земле, коей я считаю себя блудным сыном. Да пусть достанет у меня сил вернуться к Ней с покаянной... 26.06.75. Москва. Н. Горбачев».

Приоткрывает завесу тайны в успешном сборе автографов тетрадь № 2, где Черных рассказывает, что «многие автографы сделаны при весьма любопытных обстоятельствах и встречах». Так, заполучить множество автографов в 1972 году в Ташкенте, где Черных был на республиканском совещании-семинаре по научно-технической документации в ЦГАУССР, ему помог Джунрит Абуллаханов – писатель, переводчик. «Он водил меня из кабинета в кабинет в Союзе писателей и говорил братьям по перу: «Вот приехал человек специально из Казахстана, чтобы взять автограф. Он очень любит твои произведения, и хотел познакомиться с тобой». Такое вступление меня очень смущало, но с другой стороны оно убирало стену скованности, и я сразу же приступал к делу...»

Оставляли автографы в тетрадках Черных люди разных профессий, именитые и простые: «Я преследую цель – взять автографы не только у людей известных многим, но и других, не менее интересных, самобытных и оригинальных, малоизвестных или совсем незаметных в нашей быстро текущей жизни, открыть их для многих...».

Милый Станислав Евгеньевич!
 Кого, что ты рассказ
 был запятым креслом
 карандашом. Бывало и острейше
 самим собой — вот дайшь
 и характер и талант
 Вам присуще в то и время
 и шрейте и это мне и
 дорого в Вас. Спасибо Вам!
 Всё-таки — пришлось

С уважением

Д.М. Снегин
 22 февраля 1977 г.

Автограф Дмитрия Снегина, 1977 г.

В тетрадях можно прочесть автографы и зарубежных коллег и именитых гостей, написанных на разных языках. И каждый из авторов подмечает в собирателе черты необыкновенно талантливой личности. Польский певец Ежи Ращевский из города Щецин написал: «Кто такой человек, почитающий искусство? Это богач, это баснословный богач, обладающий истинным богатством — любовью! Я желаю Вам хранить Ваш необыкновенный дар, дающий Вам право жить вечно. С глубоким почтением к Вашему таланту ценителя и любителя прекрасного. Ежи Ращевский. 24.12.72 г.».

Многие из тех, кто оставил «свой след» в тетради Черных —

наши современники: Дмитрий Черепанов, Семен Анисимов, Максим Зверев, Борис Рейш, Андрей Изотов... Неожиданным было увидеть в одной из тетрадей знакомый ровный учительский почерк Александра Мелентьевича Волкова. Наш земляк, большой друг Станислава Евгеньевича, написал в тетради стихотворение «Верность», а к нему приписал: «Стихотворение, написанное более полувека назад, пусть напоминает Вам, дорогой Станислав Евгеньевич, о далеких днях моей юности, проведенных в Усть-Каменогорске. А. Волков, 28 августа, 1972 г. ст. «Отдых». Вот это стихотворение, которое, возможно, публикуется впервые:

Верность

Настало тревожное время,
 Готовится рыцарь к войне,
 И ногу в тяжелое стремя
 Поставив, он молвит жене:

«Со славой вернусь, дорогая,
 Меня ты с улыбкою жди
 И, горечь разлуки скрывая,
 Печальной вдовой не гляди».

Сказал и умчался далеко
Навстречу превратной судьбе,
И в чуждой стране одиноко
Нашел он могилу себе...

И долго его ожидая,
Печаль затаила жена,
И даже с тоски умирая,
Еще улыбалась она.

Автографы в стихах, прозе, рисунках, шаржах, частушках. Серьезные, философские, шуточные.

Николай Владимирович Алексеенко, доктор исторических наук, профессор, краевед пишет: *«Отродясь не давал никому автографов. Посему, как эта штука делается – не знаю. Наверное, в таких случаях желают всяческих благ. Посему не буду оригинальничать, а пойду по проторенному пути:*

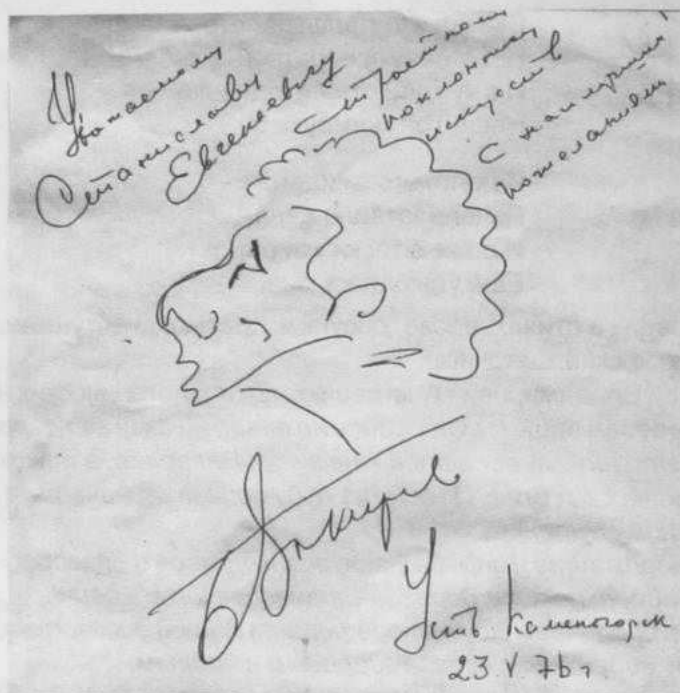
1. *Продолжайте и впредь Ваше очень нужное и благородное дело, дорогой собрат по перу, дорогой Станислав Евгеньевич!..*
2. *С нетерпением жду автореферата Вашей диссертации.*
3. *Хочу видеть Вас всегда здоровым и бодрым.*
4. *Давайте сработаем многотомную историю Рудного Алтая? На первый раз хватит? Пожалуйста, выполните, а?!»*

И еще автограф с юмором. Историк, археолог Алексей Алексеевич Чариков:

*«Растроганный большим вниманием,
Оказанным мне Черныхом,
Автограф свой, как заклинанье,
Пишу ямбическим стихом...»*

А если серьезно, то весьма приятно, хотя и чрезвычайно ответственно, сознавать себя звеном (пусть самым маленьким) в единой цепи таких имен, как Б. Герасимов, Н. Коншин, братья Белослюдовы, А. Адрианов. Они заложили фундамент местного краеведения; наша задача – продолжить их дело. В этом вижу свое призвание, этому хотелось бы посвятить жизнь... 14.12.72. Усть-Каменогорск».

Среди автографов – записи милых его сердцу коллег-архивистов: *«Живу надеждой, что сбудется наша общая мечта: архивы станут подлинно научно-исследовательскими учреждениями, а их работники займут достойное место в ряду служителей науки...»* – пишет Фаина Александровна Сайкина, тогда, в 1973 году, старший научный сотрудник

Автограф Батыра Закирова, 1976 г.

Восточно-Казахстанского облгосархива, бывший директор этого учреждения.

«Умница, — пишет в комментариях Черных, — добрейшей души человек, мой друг и соратник на архивном поприще, внесла весомый вклад в становление госархивов».

С непередаваемым волнением я прочла автограф отца Станислава Евгеньевича — Евгения Павловича Черных. Строки, написанные рукой отца, звучат как исповедь и заповедь, наказ и благословение: «Сын мой... Скоро мне 75-й год. Я прожил трудную и интересную жизнь. Был участником 3-х войн... Принимал участие в революции... Я рад, что мои дети стали настоящими людьми. Я, сын, желаю тебе самого наилучшего в твоей нужной людям работе. Будь здоров. Отец. 16.2.72».

В записях отца можно прочесть интереснейшие сведения из его биографии. Евгений Павлович был большевиком, подпольщиком, членом РСДРП(б) с 1918 года. Во время белоколлачкова режима на Урале скрывался в Сибири под чужой фамилией. Воевал против Врангеля и

Махно. Был ранен. В отряде ЧОНа боролся с контрабандистами, бандитами и контрреволюцией. Учился на юридическом факультете МГУ, занимался адвокатурой и юриспруденцией. С 1928 года работал в Усть-Каменогорске, Риддере, Семипалатинске, на строительстве Усть-Каменогорской ГЭС, СЦК. В Великую Отечественную войну участвовал в освобождении Курска, Орла, Старой Руссы. Из записей отца мы узнаем также, что дед Станислава Евгеньевича – Павел Степанович Черных – был заводским мастером, знавшим немецкий, французский языки. Он работал на Березниковском содовом заводе, принадлежавшем бельгийцу Сопьвэ и К°. Бабушка, Надежда Григорьевна, была образованной женщиной, знала французский язык и мечтала дать шестерым детям хорошее образование.

Много мыслей и чувств посещало меня, когда я читала эти тетради. Изумлял масштаб личности Станислава Евгеньевича, его титаническая работоспособность, профессионализм и тот неосцимемо весомый вклад в дело изучения истории края, в воскрешение биографий земляков и популяризации краеведческих знаний. Сожалела, что жизнь отвела ему слишком мало времени, чтобы, говоря его же словами, «реализовать все свои замыслы».

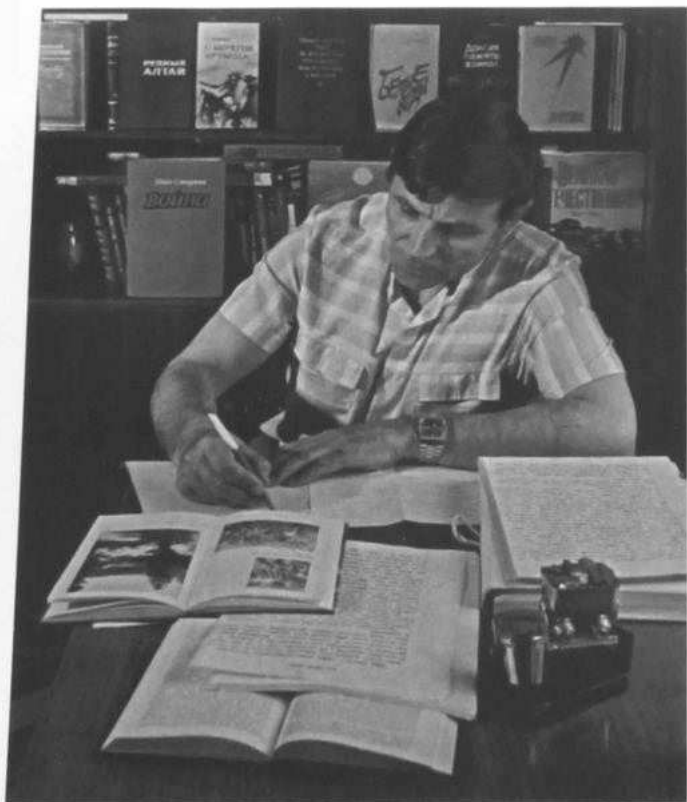
Отклик на свои мысли я нашла в волнующих строках Станислава Евгеньевича о современниках, которые хотелось бы переадресовать автору: «...во время встреч с такими людьми я обратил внимание на одно обстоятельство – им дано видеть много больше, чем видят другие, у них ноша труднее, чем у других. И мы должны сказать им за это большое спасибо, мы должны гордиться ими всегда! И пусть эти короткие записи моих дорогих современников, которые выражают лишь малую часть их мыслей и дум, донесут до будущих поколений дыхание нашего времени. 10.05.74. С. Черных».

С.Е. Черных

ЛИТЕРАТУРА

- Черных С.Е. С берегов Иртыша. – Алма-Ата: Казахстан, 1981.
- Черных С.Е. Одна, но пламенная страсть. – Алма-Ата: Казахстан, 1986.
- Город рабочей доблести: Сб. статей к 200-летию г. Лениногорска / Сост. С.Е. Черных, Б.Н. Носкина. – Алма-Ата: Казахстан, 1986.
- Черных С.Е. Под небом Алтая. – Алма-Ата: Жазушы, 1988.
- Воспоминания о Павле Васильеве / Сост. С.Е. Черных, Г.А. Тюрин. – Алма-Ата: Жазушы, 1989.
- Черных С.Е. Сам о себе // Рудный Алтай. – 1994. – 29 октября.
- Черных С.Е. Автобиография. – Восточно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей.
- Брагин А. Тропами первопроходчика-краеведа // Простор. – 1982. – № 6.
- Кузнецова Р. Посчастливилось с ним работать // Рудный Алтай. – 1999. – 30 октября.
- Поминов П.Д. По призванию – искатель // Нива. – 2002. – № 12.
- Сайкина Ф. О красоте человеческой // Огни Прииртышья. – 1986. – 31 июня.
- Чупров В. Жизнь для людей // Рудный Алтай. – 1999. – 30 октября.

С.Е. Черных в рабочем кабинете, 1986 г.

С.Е. Черных с женой Ольгой Николаевной
и дочерью Татьяной, 1986 г.

Слева направо: А.С. Иванов, В.Н. Медведев, Ш.А. Адилбаев, А.Г. Горчаков,
В.Н. Петров, Н.А. Горбачев, С.Е. Черных, г. Лениногорск, 1986 г.

1983 г.

Михаил Иванович
ЧИСТЯКОВ
(1917 – 2006)

*Я до сих пор никак не остужу
Души моей, боями опаленной...*

М. Чистяков

*Я медленно листаю жизнь,
как книгу,
Которую прочел уже давно...*

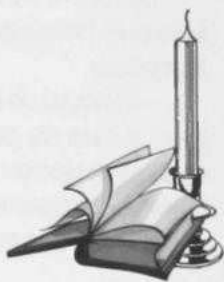
М. Чистяков

...Дерево поэзии Михаила Чистякова ничего не имеет общего с абстрактностью и искусственностью, оно прочно растёт на земле, где родился поэт, а корень его – сама жизнь. Поэтому стихи его естественные и зрелые, как плоды высокой ветки, наполненные теплом и светом солнца, и чистым воздухом Родины.

А. Сунчев

*Мне только жить дано однажды,
Однажды жить. И оттого
Я дорожу минутой каждой
Земного счастья своего.*

М.И. Чистяков.

Поэзия была содержанием и смыслом всей его жизни. Эта беседа состоялась незадолго до смерти М.И. Чистякова...

МНЕ ВСЕ ДАВАЛОСЬ ОЧЕНЬ ТРУДНО: ЛЮБОВЬ, ПОЭЗИЯ, ВОЙНА...

Двери его дома для меня всегда открыты. Наша дружба (пожалуй, смею так сказать) с восточно-казахстанским поэтом Михаилом Ивановичем Чистяковым длится уже более 15 лет. Когда мы встречаемся, разговорам нашим, кажется, нет конца. Он читает мне свои стихи, расспрашивает о молодых поэтах, о литературной жизни в Усть-Каменогорске, просит что-нибудь почитать вслух, интересуется музейными делами.

А сегодня мы встретились вспомнить былое. Вернее, вспоминает Михаил Иванович, а я, устроившись в уютном кресле, вооружившись диктофоном и вопросами, слушаю... Сидит передо мной седоволосый, умудренный годами человек, попыхивает трубкой, глядя куда-то в себя, и, чудится мне, будто кадры киноплёнки бегут незримо перед его глазами. Удивительно, но он рассказывает о годах минувших, как будто это было вчера: так живописны воспоминания, так ярки вспышки памяти, так зримы образы из детства!

Говорят, «с годами прошлое видится сильнее...». Наверное поэтому Михаил Иванович неизменно вспоминает о нем с особой теплотой и нежностью:

— Я хорошо помню свое деревенское детство. Вспоминаю те давние дни, и они по сей день полны для меня запахов, красок и звуков. Детство мое прошло в селе Маядыки, в Башкирии, где я прожил до 14 лет. Самое прекрасное, что помнится, — моя деревня. Там изумительная природа: озера, лес, река. Помню сенокос, журавлиный клин, летящий надо

мной, ночное за деревней у леса... Хрумкая траву, пасутся кони, а мы, детвора, расстелив зипунишки, лежим у костра и рассказываем сказки. Порой казалось, вот сейчас из леса выглянет Леший или Баба-Яга и утащит кого-нибудь в дебри.

Замолкает Михаил Иванович, прислушивается к прошлому. А воспоминания роятся, теснят друг друга. Дивлюсь я – сколько жизни в этом человеке, как свежи его чувства, как способен он по-детски радоваться, припоминая впечатления тех давних дней:

– Мы сидели прижавшись друг к другу, а рассказам нашим, кажется, не было конца. Удивительное состояние мальчишеских душ, когда все загадочное кажется немножко страшным. Иногда засыпали уже под утро, а на рассвете ко мне тихонько подходил любимый конь Карька, которого я никогда не путал, и теплыми губами ласково будил меня. Помните, я об этом писал в одном из стихов:

Я на ночь Карьку никогда не путал,
Боясь спугнуть доверие коня.
И он за это у костра под утро
Будил призывным ржанием меня.

Я угощал Карьку ломтем ржаного хлеба, потом запрягал его, дол оглашался ребячьими голосами, и рано утром мы возвращались в село.

Еще любил я начало сенокоса. Это был настоящий праздник в деревне. Бабы и мужики, нарядившись во все самое лучшее, косили пахучие травы, а мы, ребяташки, на волокушах подвозили уже высохшее сено к копнам. А потом валялись в душистом сене, пили из ручьев хрустальную воду, ходили гурьбой в лес по грибы. А в лесу куковала кукушка, ухал филин, лес был первозданным, таинственным и прекрасным. И запахи леса, и полные корзинки грибов и ягод, и полные карманы орехов, охалки лютиков и ромашек – нас привлекали и создавали свою, особенную поэзию – все это свежо в моей памяти до сих пор. Отсюда, из моего деревенского детства начинался я и как человек, и как поэт.

Впечатления детства органично вплелись в жизнерадостное, полное ребяческого задора стихотворение «Утро», которое Михаил Иванович читает с каким-то особенным подъемом:

Выйду утром в луга –
Медуница и кашка.
Тянет травным дурманом
От жаток и кос.
Ходит парнем веселым
В зеленой рубашке,

Закатав рукава,
Молодой сенокос.
Выйду в поле –
А солнце висит, как коврига,
Бьет пшеница в глаза
Бронзоватой волной.
И земля,
Как большая и мудрая книга,
Раскрывает всю суть бытия
Предо мной.
Выйду в лес –
Тихим чащам и просекам радуюсь,
Замираю от розовой песни дрозда.
И смотрю, как перо
Догорающей радуги
Отражает в листве
Дождевая вода.
Лето манит меня
Земляничной ложбинкой,
Желтым ворохом хлеба, парным молоком,
И веселая
Горная речка Ульбинка
Укрывает меня
От жары тальником.

– В детстве я любил смотреть, как летели над деревней лебеди и гуси. Я долго провожал их глазами и думал: «Куда они летят? Вот бы и мне полететь вместе с ними и увидеть другие страны!»

Однажды учительница географии вызывает меня к доске и просит показать на карте материки. Я был бойким мальчиком, правильно ответил урок, мне ставится пятерка, а я продолжаю стоять у карты.

– Чем ты, Миша, недоволен? – спрашивает учительница.

– Да что показать на карте, вот если бы облететь эти материки и самому увидеть мир. Вот было бы здорово!

– Вишь ты какой, – удивилась учительница. – Вырастешь, может и увидишь.

Эта моя детская мечта преломилась в стихотворении «Гуси-лебеди»:

Гуси-лебеди летели.
Обронили два пера.
И качались, как качели,
Два воздушных серебра.

И упали за рекою
В буреломы, в камыши.
И лишился я покоя,
Приземленности души.

Ощущение полета!
Океаны, небеса!
За моей деревней – что там?
Что за горы, за леса?..

Слушаю Михаила Ивановича, и будто вместе с ним возвращаюсь в его деревенское детство, и вижу его конопатым рыжим сорванцом – с такой теплотой, ярко и зримо он вспоминает о прошлом.

О своем деревенском детстве Михаил Иванович написал 11 стихотворений: «Начало», «Пряха», «В детстве», «Первые книги», «Запах сеновала», «Братья». Я прошу почитать мне одно из них, и Чистяков охотно читает стихотворение «Земной поклон»:

Как много лет на плечи мне легло!
Все птицы надо мною пролетели!
Земной поклон тебе, мое село,
Твоим снегам, березам и каплям.
Ты все еще живешь во мне, живешь!..
С твоей рекой,
Поскотиной,
Дорогой.
Я вижу, как желтеет в поле рожь,
Краснеет земляника по отлогам.
Мне все еще кричат твои грачи,
Летят в ладони лепестки с черешен.
Звенят твои студёные ключи,
Петляя между ветел и орешин.
Мне слышится тележный стук колес
И запах отгорающего лета,
И шорох терпких листьев бересклета.
И скрип полозьев в солнечный мороз...

Замолкает Михаил Иванович, ворошит в памяти прошлое... Светлеет его лицо, когда вспоминается родительский дом:

– В семье нашей было шестеро детей. Мы имели небольшой в две комнаты дом. Почему-то мне часто вспоминаются палаты, где мы спали вповалку, прикрывшись отцовским тулупом. Мать, Маланья Савватеевна, вставала рано. И когда поднимались дети, на столе уже дымился

огромный чугунок картошки, с которой мы моментально управлялись. Когда мне было три года, умерла мать. Отец женился на Вассе Николаевне Кузнецовой, женщине из соседней деревни. Она и заменила нам, шестерым сиротам, мать.

Этой самоотверженной женщине, ее чуткости и доброте Михаил Иванович посвятил поэму «Мать», где есть такие строки:

Ах, мама!
Где ей взять такое средство,
Чтоб о заботах позабыть на миг?
Я для нее остался где-то в детстве,
Хоть по годам давно уже старик.
«Не простудись!»
Я зябнул на маршрутах.
Не раз купался в жидке ледяной.
А для нее
Я все еще Мишутка.
Тот деревенский мальчик озорной.
Не потому ль мы
Не мелеем в силе,
Что с матерью своей всегда в пути?
И сколько бы на свете мы не жили, —
До матерей не можем вырасти!

Но беззаботное детство кончилось. Миша быстро повзрослел в годы раскулачивания, когда суровый и растерянный приходил с сельских сходов отец.

— Однажды я случайно услышал разговор отца с соседом:
— Ну что, Иван, пойдешь в колхоз? — спрашивал сосед.
— Не знаю. Отдашь колхозу последнее, а что дальше будет?
— Тебе-то, Ваня, чего бояться? Ты и слесарь, и плотник, и пимокат, и краснодеревщик. У тебя руки золотые. Ты и в городе не пропадешь. А нам что делать?

Действительно, отец Михаила был на все руки мастером: умел и мебель изготовить, и корзины плести, катал пимы, перешивал одежду. Вспоминает Михаил Иванович верстак, что стоял в сарае и за которым работал отец, а маленький Миша любил смотреть, как золотистая стружка кольцами струилась из-под рубанка, как смолисто пахло дерево.

— В 1931 году мы переехали в Бирск, мне шел тогда 15-й год. Чтобы прокормить семью, отец вынужден был уехать в Уфу и вступить в строительную артель. Однажды при строительстве какого-то дома он сорвал-

ся с крыши и разбился. Я оставил школу и пошел на заработки: пас свиней, коров, работал на стройке. Но мечтал учиться дальше.

В 1934 году старшая сестра Антонина вызвала меня к себе в Семипалатинск, где работала управделами в геологоразведочном Рабфаке.

В чем ехать? Не в чем! И явился я к сестре в город в заношенном братовом галифе, крестьянской латаной-перелатаной рубаше и лаптях! — смеется Михаил Иванович. — Так, благодаря сестре, я стал учеником геологоразведочного Рабфака. На первом курсе обучение велось на казахском языке. Я быстро его освоил, потому что знал татарский и башкирский языки, и скоро стал писать диктанты на пятерки. Выучил песни на казахском языке, играл на домбре. Помню, как однажды на конкурсе за песню, исполненную на казахском языке, получил приз! И знаете ли какой? Зубную щетку и коробку зубного порошка!

За партами рядом с 17-летними ребятами сидели 30-летние. Представляете, — смеется Михаил Иванович, — кто-то уже работал шахтером, пастухом, чабаном. Руки, как грабли, с трудом держит перо! А рядом — дети. Молодые, конечно, быстрее осваивали науки, чем старики. Однако, случались и курьезы, потому что ребята из аулов и деревень приезжали с очень ограниченными знаниями. Да и преподавание было, мягко говоря, оригинальным. Заходит учитель в класс и спрашивает:

— Татиев, встань! — Татиев был шахтером из Караганды, сидел рядом со мной, ему было 33 года. — Скажи, Татиев, кто самый большой человек в Советском Союзе?

— Наш председатель колхоза!

— Почему так думаешь?

— Потому что наш председатель знает всю таблицу умножения!

В классе, конечно же, стоит хохот. Учитель обращается ко мне:

— Чистяков, а ты как думаешь?

— Самый большой человек — Владимир Ильич Ленин! — Без запинки отвечаю я.

— Садись, Чистяков, тебе пять, а тебе, Татиев, два, ты политически плохо подкован.

Михаил жил в общежитии рядом с Рабфаком. В комнате стояло 18 кроватей. Ребята жили дружно, ходили в кино, в театр, бегали на танцы, занимались в разных кружках, увлекались спортом. Мишу очень тянуло к книгам. Любил стихи Багрицкого, Маяковского, Безыменского, Светлова. Зачитывался русскими классиками. А потом пересказывал книги ребятам на казахском языке. И когда со второго курса преподавание началось на русском, ребята прекрасно знали содержание «Евгения Онегина», «Отцов и детей», «Обломова».

– Кроме учебы, были и праздники. Мы старались, так сказать, держать городской фасон: на втором курсе приоделись, купили дешевые костюмы, галстуки: ведь мы ни кто-нибудь – рабфаковцы! Жили интересно: в нашем обществе ценились смелость и мужество. Напали на тебя – бейся до конца. Воспитывай в себе волю, твердость, мужество. Самое страшное было – струсить и убежать, оставить друга в беде. Потом все это пригодилось на войне. Я всегда с удовольствием вспоминаю Рабфак – колыбель моей юности!

В 1938 году Михаил окончил Рабфак. Однако геологом он не стал, а уехал учительствовать в село Аксуат Семипалатинской области. Всего себя молодой учитель отдавал работе. В это время Чистяков заочно окончил двухгодичный семипалатинский учительский институт, впереди было много планов.

– Война настигла нас неожиданно, – продолжает рассказ Михаил Иванович. – Помню, как я стоял у репродуктора и с замиранием сердца слушал сообщение Молотова. Свое душевное состояние я выразил в юношеском стихотворении «У репродуктора».

Прикрыв глаза, размеренно и торжественно Михаил Иванович декламирует:

Вчера еще были
Дали ясны,
Сегодня –
Грозою нахмурилось утро.
Огромное горе огромной страны
Выдохнул в душу мне
Репродуктор.
Война!..
Отступают наши войска...

– В июле 1942 года я ушел на фронт. Попал сразу под Сталинград...

Михаил Иванович дымит трубкой и молчит. Я боюсь спугнуть его мысли, понимая, что сейчас он где-то там, в своей опаленной войной юности.

– Это был такой ад! Горела Волга! Особенно страшным это зрелище было ночью. Памятны мне атаки, сражения, гибель товарищей. Казалось, мы день и ночь не сходили с передовой. Мне, как рядовому бойцу, пришлось перенести все тяготы войны: сырые окопы, в которых порой спали без соломы, валясь вповалку, измотанные от бесконечных боев, голодные, изнуренные. А кругом – разбитые блиндажи, грохот орудий, кровь, стоны, смерть.

В короткие затишья, глубокими вечерами красноармеец Чистяков писал стихи, а потом читал их товарищам по оружию:

Я зачислен в стрелковую роту,
Что не сходит с передовой.
Я вырастаю, как в землю, в пехоту,
В обстановке живу боевой.

Я еще не имею ранений,
Никаких не имею наград.
Привыкаю к жестоким сражениям.
Как еще не обтертый солдат.

Хоронюсь от фугасок в воронках,
Рою щели, мосты навожу.
И как будто по жердочке тонкой
Между жизнью и смертью хожу.

Это стихотворение было написано в 1942 году. Позднее Михаил Иванович скажет, что поэтом его сделала война. Она и теперь незримо присутствует в каждой строке его стихов. Именно оттуда начиналась точка отсчета нового этапа его жизненного пути:

Стихи!

Они мне память жгут,
Событья скручивая в жгут.

Они в душе моей стучат,
Они порой кровоточат.

Они в метели огневой
Идут ко мне с передовой.

— В одной из штыковых атак я был тяжело ранен осколком мины в голову и потерял зрение. Это было 19 ноября 1942 года у станции Котлубань. Стояли страшные морозы, и меня без сознания, заоченевшего, похоронная команда приняла за умершего. Я оказался в груде тел, собранных с поля боя для захоронения. Утром вырыли братскую могилу, и, когда меня подтащили к краю ямы, я пришел в себя. «Смотри-ка, этот-то живой! Значит, жить будет долго!» — услышал сквозь звон в ушах чьи-то голоса и снова потерял сознание. На третьи сутки я очнулся в полевом медсанбате и на следующий день меня эвакуировали в Камышин. Затем следовали Балашов, Куйбышев, операция за операцией, но все безрезультатно.

То прозой, то, сбиваясь на рифму, Михаил Иванович вспоминает. А меня не покидает чувство вины, что вынуждена беречь старые раны. Порой, как будто прислушиваясь к минувшему, он замолкает, а потом продолжает стихами:

Я весь
Смятение.
Все во мне бунтует.
Мрак надо мною
Поднят как топор.
Сейчас хирург
Глаза мне разбинтует
И вынесет
Суровый приговор.
А может быть,
Внезапно брызнут краски,
И вспыхнет жизнь, как радуга, светла...
...Врач отнимает
Медленно
Повязку:
— Глаза откройте.
Открываю —
...Мгла!

— Я приспособлялся к жизни как мог. С палочкой освоил палату, потом коридор. Но наступали минуты отчаяния, когда не хотелось жить:

Я жизнь и так, и этак мерил.
Взойдет ли вновь моя звезда?
Нет, я врачам уже
Не верил —
Я знал, что это
Навсегда.

Мне было невыносимо тяжело. Я и теперь не знаю, как все это вынес?! Не знаю, что было б со мной, если бы на помощь мне не пришли боевые товарищи: санинструктор Галя Левашова, мать которой погибла в разбомбленном доме в Сталинграде, а отец пал в штыковой атаке на тракторном заводе. Или сосед по палате, который спас меня, когда я от отчаяния решил свести счеты с жизнью:

...И кто-то властно
Меня за шиворот схватил.
То был сосед мой —
Фрол Горбатов.
Палаты трудный сон храня,
Он полушепотом меня
Гвоздил пятиэтажным матом.

Сами хлебнувшие горя сполна, они отдавали мне душевное тепло, поддерживали, вселяли надежду на благополучный исход. Я не видел их лиц, жестов, рук, но ощущал их искреннее участие в моей судьбе. Я и теперь слышу их уверенные голоса:

- Не падай духом!
- Все будет хорошо!
- Все обойдется, снова встанешь в строй!..

Несколько десятилетий спустя, я отобразил эту фронтовую спайку в поэме «Верность»:

Давно ушли в предание бои,
Оставив в сердце огненные даты.
Где вы теперь, товарищи мои,
По поездкам, окопам, медсанбатам?
Нам был законом
Воинский приказ
И школой мужества –
Передовая.
Пусть потускнела
Сталь солдатских глаз,
Но не померкла
Верность фронтовая.
Мы шли с ней
Сквозь свинцовые года,
Сквозь ветровые,
Сумрачные дали.
Мы потому и выжили тогда, что в трудный час
Друг друга прикрывали.

Потом был госпиталь в Куйбышеве (теперь это Самара), – продолжает свой горестный рассказ Михаил Иванович:

И снова операция.
И снова
Лежу и жду.
Каков он,
Мой исход?
...И вот шаги
И в горле стало вязко,
Кровь замерла от страха:
«Да иль нет?»
...Когда хирург

Отнял от глаз повязку,
Я, потрясенный,
Вдруг заплакал:
– Свет!..

Выписался из госпиталя Чистяков инвалидом по зрению. Возвратился сначала в Алма-Ату, а оттуда переехал в Чимкент. Там работал в составе концертной бригады при филармонии, читал со сцены свои стихи. Стихами он покори́л сердце красивой и умной девушки Софии Георгиади, ставшей его музой, его судьбой:

Она – гречанка.
Смуглое лицо,
Загадочные длинные ресницы,
В глазах огонь притушенный таится,
Блестит на пальце узкое кольцо.
Казалось, что из солнечной Эллады
Она пришла, изящна и легка,
О ней когда-то в древние века
Певцы слагали песни и баллады.
Но вот эпиталамы и поэмы
Наскучили ей в дивном мире том.
Она сняла хитон и диадему
И к нам явилась
В платьице простом...

8 марта 1945 года Соня и Михаил поженились.

Надо сказать, что особое место в лирике Чистякова занимает любовь.

– Для меня – женщина – самое прекрасное, что есть в этом мире, – рассказывает Михаил Иванович. – Она – и продолжательница рода, и хранительница очага, и источник вдохновения, и подруга. Женщина – совершенство, к которому мы, мужчины, должны стремиться. Я всегда боготворил ее ум, душу, верность. Для меня – женщина – создание божественное, непостижимое. Она – моя вера, надежда на лучшее. Все эти чувства я, как мне кажется, смог выразить в стихотворении «Женщина»:

Вся она –
Мерцание и тайна.
То, как сумрак, то, как звездный свет.
Образ красоты необычайной
Перешел к нам через тыщи лет.
Ни огнем, ни плетью, ни иконой

Не могло с ней время совладать.
Если будешь даже Соломоном —
Все равно ее не разгадать.
И не можем суть ее постичь мы.
Неизбывной прелести полна.
И в грехопаденьи, и в величьи
Нас влечет таинственно она.
Убивает женщина поэтов,
Полководцам головы кружит.
... Не судите женщину за это —
Красота суду не подлежит!

Проникновенно, мечтательно и немножко нараспев читает Михаил Иванович стихи о любви. Кстати сказать, не однажды я была свидетельницей и того, как поэт в компании близких ему людей доставал баян и бархатным голосом начинал их петь на собственную музыку. И неизменно в финале импровизированного концерта друзья скандировали: «Чужую жену! Чужую жену!» Это значило, что его просят исполнить романс:

Что случилось со мной?
Что случилось со мной?
Переполнен я поздней осенней весной.

Я таким сумасшедшим еще не бывал:
Я сегодня... чужую жену целовал.

Всею дрожью души, всею страстью в крови
Ощущал я запретные чары любви.

Как звезда, что в туманную ночь зажжена,
Осветила мне душу чужая жена...

Однажды в беседе с заслуженным учителем Казахстана Александром Петровичем Ивановым, преподававшим музыку и пение в школе-лицее № 34, мы разговорились о поэзии Михаила Чистякова. Отмечая необыкновенную мелодичность и напевность его стихов, Александр Петрович сказал, что может доказать это — без подготовки спеть любое стихотворение Чистякова. И в подтверждение своих слов, он взял сборник его стихов, открыл «наугад» и запел одно за другим: «Я опять разгадываю ребус», «Мое лицо в морщинах крупных», «Когда сижу я молча в тишине»... Потом еще и еще, подыгрывая себе то на фортепьяно, то на гитаре.

— Вскоре я создал концертную программу, — продолжает Михаил Иванович, — и стал самостоятельно выступать как фронтовой поэт. Однажды побывал в Усть-Каменогорске.

София Ивановна вспоминала, как по возвращении из Усть-Каменогорска Михаил Иванович говорил: «Какой это чудесный город! Две реки – Иртыш и Ульба! Вокруг – горы. Красота! Переезжаем туда! Кстати, я был в гороно, и мне обещали место в одной из школ. Надоело мотаться по городам и селам, ведь я учитель». В декабре 1947 года мы переехали в Усть-Каменогорск.

Живя в Усть-Каменогорске, Чистяков решил продолжить учебу. В 1948 году он поступил на третий курс Семипалатинского педагогического института. Одновременно работал учителем русского языка и литературы в казахской школе-интернате имени Джамбула и в вечерней средней школе. По окончании института его направили работать в среднюю школу № 25. Также по совместительству он работал в педучилище.

Учащиеся во все глаза смотрели на нового учителя в солдатской гимнастерке. И не беда, что в поисках фамилии ученика он подносил классный журнал к самым глазам. Зато учитель знал наизусть множество стихотворений, а как он их читал!

Борис Васильевич Щербаков, писатель-натуралист, кандидат биологических наук, был его учеником. Он вспоминал, как однажды в их класс вошел высокий, подтянутый, энергичный человек:

– Он стал рассказывать нам о поэзии, о военных делах, как-то так по-мальчишески, по-доброму, чем вызвал к себе расположение ребят. Чистяков сыграл большую роль в моем восприятии мира и искусства. Помню, проходили «Недоросль» Фонвизина. Михаил Иванович взял книгу и начал читать. Он читал за старуху, за Митрофанушку, сюсюкал, кашлял, мы впервые увидели человека, который умеет так перевоплощаться. Все слушали, затаив дыхание.

В начале 50-х годов после долгого запрета стали издаваться книги Сергея Есенина. Через книготорг Михаил Иванович добыл себе томик великого поэта.

– И тут мне открылся другой Чистяков, – вспоминает Щербаков. – Несколько уроков подряд, не спрашивая, не вызывая нас к доске, не задавая уроков на дом, и даже не обращая внимания на дисциплину, он с упоением читал Есенина. Для меня и многих соклассников Михаил Иванович был тот первый человек, кто открыл нам прелесть поэзии Есенина. Когда теперь читают или поют Есенина, я вспоминаю своего учителя.

Великолепные знания и любовь к классической русской литературе, необыкновенная увлеченность предметом передавались от учителя детям. Кроме уроков, Михаил Иванович вел в школе литературный кружок, писал статьи в газеты, публиковал стихи. В 1952 году в школе № 25 он

создал журнал «Голос школы», первый номер которого был посвящен 150-летию со дня смерти А.Н. Радищева.

В нем были помещены очерки, стихи и рассказы кружковцев. Зоя Шеменева, ставшая потом преподавателем усть-каменогорского педагогического института, написала стихотворение «Радищев в ссылке». Идейному замыслу этого журнала отвечали сочинения учениц Сони Масловой («Радищев и наше время»), Тамары Кругловой («Радищев и его эпоха»).

А совсем недавно Михаил Иванович сдал в наш музей замечательный экспонат – общую тетрадку в линейку, где фиолетовыми чернилами учительским почерком написана пьеса в стихах «Отчизна зовет». Ее сочинил учитель Чистяков и предназначена она была для постановки на школьной сцене. Пьеса построена в соответствии с законами драматургии: с жизненным, в данном случае школьным, конфликтом, который разрешается в напряженной борьбе персонажей – учащихся. И оформлена она по всем правилам: в ней присутствуют и ремарки, и перечень действующих лиц и т.д. Даже в конце тетрадки есть полагающееся слово «Занавес». Очень интересным моментом мне показалось участие в ее финале зрительного зала. Не случайно, по воспоминаниям бывших учеников 25-й школы, пьеса ставилась много раз и имела неизменный успех. И еще хочу отметить очень интересный момент: пьеса, как и полагается, прошла цензуру. Некоторые странички перечеркнуты и поверх текста размашистым почерком, карандашом написано: «Действие затянuto!» или «Персонаж маловыразителен!» Ну, что ж поделаешь, одним словом: «Цензура!»

В этот период Михаил Иванович много печатается в областной газете «Знамя коммунизма» (теперь «Рудный Алтай». Прим. – О. Т.): публикует стихи и заметки о школьной жизни. Одновременно работает над книгой о председателе усть-каменогорского совдепа Я.В. Ушанове, отдельными главами печатая поэму в газете.

Кроме того, он пишет пьесу «Яков Ушанов». Скоро пьеса была включена в репертуар городского смотра художественной самостоятельности, проходившего на сцене областного драматического театра. Михаил Иванович вспоминает, как премьера чуть не была сорвана «благодаря» бдительности одного милиционера:

– Так как пьеса была посвящена установлению советской власти в городе, мы с ребятами, чтобы все выглядело правдоподобным, выпросили в Военкомате небоеспособные винтовки. И вот, получив оружие, мы шагаем через город к драмтеатру. Увидев нас, милиционер преградил дорогу и потребовал пройти в милицию. Все наши объяснения и мольбы ни к чему не привели. Было ясно: положение катастрофическое

– премьера срывается из-за недоразумения. Что было делать? Через час-полтора – начало. И тогда мы упросили милиционера пойти с нами в театр. А тут, на наше счастье, оказался тот самый военком! Так, с помощью военкома, режиссера, сценической группы и учителей конфликт был улажен. Решением жюри школа № 25 заняла первое место.

В школе Михаил Иванович проработал 10 лет, но его зрение резко ухудшалось.

– Слабое зрение не раз проделывало со мной злую шутку, – говорит Михаил Иванович. – Мне вспоминается случай, над которым долго потешались мои приятели-писатели. Однажды я опоздал на съезд советских писателей, что проходил в Алма-Ате в начале 60-х. Я был у Дома Советов, когда на сцене уже начал свою приветственную речь Первый секретарь ЦК партии Д.А. Кунаев. Вбежав через боковую дверь, я прошел мимо буфета и, кое-как сориентировавшись, прошествовал в зал, заняв свободное кресло. Я очень волновался, долго не мог успокоиться. А когда, наконец, огляделся, изумился: передо мной, вроде бы, президиум. Но почему такой многочисленный: людей больше, чем в зале! И тут я спрашиваю соседа: «Скажите, почему в президиуме столько народу? А в зале мало?» Тот недоуменно повернулся ко мне и, сверкнув очками, ответил: «Молодой человек, а вы сидите в президиуме!» Я вжался в кресло и стал лихорадочно думать, как выйти из этой ситуации. Минут через 20 я тихонько удалился и, наконец, занял свое место в зале. А братья-писатели в это время перешептываются: «Ничего себе, Мишка, – авторитет! В президиум попал!» В перерыве окружают меня Титов, Рябуха, Скворцов, Кривошеков и начинают расспрашивать, что да как? А я им: «Так я же сослепу перепутал зал с президиумом!» Начинается гомерический хохот! Потом они еще долго припоминали мне, как я был Членом президиума на съезде советских писателей Казахстана.

До слез смеется Михаил Иванович, вспоминая тот случай. Мне грустно и смешно. Удивляюсь, сколько жизни в этом человеке! Оптимизм, веселый нрав помогали переносить ему тяжелые удары судьбы! Помогли и в тот период, когда врачебно-трудовая экспертная комиссия установила ему инвалидность 3-й группы и он вынужден был оставить учительство. Это известие Михаил Иванович воспринял как потрясение, как крушение надежд. София Ивановна вспоминала, как он был растерян, задумчив, подавлен, не находил себе места, постоянно задавая самому себе вопросы: «Что теперь делать? Как будем жить?» И все-таки Чистяков вынужден был расстаться с любимой профессией.

Однако неожиданно все наладилось. Чистякова пригласили в Дом пионеров организовать и вести литературный клуб, названный ребятами

«Костер». Впоследствии участие в клубе одаренных ребят повлияло на судьбы многих из них: пройдя хорошую школу литературного мастерства, большинство из кружковцев так или иначе связали судьбу с литературой: стали писателями, учеными, журналистами, учителями, преподавателями вузов.

В это же время Чистякова пригласили на работу в областную газету «Знамя коммунизма» корреспондентом отдела культуры и быта. А вскоре Михаилу Ивановичу поручили возглавить Областное литературное объединение. Как человек очень деятельный, он стал хлопотать об издании книжки местных поэтов и прозаиков в областном издательстве. Наконец, в 1960 году произошло замечательное литературное событие в культурной жизни области: вышел в свет сборник «Утро над Иртышом», в котором, наряду с рассказами и стихами начинающих писателей, была полностью напечатана поэма Чистякова «Яков Ушанов». Ефим Николаевич Пермитин с восторгом воспринял это сообщение. В одном из писем Чистякову из Москвы от 26.2.61 года читаем:

«Дорогой тов. Чистяков!.. Спасибо за книгу. Мне радостно уже то, что в родном моем городе... напечатан литературно-художественный сборник. Самый факт радостен. Не верится своим глазам, но марка: «Облиздат. Усть-Каменогорск. 1960 г.» – доказательство неопровержимое. Готов кричать на всех перекрестках... От души поздравляю и весь авторский коллектив и усть-каменогорскую общественность с новорожденным альманахом. Прочел, вернее – проглотил, я его от корки до корки. Ваша поэма о Якове Ушанове – гимн мужеству и душевной чистоте первых большевиков – несомненная удача и не только для Усть-Каменогорска».

Вскоре Михаил Иванович издал свою первую книжку. Поэма «Яков Ушанов» вышла в Усть-Каменогорске в 1961 году.

– Она была моим первым шагом в литературу, – говорит Михаил Иванович. – В 1965 году вышла первая книга моих стихов, в 1969 – сборник «Усть-Камень». Сейчас я имею 20 сборников стихов, роман «Против течения», вышел в свет 3-й том пятитомного собрания моих сочинений.

Слушаю Михаила Ивановича, и думается мне: «Как бы сложилась жизнь этого человека, не стань он поэтом? Да нет, по-другому просто и быть не могло!» Порой читаю его стихи и размышляю: ну что в них такого, что за душу берет? Откуда эта притягательная сила? Ведь не блещут они ни особенными вычурными метафорами, ни умопомрачительными пейзажными зарисовками. В них все предельно просто. Вероятно, успех – в искренности поэта. И эта искренность, и естественность, какая-то особенная простота и выстраданность каждой строки – затрагивают чуткие струны

человеческой души. Потому и близки они, и понятны и человеку с хорошим литературным вкусом, и простому, далекому от искусства.

Вспоминается мне рассказ Бориса Васильевича Щербакова о том, как отец его приятеля Володи – покойный дед Афоня, который и читал-то в своей жизни только сказки да газеты, отзывался о стихах Чистякова.

– Всю жизнь дед Афоня трудился, – рассказывает Борис Васильевич, – да в минуты отдыха рюмочку-другую после баньки пропустит, в карты поиграет, поэзией он и не интересовался. Когда я к ним приходил, а дядя Афоня знал, что Чистяков наш учитель, он говорил: «Борис, я вот тут опять Чистякова в газете читал. Вот поэт! Вот пишет! За душу берет!» Дядя Афоня фронтовик, прошел жизнь, как говорится, по всем статьям, и, мне кажется, его мнению можно доверять. Он не литературный критик, но Чистяков умел писать тем самым языком, затрагивающим душу простого человека, бывшего солдата. И не только!

Вспоминаются мне встречи с читателями. Я всегда наблюдал за Михаилом Ивановичем, когда он читал свои стихи. Держался всегда просто, постоянно поправлял свой белый чуб, говорил четко и ясно. Он великолепно читал стихи. И гармония музыки слова и содержания стихотворения – завораживали. Я думаю, потому аудитория всегда так душевно воспринимала его чтение. Стихи звучали артистично и доходчиво, и нужно было видеть в это время глаза его почитателей. А главные его почитатели – женщины. Порой, кажется, если бы мне показали в это время лицо слушающей кого-то женщины, я бы безошибочно понял – она слушает стихи Чистякова. Глаза у женщин загорались, да и что говорить, он настолько проникал в психологию и сущность женщины, что буквально полонил аудиторию, и не только женскую, но и мужскую. А когда заканчивалось чтение, женщины подбегали к нему, на глазах у некоторых я видел слезы, на лицах улыбки, некоторые мило кокетничали. Он одаривал всех добрым словом и лаской, умея установить добрый и хороший контакт.

А нам, его землякам, думается мне, стихи Чистякова особенно дороги еще и тем, что, как сказал Лев Ошанин*:

«Пусть его голос негромок, но каждым своим звуком он связан с родным краем. Переплетаясь с голосами войны, которую автор прошел в солдатском строю, из книги в книгу звучат голоса степей и гор, малых алтайских рек и родного Иртыша...»:

* ОШАНИН Лев Иванович (1912-96) – русский поэт. Популярные патриотические, лирические песни (сб. «Дети разных народов», 1950; «Стихи о любви», 1957; «Шел я сквозь вьюгу...», 1970; «Островитяне», 1972; «Издалека – долго», 1977; «Пока я дышать умею», 1985; «Баллады», 1987). Государственная премия СССР (1950).

Я давно заболел
Тишиною таежной,
Трубным криком оленей,
Молчаньем озер.
Я люблю, как хрустит
Под ногами валежник
И стучит у рыбачьей палатки
Топор.

Глянешь в горы –
Подвешена к солнцу дорога.
Соколиный простор.
Кружит голову высь.
А внизу – бурелом.
Там медвежья берлога.
Вон топтыгин идет по тропе –
Берегись!

Я люблю
Журавлиный восход над поселком,
И дурманящий луг,
И березовый сок,
И волнующий запах
Отцовской двустволки,
И застенчивый ключ,
И грибной туесок.

Все мое –
От прозрачной озерной кувшинки,
От рябиновой ветки
До дальней звезды.
По заречью пройду –
Льнет остожье к ботинкам.
К роднику припаду –
Нету слаще воды...
Нет светлее судьбы.
Если будет мне тяжело,
Если острая боль
Мое сердце пронзит,
Мне ржаной колосок
Упадет на рубашку,
Подорожник мне
Раны мои заживит.

Я ВЫЧЕРПАТЬ ДОЛЖЕН СЕБЯ...

Когда выходит очередная книга стихов известного восточно-казахстанского поэта Михаила Ивановича Чистякова, а их у него уже более десятка, он неизменно вручает ее мне с дарственной надписью. Я трепетно отношусь к его творчеству и благодарна судьбе за то, что она одарила меня радостью добрых встреч с замечательным поэтом и человеком.

Чистяков по праву может гордиться долгой и плодотворной творческой судьбой: она длится уже более шестидесяти лет. Что питает творчество Михаила Чистякова? Что обогащает его духовный мир и заставляет верить в прекрасное? Вновь и вновь задаюсь вопросами, держа в руках новый, четырнадцатый сборник его стихов «Гуси-лебеди».

Думается, как в первой книге стихов Чистякова, так и в очередной поэзия ответит на эти вопросы. Она отражает особое состояние души поэта, которое осталось прежним и выражается в особом, присущем только Михаилу Ивановичу, восприятию мира, удивительном жизнелюбии, всегдашнем стремлении к познанию истины и в поиске ответа на вечные вопросы:

Что значит счастье?

Это век иль миг?

В каких оно деяньях и победах?

Из всех живущих – кто его постиг,

Из всех ушедших – кто его изведал?

В настоящей книге, как, впрочем, и в других, Муза и Судьба поэта неотделимы, а потому Чистяков, сам того не ведая, создал поэтический автопортрет на фоне красот родного края, его замечательных людей и целого мироздания:

Я опять разгадываю ребус,
И опять ищу далекий след.
Может, я на свете вовсе не был?
Может, мне приснился белый свет?
Даже в то, что я живу –
Не верится...
Ходят грозы, небо накрена.
Без меня моя планета вертится.
И встают рассветы без меня...

Вчитываясь в его стихи, понимаешь, что все они вместе взятые составили летопись автора; все чаще поэт торопится познать неизведанное, дорожит каждой минутой «земного счастья своего», они глубоко лиричны и напевны, а потому, наверное, стихи эти отличаются особой мелодичностью и проникновенностью. Поэта Чистякова не спутаешь ни с кем другим. В его стихах особые ритмы и интонации, а это, бесспорно, верный признак подлинности и силы поэтического дарования.

На индивидуальность почерка поэта, думается, оказало влияние то, что мир открывается ему, прежде всего, не посредством зрения, а в звучании:

Я слушаю лес, я дышу глубоко.
Читаю деревья, как лирику Блока.

Или:

Снег на деревьях,
На излучинах рек,
На горных кручах,
На шатровых крышах.
Я белое его безмолвье слышу.
Как дорог мне, спокойный этот снег!

Пожалуй, поэтому в стихах Чистякова такую громадную роль играет звуковая организация, его инструментовка. В них то напевные мелодии:

Как рассеять мне утро туманное?
Где найти мне такие слова,
Чтоб от них, как от зелья дурманного,
Закружилась твоя голова? –

то вдруг присутствие ярко выраженного ритма, напоминающего стук беспокойного сердца:

Я жить тороплюсь. Мало дней у меня.
Я сердце гоню, как на скачке коня... –

то учащенное дыхание стремящегося вперед человека:

Я спор и легок на подъем.
Мне нужен снег. Мне нужен ветер.
Мне снова скучно в кабинете, –
Остановилось время в нем, –

то ритм строевого шага:

Вчера еще были
Дали ясны,
Сегодня –
Грозою нахмурилось утро.
Огромное горе огромной страны
Выдохнул в душу мне
Репродуктор.

Писать для Михаила Ивановича – значит – жить, а жить – значит – писать, т.е. вкладывать в слово весь жар своего сердца. Неуспокоенность, стремление вперед – основные мотивы его поэзии:

Мы дети вечного движенья,
Мы от земли и облаков.
Живет в нас
С первых дней рожденья
Неукротимый дух веков.

Нам мало хлеба, мало дома,
Нас все влечет куда-то вдаль,
Туда, где все нам незнакомо,
Где есть иная магистраль...

Или еще строки:

И мне б пора ослабить повод,
Но не хочу в затишье бросить якорь.
В рубцы, в морщины улеглись года,
А сердце все еще летит в атаку!

Война – непроходящая душевная боль поэта. Вновь и вновь он возвращается к военной тематике и в настоящем сборнике:

Я до сих пор никак не остужу
Души моей,
Боями опаленной,
И ночью все по комнате хожу,
Ребят перебираю поименно...

И по сей день для поэта «передовая где-то рядом»:

Гремит и разрывает тьму.
И снова, как под Сталинградом,
Подходит к сердцу...

И не покидает поэта чувство вины перед павшими товарищами за то, что остался жив. В стихах Михаила Ивановича отголоски войны присутствуют и теперь, сегодня, в мирные будни он болеет душой за хрупкость мира:

И оставлен покой: на планете война.
Пахнет порохом в доме моем тишина.

Несмотря на то, что Чистяков все чаще вслушивается «в прожитые годы», не станем подводить черту под его творчеством, ибо есть у поэта «долги»:

Я задолжал родному колосу,
Что так был люб мне в полевом затишье.
Я не сложил о нем еще строку,
Не выносил в душе четверостишье.
Я задолжал ветле над озерцом,
Она меня в жару в тени хранила,
Когда в пути утрачивал я силы,
Усталостью налитый, как свинцом.
Я задолжал тропе, где сапоги
Мне утренние росы омывали
И что стихами до сих пор не стали.
Когда я уплачу свои долги!

А потому пожелаем автору дальнейших творческих успехов и побед, добрых и умных читателей, ведь, как сказал он в стихотворении:

...С каждой новой книгой
Моя прозревает душа.
Еще в ней достаточно солнца,
Что светится, землю любя,
И, значит, до самого донца
Я вычерпать должен себя.

ЛИТЕРАТУРА

Чистяков М.И. Яков Ушанов: Поэма. – Усть-Каменогорск: Обллитиздат, 1961.

Чистяков М.И. Стихи. – Алма-Ата: Жазушы, 1965.

Чистяков М.И. Усть-Камень: Стихи. – Алма-Ата: Жазушы, 1969.

Чистяков М.И. Солдатская память. – Алма-Ата: Жазушы, 1976.

Чистяков М.И. Родина: Стихи. – Алма-Ата: Жазушы, 1980.

Чистяков М.И. Степной Сокол: Поэма. – Алма-Ата: Жазушы, 1981.

Чистяков М.И. Полн. собр. соч.: В 5 т. – Усть-Каменогорск, 2004-2006 гг.

Анисимов С.М. Герои бессмертны (О поэме Яков Ушанов) // Прииртышская правда. – 1961. – 19 мая.

Евдокимов Н. Память сердца // Рудный Алтай. – 1976. – 29 июня.

Кратенко А.И. Размышляя о жизни // Рудный Алтай. – 1987. – 1 сентября.

Новиков М. Верность // Рудный Алтай. – 1981. – 10 января.

Новиков М. Поэзия и судьба // Рудный Алтай. – 1988. – 30 июня.

Черных С.Е. Солдатская память // Рудный Алтай. – 1983. – 5 февраля.

М.И. Чистяков, 1950-е гг.

М.И. Чистяков, 1960-е гг..

Члены Восточно-Казахстанского областного литературного объединения
в гостях у М.И. Чистякова. г. Усть-Каменогорск, 1983 г.

М.И. Чистяков и члены литературного клуба «Костер»,
г. Усть-Каменогорск, 1974 г.

Б.В. Щербаков, М.И. Чистяков, С.И. Георгиади, Н.С. Матвеева,
оз. Сибинское, 1985 г.

М.И. Чистяков, 1987 г.

Слева направо: В.Ф. Минаев, О.М. Тарлыкова, В.Ф. Гусева, А.И. Дьяконова, М.И. Чистяков, Н.С. Матвеева, Е.А. Байбатчин

1960-е гг.

Борис Васильевич ЩЕРБАКОВ

(Родился в 1939 г.)

Здесь, на этой земле, от давнего предка унаследовал я русский дух и страсть к бродяжничеству, стремление к далеким горизонтам выжженных степей. И поэтому, предполагая, живет все еще так сильно во мне память — о пыльных, не тронутых колесами дорог прошлого, о восточных базарах, тесных улочках, глинобитных мазанках и шалашах, о захолустных селениях, замках, аулах, деревеньках. Будто сам когда-то проходил длинные дороги Великого Шелкового пути...

Б.В. Щербаков

Книги Щербакова... написаны мудрым учителем и смелым натуралистом, зорким художником и отважным путешественником. Тема «Природа и человек» для него не случайна, он связан с ней жизнью своей и работой...

С.Е. Черных

Кто-то, возможно, считает его чудаком. А я думаю, что он, как птица, занесенная в Красную книгу, и надо лишь сожалеть, что такие люди редко встречаются.

А.Н. Доценко

ОРНИТОЛОГИЯ — НАУКА АРИСТОКРАТОВ

Задумывались ли вы над тем, о чем разговаривают цветы, что у них в «кулачках» (бутонах) спрятано? О чем поет «лесная пластинка» и «мурлычет сверчок»? Что «рассказывает речка», и о чем «звонят колокола Зайсана»?

Ответить на эти вопросы с глубоким философским смыслом вам поможет писатель и ученый Борис Васильевич Щербаков.

Рассказать о нем мне хотелось не однажды, но все как-то не решалась, несмотря на наше давнее сотрудничество. Казалось, не смогу найти нужных слов, чтобы рассказать о человеке удивительном, самозабвенно влюбленном в природу, а особенно — в ее божественные создания — птиц.

Но в одном телеинтервью Щербаков обронил фразу: «Орнитология — наука аристократов». «Быть может, — подумалось мне тогда, — аристократизм — есть суть натуры этого человека, ключ к пониманию его личности». Аристократизм во внешнем облике, образе мыслей, в роде занятий, наконец! И, конечно же, в глубокой, проникновенной любви к природе. Он один из тех, кого, сказать его же словами, «волнует шелест крыльев стрекозы, зовет дымка дальше и голос первой кукушки».

Мы беседуем с Борисом Васильевичем в небольшом кабинете в «Экобиоцентре»* на улице Горького. Скромнен мой собеседник. А вот титулы его, думается, далеко не просты: кандидат биологических наук, ученый-зоолог, член Союза писателей Казахстана, Почетный гражданин городов Хошимина (Вьетнам) и Усть-Каменогорска, автор и соавтор 15 научно-популярных и художественных книг, экологической пьесы для де-

* В настоящее время Б.В. Щербаков работает главным зоологом Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического природно-ландшафтного музея-заповедника.

тей и более сотни научных работ о птицах, млекопитающих и пресмыкающихся Восточного Казахстана. Его именем названо озеро у истоков Белой Убы в Западно-Алтайском заповеднике и два вида растений. Щербаковым в научных работах дополнена и уточнена система зонально-географических толкований в биогеографических структурах природных условий Восточного Казахстана.

Частицу звонкого леса напоминает мне «Экобиоцентр». Кабинет Бориса Васильевича наполнен щебетом и зычными криками экзотических птиц. И «царствует» над всем этим человек удивительно доброжелательный и интеллигентный. Вероятно, только натура тонкая и поэтическая может часами с упоением рассказывать о птицах. «Ведь что такое небо без птиц? – рассуждает Борис Васильевич. – То же, что ночь без звезд. Без вездесущих сорок осиротели бы рощи и перелески, без птичьего гомона оглохла бы весна, померкла бы осень без гусяного гоготания и опустели бы города без привычного воробышка...»

– Борис Васильевич, и все-таки, почему привлекают вас именно птицы?

– С первых дней сознательной жизни и по сию пору не могу ответить, чем птицы меня околдовали? В детском воображении они олицетворяли сказочность дикой природы, ее очарование и захватывающие тайны. И с ранних лет я содержу их дома. Однажды в экспедиции, как бы между делом, подсчитал, сколько же видов обитало у меня дома? Получилось, более ста!

В настоящее время у Бориса Васильевича одна из лучших коллекций птиц в республике. Он первым в Евразии развел серых попугаев Жако и второй человек в мире – белолобых кубинских амазонов, а также огненных ткачей и южно-американских попугаев аратингов коричнево-щеких.

– Борис Васильевич, в интервью вы сказали: «Орнитология – наука аристократов». Как это следует понимать?

– Орнитология во все времена была доступна только людям состоятельным. История помнит имена отечественных ученых: А.Н. Северцова, Н.А. Бобринского, В.Н. Шнитникова. Вся эта старая состоятельная интеллигенция была влюблена в свое дело. Благодаря финансовым возможностям, они могли сочетать личные интересы с научными наблюдениями и открытиями в области орнитологии. То же касается ученых Запада. Все это достаточно богатые люди, имеющие возможность заниматься наукой, опираясь на свои финансы. Но наука орнитология еще и потому удел аристократов, что это одна из красивейших наук. Что же может быть прекраснее птиц?

Орнитологией увлечены люди особого склада, тонкой душевной организации, думается, такие как Борис Васильевич. Возможно, именно это имел в виду известный профессор Бажанов, сказав на одной из научных конференций о Щербакове: «Борису Васильевичу свойственно видеть такие вещи, какие не под силу увидеть даже западным педантам (ученым)».

– По-видимому, Борис Васильевич, не обошлось здесь «без генов»? Кто ваши предки?

– Дед и прадед, по линии отца, были людьми деловыми и состоятельными. Прадед был купцом I гильдии, очень интересовался лошадьми и содержал конезавод в Кулундинских степях. Отец, Василий Агафонович, любил природу, был страстным охотником.

Борис Васильевич рассказывает о том, что отец был человеком чрезвычайно сильным физически, имел удивительно красивое телосложение. Его так и звали: «Васька-дутьш». «Вот почему, – думаю я, – Борис Васильевич так гармонично сложен».

– Только ростом не вышел, – смеется Щербаков, – рос в голодные годы – не докормили!

– По-видимому, вашему физическому состоянию способствовали и многие километры, которые вы прошагали в целях науки?

– 19000 километров пройдено для науки. Я участвовал в 300 экспедициях! – отвечает Щербаков.

Кроме того, с ранних лет Борис Васильевич занимался борьбой, акробатикой, штангой. Пяти лет уже мог «ходить» на руках. Были шансы иметь успех на спортивном поприще, но любовь к природе победила.

Борис Васильевич помнит себя с очень раннего детства. «Вспоминаю, – говорит он, – как сидел на груди у отца, рассматривая пуговицы на его гимнастерке. Было мне тогда года полтора».

Отца отняла война, вскоре не стало и матери. Родителей заменила неграмотная, но мудрая бабушка – Мария Михайловна Фадеева. Была она трудолюбивой, очень хотела научиться читать и писать, но не было возможности. «Когда бабушку хоронили, – рассказывает Борис Васильевич, – люди говорили о ней: «Не знаем более светлой головушки». С 12 лет Мария Михайловна работала «в людях», потом по рекомендации городских властей ее направили в Лениногорск на службу иностранных концессионеров. Некоторое время волею обстоятельств Борису с бабушкой пришлось жить у родственников на песчаном острове Муйнак на Аральском море. «Часто в свободное время я убегал в пески острова, – вспоминает Щербаков в книге «Травы памяти». – Это была настоящая школа. Я познавал мир животных и растений песчаного царства, зате-

рянного среди ультрамариновых вод Арала. Уже в те годы я твердо решил: буду учиться «на натуралиста».

В 1967 году Щербаков заочно окончил биологический факультет Усть-Каменогорского пединститута. В 1986 году защитил диссертацию «Птицы Западного Алтая».

– Вашим духовным наставником был Максим Дмитриевич Зверев?

– Да, это человек «моей мальчишеской мечты» – писатель-натуралист, ученый, один из немногих, кто стоял у истоков зоологической науки советского периода.

Борис Щербаков и Максим Зверев встретились в 1961 году. Последующие годы их связывала крепкая дружба. М.Д. Зверев – народный писатель Республики Казахстан, дважды лауреат Государственных премий – восторженно отзывался о Щербакове и благословил его на писательский труд. На книге, подаренной начинающему писателю, другом и наставником сделана запись: *«Дорогой Борис! Мужественно и самоотдавленно отдавайтесь делу защиты природы и изучению животного мира – делу их поэтического отображения в литературе: тогда вы будете волшебником и магом, потому что постигаете тайны природы и великодушно раскрываете их перед всеми людьми. Совершенствуйтесь в этом жанре художественной литературы – и вы достойны будете занять свое место, оригинальное, неповторимое, как у каждого художника, даже в мировой литературе. В этом жанре приветствую и благословляю Вас!»*.

Б.В. Щербаков – один из немногих литераторов, кто работает в жанре натуралистического рассказа. Это нелегкий путь в научном и литературном смысле. От писателя-натуралиста требуется не только владение мастерством художественного слова, но и глубокие научные познания. Это же отметил в рекомендации Щербакову в Союз писателей СССР прозаик Юрий Герт: «Борис Щербаков – литератор особого склада. Это ученый-естественник, чья специальность – жизнь природы, а именно – биология птиц, – в этой области ему принадлежит несколько соответствующим образом зарегистрированных открытий. И одновременно Борис Щербаков – писатель, владеющий пером художника. Когда читаешь его книги о животных, заново поражаешься богатству природы, ее высокой гармонии и совершенству. Охотно рекомендую Бориса Щербакова в Союз писателей СССР – литератора, ученого, человека доброго, щедрого сердца 18.04.83».

– Борис Васильевич, какие ваши научные открытия наиболее значимы?

Б.В. Щербаков

— Пожалуй, концепция о происхождении оперения птиц. Дело в том, что, начиная с XVIII века, вопрос, связанный с образованием оперения птиц, до последнего времени оставался открытым. Большая часть ученых-эволюционистов склонна считать, что перья произошли от чешуи рептилий. Однако ответ этот не удовлетворял и самих теоретиков данной гипотезы: фактов, подтверждающих это, не было найдено даже у ископаемых первоптиц. В 1968 году мной разработана гипотетическая концепция, опирающаяся на принцип, что индивидуальное развитие особи повторяет эволюционный путь формирования вида. Был установлен переходный ряд развития оперения через исчезновение чешуи и появления волосовидных перьев и в конечном результате формирование контурного пера. Таким образом, были найдены ответы на основные вопросы о происхождении оперения птиц.

Добавлю к сказанному Щербаковым, что концепция этой гипотезы использовалась в лекционном курсе сельскохозяйственного института города Алма-Аты. Кроме того, известный орнитолог СССР В.В. Строков, внимательно изучив гипотезу, рекомендовал ее к печати. Однако до сих пор концепция, представляющая, по сути, мировое открытие, не опубликована. И каково же было огорчение Бориса Васильевича, когда по телеканалу «Discovery Saentic» американские и китайские ученые, после того, как в Китае в провинции Ляо-Нинь были найдены первоптицы «Дейв» с пуховым оперением, выдвинули свою гипотезу, которая, как оказалось, в точности соответствует всей логике Щербакова.

– Можно ли надеяться, что этот вопрос вы не оставите открытым?

– Да, тем более что у меня есть более весомые аргументы, объясняющие происхождение пера разных видов птиц.

Глубокому знанию природы способствовали многочисленные экспедиции, которые Щербаков совершал, долгие годы работая на «Станциях юных натуралистов». И всегда вместе с писателем-ученым были его полевые дневники, куда он заносил все примечательное и интересное, откуда потом черпал материал для своих художественных произведений и научных статей. Небольшая зеленая книжица, один из многих его дневников, хранится в нашем музее. Она представляется мне неисчерпаемой кладовой. В ней путевые заметки и зарисовки, засушенные растения, а также автографы писателей.

Так, на основе первого знакомства с природой далекой Каракалпакки написана первая книга Щербакова «Житель лунных тугаев», вышедшая в издательстве «Жалын» и признанная лучшей книгой 1976 года. В нее вошли 20 восхитительных рассказов о пленительном мире природы.

Две темы, или лучше сказать две «мечты» (по Паустовскому), являются главными в творчестве Щербакова. Их трудно обособить: человек и природа. Человек испытывает счастье в общении с природой, в постижении ее тайн и красот. Думается, гармония человека понимается Щербаковым именно в совести человеческой, в ответственности его за свои деяния по отношению к природе. И примером тому служит каждое произведение Щербакова.

Удивительным даром слова природа наградила Бориса Васильевича. «Поэзии таинственная власть» очаровывает в каждой его книге. Щербаков, на мой взгляд, поистине поэт в прозе. Его произведения – гимн слову и музыке, а потому звучат они как этакая симфония. На страницах его книг «разлито солнце», они «пахнут дождем» и играют красками росного утра. Борис Васильевич помнит слова нашего земляка писателя Е.Н. Пермитина: «Книга, языком которой не любитесь читатель, написана зря». Думается, именно этому художественному принципу следует писатель в своем творчестве. Его повести, рассказы, короткие пейзажные зарисовки, новеллы по красоте слова и философскому содержанию, представляется мне, сродни прозе Е. Пермитина, М. Пришвина и К. Паустовского, а по занимательности сюжета, научности и лаконизму – книгам Н. Сладкова, В. Бианки, М. Зверева.

Раскройте, например, книгу «Ожившие реликты». В ней маленькое существо, обитающее в Зайсанской котловине, на первый взгляд не-симпатичное, просто ящерка-круглоголовка, описана с такой любовью и нежностью, что встреча с ней даже на страницах книги незабываема.

Поэтична проза Щербакова, по-видимому, и потому, что он обладает поэтическим даром в самом прямом смысле слова. Стихи Борис Васильевич начал писать еще в юношеском возрасте. В его дневниках сохранилось их более 300.

Вот предыстория одного из стихотворений. Борису Васильевичу запомнился вечер, когда он, учась в 8 классе, однажды зимой, продрогший, пришел с охоты домой, затопил печь и присел согреться у огня; сквозь оконца, покрытые толстым слоем изморози, в избушку, где жили они с бабушкой, сочился лунный свет. Тепло и уют в доме как бы спорили с морозом за окном, и у мальчика родились поэтические строки:

Как око желтое совы,
Заглядывая в мрачный лес,
Печальный диск висит луны,
Холодный свет он льет с небес.

В избушке так тепло, уютно.
Сажу на лавке у печи.
Мороз, безжалостный и лютый,
Ты к нам в окошко не стучи!

Природа в книгах Щербакова олицетворена, будь то речка, цветы, тучи, птицы. Все они наделены какими-то своеобразными человеческими качествами. Так, в коротком рассказе «О чем поведала реченька» речка, молодая и шумная красавица, поет и бурлит, неустанно говорит, воркует и околдовывает. Речка ведает о «далеких, убежденных вечным снегом и синими льдами горных вершинах, где она родилась. Рассказывала и пела реченька о белизне снегов, о цветущих огоньковых лужайках на ее бережках. И сразу я почувствовал, — пишет автор, — снежное дыхание, и еще больше поверил ей, когда хлебнул студеной воды, сбегавшей с вечно студеной снежников... Все, о чем поведала реченька, была сущая правда, и не зря верили ей ели, трепетные березки и трухлявые пни, которым она рассказывала о прошлом, о будущем и настоящем».

Человеческими качествами наделены в рассказах Щербакова и животные. Глухарь в «Травах памяти» воспринимается как разумное существо, способное думать, помнить, любить и страдать.

Для прозы Щербакова характерны емкие, точные, образные и по-своему многоцветные, живописные пейзажные зарисовки. Образно, ярко и поэтично мастер художественного слова описывает угасание дня: «Вечер медленно опускает сиреневый занавес заката. Тонкой позолотой вспыхивают высокие облака. По щелям густеет лиловый сумрак. Быстро тем-

неет, и тайга становится единой, черной, погружается в таинственное молчание».

А какие неожиданные живописные сравнения в рассказе «Голубые глаза озер»! Вода в озерах сравнивается с лепестками горных фиалок, зажатых в «зеленых ладонях гор», а река не просто вытекает из озера, оно «выплескивает речку через край». Сколько цвета, красок в эпитетах!

Так способен писать не только мастер художественного слова, умеющий наблюдать прекрасное в природе, но и человек, не единожды державший в руках кисть художника-пейзажиста. В нашей беседе выяснилось, что Борис Васильевич увлекается живописью. Вот уж поистине человек талантливый во всех отношениях!

Особенно пленительны в рассказах Щербакова картины осени. «Глубокая осень – романтическая пора и необыкновенно грустная страница большой книги Природы», – считает писатель.

– Осень меня вдохновляет больше, чем другое время года, – рассказывает Борис Васильевич. – Еще школьником осенью любил перелезть через забор в парк Джамбула и смотреть на листья, паутину, слушать птиц. Однажды проходившая мимо женщина спросила: «Вы, наверное, художник?» А голоса птиц осенью? А луна? Осенью она особенная, более задумчивая, впечатлительная и впечатляющая. Очень люблю в ненастье сквозь запотевшее окно смотреть на сквозные рощи и бродить с ружьем по перелескам. Осень по-особому лирична. Это удивительное состояние природы непередаваемо. Именно осенью я всегда стремился душой в неизведанные места, дальние края.

«Как птицам», – подумалось мне. Осень в рассказах Щербакова – желтоглазая красавица-мастерица; она может, пройдя, оставить след. Какой? Об этом рассказ-миниатюра «Осень наследила».

Рассказы Щербакова о природе удивительно полифоничны. В них слышатся песни дождя и ветра, звон колоколов озера, шорох крыльев птицы, разговор цветов, мелодия «лесной пластинки».

Иногда в криках птицы («Тише – ворон!») слышится откровенная насмешка: «Ха-ха! Ты меня там ищешь, а я-то вот он!» То вдруг ворон вскидывает свои темные крылья и кричит: «Хру-у-у-ай-ай!» Мурлычет свои монотонные песни сверчок, солируют варакушки, перезваниваются кулички, ухают волны, сотрясают воздух камнепады, тихо перешептываются луговые цветы, неугомонно тараторит ручей, глухо шумят бессонные речки.

А что же такое «лесная пластинка»? – повествует книга «Золотыми тропами осени». Оказывается, это паутинка, которая висит между деревьями, «сверкая лезвиями витков. Странно то, что она не крутится, а

играет». И если в нее попадает муха или комар, они-то и «тянут отчаянную песню». «Еще и еще ходил я по лесу и встречал подобные «играющие пластинки», вслушивался в разноголосые вопли незадачливых летунов. Оказывается, у крупных, попавшихся в паучьи сети, насекомых дольше и звучнее песня, у мелких – короткая, даже не всегда ее слышишь».

Читая рассказ, подумалось мне, что услышать эту «лесную пластинку» может человек, обладающий не только видением и воображением художника, но и музыкальным слухом и, даже более того, владеющий каким-либо музыкальным инструментом? Этот вопрос я задала Борису Васильевичу. И он рассказал, что среди предков по материнской линии были музыканты. Дед, Фадеев Филипп Александрович, был талантливым скрипачом-самоучкой, известным в Усть-Каменогорске. Играл в ресторане, на свадьбах, прекрасно пел. Начиная с пятилетнего возраста, он сам себе мастерил скрипки из бересты, со скрипкой прошел Первую мировую, партизанил.

Инженеры-проектировщики Иртышгидростроя, москвичи, восхищались его талантом, они настаивали на поступлении Филиппа Александровича в консерваторию, но он отказался. Об уникальных способностях деда Щербакова, кстати, писал Ефим Николаевич Пермитин.

Обладала прекрасным голосом и мать Бориса Васильевича. Она великолепно пела цыганские песни, романсы, играла на гитаре. Бабушка также пела в церковном хоре.

«Скрипка была и моей юношеской мечтой, – говорит Щербаков. – Играл на ней вальсы: «Березка», «На сопках Манчжурии», «Дунайские волны», романсы: «Ах, эти черные глаза», «Белая акация». На скрипку я и потратил свою первую получку».

«Вот почему, – думаю я, слушая Бориса Васильевича, – порой, кажется, что в рассказах Щербакова звучит даже тишина. Вот почему так грустна «осенняя мелодия»: «Погода осенью переменчива: разыгрывается ветер, тоскливо свистит и завывает в уродливых стволах-карликах кедрового стланика, рождая грустную осеннюю мелодию. От набежавших облаков темнеет небо. Сыплется рыхлый и сухой снег. С верещанием и повизгиванием снялась запоздавшая стайка чернозобых дроздов... Грусть предвзято разлилась всюду, воздух колкий и свежий. Кажется все – сюда пришла настоящая зима, накинув свой белый саван на спины хребтов».

Все эти удивительные повествования о природе убеждают читателя, что Щербаков способен видеть прекрасное во всем, он призывает чаще останавливаться, удивляться и всматриваться в красоту, подаренную

человеку природой: «Там, где от тающих снегов разливается талая вода, от которой, если станешь пить, ломит зубы, стоят по колено в ней лютики алтайские. Издали кажется, кто-то разлил желтую-прежелтую краску: так их много. Вблизи эти карлики заливных алтайских лугов еще красивее: листочки у них незаметны, а лепестки яркие, отливают глянцем, маслянистые, на каждом подрагивает лучик солнца. Каждый цветок – великое чудо!» («Тропа длиною в год»).

– Борис Васильевич, каждому ли дано видеть в природе прекрасное, или это дар, которому научиться невозможно?

– Нет, чуть подвинуть, и только... Можно научиться смотреть, а видеть – сложно.

– Что значит видеть?

– Это значит, должна возникнуть трепетная реакция, какие-то ассоциации, порыв к творчеству. Видеть – дано не каждому.

Описывая великолепие природы нашего края, восхищаясь многообразием живых форм, Щербаков, в то же время, глубоко обеспокоен тем, что слишком много зла сеет человек на своем пути, истребляя все живое, нарушая законы природы.

Как мерило человеческой совести, олицетворение добра и справедливости возник в творчестве писателя образ «Синего Карлика», описанный в «Рассказах деда Маррея». «Хотелось бы, и очень, – пишет Борис Васильевич, – чтобы на самом деле был он, этот «Синий Карлик» – как человеческая, экологическая совесть, способная будить сознание и справедливость в наших поступках, когда имеем дело с живой и хрупкой природой».

Глубокого философского смысла полны произведения Бориса Щербакова. Писатель и ученый деликатно и ненавязчиво призывает нас бережно относиться к природе, обрести с ней духовное единение, воспитывает умение видеть поэзию в обыденном. Поэтому человек в книгах Щербакова, будь то егерь Саватей («Глухариною тропой»), Колька («Гвидон»), лесник Игнат («Житель лунных тугаев»), писатель Максим Зверев («Травы памяти»), дед Матвей («Рассказы деда Маррея»), – наделены духовным мирозерцанием. Глубокое единение природы и человека – это, по-видимому, и есть философия Бориса Щербакова.

Литературную и научную работу Борис Васильевич успешно сочетает с педагогической. Его педстаж – почти 40 лет.

Что же привело Щербакова в систему школьного образования?

– Прежде всего, это творческая работа, которая располагает к большой самореализации, – говорит Щербаков. – Кроме того, педагог, работающий на «Станции юннатов», имеет возможность совершать самые

разные экспедиции по краю, общаться с детьми особой категории: увлеченными, талантливыми, одаренными, чьи интересы всецело совпадают с интересами учителя.

Во время экспедиций, длившихся порою по несколько недель, Борис Васильевич воспитывал в детях самостоятельность, умение наблюдать и анализировать явления, происходившие в природе, бережно относиться ко всему живому, уметь сострадать и сопереживать. Педагог развивал в них чувство долга, взаимопомощи, прививал навыки в научно-исследовательской работе.

– Я старался объяснять детям, что живущие вместе с нами звери и птицы, травы и деревья, сотворенные природой за многие миллионы лет, – неповторимы. И если в наше время, что просто нелепо, исчезает какой-либо вид, то это уже навсегда. Утрата эта на все времена и эпохи невозполнима. С каждым таким видом бесследно исчезает бесценная частица истории развития живой материи в бесконечности времени, в бесконечности Вселенной.

Многие ученики Щербакова прошли на «Станции юных натуралистов» интересную и познавательную школу орнитологических исследований и связали впоследствии свою жизнь с наукой. Многие из выпускников стали охотоведами, научными сотрудниками, писателями, работниками заповедников, музеев, некоторые – ветеринарами, другие уже сами учат школьников любить и беречь природу.

Борис Васильевич с благодарностью вспоминает и о том, какую колоссальную помощь оказали ему ребята в сборе материалов для написания диссертации.

И в настоящее время, как ученый, педагог, писатель, Борис Васильевич много работает для детей. Так, готова к изданию его экологическая пьеса «Старуха-скрипуха», поставленная в Областном драматическом театре. Ждут издательского часа сказки: «Властелин пустыни», «Звездная сказка». Не имеет аналогов в литературе книга «Охота за буквами» (Азбука природы), где проанализированы звуки более 500 видов животных планеты.

За заслуги в деле воспитания подрастающего поколения Б.В. Щербакову присвоено звание «Отличник народного просвещения Казахстана».

Кроме того, за достижения в педагогической работе и в области охраны природы он награжден более сорока грамотами. Восемь малых золотых медалей и три малых серебряных вручили ему в Москве на ВДНХ в «Юннатском павильоне».

Все, над чем он работает, подчинено целенаправленному поиску путей спасения нашего «Зеленого дома». И поиск этот реальный и действенный.

По его инициативе, например, в 1993 году организован Западно-Алтайский государственный заповедник, имеющий целью сохранить важные природные комплексы в горно-таежной и высокогорной части Рудного Алтая. Кроме того, «наступило время, – считает Щербаков, – сделать следующий шаг – создать заказник в степной зоне Восточного Казахстана. Для этого в отрогах Ульбинского хребта необходимо «выделить территорию, где хорошо представлена типологическая ландшафтная структура с мозаичным распределением горно-луговых кустарников и древесных формаций. Ульбинский горно-степной заповедник мог бы стать не только памятником природы, но и прекрасным достоянием каждого человека».

Благодаря предложению и научному обоснованию Щербакова, в Восточном Казахстане организован Тарбагатайский государственный зоологический заказник.

Усилиями Щербакова и при поддержке акиматов, Департамента областного отдела образования и архитектуры в 1997 году организован Школьный экологический заповедник «ШЭЗ» в урочище Чечек, где учащиеся города имеют возможность проходить полевую экологическую практику и заниматься научно-исследовательской работой.

Щербаковым впервые в нашей области и республике созданы и «растиражированы» шесть учебно-экологических троп для школьников.

В результате его вмешательства продолжил работу Кулуджунский заказник, остановлена рубка леса в окрестностях Горняка, в районе Тарханки и по Громотушинскому ущелью.

И еще много действенных мер предпринял Борис Васильевич для сохранения нашего общего дома. К ним также можно прибавить и многочисленные научные сообщения Щербакова на конференциях и совещаниях, проходивших в Москве, Алматы, Казани, Новосибирске, а также во Вьетнаме, Индии. Не случайно профессор П.И. Мариковский большую заслугу Щербакова видит в том, что Борис Васильевич «не только констатирует, пусть даже редчайшие экзотические наблюдения, но и делится с нами большим проникновенным чувством любви к родной земле, сыновним чувством деятельной заботы сохранения прекрасного, так необходимого человеку XX века, мира природы...».

И хочется верить, что все планы и надежды Бориса Васильевича сбудутся, и Восточный Казахстан будет заповедным краем с реликтовыми рощами и ботаническими садами, а человек, благополучно сосуществующий с редкими видами животных и растений, станет поистине гармоничным и достойным своего человеческого звания – хозяина нашего «Зеленого дома».

ЛИТЕРАТУРА
(в сокращении)

- Щербаков Б.В. Лесная красавица // Подарок малышам: Сборник рассказов / Сост. В. Краснер. – Алма-Ата, 1972.
- Щербаков Б.В. Маленькие тайны леса // Рудный Алтай. – 1974. – 9 января.
- Щербаков Б.В. Житель лунных тугаев. – Алма-Ата: Жалын, 1976.
- Щербаков Б.В. У озера звенящих колоколов. – Алма-Ата: Жалын, 1980.
- Щербаков Б.В. Ожившие реликты. – Алма-Ата: Кайнар, 1981.
- Щербаков Б.В. И раскрылись бутоны // Родные просторы: Сборник / Сост. А.И. Егоров. – Алма-Ата, 1982.
- Щербаков Б.В. Золотыми тропами осени. – Алма-Ата: Кайнар, 1983.
- Щербаков Б.В. Первый луч // Радуга: Сборник / Сост. Н.Х. Гарифуллина. – Алма-Ата, 1984.
- Щербаков Б.В. Зеленый дом: Повесть и рассказы. – Алма-Ата: Жазушы, 1985.
- Щербаков Б.В. Тропа длиною в год. – Алма-Ата: Кайнар, 1985.
- Щербаков Б.В. Сохранить красу Алтая // Рудный Алтай. – 1987. – 28 августа.
- Щербаков Б.В. Травы памяти: Повести и рассказы. – Алма-Ата: Жазушы, 1990.
- Щербаков Б.В. Птицы за окном. – Усть-Каменогорск, 1996.
- Щербаков Б.В. Купите себе полугая. – Алматы: Казахстан, 1997.
- Щербаков Б.В. По ту сторону Гималаев // Рудный Алтай. – 1997. – 1 января.
- Щербаков Б.В. Путь к Абаю. – Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2006.
- Казахстан. Открытие неизведанного / Автор текста Б.В. Щербаков. – Алматы: Ритокс, 2006.
- Алексеев Н. Голос живой природы // Рудный Алтай. – 1999. – 17 июля.
- Доценко А.Н. Дело жизни // Рудный Алтай. – 1989. – 21 декабря.
- Евдокимов Н. Войди в «Зеленый дом» // Рудный Алтай. – 1985. – 29 мая.
- Кратенко А.И. Она откусывала пуговицы на брюках, а потом лезла целоваться // Караван. – 1998. – 6 февраля.
- Новиков М. Как создаются книги // Рудный Алтай. – 1985. – 15 июня.
- Пуссеп Г.Н. Земля очарования Бориса Щербакова // «7 дней». – 2005. – 12 августа.
- Фроловская Т. Образ земли // Казахстанская правда. – 1983. – 23 сентября.

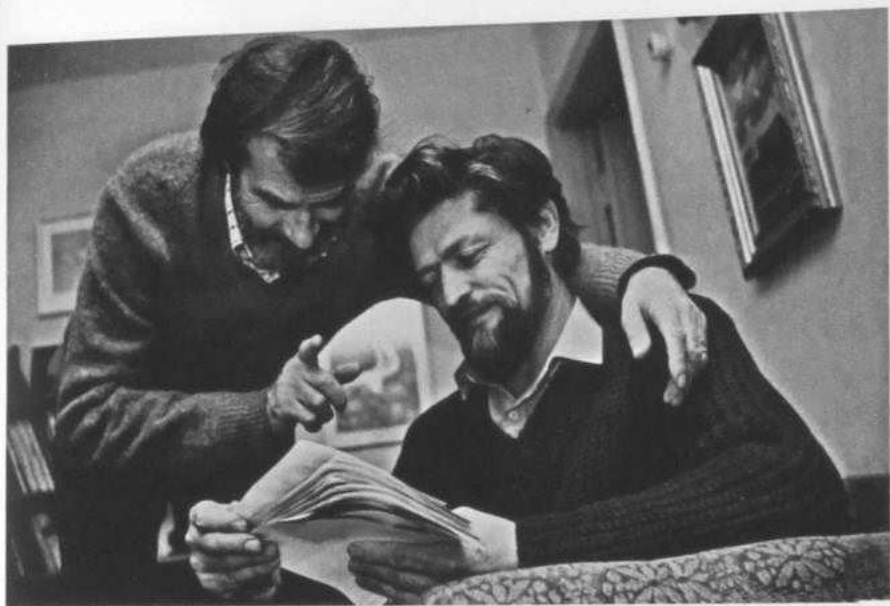
Б.В. Шербаков в гостях у Н.И. Сладкова, г. Ленинград, 1978 г.

Б.В. Щербаков, 1984 г.

В.В. Щербаков, 1984 г.

Б.В. Щербаков и В.А. Щербаков, г. Алма-Ата, 1980-е гг.

Рисунок, выполненный Б.В. Щербаковым

Озеро Щербакова, Западный Алтай

Б.В. Щербаков и М.Н. Ткачев, Хошимин, 1989 г.

Василий Макарович
ШУКШИН

(1929 – 1974)

Нам так нужен был Шукшин
— и он пришел, сделав свое дело
талантливо и честно, не жалея себя,
и, надорвавшись за этими запущен-
ными делами, преждевременно ушел,

показав, как необходимо художнику жить, работать и думать во
имя народа и правды.

В. Распутин

...И гордишься, и удивляешься этим Сроstickам без конца, и
завидуешь им: вот, что они оказались способными дать, вот, что
они способны принять — какой дух, какую нравственность, какую
глубину жизни.

С. Залыгин

И какая-то ограмная мощь чудится мне там, на родине, какая-
то животворная сила, которой надо коснуться, чтобы обрести утра-
ченный напор в крови. Видно, та жизнеспособность, та стой-
кость духа, какую принесли туда наши предки,
живет там с людьми и поныне, и не зря верить, что
родной воздух, родная речь, песня, знакомая
с детства, ласковое слово матери, врачуют душу.

В. Шукшин

В СРОТКИ, В ГОСТИ К ШУКШИНУ

Знаете, почему я писатель? У меня есть Сротки, у меня есть Алтай, у меня есть Россия. Но, а в начале – изба в Сротках...

В.М. Шукшин

Поездка в Сротки летом 2001 года явилась для меня и моих близких самым ярким и потрясающим событием последних лет. Нам выпало счастье прикоснуться к благословенным местам, взрастившим замечательного, талантливого человека – Василия Макаровича Шукшина.

«На голос взыскующей совести...»

Мы мчимся по Чуйскому тракту, позади 800 километров, а в ушах звучит, помните: «Есть по Чуйскому тракту дорога...» Вероятно, незатейливая мелодия этой песни и была началом моего знакомства с Шукшиным. Еще в детстве меня научила играть ее на гитаре одна безродная женщина, что ходила из дома в дом, помогая людям по хозяйству, тем и зарабатывая на хлеб.

Позднее я услышала знакомый мотив в фильме «Живет такой парень», тогда и запомнилась мне фамилия режиссера В.М. Шукшина. На экране же впервые увидела его в фильме Сергея Герасимова «У озера», а позднее, уже в студенчестве, познакомилась с Шукшиным-писателем.

Посетить шукшинские места мечталось давно, но поездка все как-то откладывалась. Впрочем, и эта чуть было не сорвалась, поскольку, вопреки нашим ожиданиям, двадцать шестые чтения решено было провести не как обычно, в последние выходные июля, а 21-22 числа, о чем мы узнали лишь за пару дней до отъезда. Видя наши с сыном унылые лица, просить

же мужа о срочном отъезде мы не смели – слишком много накопилось неотложных дел, – Аркадий махнул рукой: «Все, собирайтесь, поехали!». Оседлали старенькую «Тойоту», забросили в машину палатку, спешно закупили продукты – и в путь. А всю дорогу гадали: можно ли показаться на празднике без «фраков»? Оказалось все проще, чем даже ожидали...

Итак, машина мчится в Сростки, в гости к Шукшину. «Что же зовет нас туда? – раздумываю в пути. – Жажда духовного общения? Пронзительная правда его книг? Шукшин-Человек? Актер? Режиссер? Писатель?»

Уже на обратном пути, полная впечатлений, я ясно представляла себе, что все это вместе взятое и снарядило нас в дорогу. Мы встретили столько людей, объединенных большой любовью к литературе, кинематографу, Шукшину, окунулись в атмосферу такой доброты, чего, пожалуй, не испытывали за всю жизнь.

Минуя Бийск, мы выезжаем на Чуйский тракт. До Сросток всего-то 35 километров, волнуемся, как бы устроиться, чтобы никого не потревожить. Мимо проносятся сосновый бор, березовые рощи. На въезде в поселок простенькая табличка на двух опорах: «Сростки». Поселок лежит по обе стороны Чуйского тракта. «Большое село», – говорит сын. «Настоящее, русское», – думается мне. Кинотеатр «Катунь», библиотека, магазин, деревянные двухэтажные добротные дома. Старая школа, новая...

Подумать только, по этим улочкам Василий Макарович ходил, исто-во любил свою малую родину и мечтал вернуться, «когда будет невмo-готу...» Вечереет, накрапывает дождь. Около 9-ти вечера останавливаемся у небольшой деревянной гостиницы. На вопрос: «Где можно переночевать?» – отвечают: «Да где угодно. Можете на берегу Катунь поставить палатку. Следуйте, если хотите, к библиотеке, где остановились павлодарцы». Казахстанцы, фольклорная группа из Павлодара, радушно встречают нас. Ставим палатку под дивные напевы из соседней. Песни до боли знакомые. «Да не «Бастеньки» ли это?» – говорю мужчинам, не веря своим ушам. Стучимся в гости. «К нашему столу!» – приглашают коллеги из этнографического музея. Вот так встреча!

– Вы откуда здесь? – спрашивает Александр Андреевич Яковлев, руководитель усть-каменогорской фольклорной группы этнографического музея.

– По зову сердца, – смеемся мы.

Стемнело. На небе полная, удивительно яркая луна. Кажется, что она повисла в кружеве ветвей на соседнем дереве. То прячется, то вновь выныривает из-за тяжелых туч, и вспоминаются стихи приморского по-

эта Анатолия Бочинина, что приезжал в Сростки на велосипеде из Владивостока:

Какой простор! А на потеху
И в назиданье – в облаках
Луна сияет, как прореха,
На старомодных башмаках.

Умолкли трели певчей птички,
Звенит ночная тишина.
Калина в розовой рубашке
Идет по тропке Шукшина.

Несмотря на моросящий дождь и поздний час, мне не терпится теплой июльской ночью пройтись по Сросткам.

Бродим по улочкам при свете луны, тревожим уgomонившихся собак. Удивительно тепло и покойно на душе. Вот сейчас, кажется, грянет гармошка и вывернет навстречу из переулка Колька Малашкин, помните, герой рассказа Шукшина «Думы»:

«И вот так каждую ночь! Как только маленько уgomонится село, уснут люди – он начинает... Заводится, паразит, с конца села и идет. Идет и играет. А гармонь у него какая-то особенная – орет. Не голосит – орет.

Нинке Кречетовой советовали:

– Да выходи ты скорей за него! Он же, черт, житья нам не даст.

Нинка загадочно усмехалась:

– А вы не слушайте. Вы спите».

Смеемся, вспоминая рассказ. Возвращаемся. Сквозь окна машины смотрю, засыпая, на звезды и думаю о завтрашнем дне...

**«Катунь, что дым от папироски,
безмолвно тлеет синевой...»**

Поднявшись пораньше, ежась от утренней прохлады, отправляемся на Катунь. Раскрываем зонты, но стоически обещаем себе искупаться в реке. Идем проселочной дорогой, с любопытством заглядывая на подворья, где, несмотря на ранний час, суетятся «чудики» – земляки Шукшина. Вот мужчина около забора рубит дрова, женщины хлопчут по хозяйству. Уже кипит жизнь в деревне и скоро утро, как в рассказе Шукшина, «встряхнулось, выгнало из туманов светило, заструилось в трепетной мокрой листве текучее серебро...»

По «Змеиному ложку» спускаемся к реке, слева и справа – крапива, выше человеческого роста. На удивительно ровном берегу, покрытом

изумрудной травой, раскинулся палаточный городок: дымятся костры, люди под навесами кипятят чай. «Присоединяйтесь к нам, – приглашают мужчина и женщина. – Бываем здесь ежегодно уже в течение пяти лет, – рассказывают они. – Сами мы из Рубцовска. Приехав однажды, заболели шукшинскими местами. В Сростках и друзей нашли. Вот, рядом, забронировали им место для палатки. Вечером здесь уютно, песни у костра! Располагайтесь!» Вокруг доброжелательные лица, все приветствуют нас, как будто расстались только вчера.

Обласканные, идем к реке. «Побывать здесь, – думаю я, – что причаститься, напиться из кристально-чистого родника. И, верно, хватит сил еще на год, чтобы в следующем июле вновь махнуть в Сростки».

– Если не соберетесь на следующий год, – вторит моим мыслям сын, – то мы с пацанами за рюкзаки, в поезд и – привет!..

– И слава Богу, – радуюсь я, – если тебя потянет в Сростки, то за будущее твоё я спокойна!

Катунь с ее глинистыми берегами и мутной водой напомнила мне речку детства – Таловку. Ежась, входим с сыном в ледяную быстрину и мигом назад! Дрожа, натягиваем джинсы.

«Ну что, причастились?» – смеется муж. Возвращаемся. Уже на месте спохватились: «Вот досада, на берегу остался зонтик. Вернемся?» Куда там... «Хороший признак, – успокаивает Аркадий, – значит сюда еще приедем!»

«Верую в Россию»

Приведя себя в порядок, спешим на стадион, где скоро начнется фольклорный фестиваль народных коллективов под названием «Верую в Россию». Попутно знакомимся с селом. Сростки радуют глаз. Видно целый год сельчане готовились к торжеству. Лица у людей приветливые, просветленные. «Мы ждем этот праздник, как раньше Пасху ждали», – говорят они. Накануне пекут хлеб и пироги, готовят малосольные огурцы, приводят в порядок подворья. Словом, готовятся к встрече гостей. Огороды ухоженные, в палисадниках полыхают георины, флоксы, вытягивают шейки золотые шары и мальвы. Нарядные, в приподнятом настроении, сростинцы вместе с гостями стекаются на стадион. Подходим к пожилому человеку – земляку Шукшина. Похоже, он уже ждет вопросов о Василии Макаровиче. С готовностью рассказывает:

– Ваську-то знал. Вот здесь через дорогу пьяного перетаскивал, – показывает рукой.

– Нашел, о чем вспомнить, – шепчет сын. – Он ведь последних семь лет не пил вообще.

– Книги-то его читали?

– Да читал, – следует неопределенный ответ. Отходим...

– Ничего они так и не поняли в Шукшине, – с горечью говорит муж. –

Обидно!

По пути фотографируемся, стараясь запечатлеть на пленке все, что

Спальня матери.

Фрагмент-экспозиция Дома-музея

связано с его памятью. Надо отдать должное руководству села. Немало мест здесь увековечено: на деревянных табличках-указателях и мемориальных досках встречаются надписи такого рода: «На этом месте стоял дом деда Василия Макаровича Шукшина – Попова Сергея Федоровича». Прежде чем подняться на стадион, направляемся к бывшей сростинской школе, построенной в 1928 году. В ней после реставрации здания организован Государственный историко-мемориальный заповедник В.М. Шукшина. В этой школе Василий Макарович окончил семь классов. Вернувшись после армии в родное село, сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости, успев до отъезда в Москву поработать

учебный год директором вечерней школы сельской молодежи, что была организована в здании той же школы.

Школа одноэтажная, срубленная из бревен по-сибирски добротно. Вокруг школьной ограды расположились умельцы, съехавшиеся со всей округи: торгуют великолепными изделиями из бересты, камня, дерева. Чудесный алтайский пейзаж, выполненный тончайшими мазками на камне, уместается в ладони и радует глаз. Восторгу моему нет предела от деревянных миниатюр в кедровой оправе. Восхитительны колье, браслеты, кулоны из бересты, которые я немедленно приобретаю и, приплясывая, демонстрирую своим Аркадиям. Они снисходительно улыбаются: «Чем бы дитя...»

С волнением входим в ворота школы... Ухоженный двор, засаженный цветами, в центре участка рдеет калина. С интересом рассматриваем экспозицию. Зал «Истории села Сростки конца XIX – начала XX века»,

зал, посвященный творческой судьбе В.М. Шукшина. Посещаем выставку картин члена Петровской академии художника В. Конькова под названием «Выбор веры». Останавливаемся у портрета В.М. Шукшина в гриме Степана Разина, выполненного художником Г. Захаровым. В красной рубашке, с развевающимися на ветру русыми волосами, Шукшин запечатлен на фоне грозового неба и беснующейся реки. Вдали одинокая ладья под белым парусом. Завораживают глаза Шукшина-Разина – мятущегося, страстного, неуспокоенного бунтаря, каким был Шукшин и в жизни: так он жил, так писал и мыслил, будто чувствовал, что мало ему отмерено лет на этом свете, а потому торопился оставить свою Правду людям.

В Музее В.М. Шукшина, 2005 г.

Слушаем экскурсовода и изумляемся масштабам дарования этого человека, столь много успевшего в этой жизни: за 15 лет в киноискусстве он снялся в 17 фильмах, по собственным сценариям поставил 5 картин. Написал 5 сборников рассказов, 2 романа, 2 пьесы, полтора десятка статей. Книги его переведены на многие языки мира. И во всем, что он делал, выкладывался до дна. А потому трудно сказать, кто талантливее: Шукшин-режиссер, Шукшин-актер, Шукшин-писатель? А отпусти ему жизнь еще лет 10 – он снял бы грандиозный фильм о Степане Разине, написал бы, как было задумано, романы о Расколе и о Христе. Шукшин так жадно, вздохнул и жил, и работал, потому и сгорел. Не случайно, по свидетельству врачей, сердце его, когда он ушел из жизни в 45 лет, было как у восьмидесятилетнего. Видно, много страдал и сострадал...

И все же в конце жизни он мечтал оставить кинематограф и писать, писать... Потому что, по его словам, «в книгу впился» очень рано и не расставался с нею никогда. Шукшин был поразительно образованным человеком. В одном интервью Лидия Федосеева-Шукшина говорила: «Я даже стеснялась того, что он у меня такой человек — великой силы, ума глубочайшего, философского... Он словно в укор себе говорил: «Вот Пушкин семь раз Карамзина читал, а я всего один раз». Костомарова читал, Соловьева, Флоренского. День и ночь читал, иногда просто не отдыхая даже...» Люди, близко знавшие Шукшина, также упоминали о том, что где бы он ни был, прежде всего, находил букинистический магазин и возвращался домой с кипой редких книг. Дома имел замечательную библиотеку. Об образованности Шукшина говорит и тот факт, что одновременно со ВГИКом он поступил в Московский историко-архивный.

Но, вернемся в музей. Постоим на пороге класса, где Василий Макарович учился. Многим вспомнились парты с откидными крышками, выкрашенные в черный цвет, до боли знакомы учебные пособия, что висят на стенах, у доски — счеты... А на парте Василия Макаровича в кувшине — полыхает ветка красной калины.

Коллеги, научные сотрудники, любезно дарят мне копию его рукописи. Мы покупаем массу книг, путеводителей, а со стадиона уже звучат мелодии фольклорного праздника. Занимаем места под навесом «амфитеатра» и в течение трех часов наслаждаемся концертом. С восторгом рукоплещем нашим землякам «Бастенькам» и фольклорной группе из села Предгорного. Фестиваль обещал быть международным, так оно и вышло. В песенном мастерстве состязались гости из Белоруссии, Казахстана, России. Конкурс получился ярким, зрелищным, необыкновенно массовым. Гордости нашей нет предела: «Бастеньки» стали дипломантами, искренне радуемся за земляков.

«Дом и мать — две любви, две печали...»

Еще звучат заключительные аккорды фестиваля, а мы уже спешим в Дом-музей В.М. Шукшина. «И здесь нюх тебя не подвел», — смеются Аркадии, потому что в музее еще нет посетителей, кроме желанных гостей — двоюродных братьев Шукшина. Александр Иванович Кибяков приехал из Москвы, Владимир Иванович — из Бийска. Мы знакомимся, братья оставляют автографы в книге. «На память о родине Шукшина, — пишет В.И. Кибяков. — Храните память и передайте своим детям! С искренним уважением. 21.07.01».

Дом-музей В.М. Шукшина, 2003 г.

Я осматриваю Дом-музей, который в 1991 году получил статус Государственного историко-мемориального музея-заповедника В.М. Шукшина. «Экспонаты здесь все подлинные, исключая лишь занавески на окнах», – рассказывает сотрудница музея.

Четыре небольших комнатки музея выглядят так, какими они были при жизни Марии Сергеевны – матери Шукшина. Рассматриваю кружевные покрывала на кроватях, домотканые дорожки, вязанные салфетки, печь с пестрой занавеской и лесенкой, фотографии на стенах. В комнате Василия Макаровича на столе печатная машинка с рукописью сценария «Позови меня в даль светлую». Прошлись по палисаду. Александр Кибяков дает дельные советы сотрудникам музея по уходу за яблоней, она «помнит» Василия Макаровича.

Заглянули в летнюю кухню, присели на крылечке, прошли в баньку, постояли рядом с Шукшиным в бронзе, «подержались» за его руку, оглянулись на окна. Вероятно, сквозь это окно оператор А. Заболоцкий запечатлел Марию Сергеевну для фильма «Печки-лавочки». Вспомните первые кадры картины. Выходя за ворота, обернулись на дом: большой, с голубыми ставнями и верандой, под оцинкованной крышей. Он был куплен Шукшиным для матери на первый свой гонорар за роман «Любавины». «Вася любил этот дом. Сам баньку во дворе построил, кухню летнюю... Приедет, распахнет окно и сидит, пишет до поздней ночи, никто ему не мешает, лишь ветерок задергушку шевелит. Иногда ребята из клуба идут, остановятся, заглянут. Он заметит, выйдет за калитку.

– Ну что, мужики, покурим?»

До последнего дня своего ждала Мария Сергеевна открытия музея, хранила вещи сына, живя уже в Бийске.

«Ко мне столько народу приезжает, а встретить их негде. И все Васю свалено в кучу. Комнатку бы хоть. Я бы сама все там развешала, расставила, прибрала и всем бы рассказывала про Васю». И это говорит женщина с двумя классами образования! Не случайно Василий Макарович повторял: «Писать я учился у матери».

А праздник продолжается... В 17-00 возвращаемся в музей-школу, где присутствуем на программе «Казачи. Отечество. Россия», посвященной 30-летию выхода романа Шукшина «Я пришел дать вам волю» о Степане Разине.

«Вы тоже наши...»

Угасает день в Сростках. Полные впечатлений, мчимся вечером в Бийск, чтобы переночевать в гостинице. День предстоит насыщенный, путь дальний, нужно выспаться.

Утром сталкиваемся в коридоре гостиницы с Валерием Золотухиным. Худенький, невысокий, он выглядит моложе своих шестидесяти.

– Здравствуйте, Валерий Сергеевич, – вырывается у меня. – Не могли бы вы расписаться в книге Шукшина? (К счастью она у меня с собой). Вот досада, – продолжаю, – вашу «Баньку по-черному» оставила в машине.

– Откуда вы? – спрашивает Золотухин.

– Из Усть-Каменогорска, что в Восточном Казахстане.

Шукшинские чтения, 2005 г.

Задумывается на минуту и восклицает:

– Так вы тоже наши!

Смеемся. Подписывает книгу. Желает успехов.

Оказывается, здесь же по соседству с нами живут М. Евдокимов, А. Булдаков, В. Галкин, Л. Лузина и другие гости шукшинских чтений.

Выходим из гостиницы. «Звезд» ожидают «Волги» со специальной символикой на лобовом стекле – портретом Шукшина. И вновь Чуйским трактом возвращаемся в Сростки. Машин у подножия горы, где будет самый пик празднества, – целое море. Пестрят номерные знаки из Новосибирской, Кемеровской областей, Алтайского края, Казахстана. Рассказывают, что недоумевали раньше сростинцы, каким образом имя их земляка собирает столько народа. Теперь попривыкли... Завтракаем у подножия и отправляемся на Поклон-гору-Бикет, куда нескончаемым потоком идут люди. Нам предстоит присутствовать на художественно-публицистической программе «Верую в Россию».

К вершине человеческого духа...

Я не случайно пишу не Пикет, как принято теперь говорить. Бикетом издавна называли сростинцы гору, что возвышается над селом. По одной из версий, название горы произошло от тюркского Беget, что означает плотина, преграда, препятствие. Выходит, что Бикет – русифицированное название места между горой и речкой Федуловкой, что течет рядом и впадает в Катунь. На месте впадения люди рыбачили с помощью запруды – беgetа. Потому и гора получила такое название.

Поднимаемся на пологую вершину, оглядываем с высоты деревню. Дух захватывает от величественной панорамы: далеко внизу, как на ладони, во всей красе раскинулись Сростки, утопая в зелени садов, а за ними изумительная пойма Катунь, с ее многочисленными островами и зеркальными излучинами проток. На самом горизонте – лес и неоглядные цепи голубых гор, и над всем этим великолепием – высокое небо с гуртами облаков, тени которых медленно плывут по земле. «Я люблю это место. Для меня здесь пуп земли!» – говорил В. Шукшин. «Так вот почему село называется Сростки, – думается мне. – Здесь срослись притоки Катунь, равнина и горы. Здесь срастаются человеческие судьбы, сходятся пути-дороги. Быть может, на Пикете родились у Василия Макаровича проникновенные строки о его малой Родине: «И прекрасна же моя Родина – Алтай: как бываю там, так, вроде, поднимаюсь несколько к небесам. Горы, горы, а простор такой, что душу ломит. Какая-то редкая

первозданная красота. Описывать ее бесполезно, ею и надышаться- то нельзя: все мало, все смотрел бы и дышал бы этим простором...»

Мне не однажды приходилось слышать, что Пикет люди называют горой очищения. Вот и поэт Владимир Балачан замечательно написал:

Гора Пикет – еще одна ступень
К вершине человеческого духа.

И как понятен теперь патриотизм Шукшина. Родившись здесь, он не мог не заболеть темой Степана Разина. Оглядываю с Пикета округу и думаю, что не могла эта благословенная земля не родить певца своего, человека, жившего по высокому кодексу Совести и призывавшего людей быть чуточку добрее.

На празднике души

Мы занимаем место поближе к сцене, расстилаем пленку, раскрываем зонты. Говорят, в этот день каждый год бывает дождь. С утра небо чистое, солнце, но набежит туча и прольет слезы по Шукшину. Со сцены, сколоченной из бревен, смотрят с портрета грустные глаза Василия Макаровича, а рядом неизменная гроздь красной калины.

Дождь.
Потемневшие подмостки.
Портрет огромный Шукшина.
Внизу –
Как на ладони – Сростки.
А на Пикете – вся страна.
Печаль и гордость
Изрекают
Такие разные уста,
С калины рдеющей
Стекают
Все чаще капли
Вглубь пласта...

Все, как в этих замечательных стихах Г. Рябченко.

А народ все стекается. Наша пленка приютила еще несколько человек, а зонт укрывает телеоператора. И вот так, плечом к плечу рассаживаются, жмутся друг к другу люди. И удивительное дело: мы вообще очень закрытая семья: не любим шумных застолий, больших компаний, всегда и везде втроем. Но здесь при огромном стечении народа чувствуем себя комфортно и легко. Быть может, потому, что Пикет собрал

М. Евдокимов, 2003 г.

людей, объединенных одной большой любовью к Шукшину, а это и есть единение родственных душ.

Бурей оваций зрители встречают гостей. Справа на сцене разместились директора музеев-заповедников России: из Тархан, Константиново, Вешенского, Москвы, Санкт-Петербурга.

Слева рассаживаются на скамейки и поднимают зонты звезды кино, писатели и поэты. С трудом пробивается к сцене из объятий многочисленных поклонников А. Булдаков. Специальной премии им. В.М. Шукшина за успехи в киноискусстве удостоены: Л. Лузина, А. Булдаков, М. Евдокимов. Произносятся речи, звучат песни, читаются стихи. Под проливным дождем и при раскатах грома песню о матери исполнил М. Евдокимов. С юмором и большой любовью к собравшимся выступает А. Булдаков. Его слова: «Я вот тут недавно запел...» – утонули в буре оваций. «Когда простым и нежным взором...» – звучит его бархатный голос и смешивается с пением многотысячной толпы. Актеров на сцене сменяют поэты. Эмоционально и артистично выступает дипломант конкурса «Верую в Россию» бард из города Бердска Александр Сошин. Он подарил нам ряд своих стихотворений, в одном из которых хорошие строки:

Шли нелегкою дорогой и судьба и доля,
А ушли из жизни вместе и талант, и воля.
И не каждому дано, часто говорится,
Умерев однажды, вдруг, заново родиться!

На празднике этом и печаль, и радость вместе. В заключение торжества многочисленные зрители и гости вместе поют любимые песни

Кадр из фильма «Печки-лавочки». Гора Пикет

В. Шукшина. «Миленький ты мой...» – слышится отовсюду. Как волнует и щемит напев этот душу!

Праздник подошел к концу, но народ все не расходится. Бродим по Пикету, знакомимся с актером Владиславом Галкиным (помните, Сашок в сериале «Дальнобойщики»). «Удачи, радости и процветания» – пишет нам Владислав на книге Шукшина. Знакомлю его с братьями Шукшина, фотографируемся.

С «Банькой по-черному» спешу к Валерию Золотухину. «Соседка!» – узнает он и теперь уже на своей книге пишет: «Ольга! Храни Вас Бог! 22.07.01»

Присаживаемся напоследок на уже просохшую травку, там, где снимались последние кадры картины «Печки-лавочки».

Он был здесь только что. Окурок

В сырой траве еще дымит, –

проносятся в мыслях строки поэта В. Баянова о Шукшине. Прямо у ног замечаем клубнику. Надо же, сколько народу здесь прошагало, а она целехонька!

Удивительно, как из таких, казалось бы, маленьких радостей возникает ощущение полного счастья! А в мыслях у каждого мечта вернуться сюда еще раз. «Ради этого стоит жить», – думается мне.

«Похороните меня по-русски...»

Спускаясь с Пикета, успеваем заглянуть на могилу матери Шукшина. С грустью думаем, что похоронены они с сыном порознь. Я не набожна, но что-то подсказывает: не успокоится его душа, пока не перенесут его могилу с холодного Новодевичьего кладбища на Родину, домой, к подножию горы Пикет, где Шукшин, по сути, завещал быть похороненным. В одном из писем сестре есть строки: «Я хочу, чтоб меня... похоронили на нашей горе. И чтоб вид оттуда открывался широкий и красивый... Я хочу, чтобы меня похоронили... по-русски, с отпеваниями и причитаниями...» – «И тогда, – думается мне, – встречать нас здесь будет В.М. Шукшин, и не придется ему приходить к самому себе в гости».

Что с нами происходит?

С грустью и надеждой на возвращение мчимся домой. В багажнике – ведро грибов-лисичек, что на каждом километре продаются на Чуйском тракте.

По приезде домой захотелось пересмотреть фильмы Шукшина. Увы, в пунктах проката видеокассет есть лишь «Калина красная». Пытаюсь сделать заказ, перечисляю его фильмы, а молоденькие продавщицы смотрят с изумлением: «Экое ископаемое!» – и в глазах недоумение: «А вообще, это кто такой?»

Увы, другие времена, другие нравы! А из души рвется вопрос, что задавал сам Шукшин: «Люди, что же с нами происходит?»

Шукшинские чтения, 2003 г.

ЛИТЕРАТУРА

Шукшин В.М. Рассказы // Роман-газета. – М.: Художественная литература. – 1975. – № 17 (783).

Шукшин В.М. Рассказы. Киноповесть. Повесть для театра. Сказки. Статьи. Рабочие записи. – Екатеринбург: У-Фактория, 1999.

Шукшин В.М. Я пришел дать вам волю. – М.: Дружба народов, 1999.

Шукшин В.М. Надеюсь и верую: Рассказы, киноповесть. Письма. Воспоминания. – М.: Воскресенье, 1999.

Заболоцкий А. Шукшин в жизни и на экране // Роман-газета. – М.: Художественная литература. – 1999. – № 10 (1352).

Каплина В., Брюхов В. С высоты шукшинского Пикета. – Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1999.

К Василию Макаровичу Шукшину. Стихи, интервью, очерки, письма. – Авторский альманах Август. – Барнаул. – 1994. – № 3 (9).

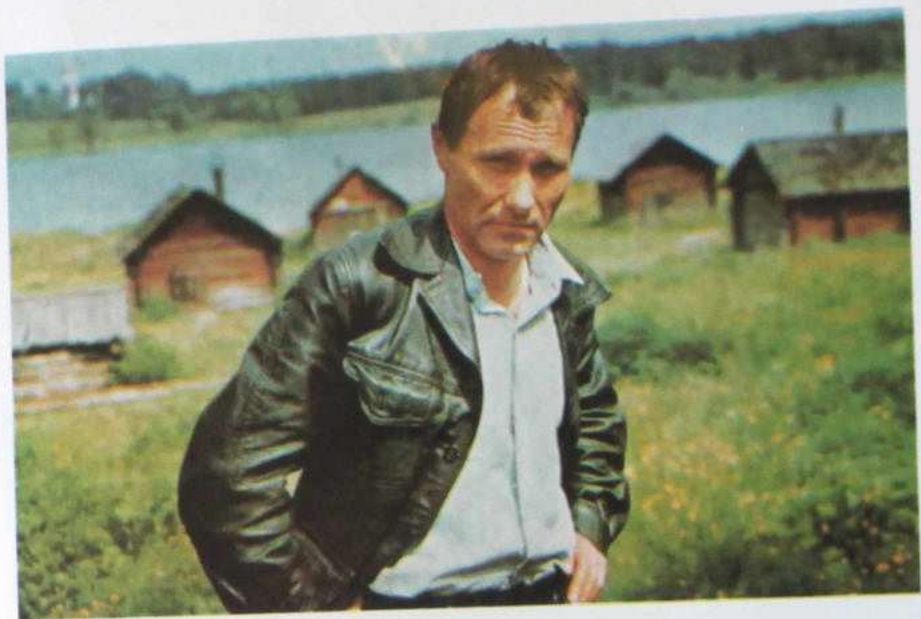
Одноволова А. Такого кино не было уже 30 лет // Алтайская правда. – 2003. – 29 июля.

Польщикова О. На вершине // Алтайская правда. – 2003. – 30 июля.

Попова Т. Два дня на малой родине // Моя земля. – 2001. – 19 июля.

Сычев А.В. Праздник души. – Новосибирск: Петровская академия наук и искусств, 1997.

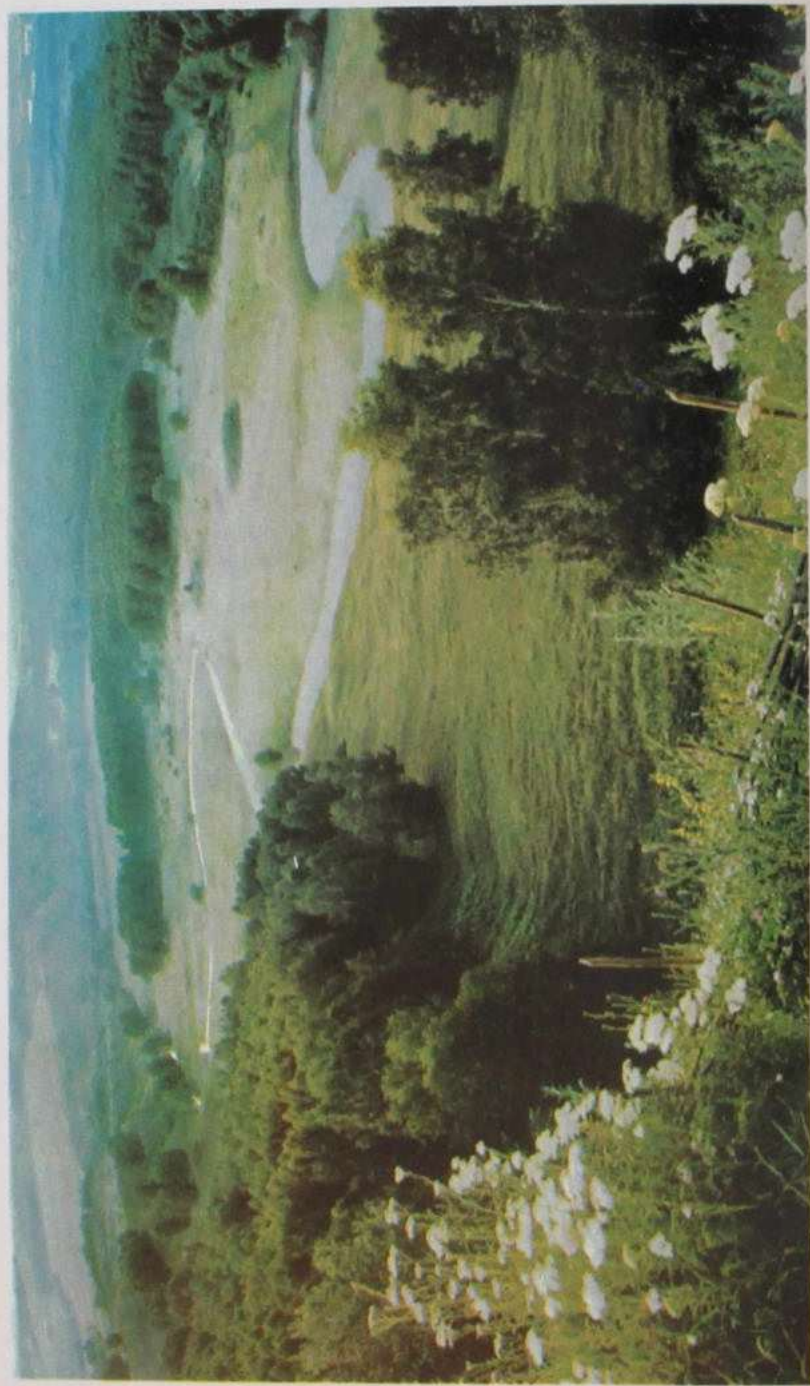
Явецкий П. Калины гроздь. Поэма. – Бийск: Бийский котельщик, 1994.

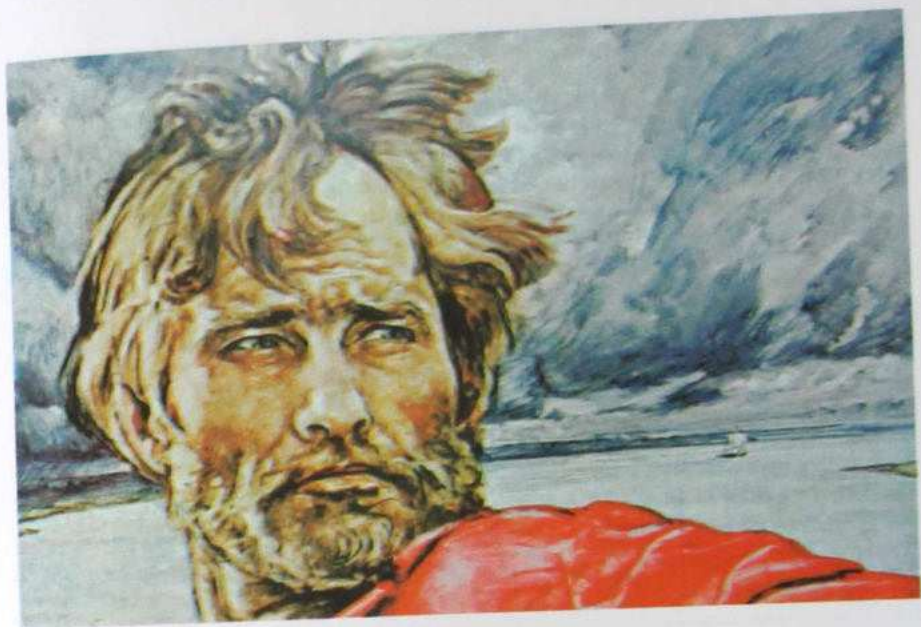
В.М. Шукшин, 1970-е гг.

Музей В.М. Шукшина, 2001 г.

Вид на окрестности с. Сростки с горы Пикет

Г. Захаров.
В.М. Шукшин в гриме Степана Разина

Шукшинские чтения, 2001 г.

Шукшинские чтения, 2005 г.

С братьями Шукшина: А. Кибяковым, В. Кибяковым
и актером В. Галкиным

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю	3
Анисимов С.М.	7
Что забыть мне и что сберечь... ..	8
Бокеев О.	27
Конспект по книге под названием «Жизнь»	28
Гребенщиков Г.Д.	39
В скитаньях дальних сердцем не остынь... ..	40
Я к Родине сердцем привязан	90
Остался след души твоей парящей... ..	99
Добро пожаловать в Чураевку	104
Иванов А.С.	111
В душе у каждого есть Родина своя... ..	112
Кайсенов К.	121
«Как Вам живется, Касым-ага?»	122
Лухтанов А.Г.	129
Года идут, пылит моя дорога... ..	130
Новоселов А.Е.	139
Он громко славил жизнь и торопился жить... ..	140
Пермитин Е.Н.	159
Коренной, «матерый», истовый сибиряк	160
Порой бывал твой путь тернист... ..	183
Ефим Пермитин – «душа распахнута для всех...»	193
Силы страсти вычерпать до дна	200
«По страницам старого журнала»	206
Письмо-воспоминанье – письмо-прощанье... ..	220
Усть-Каменогорск на страницах «Летописи» Ефима Пермитина	222

Черных С.Е.	229
За строкой автографа	230
Чистяков М.И.	243
Мне все давалось очень трудно: любовь, поэзия, война	244
Я вычерпать должен себя	263
Щербаков Б.В.	267
Орнитология – наука аристократов	268
Шукшин В.М.	281
В Сорстки, в гости к Шукшину	282

Ольга Михайловна Тарлыкова

А ЗА СТРОКОЙ МНЕ ВИДИТСЯ СУДЬБА...

Ответственный за выпуск *Х.Ж. Рахметуллин*

Редактор *Т.И. Новоселова*

Дизайн, верстка *Ю.Б. Ершова*

Подписано в печать 29.09.2006.	Формат 60х84/16	Усл.-печ. л. 23,2
Уч.-изд. л. 24,0	Тираж 500 экз.	Заказ 465
		Цена договорная

Издательство «Медиа-Альянс»

070005, г. Усть-Каменогорск, пр. Абая, 181/3

Отпечатано в типографии ТОО «Медиа-Альянс»